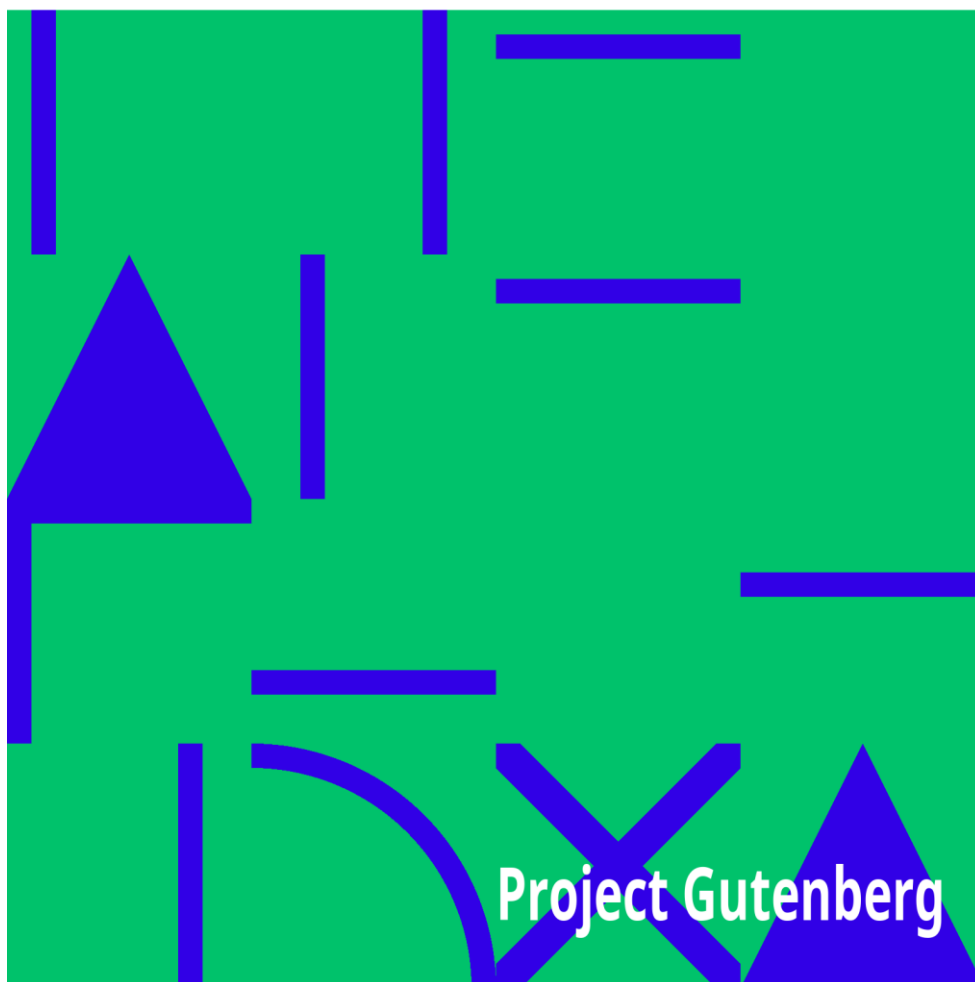

Эпоха рыцарства

Томас Булфинч

The Age of Chivalry

Thomas Bulfinch

The Project Gutenberg eBook of The Age of Chivalry.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Age of Chivalry

Автор: Томас Булфинч

Дата выхода: 1 января 2004 [eBook #4926]

Последнее обновление: 28 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Авторские права: Роберт Роу, Чарльз Фрэнкс и группа онлайн-распределенной корректуры

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE AGE OF CHIVALRY ***

Роберт Роу, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-распределенной корректуры.

МИФОЛОГИЯ БУЛФИНЧА

ВЕК БАСНИ

РЫЦАРСКИЙ ВЕК

ЛЕГЕНДЫ О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

ТОМАС БУЛФИНЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ

[Примечание редактора: электронный текст содержит только "Век рыцарства"].

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Ни одно новое издание классического труда Булфинча не может считаться полным без упоминания американского ученого, чьей широкой эрудиции и кропотливой заботе он стоит как вечный памятник. "Эпоха басни" встала в один ряд с такими старыми книгами, как "Прогресс Пилигрима", "Путешествия Гулливера", "Арабские ночи", "Робинзон Крузо" и пятью или шестью другими произведениями с мировым именем, как произведение, с которым каждый человек должен быть знаком, прежде чем его образование можно будет назвать действительно полным. Многие читатели настоящего издания наверняка помнят, как соприкасались с этим произведением в детстве, и, несомненно, при новом прочтении откроют для себя источник многочисленных крупиц знаний, которые хранятся в их памяти с тех ранних лет. Однако для большинства из этого большого круга читателей и студентов имя Булфинча само по себе не имеет никакого значения.

Томас Булфинч был уроженцем Бостона, штат Массачусетс, где он родился в 1796 году. Его детство прошло в этом городе, и он готовился к поступлению в колледж в бостонских школах. Он завершил свое образование в Гарвардском колледже, а после получения диплома некоторое время работал учителем в своем родном городе. Позже он долгое время работал бухгалтером в Бостонском торговом банке. Свободное время он использовал для продолжения классических исследований, начатых им в Гарварде, а главным удовольствием в жизни стало изложение результатов своего чтения в простой, сжатой форме для молодых или занятых читателей. План, которого он придерживался в этой работе, чтобы придать ей максимально возможную полезность, изложен в авторском предисловии.

"Век басни", первое издание, 1855; "Век рыцарства", 1858;
"Мальчик-изобретатель", 1860; "Легенды о Карле Великом, или Романтика Средневековья", 1863; "Поэзия эпохи басни", 1863;
"Орегон и Эльдorado, или Романтика рек", 1860.

В это полное издание его мифологических и легендарных преданий включены "Век басни", "Век рыцарства" и "Легенды о Карле Великом". Булфинч тщательно следовал своему оригинальному тексту, но следует обратить внимание на некоторые дополнительные разделы, которые были вставлены, чтобы придать работе округлую полноту, и которые, по мнению издателей, получили бы одобрение самого автора, поскольку ни в коем случае не нарушают его первоначальный план, а просто выполняют его в более полных деталях. Раздел "Северная мифология" пополнился пересказом эпоса "Нибелунгов", а также кратким изложением вагнеровской версии легенды в серии музыкальных драм. Под заголовком "Героические мифы британской расы" были включены наброски историй Беовульфа, Кухулина, Герварда Пробужденного и Робин Гуда. Из стихотворных отрывков, встречающихся в тексте, добавлено тридцать или более стихотворных отрывков из литературы, появившейся со времен Булфинча, которые он наверняка бы процитировал, если бы лично руководил работой над новым изданием.

Наконец, был тщательно переработан и, по сути, переделан указатель. В него внесены все имена собственные, со ссылками на страницы, где они встречаются, и дано краткое объяснение или определение каждого из них. Таким образом, то, что в оригинале было простым списком имен, превратилось в небольшой классический и мифологический словарь, который, как мы надеемся, окажется полезным для справочных целей, не обязательно связанных с "Эпохой басни".

Мы благодарим доктора Оливера Геккеля за информацию о том, как Вагнер переложил легенду о Нибелунгах, а также за авторитетный том М. И. Эббута "Мифы и легенды британской расы", из которого была почерпнута значительная часть информации о британских героях.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Если никакое другое знание не заслуживает названия полезного, кроме того, которое помогает увеличить наши владения или поднять наше положение в обществе, то мифология не имеет права на это название. Но если то, что стремится сделать нас счастливее и лучше, можно назвать полезным, то мы претендуем на этот эпитет для нашего предмета. Ведь мифология - служанка литературы, а литература - один из лучших союзников добродетели и помощников счастья.

Без знания мифологии невозможно понять и оценить большую часть изящной литературы нашего языка. Когда Байрон называет Рим "Ниобеей народов" или говорит о Венеции: "Она похожа на морскую кибелу, только что вышедшую из океана", он вызывает в памяти человека, знакомого с нашей темой, иллюстрации, более яркие и поразительные, чем мог бы создать карандаш, но которые теряются для читателя, не знающего мифологии. Мильтон изобилует подобными аллюзиями. В короткой поэме "Комус" их более тридцати, а в оде "На утро Рождества" - вдвое меньше. В "Потерянном рае" они разбросаны обильно. Это одна из причин, по которой мы часто слышим, как люди отнюдь не безграмотные говорят, что они не могут наслаждаться Мильтоном. Но если бы эти люди добавили к своим более солидным знаниям легкое изучение этого небольшого тома, большая часть поэзии Мильтона, которая казалась им "грубой и корявой", оказалась бы "музыкальной, как лютня Аполлона". Наши цитаты, взятые из более чем двадцати пяти поэтов, от Спенсера до Лонгфелло, покажут, насколько распространенной была практика заимствования иллюстраций из мифологии.

Прозаики также пользуются тем же источником элегантных и наводящих на размышления иллюстраций. Вряд ли можно взять в руки номер "Эдинбургского" или "Квартального обозрения" и не встретить примеров. В статье Маколея о Мильтоне их двадцать.

Но как преподавать мифологию тому, кто не изучает ее на языках Греции и Рима? В наш век практичности от широкого читателя не стоит ожидать, что он посвятит себя изучению того, что относится исключительно к ложным чудесам и устаревшим верованиям. Время даже молодых людей занято столькими науками о фактах и вещах, что на трактаты о науке, состоящей из одних лишь фантазий, его почти не остается.

Но разве нельзя получить необходимые знания о предмете, читая древних поэтов в переводах? Мы отвечаем, что эта область слишком обширна для подготовительного курса; и эти самые переводы требуют некоторого предварительного знания предмета, чтобы сделать их понятными. Пусть тот, кто сомневается в этом, прочтет первую страницу "Энеиды" и посмотрит, что он сможет понять о "ненависти Юноны", "постановлении Парки", "суде Париса" и "почестях Ганимеда" без этих знаний.

Скажем ли мы, что ответы на подобные вопросы можно найти в примечаниях или в классическом словаре? Мы ответим, что прерывание чтения любым из этих способов настолько раздражает, что большинство читателей предпочитают оставить аллюзию незамеченной, нежели смириться с ней. Кроме того, такие источники дают нам только сухие факты без какого-либо очарования оригинального повествования; а что такое поэтический миф, лишенный своей поэзии? История о Цейксе и Халкионе, которая занимает целую главу в нашей книге, занимает всего восемь строк в лучшем классическом словаре (Смита); то же самое можно сказать и о других.

Наша работа - попытка решить эту проблему, рассказав мифологические истории таким образом, чтобы они стали источником развлечения. Мы постарались рассказать их правильно, в соответствии с древними авторитетами, чтобы читатель, встретив упоминание о них, не был в растерянности. Таким образом, мы надеемся преподать мифологию не как предмет изучения, а как отдых от учебы; придать нашей работе очарование сборника рассказов, но при этом передать с ее помощью знания о важной отрасли образования. Указатель в конце книги позволит приспособить ее к справочным целям и превратить в классический словарь для гостиной.

Большинство классических легенд в "Истории богов и героев" взяты из Овидия и Вергилия. Они не переведены буквально, поскольку, по мнению автора, поэзия, переведенная в буквальную прозу, - очень непривлекательное чтение. Не написаны они и в стихах, как по

другим причинам, так и из убеждения, что достоверно перевести их при всех стеснениях рифмы и меры невозможно. Была сделана попытка пересказать истории в прозе, сохранив ту часть поэзии, которая живет в мыслях и отделима от самого языка, и опустив те усиления, которые не подходят для измененной формы.

Северные мифологические истории скопированы с некоторыми сокращениями из "Северных древностей" Маллета. Эти главы, а также главы, посвященные восточной и египетской мифологии, показались необходимыми для завершения темы, хотя, как полагают, эти темы обычно не представлялись в одном томе с классическими баснями.

Предполагается, что поэтические цитаты, столь свободно вводимые в книгу, будут отвечать нескольким ценным целям. Они помогут закрепить в памяти главный факт каждой истории, помогут добиться правильного произношения имен собственных и обогатят память многими жемчужинами поэзии, некоторые из которых чаще всего цитируются или упоминаются в чтении и разговорах.

Выбрав для нашей области мифологию, как связанную с литературой, мы постарались не упустить ничего, что могло бы пригодиться читателю изящной словесности. Не приводятся такие истории и части историй, которые оскорбляют чистый вкус и добрые нравы. Но такие истории не часто упоминаются, а если и встречаются, то английский читатель не должен испытывать чувство вины, признаваясь в своем незнании.

Наша работа предназначена не для эрудитов, не для богословов и не для философов, а для читателей английской литературы любого пола, которые хотят понять аллюзии, столь часто встречающиеся у ораторов, лекторов, эссеистов и поэтов, а также те, которые встречаются в вежливой беседе.

В "Историях о богах и героях" составитель постарался передать английскому читателю удовольствие от классического образования, представив истории языческой мифологии в форме, адаптированной к современному вкусу. В "Короле Артуре и его рыцарях" и "Мабиногоне" была сделана попытка таким же образом обработать истории второго "века басни", века, который стал свидетелем рассвета нескольких государств современной Европы.

Думается, что такое изложение литературы, которая на протяжении многих веков непревзойденно властвовала над воображением наших предков, будет полезно читателю, помимо развлечения, которое он может получить. Сказки, хотя им и нельзя доверять в плане фактов, заслуживают всяческого доверия как картины нравов; и все чаще можно услышать, что нравы и образ мышления эпохи - более важная часть ее истории, чем конфликты народов, обычно не приводящие ни к каким результатам. Кроме того, романтическая литература - это сокровищница поэтического материала, к которому часто прибегают современные поэты. Примером тому служат итальянские поэты Данте и Ариосто, английские - Спенсер, Скотт и Теннисон, а также наши Лонгфелло и Лоуэлл.

Эти легенды так связаны друг с другом, так последовательно адаптированы к группе персонажей, ярко индивидуализированных в Артуре, Лаунселоте и их товарищах, и так освещены огнем воображения и выдумки, что кажутся столь же хорошо приспособленными к целям поэта, как и легенды греческой и римской мифологии. И если каждый образованный молодой человек должен знать историю о Золотом руне, то почему поиски Сангреалья менее достойны его знакомства? Или если ссылка на щит Ахилла не должна остаться незамеченной, то почему она должна относиться к Экскалибару, знаменитому мечу Артура?

"Об Артуре, который, к верхнему свету возвращенный,
С этим ужасным мечом,
Который он все еще держит для будущей войны,
Поднимет славу своей страны выше полярной звезды".

[Сноска: Вордсворт].

Дополнительной рекомендацией нашей темы является то, что она стремится лелеять в нашем сознании мысль об источнике, из которого мы произошли. Мы имеем полное право на свою долю в славе и воспоминаниях о земле наших предков, вплоть до времени колонизации. Ассоциации, проистекающие из этого источника, должны быть плодотворными и оказывать благотворное влияние; среди них не последнее место занимает то удовольствие, которое такие ассоциации доставляют американскому путешественнику, когда он посещает Англию и ступает на одну из ее знаменитых достопримечательностей.

Легенды о Карле Великом и его сверстниках необходимы для завершения темы.

В эпоху, когда интеллектуальная тьма окутала Западную Европу, в Италии возникло созвездие блестящих писателей. Из них Пульчи (родился в 1432 году), Боярдо (1434) и Ариосто (1474) взяли за основу романтические басни, которые на протяжении многих веков передавались в сказаниях бардов и легендах монашеских летописцев. Эти басни они расположили по порядку, украсили прикрасами фантазии, усилили собственным изобретением и наложили печать бессмертия. Можно с уверенностью утверждать, что до тех пор, пока существует цивилизация, эти произведения сохраняют свое место среди самых заветных творений человеческого гения.

В "Историях о богах и героях", "Короле Артуре и его рыцарях" и "Мабиногеоне" целью было предоставить современному читателю такие знания о баснях классической и средневековой литературы, которые необходимы, чтобы сделать понятными аллюзии, встречающиеся в чтении и разговоре. Легенды о Карле Великом призваны выполнить ту же задачу. Как и предыдущие части произведения, она претендует на более высокий характер, чем простое развлечение. Она претендует на то, чтобы быть полезной, знакомя читателей с сюжетами произведений великих поэтов Италии. Некоторым знанием этих произведений должен обладать каждый образованный молодой человек.

Читая эти романы, мы не можем не заметить, как примитивные изобретения используются снова и снова сменяющимися друг друга поколениями баснописцев. Сирена из "Улисса" - прототип сирены из "Орландо", а персонаж Цирцеи вновь появляется в "Альцине". Фонтаны Любви и Ненависти можно проследить в истории о Купидоне и Психее; аналогичные эффекты, производимые волшебным сквозняком, появляются в сказке о Тристраме и Исуде, и, заменяя цветок на сквозняк, в "Сне в летнюю ночь" Шекспира. Существует множество других подобных примеров, которые читатель узнает и без нашей помощи.

Источниками, из которых мы черпаем эти истории, являются, во-первых, итальянские поэты, упомянутые выше; во-вторых, "Кавалерские романы" графа де Трессана; наконец, некоторые немецкие сборники народных сказок. Некоторые главы заимствованы из "Переводов из итальянских поэтов" Ли Ханта. Мне показалось излишним повторять то, что он уже сделал так хорошо; но, с другой стороны, эти рассказы нельзя было опустить из серии, не оставив ее неполной.

ТОМАС БУЛЬФИНЧ.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЬ АРТУР И ЕГО РЫЦАРИ

- I. Введение
- II. Мифическая история Англии
- III. Мерлин
- IV. Артур
- V. Артур (продолжение)
- VI. Сэр Гавейн
- VII. Карадок Брифбрас; или Карадок с отрубленной рукой
- VIII. Озерный Ланселот
- IX. Приключение с телегой
- X. Леди Шалотт
- XI. Гибель королевы Геневеры
- XII. Тристрам и Исуда
- XIII. Тристрам и Изоуда (продолжение)
- XIV. Поединок сэра Тристрама с сэром Лаунселотом
- XV. Круглый стол
- XVI. Сэр Паламед
- XVII. Сэр Тристрам
- XVIII. Персеваль
- XIX. Сангреаль, или Святой Грааль
- XX. Сангреаль (продолжение)
- XXI. Сангреал (продолжение)
- XXII. Измена сэра Агривейна
- XXIII. Мorte д'Артур

МАБИНОГЕОН

- Вступительная заметка
- I. Бритты
- II. Дама у фонтана
- III. Леди у фонтана (продолжение)
- IV. Дама у фонтана (продолжение)
- V. Герайнт, сын Эрбина
- VI. Герайнт, сын Эрбина (продолжение)
- VII. Герайнт, сын Эрбина (продолжение)
- VIII. Пвилл, принц из Диведа
- IX. Бранвен, дочь Ллира
- X. Манавыддан
- XI. Килвич и Олвен
- XII. Килвич и Олвен (продолжение)
- XIII. Талиесин

Беовульф
Кухулен, чемпион Ирландии
Херевард Пробужденный
Робин Гуд

ГЛОССАРИЙ

КОРОЛЬ АРТУР И ЕГО РЫЦАРИ

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

После упадка Римской империи, примерно через пять веков после Рождества Христова, страны Северной Европы оказались почти лишены национального правительства. Многочисленные вожди, более или менее могущественные, властвовали на местах, насколько каждый из них мог обеспечить свое господство, и иногда эти вожди объединялись для достижения общей цели; но в обычное время их гораздо чаще можно было встретить во вражде друг с другом. При таком положении вещей права низших слоев общества находились во власти любого нападающего; и очевидно, что без какого-либо сдерживания незаконной власти вождей общество должно было скатиться к варварству. Такие сдерживающие факторы были найдены, во-первых, в соперничестве самих вождей, чья взаимная ревность заставляла их сдерживать друг друга; во-вторых, во влиянии церкви, которая по любому мотиву, чистому или корыстному, была обязана встать на защиту слабых; и, наконец, в великодушии и чувстве права, которые, как бы ни были подавлены под тяжестью страстей и эгоизма, естественно живут в сердце человека. Из этого последнего источника и возникло рыцарство, представляющее собой идеал героического характера, сочетающий в себе непобедимую силу и доблесть, справедливость, скромность, преданность начальству, вежливость по отношению к равным, сострадание к слабостям и преданность Церкви; идеал, который если и не встречался в реальной жизни, то признавался всеми как высший образец для подражания.

Слово "рыцарство" происходит от французского "cheval" - лошадь. Слово "рыцарь", первоначально означавшее мальчика или слугу, стало особенно часто применяться к молодому человеку после того, как он получил привилегию носить оружие. Эта привилегия предоставлялась только молодым людям из семьи и состояния, поскольку основная масса народа не имела оружия. Тогда рыцарь был конным воином, человеком высокого ранга или находившимся на службе и содержании у какого-либо высокопоставленного лица, как правило, обладавшим некоторыми независимыми средствами к существованию, но часто полагавшимся в основном на благодарность тех, кому он служил, для обеспечения своих нужд, и нередко, без сомнения, прибегавшим к средствам, которые власть давала ее обладателю.

Во время войны рыцарь вместе со своими последователями находился в лагере своего государя, или командовал в поле, или удерживал для него какой-нибудь замок. В мирное время он часто присутствовал при дворе своего государя, украшая своим присутствием банкеты и турниры, которыми принцы развлекали свой досуг. Или же он путешествовал по стране в поисках приключений, стремясь исправить обиды и добиться соблюдения прав, иногда исполняя какой-нибудь религиозный или любовный обет. Этих странствующих

рыцарей называли рыцарями-отступниками; они были желанными гостями в дворянских замках, поскольку их присутствие оживляло скуку этих уединенных обитателей, и их с почетом принимали в аббатствах, которые часто были обязаны большей частью своих доходов покровительству рыцарей; но если поблизости не было ни замка, ни аббатства, ни скита, их выносливые привычки не позволяли им без ужина лечь у подножия какого-нибудь придорожного креста и провести ночь.

Очевидно, что правосудие, осуществляемое с помощью такого инструментария, должно было быть самым грубым. Сила, чьей законной целью было возмещение ущерба, легко могла быть извращена для его нанесения. Соответственно, мы находим в романах, которые, хотя и сказочные в фактах, правдивы как картины нравов, что рыцарский замок часто был ужасом для окружающих; То есть темницы были полны угнетенных рыцарей и дам, ожидающих появления какого-нибудь защитника, который освободит их или выкупит за деньги; что толпы праздных прислужников всегда были под рукой, чтобы исполнять приказы своего господина, невзирая на закон и справедливость; и что права безоружной толпы не имели никакого значения. Это несоответствие фактов и теории в отношении рыцарства объясняет противоположные впечатления, которые существуют в умах людей о нем. В то время как с одной стороны оно было предметом самых пылких восхвалений, с другой - столь же яростно осуждалось. Если оценивать ситуацию здраво, то можно с удовлетворением отметить, что в наше время она уступила место господству закона, а гражданский судья, пусть и менее живописный, занял место почтового чемпиона.

ВОСПИТАНИЕ РЫЦАРЯ

Подготовительное обучение кандидатов в рыцари было долгим и трудным. В семь лет благородных детей обычно увозили из отцовского дома во двор или замок их будущего покровителя и отдавали под опеку гувернера, который обучал их первым основам религии, уважению и почтению к своим лордам и начальникам, а также посвящал в придворные церемонии. Их называли пажами, камердинерами или варлетами, и в их обязанности входило вырезать, ждать за столом и выполнять другие рутинные услуги, которые тогда не считались унижительными. В часы досуга они учились танцевать и играть на арфе, обучались таинствам леса и реки, то есть охоте, соколиной охоте и рыбной ловле, а также борьбе, опрокидыванию копий и другим военным упражнениям верхом на лошади. В четырнадцать лет паж становился эсквайром и начинал курс более суровых и трудоемких упражнений. Вскатываться на коня в тяжелых доспехах, бегать, преодолевать стены и рвы под тем же грузом, бороться, долгое время орудовать боевым топором, не поднимая козырька и не переводя дыхания, с грацией выполнять все упражнения всадника - все это было необходимым предварительным условием для получения рыцарства, которое обычно давалось в двадцать один год, когда образование юноши должно было быть завершено. Тем временем эсквайры не менее усердно занимались приобретением всех тех тонкостей вежливости, которые в ту эпоху назывались учтивостью. В том же замке, где они получали образование, обычно собирались молодые люди другого пола, и пажа с ранних лет побуждали выбрать какую-нибудь придворную даму в качестве хозяйки своего сердца, к которой его приучали обращаться со всеми своими чувствами, словами и поступками. Служение своей госпоже было славой и занятием рыцаря, а ее улыбки, даримые одновременно любовью и благодарностью, служили вознаграждением за хорошо направленную доблесть. Религия объединила свое влияние с преданностью и любовью, и рыцарский орден, наделенный всей святостью и религиозным благоговением, которые сопутствовали священству, стал объектом честолюбия величайших государей.

Церемонии посвящения были особенно торжественными. Претерпев суровый пост и проведя целые ночи в молитвах, кандидат исповедовался и принимал таинство. Затем он облачался в белоснежные одежды и направлялся в церковь или зал, где должна была проходить церемония, с подвешенным к шее рыцарским мечом, который священник брал и благословлял, а затем возвращал ему. Затем кандидат, сложив руки, становился на колени перед председательствующим рыцарем, который после нескольких вопросов о мотивах и целях его просьбы, приносил ему клятву и удовлетворял его просьбу. Некоторые из присутствующих рыцарей, иногда даже дамы и девицы, последовательно передавали ему шпоры, плащ, кольчугу, наручи и перчатки, а в завершение он надевал меч. Затем он снова становился на колени перед президентом, который, поднявшись со своего места, давал ему "акколаду", состоящую из трех ударов острием меча по плечу или шее кандидата, сопровождаемых словами: "Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия я делаю тебя рыцарем; будь доблестным, учтивым и верным!". Затем он получал свой шлем, щит и копье, и на этом инвентитура заканчивалась.

СВОБОДНЫЕ, ЗЛОДЕИ, КРЕПОСТНЫЕ И КЛЕРКИ

Среди других классов, из которых состояло общество, были, во-первых, свободные люди, владельцы небольших участков земли, независимые, хотя иногда они добровольно становились вассалами своих более богатых соседей, чья власть была необходима для их защиты. Два других класса, наиболее многочисленные, были либо крепостными, либо вилланами, причем и те, и другие были рабами.

Крепостные находились в самом низком состоянии рабства. Все плоды их труда принадлежали господину, чью землю они обрабатывали, и кто их кормил и одевал.

Виллийцы были менее деградированы. Их положение, по-видимому, напоминало положение русских крестьян в наши дни. Как и крепостные, они были привязаны к земле и передавались вместе с ней по выкупу; но они платили помещику только фиксированную ренту и имели право распоряжаться любым излишком, который мог возникнуть в результате их деятельности.

Термин "клерк" имел очень широкое значение. Изначально он охватывал только тех, кто принадлежал к духовенству или духовному сословию, среди которых, однако, можно было найти множество женатых людей, ремесленников и других. Но со временем было установлено гораздо более широкое правило: каждый, кто умел читать, считался клерком или клириком и пользовался "льготами духовенства", то есть освобождением от смертной казни и некоторых других видов наказания в случае совершения преступления.

ТУРНАМЕНТЫ

Пышное зрелище турнира между рыцарями, его роскошные аксессуары и атрибуты, а также рыцарские правила зародились во Франции. Турниры неоднократно осуждались церковью, вероятно, из-за ссор, к которым они приводили, и часто со смертельным исходом. Поединок "джуст", или "праведный", отличался от турнира. В них рыцари сражались на копьях, и их целью было обездолить противника; в то время как турниры предназначались для демонстрации мастерства и ловкости в упражнениях и с различным оружием, и в правилах соблюдалась большая вежливость. По ним запрещалось ранить коня, использовать острие меча или наносить удары рыцарю после того, как он поднял визор или расстегнул шлем. Дамы поощряли своих рыцарей в этих упражнениях; они вручали призы, а подвиги победителей становились темой романсов и песен. Трибуны, возвышавшиеся над площадкой, конечно же, были разнообразны: башни, террасы, галереи и сады на сваях,

великолепно украшенные гобеленами, павильонами и знаменами. Каждый боец провозглашал имя дамы, чьим слугой он является. Он имел обыкновение смотреть на трибуну и укреплять свое мужество видом ярких глаз, которые обрушивали на него свое влияние сверху. Рыцари также носили с собой "фаворы", состоявшие из платков, вуалей, рукавов, браслетов, застежек, - словом, какой-нибудь женский атрибут, - прикрепленный к их шлемам, щитам или доспехам. Если во время боя какой-либо из этих аксессуаров падал или терялся, прекрасная дарительница иногда посылала своему рыцарю новые, особенно если была довольна его усилиями.

ПОЧТОВЫЕ ДОСПЕХИ

Мейловый доспех, разновидностью которого является хауберк и который получил свое название от французского слова *maille*, означающего MESH, был двух видов: пластинчатый, или чешуйчатый, и цепной. Изначально она использовалась для защиты только тела, доходя не ниже колен. По форме она напоминала одежду извозчика, а вокруг талии подвязывалась поясом. Впоследствии к нему добавились перчатки и рукава, а также капюшон, который при необходимости натягивался на голову, оставляя открытым только лицо. Чтобы защитить кожу от отпечатков железной сети кольчуги, использовалась стеганая подкладка, которой, однако, было недостаточно, и для удаления следов доспехов использовалась ванна.

Хауберк представлял собой полное покрытие из двойной цепной почты. Некоторые хауберки открывались вперед, как современное пальто, другие закрывались, как рубашка.

Цепная почта, из которой они состояли, состояла из множества железных звеньев, каждое из которых было вставлено в другое, в результате чего получалась своеобразная сеть, в которой (по крайней мере, в некоторых случаях) ячейки были круглыми, а каждое звено отдельно скреплялось заклепками.

Такой хауберк защищал от самых сильных ударов меча, но острие копья могло пройти сквозь сетку или вогнать железо в плоть. Для защиты от этого носили толстый и хорошо набитый дублет, под который обычно добавляли железный нагрудник. Отсюда выражение "пробить и пластину, и почту", столь часто встречающееся у ранних поэтов.

Почтовые доспехи продолжали использоваться примерно до 1300 года, когда их постепенно вытеснили пластинчатые доспехи, или костюмы, состоящие из кусков или пластин цельного железа, приспособленных к различным частям тела.

Щиты обычно изготавливались из дерева, обтягивались кожей или другим подобным материалом. Чтобы хоть как-то обезопасить их от прорубания мечом, их окружали металлическим обручем.

ШЛЕМЫ

Шлем состоял из двух частей: наголовника, укрепленного внутри несколькими кругами железа, и визора, который, как следует из названия, представлял собой нечто вроде решетки для обзора, устроенной таким образом, что, скользя в пазах или поворачиваясь на шарнире, он мог подниматься или опускаться по желанию. Некоторые шлемы имели дополнительное усовершенствование под названием BEVER, от итальянского *bevere* - пить. ВЕНТАЙЛЬ, или "воздушный проход", - это другое название.

Чтобы защитить шлем от падения или удара, его привязывали несколькими шнурками к сетке хауберка; следовательно, когда рыцарь был повержен, необходимо было развязать эти шнурки, прежде чем его можно было предать смерти; хотя иногда это делалось путем

поднятия юбки хауберка и нанесения удара в живот. Орудием смерти служил небольшой кинжал, который носили на правом боку.

РОМАНСЫ

В те времена, когда не было книг, когда дворяне и князья сами не умели читать, история и традиции были монополизированы рассказчиками. Поколение за поколением они передавали по наследству чудесные сказания своих предшественников, которые затем пересказывали публике, дополняя их собственными, полученными от них сведениями. Анахронизмы стали, конечно, очень распространенными, а ошибки в географии, местности, нравах - не менее. Были придуманы поддельные генеалогии, в которых Артур и его рыцари, Карл Великий и его паладины объяснялись происхождением от Энея, Гектора или какого-нибудь другого троянского героя.

Что касается происхождения слова "романский", то оно связано с тем, что диалекты, образовавшиеся в Западной Европе в результате смешения латыни с родными языками, получили название *Langue Romaine*. Французский язык разделился на два диалекта. Их общей границей была река Луара. В провинциях, расположенных к югу от этой реки, утвердительное слово ДА выражалось словом *ос*; на севере оно называлось маслом (*oui*); поэтому Данте назвал южный язык *langue d'ос*, а северный - *langue d'oil*. Последний, который был занесен в Англию норманнами и является источником нынешнего французского языка, можно назвать французским романским; а первый - провансальским, или провансальским романским, поскольку на нем говорили жители Прованса и Лангедока, южных провинций Франции.

Вскоре эти диалекты стали отличаться совершенно противоположными чертами. Мягкий и усыпляющий климат, дух коммерции, поощряемый легким общением с другими морскими народами, приток богатства и более устоявшееся правительство, возможно, отшлифовали и смягчили дикцию провансальцев, чьи поэты под именем трубадуров были мастерами итальянцев, и особенно Петрарки. Их любимыми произведениями были сирвенты (сатирические пьесы), любовные песни и тенсоны, которые представляли собой своего рода диалог в стихах между двумя поэтами, задававшими друг другу вопросы о некоторых изысканных моментах любовной казуистики. Похоже, что провансальцы были настолько поглощены этими деликатными вопросами, что пренебрегали сочинением сказочных историй о приключениях и рыцарстве, которые они в значительной степени оставили поэтам северной части королевства, называемым труверами (*Trouveurs*).

В то время, когда рыцарство вызывало всеобщее восхищение и когда все его усилия были направлены против врагов религии, было естественно, что литература должна была получить тот же импульс, и что история и басни должны были быть переработаны, чтобы найти примеры мужества и благочестия, которые могли бы вызвать больше подражания. Артур и Карл Великий были двумя героями, выбранными для этой цели. Артур претендовал на звание храброго, хотя и не всегда удачливого воина; Он стойко противостоял оружию неверных, то есть саксов, и память о нем высоко ценилась его соотечественниками, бриттами, которые перенесли в Уэльс и родственную страну Арморику, или Бретань, воспоминания о его подвигах, которые их национальное тщеславие неощутимо преувеличивало, пока маленький принц Силуров (Южного Уэльса) не превратился в завоевателя Англии, Галлии и большей части Европы. Его генеалогия постепенно была доведена до воображаемого Брута и периода Троянской войны, и на валлийском, или армориканском, языке была составлена своего рода хроника, которая под помпезным названием "История королей Британии" была переведена на латынь Джеффри Монмутским примерно в 1150 году. Валлийские критики считают, что

материалом для этой работы послужила более древняя история, написанная святым Талианом, епископом Сент-Асафа, в седьмом веке.

Что касается Карла Великого, то, хотя его реальных заслуг было достаточно, чтобы обеспечить ему бессмертие, было невозможно, чтобы его Священные войны с сарацинами не стали излюбленной темой для вымысла. Поэтому баснословная история этих войн была написана, вероятно, ближе к концу XI века одним монахом, который, решив, что приукрасить свой труд именем современника добавит ему достоинства, смело приписал его Турпину, который был архиепископом Реймским около 773 года.

Эти сказочные хроники на некоторое время оказались заключенными в языки, доступные только местным жителям или специалистам. И Терпин, и Джеффри действительно могли быть прочитаны церковниками, единственными латинскими учеными того времени, а британский оригинал Джеффри мог бы способствовать удовлетворению валлийцев; но ни один из них не мог стать широко популярным, пока не был переведен на какой-либо язык общего и привычного употребления. Англосаксонский язык в то время использовался только завоеванным и поработленным народом; испанский и итальянский языки еще не сформировались; один только нормандский французский был распространен и понятен знати в большей части Европы, а значит, был подходящим средством для нового способа сочинения.

Этот язык был моден в Англии до Завоевания, а после него стал единственным языком, используемым при лондонском дворе. Поскольку различные завоевания норманнов и восторженная доблесть этого необычного народа приобщили умы людей к самым чудесным событиям, их поэты охотно ухватились за сказочные легенды об Артуре и Карле Великом, перевели их на язык того времени и вскоре создали множество подражаний. Приключения, приписываемые этим монархам и их выдающимся воинам, вместе с приключениями многих других традиционных или вымышленных героев, постепенно составили тот грозный свод чудесных историй, которые, исходя из диалекта, на котором были написаны самые древние из них, получили название "романсы".

МЕТРИЧЕСКИЕ РОМАНСЫ

Самая ранняя форма, в которой появляются романсы, - это грубый вид стиха. Предполагается, что в таком виде они пелись или читались на пирах принцев и рыцарей в их баронских залах. Следующий образец языка и стиля Роберта де Бове, жившего в 1257 году, взят из "Введения к роману о сэре Тристреме" сэра Вальтера Скотта:

"Ne voil pas emmi dire,
Ici diverse la matyere,
Entre ceus qui solent cunter,
E de le cunte Tristan parler".

"Я не буду говорить об этом слишком много,
настолько разнообразен этот вопрос,
Среди тех, кто имеет привычку рассказывать
И рассказывать историю Тристрана".

Это образец языка, который был в ходу среди знати Англии в эпоху сразу после нормандского завоевания. Ниже приведен образец английского языка, существовавшего в

то же время среди простого народа. Роберт де Брюнн, говоря о своих латинских и французских авторитетах, заявляет:

"Als thai haf wryten and sayd
Haf I alle in myn Inglis layd,
In symple speche as I couthe,
Который легче всего в мужских устах.
Все для любви отзывчивых людей,
That strange Inglis cannot ken."

Под "странным Инглисом" подразумевается язык предыдущего образца.

Только к концу тринадцатого века стали появляться романы в жанре ПРОЗЫ. Эти произведения обычно начинались с отречения и дискредитации источников, из которых в действительности они черпали свою единственную информацию. Поскольку предполагалось, что каждый роман - это реальная история, составители прозаических произведений лишились бы всякого доверия, если бы объявили себя простыми переписчиками менестрелей. Напротив, они обычно заявляют, что, поскольку популярные поэмы по данному вопросу содержат много "лессингов", их побудили перевести настоящую и правдивую историю такого-то или такого-то рыцаря с латинского или греческого оригинала или с древних британских или армориканских авторитетов, которые существовали только в их собственном утверждении.

Образец стиля прозаических романов можно найти в следующем отрывке из одного из самых знаменитых и последних, "Морте д'Артур" сэра Томаса Мэллори, датируемого 1485 годом. Из этого произведения была взята большая часть содержания данного тома, с таким тщательным соблюдением стиля оригинала, какое было сочтено совместимым с нашим планом адаптации нашего повествования к вкусу современных читателей.

"Во всем внюэрсальном мире небезызвестно, что было шесть достойных и лучших из когда-либо существовавших. Это три паяца, три еврея и три воина. Что касается платяных, то это были Воплотители Христа, которых звали: первый Гектор Троянский, второй Алисаундер Греческий и третий Джулиус Цезарь, император Рима, о которых хорошо знают и имеют истории. А что касается трех евреев, которые также были до рождения Господа нашего, то первый из них - Дюк Иосуэ, который привел детей Исраэля в длинный завет; второй - Дауд, царь Иерусалима, и третий - Иуда Махавей; об этих трех в книге рассказывается вся их благородная история и деяния. И в этом сказанном Воплощении были благородные вопиющие люди, остановленные и признанные во всем мире, под именем шести лучших и достойных, из которых первым был благородный Артур, чьи благородные деяния я намерен описать в этой книге о человеке, приведенной ниже. Вторым был Шарлемайн, или Карл Грейт, о котором рассказывают во многих местах как во Франции, так и в Англии, а третьим и последним был Годафрей из Болойна".

ГЛАВА II

МИФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Прославленный поэт Мильтон в своей "Истории Англии" - автор, которого мы в основном придерживаемся в этой главе.

Согласно самым ранним преданиям, Альбион, великан и сын Нептуна, современник Геракла, правил островом, которому дал свое имя. которому он дал свое имя. Предполагая противостоять продвижению Геракла в его западном походе, он был убит им.

По другой версии, у Гистиона, сына Иафета, сына Ноя, было четыре сына: Франкус, Романус, Алеманнус и Бритто, от которых произошли французский, римский, немецкий и британский народы.

Отвергая эти и другие подобные истории, Мильтон больше внимания уделяет рассказу о Бруте, троянце, который, по его словам, подкрепляется "давним происхождением, законами и подвигами, не похожими на заимствованные или придуманные, которые на общее мнение произвели не малое впечатление; защищаемые многими, полностью отрицаемые немногими". Главным авторитетом является Джеффри Монмутский, чья история, написанная в двенадцатом веке, якобы является переводом истории Британии, привезенной с противоположного берега Франции, которая под названием Бретань была в основном заселена выходцами из Британии, которые время от времени эмигрировали туда, изгнанные из своей страны нашествием пиктов и шотландцев. Согласно этой версии, Брут был сыном Сильвия, а тот - Аскания, сына Энея, о бегстве которого из Трои и поселении в Италии рассказывается в "Истории богов и героев".

В пятнадцатилетнем возрасте Брут, сопровождавший отца в погоне, к несчастью, убил его стрелой. Изгнанный за это своими сородичами, он искал убежища в той части Греции, где обосновался Геленус с группой троянских изгнанников. Но Геленус был уже мертв, а потомки троянцев притеснялись царем страны Пандрасом. Брут, принятый среди них благосклонно, так преуспел в добродетели и в оружии, что завоевал уважение всех знатных людей страны, превосходя всех других людей своего возраста. Вследствие этого троянцы стали не только надеяться, но и тайно уговаривать его указать им путь к свободе. Чтобы ободрить их, им обещал помочь Ассарак, знатный греческий юноша, чья мать была троянкой. Он пострадал от рук царя, и поэтому тем охотнее присоединился к троянским изгнанникам.

Выбрав удобный случай, Брут вместе со своими соотечественниками удалился в леса и холмы, как в самое безопасное место, откуда можно было бы вести дискуссию, и отправил Пандрасу такое послание: "Троянцы, считая недостойным своих предков служить на чужбине, удалились в леса, предпочтя жизнь дикарей рабской. Если это его не устраивает, то, с его разрешения, они уйдут в какую-нибудь другую страну". Пандрас, не ожидавший столь дерзкого послания от сыновей пленников, отправился в погоню за ними с теми силами, которые смог собрать, и встретил их на берегу Ахелуса, где Брут получил преимущество и взял царя в плен. В результате условия, которых требовали троянцы, были выполнены; царь отдал свою дочь Имогену в жены Бруту и предоставил корабль, деньги и провизию, чтобы все они могли покинуть эту землю.

Торжественно заключив брак и собрав со всех концов корабли, троянцы на флоте, насчитывавшем не менее трехсот двадцати парусов, вышли в море. На третий день они прибыли на некий остров, который нашли без жителей, хотя там были следы прежнего жилья, а среди развалин - храм Дианы. Брут, совершив здесь жертвоприношение у святилища богини, обратился к оракулу за советом, произнеся такие строки:

"Богиня теней и охотница, что по воле своей
Ходит по кругу и по глубине;
На третье царство твое, землю, взгляни сейчас и скажи.

Какую землю, какое место для отдыха ты велела мне искать;
Какое место, где я могу поклоняться тебе.
Навеки, с храмами обетными и девственными хорами".

Ему, спящему перед алтарем, Диана в видении ответила так:

"Брут! Далеко на западе, в океане широком,
за пределами Галлии, лежит земля,
На берегу моря, где издревле обитали великаны;
Теперь, пустота, она подходит твоему народу: туда направь
туда; там найдешь ты прочный приют;
Там сыновьям твоим восстанет другая Троя,
И родятся от тебя короли, чья грозная мощь
Покорять мир и завоевывать народы смело".

Брут, руководствуясь, как он думал, божественным указанием, взял курс на запад и, прибыв к Тирренскому морю, обнаружил там потомков некоторых троянцев, которые вместе с Антенором пришли в Италию, и главным из них был Кориней. Они присоединились к ним, и корабли продолжили свой путь до устья реки Луары во Франции, где экспедиция высадилась с целью поселения, но подверглась столь грубому нападению со стороны жителей, что снова вышла в море и прибыла к части побережья Британии, ныне называемой Девонширом, где Брут убедился, что нашел обещанный конец своего путешествия, высадил свою колонию и вступил во владение.

Остров, еще не Британия, а Альбион, был в некотором роде пустынным и негостеприимным, его занимали лишь остатки гигантской расы, чья чрезмерная сила и тирания уничтожили остальных. Троянцы столкнулись с ними и истребили их, особенно отличился своими подвигами против них Кориней, от которого Корнуолл получил свое название, так как эта область выпала на его долю, и там обитали самые огромные гиганты, скрывавшиеся в скалах и пещерах, пока Кориней не избавил от них землю.

Брут построил свою столицу и назвал ее Троянова (Новая Троя), со временем переименованная в Триновантус, ныне Лондон;

[Сноска:

"Ибо благородные бритты произошли от троянцев смелых,
И Тройновант был построен из пепла старой Трои холодной" SPENSER,

Книга III, Канто IX, 38].

и, управляя островом двадцать четыре года, умер, оставив трех сыновей: Локрина, Альбанакта и Камбера. Локрину досталась средняя часть, Камберу - западная, названная от него Камбрией, а Альбанакту - Албания, ныне Шотландия. Локрин был женат на Гуэндолен, дочери Корина, но, увидев прекрасную деву по имени Эстрильдис, привезенную в плен из Германии, он влюбился в нее и родил от нее дочь, которую звали Сабра. При жизни Кориней это дело держалось в тайне, но после его смерти Локрин развелся с Гуэндолен и сделал Эстрильдис своей королевой. Гендолин, охваченная гневом, уехала в Корнуолл, где жил ее сын Мадан, воспитанный Коринеем, своим дедом. Собрав армию из друзей и подданных своего отца, она дала бой войскам мужа, и Локрин был убит. По вине Гуэндолен ее

соперница Эстрильдис с дочерью Саброй была сброшена в реку, отчего река с тех пор носит девичье имя, которое с течением времени превратилось в Сабрину или Северн. Мильтон упоминает об этом в своем обращении к рекам.

"Северн стремительный, виновный в девичьей смерти".

а в "Комусе" эта история с небольшими изменениями изложена следующим образом:

"Недалеко отсюда живет нежная нимфа,
Которая влажными локонами колышет гладкий поток Северна;
Сабрина - имя ее, дева непорочная:
Когда-то она была дочерью Локрина,
Который получил скипетр от своего отца, Брута,
Она, безвинная девица, спасаясь от безумной погони
От разъяренной падчерицы своей, Гюндолен,
Отдала свою невинность потоку,
Который не давал ей покоя в ночи своим бурным течением.
Водяные нимфы, что играли на дне,
Подняли свои жемчужные запястья и взяли ее в руки,
И несли ее прямо в зал престарелого Нерея,
Который, умиленный ее бедами, поднял ее длинную голову,
И отдал ее своим дочерям, чтобы они купались
В нектарных лугах, усыпанных асфоделем,
И через крыльцо и входы каждого чувства
Опускали в амброзные масла, пока она не ожила,
И претерпела быструю, бессмертную перемену,
Стала богиней реки" и т. д.

Если наши читатели спросят, когда все это произошло, мы должны ответить, что, во-первых, мифология не очень внимательна к датам, а во-вторых, поскольку Брут был правнуком Энея, это должно быть не далее чем через столетие после Троянской войны или примерно за одиннадцатисот лет до вторжения на остров Юлия Цезаря. Этот долгий промежуток времени заполнен именами князей, главным занятием которых были войны друг с другом. Мы упомянем лишь некоторых из них, чьи имена остались связаны с местами или забальзамированы в литературе.

БЛАДУД

Бладуд построил город Бат и посвятил его целебные воды Минерве. Он был человеком большой изобретательности и занимался магией, пока, сделав себе крылья для полета, не упал на храм Аполлона в Тринованте и так умер после двадцати лет правления.

ЛЕЙР

Следующий царствовавший Лейр построил Лестер и назвал его в честь своего имени. У него не было потомства мужского пола, только три дочери. Когда он состарился, то решил разделить свое королевство между дочерьми и выдать их замуж. Но сначала, чтобы узнать, кто из них любит его больше, он решил торжественно спросить их по порядку и по их ответам судить о теплоте их привязанности. Гонериль, старшая, хорошо зная слабость отца, ответила, что любит его "превыше души своей". "Поскольку ты так чтишь мой преклонный возраст, - сказал старик, - тебе и твоему мужу я отдаю третью часть моего царства". Столь

удачный успех за несколько скороговоркой произнесенных слов был достаточным указанием для второй дочери Реганы, что ей говорить. Поэтому на тот же вопрос она ответила, что "любит его больше всего на свете", и получила равную с сестрой награду. Корделия же, самая младшая и до сих пор самая любимая, хотя и имела перед глазами награду в виде небольшого легкого успокоения и потерю, которая может последовать за простым общением, все же не отступила от твердой цели искреннего и добродетельного ответа и ответила "Отец, моя любовь к вам - это то, чего требует мой долг. Те, кто притворяется, льстят". Когда старик, огорченный этим и желая, чтобы она вспомнила эти слова, продолжал расспрашивать, она все же сдержала свои выражения, чтобы сказать скорее меньше, чем больше правды. Тогда Лейр, весь в порыве гнева, выпалил: "Раз уж ты не считаешь своего престарелого отца, как твои сестры, то не думай, что тебе достанется часть моего королевства или всего остального, что у меня есть", - и, без промедления выдав замуж других своих дочерей, Гонериль за герцога Олбани, а Регану за герцога Корнуолла, он делит между ними свое королевство и отправляется жить к старшей дочери, сопровождаемый лишь сотней рыцарей. Но через некоторое время его сопровождающих, на которых жаловались как на слишком многочисленных и беспорядочных, сокращают до тридцати. Обидевшись на такое оскорбление, старый король отдает его второй дочери, но та, вместо того чтобы успокоить его уязвленную гордость, принимает сторону сестры и отказывается принять свиту более чем из пяти человек. Тогда он возвращается к другой, которая теперь не примет его более чем с одним сопровождающим. Тогда ему приходит на ум воспоминание о Кордейле, и он отправляется в путешествие во Францию, чтобы разыскать ее, не надеясь на доброе внимание со стороны той, кого он так обидел, но чтобы заплатить ей последнее вознаграждение, которое он может дать, - признание в своей несправедливости. Когда Кордейле сообщают о его приближении и печальном положении, она льет настоящие сыновние слезы. И, не желая, чтобы ни ее собственные, ни чужие глаза видели его в таком плачевном состоянии, она посылает одного из своих доверенных слуг встретить его, уединить в какой-нибудь уютной обители и обставить так, как подобает его достоинству. После этого Кордейла вместе с королем, своим мужем, отправилась в штате навстречу ему, и, после почетного приема, король разрешил своей жене Кордейле отправиться с войском и снова посадить отца на трон. Они процветали, покорили злых сестер и их приспешников, и Лейр получил корону и удерживал ее три года. Кордейла сменила его и царствовала пять лет; но после этого сыновья ее сестер восстали против нее, и она потеряла и корону, и жизнь.

Шекспир выбрал эту историю в качестве сюжета своей трагедии "Король Лир", несколько изменив ее детали. Безумие Лейра и неудачная попытка Кордейлы восстановить отца на престоле - вот главные изменения, а также изменения в именах. Наше повествование взято из "Истории" Мильтона, и таким образом читатель поймет, что история Лейра удостоилась чести быть рассказанной двумя признанными вождями британской литературы.

ФЕРРЕКС И ПОРРЕКС

Феррекс и Поррекс были братьями, которые владели королевством после Лейра. Они поссорились из-за главенства, и Поррекс изгнал своего брата, который, получив помощь от Суарда, короля франков, вернулся и начал войну с Поррексом. Поррекс был убит в бою, а его войска рассеялись. Когда их мать узнала о смерти сына, который был ее любимцем, она впала в сильный гнев и вспылала смертельной ненавистью к оставшемуся в живых. Поэтому, воспользовавшись случаем, когда он спал, она набросилась на него и с помощью своих женщин разорвала на куски. Эта ужасная история не заслуживает внимания, если бы не тот факт, что она послужила сюжетом для первой трагедии, написанной на английском

языке. Она называлась "Горбодук", но во втором издании "Феррекс и Поррекс", и была написана Томасом Саквиллом, впоследствии графом Дорсетом, и Томасом Нортонем, барристером. Датируется 1561 годом.

ДУНВАЛЛО МОЛМУТИУС

Это следующее заслуживающее внимания имя. Молмутий установил Молмутинские законы, которые даровали привилегию святилища храмам, городам и дорогам, ведущим к ним, и обеспечили такую же защиту плугам, распространяя религиозную санкцию на полевые работы. Шекспир упоминает о нем в "Цимбелине", акт III, сцена 1:

"...Молмутий издал наши законы;
Кто был первым в Британии, кто надел
Свои брови в золотую корону и назвал
королем".

БРЕННУС И БЕЛИНУС,

Сыновья Молмутия, сменившие его. Они поссорились, и Бреннус был изгнан с острова и укрылся в Галлии, где встретил такую благосклонность короля аллоброгов, что тот отдал ему в жены свою дочь и сделал его своим партнером на троне. Бреннус - имя, которое римские историки дают знаменитому предводителю галлов, взявшему Рим во времена Камилла. Джеффри Монмутский приписывает славу завоевания британскому принцу, после того как тот стал королем аллоброгов.

ELIDURE

После Белина и Бреннуса царствовало несколько малоизвестных королей, а затем появился Элидур. Его брат Артгалло, будучи королем, сильно обидел своих могущественных вельмож, которые восстали против него, свергли его и возвели на трон Элидура. Артгалло бежал и попытался найти помощь в соседних королевствах, чтобы восстановить его, но не нашел. Элидур царствовал процветающе и мудро. После пяти лет владения королевством, однажды на охоте он встретил в лесу своего свергнутого брата Артгалло. После долгих скитаний, не в силах больше выносить нищету, до которой он дошел, он вернулся в Британию всего с десятью последователями, намереваясь восстановить силы тех, кто прежде был его друзьями. Элидур при виде попавшего в беду брата, забыв о вражде, бросился к нему и обнял его. Он взял Артгалло с собой домой и спрятал его во дворце. После этого он притворился больным и, созвав вокруг себя вельмож, склонил их, частично убеждением, частично силой, к согласию на отречение от царства и восстановление брата на троне. Соглашение было утверждено, Элидур снял корону со своей головы и возложил ее на голову брата. После этого Артгалло царствовал десять лет, хорошо и мудро, проявляя строгую справедливость по отношению ко всем людям.

Он умер и оставил королевство своим сыновьям, которые правили с разной удачей, но были недолговечны и не оставили потомства, так что Элидур снова был возведен на трон и закончил свою жизнь в справедливых и добродетельных поступках, получив имя Благочестивого, от любви и восхищения своих подданных".

Вордсворт взял историю Артегала и Элидура для темы поэмы, которая является номером 2 в "Поэмах, основанных на привязанностях".

LUD

После Элидура хроника называет многих королей, но ни один из них не заслуживает особого внимания, пока мы не доходим до Луда, который значительно расширил Триновант, свою столицу, и окружил его стеной. Он изменил ее название, присвоив ему свое собственное, так что отныне она стала называться городом Люда, впоследствии Лондоном. Луд был похоронен у ворот города, названных в его честь Ладгейт. У него было два сына, но к моменту смерти отца они были недостаточно взрослыми, чтобы нести заботы по управлению государством, поэтому королевство перешло к их дяде, Касваллауну, или Кассибеллаунусу. Он был храбрым и величественным принцем, так что слава о нем дошла до дальних стран.

КАССИБЕЛЛАУНУС

Примерно в это время случилось так (об этом говорится в римских историях), что Юлий Цезарь, покорив Галлию, подошел к берегу напротив Британии. Решив присоединить к своим завоеваниям и этот остров, он подготовил корабли и переправил свое войско через море, к устью Темзы. Здесь его встретил Кассибеллаун со всеми своими силами, и завязалась битва, в которой Ненний, брат Кассибеллауна, вступил в единоборство с Цесарем. После нескольких яростных ударов, нанесенных и полученных, меч Цезаря так прочно застрял в щите Ненния, что его не удалось вытащить, и, когда бойцы были разделены вмешательством войск, Ненний остался обладателем этого трофея. Наконец, после того как прошла большая часть дня, бритты нахлынули с такой скоростью, что Цезарь был вынужден отступить в свой лагерь и на флот. И, сочтя бесполезным продолжать войну в это время, он вернулся в Галлию.

Шекспир упоминает о Кассибеллаунусе в "Цимбелине":

"Прославленный Кассибелан, который однажды
(О, злодейка судьба!) овладел мечом Цезаря,
Заставил город Луд ликующим огнем запылать,
И бриттов отважною походкой".

КИМБЕЛИН, ИЛИ ЦИМБЕЛИН

Во время второго вторжения на остров Цезарь был более удачлив и заставил бриттов платить дань. Кимбелин, племянник короля, был отдан римлянам в качестве заложника за верное выполнение договора и, перевезенный Цезарем в Рим, был там воспитан в римских искусствах и достижениях. После этого он был возвращен в свою страну и посажен на трон, привязался к римлянам и на протяжении всего своего правления находился в мире с ними. Его сыновья, Гидерий и Арвираг, которые фигурируют в пьесе Шекспира "Кимбелин", стали преемниками своего отца и, отказавшись платить дань римлянам, предприняли очередное вторжение. Гидерий был убит, а Арвираг после этого заключил с римлянами мир и благополучно царствовал много лет.

АРМОРИКА

Следующее событие - завоевание и колонизация Арморики римским полководцем Максимом и Конаном, владыкой Миниадока или Денбига в Уэльсе. Страна была переименована в Бретань, или Малую Британию, и так полностью была захвачена британскими колонистами, что язык ее ассимилировался с уэльским, и говорят, что и по сей день крестьяне этих двух стран могут понимать друг друга, когда говорят на родном языке.

В конце концов римлянам удалось обосноваться на острове, и через несколько поколений они смешались с местными жителями, так что различий между двумя расами не существовало. Когда в конце концов римские войска были выведены из Британии, их уход вызвал сожаление жителей, поскольку оставил их без защиты от варварских племен, шотландцев, пиктов и норвежцев, которые постоянно преследовали страну. Так обстояли дела, когда началась эпоха короля Артура.

О приключении великана Альбиона с Геркулесом упоминает Спенсер, "Королева фейри", книга IV, канто xi:

"Был Альбион сыном Нептуна;
Который для доказательства своей великой силы
Из Альбиона своего по суше прошел
В старую Галлию, что ныне Францией зовется,
Чтобы сразиться с Геркулесом, который шел вперед.
Чтоб победить весь мир с несравненной силой:
И там его смертная часть по великой ошибке
Была убита".

ГЛАВА III

МЕРЛИН

Мерлин был сыном не смертного отца, а Инкуба, одного из тех существ, которые обитают в воздушных пространствах, не совсем злых, но далеко не добрых. Мать Мерлина была добродетельной девушкой, и при рождении сына она доверила его священнику, который поспешил к источнику крещения и тем самым спас его от участи отца, хотя он и сохранил многие признаки своего неземного происхождения.

В это время в Британии правил Вортигерн. Он был узурпатором, по вине которого умер его государь Мойнес, а два брата покойного короля, которых звали Утер и Пендрагон, были отправлены в изгнание. Вортигерн, живший в постоянном страхе перед возвращением законных наследников королевства, начал возводить крепкую башню для обороны. Когда строители довели ее до определенной высоты, она трижды падала на землю без видимых причин. Король посоветовался со своими астрологами по поводу этого удивительного события и узнал от них, что необходимо омыть краеугольный камень фундамента кровью ребенка, родившегося без смертного отца.

В поисках такого младенца Вортигерн разослал своих гонцов по всему королевству, и те случайно обнаружили Мерлина, чья родословная, казалось, указывала на него как на нужного человека. Они отвели его к королю, но Мерлин, как ни был он молод, объяснил королю нелепость попыток спасения строения таким способом, ибо, по его словам, истинной причиной неустойчивости башни было то, что она располагалась над логовом двух огромных драконов, чьи схватки сотрясали землю над ними. Король приказал своим рабочим подкопать под башней землю, и когда они это сделали, то обнаружили двух огромных змей, одна из которых была белой, как молоко, а другая - красной, как огонь. Народ с изумлением наблюдал за происходящим, пока змеи, медленно поднявшись из

своего логова и расправив огромные складки, не начали сражаться, и тогда все в ужасе разбежались, кроме Мерлина, который стоял и хлопал в ладоши, подбадривая участников схватки. Красный дракон был убит, а белый, проскользнув через расщелину в скале, исчез.

Эти животные, как потом объяснил Мерлин, символизировали вторжение Утера и Пендрагона, законных принцев, которые вскоре высадились на берег с огромной армией. Вортигерн потерпел поражение, после чего был заживо сожжен в замке, который он так старательно строил. После смерти Вортигерна на престол взошел Пендрагон. Мерлин стал его главным советником и часто помогал королю своими магическими искусствами.

"Мерлин, знавший все их искусства,
Построил королю его убежища, корабли и залы".

-Вивиан.

Среди прочих достоинств он обладал способностью превращаться в любой облик. В одно время он появлялся в виде карлика, в другое - в виде девицы, пажа или даже борзой или оленя. Эту способность он часто использовал на службе у короля, а иногда и для развлечения двора и государя.

Мерлин оставался любимым советником во время правления Пендрагона, Утера и Артура, но в конце концов исчез из виду и больше не встречался среди людей благодаря предательству своей любовницы, феи Вивианы, которое произошло следующим образом.

Мерлин, влюбившись в прекрасную Вивиану, Владычицу Озера, был достаточно слаб, чтобы передать ей различные важные секреты своего искусства, будучи подгоняем роковой судьбой, о которой он в то же время прекрасно знал. Леди, однако, не удовлетворилась его безграничной преданностью, а "задумалась", как бы "задержать его навечно", как повествует романс, и однажды обратилась к нему в таких выражениях: "Сэр, я бы хотела, чтобы мы создали прекрасное место и подходящее место, так придуманное искусством и хитростью, чтобы оно никогда не было разрушено, и чтобы ты и я были там в радости и утешении". "Миледи, - сказал Мерлин, - я все это сделаю". "Сэр, - сказала она, - я бы не хотела, чтобы вы это делали, но вы научите меня, и я сделаю это, и тогда это будет мне больше по душе". "Я разрешаю тебе это", - сказал Мерлин. Тогда он начал придумывать, а девица излагала все письменно. И когда он все придумал, девица обрадовалась и показала ему большее подобие любви, чем когда-либо прежде, и они долгое время жили вместе. И вот однажды, когда они шли рука об руку по Бреселиандскому лесу, им попался куст терновника, усыпанный цветами; они уселись под сенью этого терновника на зеленую траву, и Мерлин положил голову на колени девицы и заснул. Тогда девица встала, и сделала кольцо из своего кулича вокруг куста и вокруг Мерлина, и начала свои чары, как он сам научил ее; и девять раз она сделала кольцо, и девять раз она сделала чары, и затем она пошла и села рядом с ним, и снова положила его голову себе на колени.

"И сон

Навалился на Мерлина, как смерть, так глубоко
Палец на ее губах; затем Вивиан поднялась,
И с головы каштановой скинула платок,
И, взяв его в руку, взмахнула им над
над цветущим терновым деревом и спящим возлюбленным.
Девять раз взмахнула она трепетным платочком,

и создала маленький участок волшебной земли".

-Мэтью Арнольд.

И когда он проснулся и огляделся вокруг, ему показалось, что он заключен в самую крепкую башню на свете и лежит на прекрасном ложе. Тогда он сказал госпоже: "Госпожа моя, ты обманула меня, если не останешься со мной, ибо никто не в силах разрушить эту башню, кроме тебя одной". Тогда она пообещала, что будет часто бывать там, и на этом скрепила свой договор с ним. И Мерлин никогда не выходил из башни, в которой заключила его госпожа Вивиана; но она входила и выходила, когда ей заблагорассудится.

После этого события Мерлин больше никогда не общался ни с кем из смертных, кроме Вивианы, за исключением одного случая. Артур, некоторое время не видевший его при дворе, отправил на его поиски нескольких своих рыцарей, и среди них - сэра Гавейна, который во время этих поисков столкнулся с весьма неприятным приключением. Проезжая по дороге мимо девицы и не поприветствовав ее, она отомстила за его невежливость, превратив его в отвратительного карлика. Он вслух сетовал на свою злую судьбу, проходя через лес Бреселианд, как вдруг услышал голос одного стонущего по правую руку от него; посмотрев в ту сторону, он не увидел ничего, кроме дыма, который казался воздухом и сквозь который он не мог пройти. Тогда Мерлин обратился к нему из дыма и рассказал, по какому злополучию он оказался там в заточении. "Ах, сэр! - добавил он, - вы никогда больше не увидите меня, и это меня огорчает, но я не могу ничего исправить; я никогда больше не буду говорить ни с вами, ни с кем-либо другим, кроме моей госпожи. Но поспеши к королю Артуру и поручи ему от меня без промедления приступить к поискам священного Грааля. Уже родился и получил рыцарство от его рук рыцарь, которому суждено совершить этот поход". И после этого он утешил Гавейна во время его преображения, заверив его, что он скоро разочаруется; и он предсказал ему, что по возвращении он найдет короля в Кардуэле, в Уэльсе, и что все остальные рыцари, отправившиеся в подобный поход, придут туда в тот же день, что и он. И все произошло так, как сказал Мерлин.

Мерлин часто появляется в рыцарских сказках, но в основном по большим поводам и в период после его смерти или магического исчезновения. В романтических поэмах Италии и у Спенсера Мерлин представлен главным образом как волшебный художник. Спенсер изображает его искусником непробиваемого щита и других доспехов принца Артура ("Королева фейри", книга I., канто vii.), а также зеркала, в котором девица увидела тень своего возлюбленного. Фонтан любви в "Орlando Иннамората" описан как его работа; а в поэме "Ариосто" нам рассказывают о зале, украшенном пророческими картинами, которые демоны выполнили за одну ночь под руководством Мерлина.

Следующая легенда взята из "Королевы фейри" Спенсера, книга III, Канто iii...:

КАЭР-МЕРДИН, ИЛИ КАЭРМАРТЕН (В УЭЛЬСЕ), БАШНЯ МЕРЛИНА И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В НЕЙ ИЗВЕРГИ.

"И тут же они переоделись в ремни
И в одежды низменные, чтоб никто не мог их уличить,
В Маридунум, что ныне чаунгом
называемом Каэр-Мердин, они отправились в путь:
Там мудрый Мерлин захотел (говорят)
Свою победу одержать, под землей зарывшись.

В глубокой впадине, вдали от дневных глаз,
Чтобы ни один живой рыцарь его не нашел,
И тогда он советовался со своими рыцарями, окруженными кругом.

"И если случится тебе в тот же путь
путешествовать, отправляйся посмотреть на то страшное место;
Это ужасная полая пещера (говорят).
Под скалой, что лежит на небольшом расстоянии
От стремительного Барри, что с грохотом несется вниз.
Среди лесистых холмов Дайневора;
Но ни в коем случае не смейте, я обвиняю вас,
Входить в тот страшный чертог,
Из страха, что жестокие изверги Пожрут тебя ненароком.

"Но, стоя высоко над землей, не слушайте,
А там такой жуткий шум железных цепей
И медных котлов ты услышишь грохот,
Который тысяча духов с долгими муками
Швыряют, чтоб ошеломить твой слабый мозг;
И часто стоны, и тяжкие удары,
Когда слишком большой труд и работа их сковывает;
И часто громкие удары и звонкие звуки
Из-под той глубокой скалы ужасно раздаются.

"Причина, как говорят некоторые, такова. За некоторое время
Перед смертью той Мерлин задумал
Медную стену в компасе воздвигнуть
Около Кэрмердина, и порешил
Этим спрайтам довести дело до конца;
Во время этой работы Леди Озера,
Которую он давно любил, за ним поспешно послала;
Которая, таким образом, заставила его рабочих оставить работу,
И обязала их до его возвращения Не ослаблять свой труд.

"В это время в поезде той лживой дамы
Он был застигнут врасплох и погребен под ногами,
И к работе своей он вернулся вновь;
Но эти изверги не могут не работать,
Так сильно боятся они его повелений;
Но день и ночь они трудятся и мучаются,
Пока не воздвигнут медную стену.
Ибо Мерлин был в магии более сведущ.
Чем когда-либо до него или после него".

[Сноска: Погребенный под ногами. Погребенный под чем-то, что закрывало его, как гроб или помост].

ГЛАВА IV

АРТУР

Мы начнем нашу историю короля Артура с изложения тех подробностей его жизни, которые, как представляется, опираются на исторические свидетельства, а затем перейдем к изложению легенд о нем, которые составляют самую раннюю часть британской литературы.

Артур был принцем из племени бриттов, называвшихся силурами, чьей страной был Южный Уэльс, сыном Утера, прозванного Пендрагоном - титул, который давался выборному государю, главенствующему над многими королями Британии. Судя по всему, он начал свою военную карьеру около 500 года, а возвысился до титула Пендрагона примерно десять лет спустя. Считается, что он одержал двенадцать побед над саксами. Самой важной из них была победа при Бадоне (одни считают, что это Бат, другие - Беркшир). Это была последняя из его битв с саксами, и она настолько эффективно остановила их продвижение, что Артур больше не испытывал от них раздражения и царствовал в мире до восстания своего племянника Модреда, двадцать лет спустя, которое привело к роковой битве при Камлане, в Корнуолле, в 542 году. Модред был убит, а Артур, смертельно раненный, был доставлен по морю в Гластонбери, где умер и был похоронен. Традиция сохранила память о месте его погребения в аббатстве, как нам рассказывает Гиральдус Кембренсис, который присутствовал при вскрытии могилы по приказу Генриха II около 1150 года и увидел кости и меч монарха, а также свинцовый крест, вделанный в его надгробие, с надписью грубыми римскими буквами: "Здесь похоронен знаменитый король Артур, на острове Авалония". Эту историю изящно пересказал Уортон. Среди бриттов издавна существовало популярное поверье, что Артур не умер, а был унесен залечивать раны в страну фей, и что он снова появится, чтобы отомстить за своих соотечественников и восстановить их суверенитет Британии. В "Оде" Уортона бард рассказывает королю Генриху традиционную историю о смерти Артура и заканчивает ее такими строками.

"Но тщетно враг платный
Вооруженный судьбой могучим ударом:
И когда он пал, королева эльфов,
Все тайно и незримо,
На обморочного героя накинула
Свою мантию из амброзии голубой,
И велела своим духам нести его далеко,
В агатовом колеснице Мерлина,
К эмалированным кручам ее зеленого острова,
Далеко в пупок глубин.
На его раны она брызгала росу
С цветов, что в Аравии росли.

Там он царствует могущественным королем,
А потом в Британию вернется,
Если я правильно понял пророческие строки,
С победным плюмажем,
Его древний скипетр вернется,
Его рыцарский стол восстановит,
И отважно сражаться на турнирах былых времен".

После этого рассказа выступил другой бард, который поведал другую историю:

"Когда Артур склонил свой надменный гребень,
Не принцесса в лазурном жилете
Не похитила его, по могучему заклинанию Мерлина,
В рощах золотых блаженства обитать;
Но когда он пал, с крылатой быстротой,
Его чемпионы, на молочно-белом коне,
От урагана битвы,
Отнесли его к возвышенному фейну Иосифа,
В прекрасной долине Авалона;
Там, с песнопениями и песнями
И долгим пламенем светильников,
Захмелевшие отцы встречали его;
По тусклым проходам, в порядке страшном
Вождя они вели,
И в землю святую глубоко зарыли,
перед алтарем торжественным".

[Сноска: Аббатство Гластонбери, основанное, по преданию, Иосифом из Аримафеи, в месте, которое в древности называлось островом или долиной Авалония.

Теннисон в своем "Дворце искусств" ссылается на легенду о спасении Артура королевой фейри, а именно:

"Или глубоко раненый сын мифического Утера,
В каком-то прекрасном пространстве склонившейся зелени,
Дремлет в долине Авалона,
And watched by weeping queens"].

Не стоит скрывать, что некоторые отрицали само существование Артура. Мильтон говорит о нем: "Что касается Артура, более известного в песнях и романах, чем в правдивых историях, то кто он такой и царствовал ли когда-либо в Британии, сомневались раньше и могут сомневаться снова, с полным основанием". Современные критики, однако, признают, что принц с таким именем существовал, и находят подтверждение этому в частых упоминаниях о нем в сочинениях валлийских бардов. Но Артур из романов, по мнению мистера Оуэна, валлийского ученого и антиквара, - это мифологическая личность. "Артур, - говорит он, - это Большая Медведица, как буквально следует из названия (Arctos, Arcturus), и, возможно, это созвездие, находящееся так близко к полюсу и зримо описывающее круг на небольшом пространстве, является источником знаменитого Круглого стола".

КОРОЛЬ АРТУР

У Констанса, короля Британии, было три сына: Мойнес, Амвросий, которого иначе называли Утер, и Пендрагон. Вскоре после восшествия на престол Мойн был побежден саксами из-за предательства своего сенешаля Вортигерна и, став непопулярным из-за несчастья, был убит своими подданными, а на его место был избран предатель Вортигерн.

Вскоре Вортигерн был разбит в великой битве Утером и Пендрагоном, оставшимися в живых братьями Мойны, и Пендрагон взошел на трон.

Этот принц очень верил в мудрость Мерлина и сделал его своим главным советником. Примерно в это время между саксами и бриттами разразилась страшная война. Мерлин заставил братьев-королей поклясться друг другу в верности, но предсказал, что один из них должен пасть в первой же битве. Саксы были разбиты, а Пендрагона, убитого, сменил Утер, который теперь помимо собственного имени носил еще и прозвище Пендрагон.

Мерлин по-прежнему оставался любимым советником. По просьбе Утера он с помощью волшебства перевез из Ирландии огромные камни, чтобы сделать из них усыпальницу Пендрагона. Эти камни составляют памятник, который сейчас называется Стоунхенджем, на равнине Солсбери.

Затем Мерлин отправился в Карлайл, чтобы подготовить Круглый стол, за которым он усадил собрание великих вельмож страны. Соратники, принятые в этот высокий орден, были связаны клятвой помогать друг другу с риском для собственной жизни, в одиночку пытаться совершить самые опасные приключения, вести, когда это необходимо, жизнь монашеского уединения, бросаться к оружию по первому зову и никогда не выходить из боя, пока не победят врага, если только ночь не разлучит сражающихся.

Вскоре после этого учреждения король пригласил всех своих баронов на празднование великого фестиваля, который он предложил проводить ежегодно в Карлайле.

Поскольку рыцари получили разрешение государя брать с собой своих дам, прекрасная Игерн сопровождала своего мужа Горлуа, герцога Тинтадельского, на одном из таких юбилеев. Король сильно увлекся герцогиней и раскрыл свою страсть; но Игерн отбила его ухаживания и открыла свои мольбы ее мужу. Услышав об этом, герцог тут же удалился со двора вместе с Игерн, не оставив Утера. Король пожаловался своему совету на такое неисполнение долга, и те решили, что герцога следует вызвать в суд, а в случае отказа поступить с ним как с мятежником. Поскольку он отказался подчиниться, король начал войну с владениями своего вассала и осадил его в сильном замке Тинтадель. Мерлин превратил короля в подобие Горлуа и позволил ему провести множество тайных бесед с Игерном. В конце концов герцог был убит в бою, а король обвенчался с Игерн.

От этого союза родился Артур, который сменил на троне своего отца Утера.

АРТУР ИЗБРАН КОРОЛЕМ

Артур, хотя на момент смерти отца ему было всего пятнадцать лет, был избран королем на общем собрании знати. Это произошло не без противодействия, ведь было много честолюбивых соперников.

"Пока он там оставался.

Сомнение, что вечно тлело в сердцах

Великих лордов и баронов его королевства.

Вспыхнули и начали войну: ибо большинство из них

Выступили против него, восклицая: "Кто он такой?

Кто он такой, чтобы править нами? Кто доказал, что он

Сын короля Утера? И вот мы смотрим на него,

и не нашли ни лица, ни осанки, ни конечностей, ни голоса,

не похожи на Утера, которого мы знали".

-Пришествие Артура.

Но епископ Брайс, человек великой святости, накануне Рождества обратился к собранию и представил, что в это торжественное время им следовало бы вознести молитвы о каком-нибудь знаке, который бы показал намерения Провидения в отношении их будущего государя. Так и было сделано, причем с таким успехом, что едва закончилась служба, как перед дверью церкви был обнаружен чудодейственный камень, а в камне был прочно закреплен меч, на рукояти которого были выгравированы следующие слова:

"Я высокий Эскалибор,
Unto a king fair tresore".

Епископ Брайс, призвав собравшихся вознести благодарственные молитвы за это знаменательное чудо, предложил закон, согласно которому тот, кто сумеет извлечь меч из камня, должен быть признан государем бриттов; его предложение было принято всеобщим одобрением. Короли, подчиненные Утеру, и самые знаменитые рыцари последовательно прилагали свои силы, но чудесный меч противостоял всем их усилиям. Он простоял до Рождества, до Пасхи и до Пятидесятницы, когда лучшие рыцари королевства обычно собирались на ежегодный турнир. Артур, который в то время служил оруженосцем у своего приемного брата, сэра Кея, сопровождал своего господина в списках. Сэр Кей сражался с большой доблестью и успехом, но имел несчастье сломать свой меч и послал Артура к матери за новым. Артур поспешил домой, но не нашел леди; заметив возле церкви меч, воткнутый в камень, он галопом помчался к тому месту, с легкостью вытащил меч и доставил его своему господину. Сэр Кей охотно присвоил бы себе честь, которую дает владение мечом, но когда, чтобы подтвердить сомнения, меч снова воткнули в камень, он был совершенно не в состоянии вытащить его, и во второй раз он не поддался бы ничьей руке, кроме руки Артура. Так Небеса решительно указали на Артура как на своего короля, и с общего согласия его провозгласили таковым, а для торжественной коронации назначили ранний день.

Сразу же после избрания короной Артур обнаружил, что против него выступают одиннадцать королей и один герцог, которые с огромной армией расположились лагерем в Рокингемском лесу. По совету Мерлина Артур отправил посольство в Бретань, чтобы попросить о помощи короля Бана и короля Бохорта, двух лучших рыцарей в мире. Они приняли вызов и с мощной армией переправились через море, высадившись в Портсмуте, где их приняли с большим ликованием. Короли-мятежники по-прежнему превосходили их числом, но Мерлин сильным заклинанием заставил все их шатры разом рухнуть, и в этой суматохе Артур с союзниками обрушился на них и полностью разгромил.

Разгромив мятежников, Артур вышел на поле боя против саксов. Поскольку они были слишком сильны для него, он отправил посольство в Арморику, умоляя о помощи Хозля, который вскоре привел ему на помощь армию. Соединив свои силы, оба короля устремились на врага, которого встретили, и обе стороны приготовились к решающей схватке. "Сам Артур, - рассказывает Джеффри Монмутский, - облаченный в нагрудник, достойный столь великого короля, возлагает на голову золотой шлем с выгравированным подобием дракона. Через плечи он перекидывает свой щит, называемый Привен, на котором изображена Святая Дева, постоянно напоминающая ему о ней. Обхватив Калибурн, превосходнейший меч, изготовленный на острове Авалон, он протягивает в правую руку копье по имени Рон. Это было длинное и широкое копье, хорошо приспособленное для убийства". После тяжелой схватки Артур, призвав имя Девы, бросается в гущу врагов, уничтожает множество из них

грозным Калиберном, а остальных обращает в бегство. Хоэль, задержанный болезнью, не принимал участия в этой битве.

Эта битва называется победой на горе Бадон, и, как бы она ни была замаскирована басней, историки считают ее реальным событием.

Подвиги, совершенные Артуром в битве у горы Бадон, так воспеваются в стихах Дрейтона:

"Они воспевали, как он сам в Бадоне в тот день сражался,
Когда у славной цели лежал его британский скипетр;
Два дня вместе, как битва крепко стояла;
Достойный сын Пендрагона, что в крови погряз,
Триста саксов зарубил своей доблестной рукой".

-Песня IV.

ГЕНЕВЕР

Мерлин задумал для Артура брак с дочерью короля Лаодегана из Кармалиды. По его совету Артур отправился ко двору этого государя в сопровождении Мерлина и тридцати девяти рыцарей, которых волшебник отобрал для этой службы. По прибытии они застали Лаодегана и его приближенных на совете, которые пытались, но без особых надежд на успех, придумать, как противостоять надвигающемуся нападению Райенса, короля Ирландии, который с пятнадцатью королями-подданными и почти бесчисленным войском почти окружил город. Мерлин, возглавлявший отряд английских рыцарей, объявил их чужеземцами, пришедшими предложить королю свои услуги в его войнах, но с явным условием, что они будут вольны скрывать свои имена и качества до тех пор, пока не сочтут нужным их разгласить. Эти условия показались очень странными, но были с благодарностью приняты, и чужеземцы, принеся обычную клятву королю, удалились в приготовленное для них Мерлином жилище.

Через несколько дней после этого враги, несмотря на перемирие, заключенное с королем Лаодеганом, внезапно вышли из своего лагеря и попытались захватить город. Клеодалис, королевский генерал, со всей возможной оперативностью собрал королевские войска. Артур и его спутники тоже бросились к оружию, а во главе их появился Мерлин со штандартом, на котором был изображен страшный дракон. Мерлин подошел к воротам и приказал привратнику открыть их, на что тот отказался сделать это без приказа короля. Тогда Мерлин поднял ворота со всеми их принадлежностями - замками, решетками, засовами и т. д. - и велел своим войскам пройти через них, после чего вернул их в идеальный порядок. Затем он пришпорил коня и во главе своего небольшого отряда бросился на двухтысячное войско язычников. Из-за столь огромной разницы в численности Мерлин наложил на врагов заклятие, чтобы они не заметили малочисленности нападавших; несмотря на это, английские рыцари были сильно потеснены. Но жители города, наблюдавшие со стен за этим неравным поединком, устыдились оставить на произвол судьбы небольшое тело чужеземцев, открыли ворота и вышли вперед. Теперь их число было почти равным, и Мерлин отменил свое заклинание, так что две армии встретились на равных. Там, где сражались Артур, Бан, Бохорт и остальные, преимущество было на стороне королевской армии, но в другой части поля сам король был окружен и унесен врагом. Это печальное зрелище увидела Геневера, прекрасная дочь короля, которая стояла на городской стене и смотрела на битву. Она ужасно расстроилась, растрепала волосы и упала в обморок.

Но Мерлин, зная о том, что происходит на каждом участке поля, внезапно собрал своих рыцарей, вывел их из боя, перехватил проход тех, кто уносил короля, с неодолимой стремительностью набросился на них, разрубил на части или рассеял весь эскорт и спас короля. В поединке Артур столкнулся с Каулангом, великаном высотой в пятнадцать футов, и прекрасная Геневера, которая уже начала испытывать сильный интерес к красивому молодому незнакомцу, с трепетом ожидала исхода поединка. Но Артур, нанеся страшный удар по плечу чудовища, перерубил ему шею так, что голова свесилась на одну сторону, и в таком состоянии его лошадь понесла его по полю, к великому ужасу и ужасу язычников. Геневера не могла удержаться от того, чтобы не высказать вслух пожелание, чтобы нежному рыцарю, так ловко расправляющемуся с великанами, суждено было стать ее мужем, и это пожелание было поддержано ее сопровождающими. Вскоре враги повернулись спиной и поспешно бежали, преследуемые Лаодеганом и его союзниками.

После битвы Артур был разоружен и препровожден в баню принцессой Геневерой, а его друзья были в сопровождении других придворных дам. После бани рыцари попали на великолепное развлечение, на котором им усердно прислуживали все те же прекрасные служанки. Лаодеган, все больше и больше желая узнать имя и качество своих щедрых гостей и время от времени загадывая тайное желание, чтобы главный из них был пленен прелестями его дочери, казался молчаливым и задумчивым, и его едва ли выводили из задумчивости шутки придворных. Артур, получив возможность объяснить Геневере свое глубокое уважение к ее достоинствам, был в радости сердца, и еще больше обрадовался, узнав от Мерлина о последних подвигах Гавейна в Лондоне, благодаря чему его немедленное возвращение в свои владения стало ненужным, и он был волен продлить свое пребывание при дворе Лаодегана. С каждым днем восхищение всего двора галантными чужеземцами и страсть Геневеры к их вождю возрастали, и когда наконец Мерлин объявил королю, что цель визита гостей - найти невесту для их предводителя, Лаодеган тут же представил Геневеру Артуру, сказав ему, что, каким бы ни было его звание, его заслуг достаточно, чтобы дать ему право на обладание наследницей Кармалиды.

"И мог ли он найти женщину в ее женственности.
такую же великую, как он сам в своей мужественности.
Они вместе могли бы изменить мир".

-Гвиневера.

Артур принял даму с величайшей благодарностью, и Мерлин принялся убеждать короля в том, что он его зять, после чего Лаодеган со всеми своими баронами поспешил выразить почтение своему законному государю, преемнику Утера Пендрагона. Затем прекрасная Геневера была торжественно обручена с Артуром, и был провозглашен великолепный праздник, который продолжался семь дней. По истечении этого времени враг появился с новой силой, и возникла необходимость возобновить военные действия. [Сноска: Геневера - имя королевы Артура, также пишущееся как Генъевр и Генеура, знакомо всем, кто знаком с рыцарскими преданиями. Именно на ее приключения и ее истинного рыцаря, сэра Лаунселота, ссылается Данте в прекрасном эпизоде из "Франчески ди Римини"].

Теперь мы должны рассказать о том, что происходило в Лондоне и его окрестностях, пока Артур отсутствовал в своей столице. В это самое время группа молодых героев направлялась ко двору Артура, чтобы принять от него рыцарское звание. Это были Гавейн и три его брата, племянники Артура, сыновья короля Лота, и Галачин, еще один племянник, сын короля Нантера. Король Лот был одним из вождей мятежников, которых Артур победил, но теперь он

надеялся с помощью молодых людей примириться со своим шурином. Он снарядил своих сыновей и племянника с величайшей пышностью, дав им великолепную свиту из молодых людей, сыновей графов и баронов, посаженных на лучших коней и облаченных в отличные доспехи. Всего их было семьсот человек, но только девять получили рыцарский орден; остальные были кандидатами на эту честь и стремились заслужить ее в скорой схватке с врагом. Гавейн, предводитель, был рыцарем удивительной силы; но самым примечательным в нем было то, что в определенные часы дня его силы были больше, чем в другие. С девяти часов до полудня его сила удваивалась, и так было с трех часов до вечерни; в остальное время она была менее заметной, хотя всегда превосходила силу обычных людей.

После трехдневного марша они прибыли в окрестности Лондона, где ожидали найти Артура и его двор, и очень неожиданно столкнулись с большим караваном врага, состоявшим из множества телег и повозок, груженных провизией, и сопровождаемым тремя тысячами человек, которые собирали трофеи со всей округи. Одного удара стремительной кавалерии Гавейна хватило, чтобы рассеять конвой и вернуть караван, который был немедленно отправлен в Лондон. Но вскоре на пятерых принцев и их маленькое войско двинулось семитысячное войско. Гавейн, выделив вождя по имени Чоас гигантских размеров, начал сражение, рассекая его от макушки до груди. Галачин столкнулся с королем Санаграном, который тоже был очень огромным, и отрубил ему голову. Агривайн и Гахариет также проявили доблесть. Так они сдерживали огромную армию нападавших, хотя и с большим трудом, пока вдруг не заметили сильное войско горожан, двигавшееся из Лондона, куда прибыл караван, возвращенный Гавейном, и сообщили мэру и горожанам об опасности, грозящей их освободителю. Прибытие лондонцев вскоре решило исход поединка. Враги разбежались во все стороны, а Гавейн и его друзья в сопровождении благодарных горожан вошли в Лондон и были встречены овациями.

ГЛАВА V

АРТУР (продолжение)

После великой победы при горе Бадон, в результате которой саксы были окончательно уничтожены, Артур обратил оружие против шотландцев и пиктов, которых он разгромил у озера Ломонд и заставил просить пощады. Затем он отправился в Йорк на Рождество и занялся восстановлением христианских церквей, которые язычники разграбили и уничтожили. Следующим летом он завоевал Ирландию, а затем отправился со своим флотом в Исландию, которую также покорил. Короли Готланда и Оркнейских островов добровольно пришли и принесли покорность, пообещав платить дань. Затем он вернулся в Британию, где, основав королевство, прожил двенадцать лет в мире.

За это время он пригласил к себе всех лиц, прославившихся доблестью в чужих странах, увеличил число своих домохозяев и ввел при дворе такую учтивость, какую люди самых отдаленных стран считали достойной подражания. Так что не было ни одного дворянина, который считал бы себя достойным внимания, если бы его одежда и оружие не были сделаны по той же моде, что и у рыцарей Артура.

Оказавшись столь могущественным у себя дома, Артур начал строить планы по расширению своего могущества за границей. Поэтому, подготовив флот, он первым делом попытался захватить Норвегию, чтобы получить корону этой страны для Лота, мужа своей сестры. Артур высадился в Норвегии, сразился в великой битве с королем этой страны, победил его и продолжал одерживать победу до тех пор, пока не подчинил себе всю страну и не утвердил

Лота на троне. Затем Артур отправился в Галлию и осадил город Париж. В то время Галлия была римской провинцией и управлялась трибуном Флоллоном. Когда осада Парижа продолжалась уже месяц и жители начали страдать от голода, Флолло вызвал Артура на единоборство, предложив таким образом решить вопрос о завоевании провинции. Артур с радостью принял вызов и убил своего противника в поединке, после чего горожане сдали ему город. После победы Артур разделил свое войско на две части, одну из которых отдал под командование Хоэля, которому приказал идти в Аквитанию, а сам с другой частью должен был попытаться покорить остальные провинции. По истечении девяти лет, в течение которых все части Галлии были полностью покорены, Артур вернулся в Париж, где держал свой двор, и, созвав собрание духовенства и народа, установил мир и справедливое управление законами в этом королевстве. Затем он подарил Нормандию Бедверу, своему дворецкому, а провинцию Андегавию - Кею, своему управляющему [Сноска: Это имя во французских романах пишется как Queux, что означает "главный повар". Казалось бы, это означает, что это титул, а не имя; однако человек, который его носил, никогда не упоминался под другим именем. Он - главный, если не единственный, комический персонаж среди героев двора Артура. Он - сенешаль или стюард, в его обязанности также входит быть начальником поваров. В романах его общий характер представляет собой соединение доблести и шутовства, он всегда готов к бою и, как правило, получает худшую долю в сражении. Он также язвителен и оскорбителен в своих высказываниях, из-за чего часто попадает в неприятности. Однако Артур, похоже, привязан к нему и часто прислушивается к его советам, которые, как правило, оказываются неверными] и несколько других провинций на его великих людей, которые присутствовали при нем. И, уладив мир в городах и странах, он вернулся в начале весны в Британию.

Когда приблизился праздник Пятидесятницы, Артур, чтобы лучше показать свою радость после таких триумфальных успехов, а также для более торжественного празднования этого праздника и примирения умов подвластных ему принцев, решил в это время устроить пышный суд, возложить корону на свою голову и пригласить на торжество всех подвластных ему королей и герцогов. В качестве подходящего места для своей цели он выбрал Керлеон, Город легионов. Ибо, помимо того, что он превосходил другие города по богатству, его расположение на реке Уск, недалеко от моря Северн, было самым приятным и подходящим для столь великого торжества. Ведь с одной стороны он омывался этой благородной рекой, так что короли и принцы из стран за морями могли с удобством подплывать к нему. С другой стороны, красота лугов и рощ, великолепие королевских дворцов с высокими позолоченными крышами, украшавших его, позволяли ему даже соперничать с величием Рима. Он также славился двумя церквями, одна из которых была украшена хором девственниц, всецело посвятивших себя служению Богу, а в другой находился монастырь священников. Кроме того, здесь находилась коллегия из двухсот философов, которые, будучи сведущи в астрономии и других искусствах, усердно наблюдали за ходом звезд и давали Артуру верные предсказания о грядущих событиях. Таким образом, в этом месте, которое доставляло столько удовольствия, велись приготовления к предстоящему празднику.

[Сноска: Писатели-романтики приписывают королю Артуру несколько городов. Главные из них - Каэрлеон, Камелот и Карлайл.

Керлеон получил свое название от того, что во времена римского владычества он был местом стоянки одного из легионов. Латинские авторы называли его *Urbs Legionum*, "Город легионов". Первое слово переводится на валлийский как *Caer*, что означает "город", а второе сокращается до *lleon*. Река Уск сохранила свое название в современной географии, и на ней

находится город Каэрлеон, хотя считается, что местом суда Артура был город Кардифф. Честер также носит валлийское название Каэрлеон; ведь Честер, происходящий от латинского слова *castra*, означающего "лагерь", является обозначением военного штаба.

Считается, что Камелот - это Винчестер.

Шалотт - это Гилфорд.

Порт Хамо - это Саутгемптон.

Карлайл - город, до сих пор сохранивший это название, расположенный недалеко от границы с Шотландией. Но это название иногда применяется и к другим местам, которые, как и он сам, были военными станциями].

Затем в несколько королевств были отправлены послы, чтобы пригласить ко двору князей как Галлии, так и прилегающих островов. Так прибыли Аугусел, король Албании, ныне Шотландии, Кадвалло, король Венедотии, ныне Северного Уэльса, Сатер, король Деметии, ныне Южного Уэльса; также архиепископы митрополий Лондона и Йорка и Дубриций, епископ Керлеона, города легионов. Этот прелат, который был примасом Британии, отличался такой набожностью, что своими молитвами мог исцелить любого больного. Здесь же находились графы главных городов и многие другие не менее достойные люди.

С соседних островов прибыли Гилламурий, король Ирландии, Гунфасий, король Оркнейских островов, Мальвасий, король Исландии, Лот, король Норвегии, Бедвер, дворецкий, герцог Нормандии, Кей, швейник, герцог Андегавии; также двенадцать пэров Галлии и Хоэль, герцог Армориканских бриттов, со своей знатью, прибывшей с таким обозом мулов, лошадей и богатой мебели, который трудно описать. Кроме них, по эту сторону Испании не было ни одного сколько-нибудь значимого принца, который не приехал бы по этому приглашению. И неудивительно, ведь щедрость Артура, прославившаяся на весь мир, сделала его любимым всеми людьми.

Когда все собрались в день торжества, архиепископов провели во дворец, чтобы возложить корону на голову короля. Затем Дубриций, поскольку суд проходил в его епархии, приготовился совершить церемонию. Как только король облачился в царские одежды, его с великой пышностью провели в митрополичью церковь, держа перед ним четырех королей - Албании, Корнуолла, Деметии и Венедотии, несущих четыре золотых меча. На другой стороне была королева, одетая в свои богатейшие украшения, которую архиепископы и епископы вели к церкви девственниц; четыре королевы, также короли, упомянутые выше, несли перед ней четырех белых голубей, согласно древнему обычаю. Когда вся процессия завершилась, гармония музыкальных инструментов и голосов, которых в обеих церквях было великое множество, была настолько захватывающей, что присутствовавшие рыцари сомневались, что предпочесть, и поэтому переходили из одной в другую по очереди, и далеко не устали от торжественности, хотя провели в ней целый день. Наконец, когда в обеих церквях закончилось богослужение, король и королева сняли короны и, надев более легкие украшения, отправились на пир. Когда все они заняли свои места согласно старшинству, Кей, швея, в богатой горностаевой мантии, с тысячей молодых дворян, одетых в богатые наряды, подали блюда. Из другой части за Бедвером, дворецким, следовало столько же слуг, которые ждали со всевозможными кубками и сосудами для питья. Еды и питья было в изобилии, и все было лучшего сорта, и подавалось наилучшим образом. Ибо в то время Британия достигла такого величия, что по богатству, роскоши и учтивости превосходила все другие королевства.

Как только пир закончился, они отправились в поля за городом, чтобы развлечься различными видами спорта: стрельбой из лука и стрел, метанием пики, бросанием тяжелых камней и скал, игрой в кости и тому подобным, и все это без ущерба для здоровья и без ссор. Так прошло три дня, после чего они разошлись, а короли и знатные люди разошлись по своим домам.

После этого Артур царствовал пять лет в мире. Затем прибыли послы от Луция Тиберия, прокуратора при Льве, императоре Рима, с требованием дани. Но Артур отказался платить дань и приготовился к войне. Как только были сделаны необходимые распоряжения, он передал управление своим королевством племяннику Модреду и королеве Геневере, а сам с войском отправился в порт Хамо, где ветер был попутным. Войско благополучно переправилось и высадилось в устье реки Барбы. И там они разбили свои палатки, чтобы дожидаться прибытия королей островов.

Как только все войска были собраны, Артур двинулся к Августодунуму и расположился лагерем на берегу реки Альбы. Здесь произошло несколько сражений, во всех из которых преимущество было на стороне бриттов под предводительством их доблестных вождей - Хоэля, герцога Арморики, и Гавейна, племянника Артура. В конце концов Луций Тиберий решил отступить и дожидаться императора Льва, который должен был присоединиться к нему со свежими войсками. Но Артур, предвидя это событие, овладел определенной долиной и закрыл Луцию путь к отступлению, заставив его сразиться в решающей битве, в которой Артур потерял нескольких самых храбрых своих рыцарей и самых верных последователей. Но с другой стороны, Луций Тиберий был убит, а его армия полностью разгромлена. Беглецы рассеялись по стране: одни - по окольным дорогам и лесам, другие - по городам и весям, а также по всем другим местам, где они могли надеяться на безопасность.

Артур оставался в этих краях до следующей зимы и посвятил свое время восстановлению порядка и урегулированию власти. Затем он вернулся в Англию и с большим великолепием отпраздновал свои победы.

После этого король утвердил всех своих рыцарей, а тем, кто был небогат, дал земли и обязал их никогда не совершать ни злодеяний, ни убийств и всегда бежать от измены; также ни в коем случае не быть жестокими, но оказывать милость тому, кто просит пощады, под страхом лишения поклонения и лордства; и всегда оказывать услуги дамам, дамочкам и джентльменам под страхом смерти. И еще, чтобы никто не вступал в бой в неправомерной ссоре, ни за закон, ни за мирские блага. На этом поклялись все рыцари Круглого стола, и стар и млад. И каждый год присягали они на высоком празднике Пятидесятницы.

КОРОЛЬ АРТУР УБИВАЕТ ВЕЛИКАНА С ГОРЫ СВ. МИХАИЛА

Когда войско расположилось лагерем в Бретани, ожидая прибытия королей, к Артуру пришел один крестьянин и рассказал, что великан, чья пещера находится на соседней горе, называемой горой Святого Михаила, уже давно имеет обыкновение уносить крестьянских детей и пожирать их. "А теперь он схватил герцогиню Бретани, когда она ехала со своими сопровождающими, и унес ее, несмотря на все, что они могли сделать". "Итак, парень, - сказал король Артур, - можешь ли ты привести меня туда, где обитает этот великан?" "Да, конечно, - ответил добрый человек, - вон там, где ты видишь два больших костра, ты найдешь его и больше сокровищ, чем, я полагаю, во всей Франции". Тогда король позвал к себе сэра Бедвера и сэра Кея и велел им приготовить коней и упряжь для себя и для них, ибо после вечера он отправится в паломничество на гору Святого Михаила.

И вот они трое выехали и поскакали, пока не добрались до подножия горы. И там царь велел им задержаться, ибо сам он взойдет на эту гору. И он поднялся на гору, пока не подошел к большому костру, и там он нашел пожилую женщину, которая сидела у новой могилы и сильно скорбела. Тогда король Артур приветствовал ее и спросил, почему она так плачет; на что она ответила: "Сэр рыцарь, говори тише, ибо там дьявол, и если он услышит, что ты говоришь, то придет и погубит тебя. Ибо вы не сможете оказать ему сопротивления, настолько он свиреп и силен. Он убил герцогиню, что лежит здесь, которая была прекраснейшей из всех на свете, женой сэра Хозля, герцога Бретани". "Дама, - сказал король, - я прибыл от благородного завоевателя, короля Артура, чтобы заключить договор с этим тираном". "К черту такие договоры, - сказала она, - он не подчиняется ни королю, ни кому-либо другому". "Что ж, - сказал Артур, - я исполню свое послание за все твои страшные слова". И он пошел по гребню холма и увидел, что великан сидит за ужином, грызет конечность человека и печет на огне свои широкие конечности, а рядом лежат три прекрасные девы, которым выпал жребий быть съеденными в свой черед. Когда король Артур увидел это, он очень сжалился над ними, так что сердце его обливалось кровью от горя. Тогда он окликнул великана и сказал: "Тот, кто правит всем миром, дарует тебе короткую жизнь и позорную смерть. Почему ты убил эту герцогиню? Так выйди же, ибо в этот день ты умрешь от моей руки". Тогда великан поднялся и, взяв большую дубину, ударил ею короля и отсек ему корону; тогда король ударил его мечом в живот и нанес страшную рану. Тогда великан отбросил свою дубину и схватил короля в объятия, так что сокрушил ему ребра. Тогда три девы опустились на колени и стали молить Артура о помощи и утешении. А Артур метался и извивался, так что в одно время он был под землей, а в другое - над ней. Так, корчась и корчась, они скатились с холма, и все время, пока они корчились, Артур поражал его своим кинжалом; и вот, к счастью, они пришли к тому месту, где находились два рыцаря. И когда они увидели, что король крепко держится в объятиях великана, они подошли и освободили его. Тогда король велел сэру Кею отрубить великану голову, насадить ее на дубинку копья и прикрепить к барбакану, чтобы все люди могли видеть и созерцать ее. Это было сделано, и вскоре об этом стало известно по всей стране, и тогда люди пришли и поблагодарили царя. И он сказал: "Воздайте благодарность Богу; и возьмите добычу великана и разделите ее между собой". И король Артур велел построить на том холме церковь в честь святого Михаила.

КОРОЛЬ АРТУР ПОЛУЧАЕТ МЕЧ ОТ ВЛАДЫЧИЦЫ ОЗЕРА

Однажды король Артур выехал в путь, и вдруг ему стало известно, что за Мерлином гонятся три чурбана, чтобы убить его. Король поскакал к ним и приказал: "Бегите, чурлы!" Тогда они испугались, увидев рыцаря, и обратились в бегство. "О Мерлин, - сказал Артур, - здесь бы ты и был убит, за все твои промыслы, если бы меня не было рядом!" "Нет, - сказал Мерлин, - не так, ибо я мог бы спастись, если бы захотел; но ты более близок к смерти, чем я". И вот, когда они беседовали, король Артур заметил, что там сидит рыцарь на коне, как бы охраняя проход. "Сэр рыцарь, - сказал Артур, - по какой причине ты здесь находишься?" Тогда рыцарь ответил: "Ни один рыцарь не может проехать этим путем, если он не едет только со мной, ибо таков обычай этого перевала". "Я изменю этот обычай", - сказал король. Тогда они побежали вместе и столкнулись так сильно, что их копья задрожали. Тогда они выхватили свои мечи и сразились в сильном бою, нанеся множество сильных ударов. Но в конце концов меч рыцаря разрубил меч короля Артура на две части. Тогда рыцарь сказал Артуру: "Ты в моей власти, спасти тебя или убить, и если ты не сдашься как побежденный и восставший, ты умрешь". "Что касается смерти", - ответил король Артур, - "да будет она желанной, когда придет; но отдавать меня тебе в руки как восставшего, я не стану". Тогда он прыгнул на рыцаря, взял его за середину и повалил на землю; но рыцарь был очень силен, и вскоре он подмял Артура под

себя и хотел сорвать с него шлем, чтобы убить его. Тогда сказал Мерлин: "Рыцарь, придержи свою руку, ибо этот рыцарь - человек более почитаемый, чем ты думаешь". "Кто же он?" - спросил рыцарь. "Это король Артур". Тогда он хотел убить его, боясь его гнева, и поднял свой меч, чтобы зарубить его; и тут Мерлин наложил на рыцаря чары, так что он упал на землю в глубоком сне. Тогда Мерлин поднял короля Артура и посадил его на коня. "Увы! - сказал Артур, - что ты наделал, Мерлин? Неужели ты убил этого доброго рыцаря своими проделками?" "Не беспокойся, - сказал Мерлин, - он крепче тебя. Он только спит и проснется через три часа".

Тогда король и он отправились в путь и шли до тех пор, пока не пришли к отшельнику, который был добрым человеком и отличным пиявкой. И отшельник осмотрел все его раны и наложил хорошие мази; и король пробыл там три дня, и тогда раны его затянулись, и он мог ехать и ехать. И вот они выехали, и когда они ехали, Артур сказал: "У меня нет меча". "Не беда, - сказал Мерлин, - вот меч, который будет твоим". Так они ехали, пока не приехали к озеру, которое было красивым и широким. И посреди озера Артур увидел руку, облаченную в белый самит [Сноска: Самит - род шелковой ткани], которая держала в руке прекрасный меч. "Вот, - сказал Мерлин, - вон тот меч, о котором я говорил. Он принадлежит Владычице Озера, и, если она захочет, ты можешь взять его; если же нет, то не в твоей власти взять его".

И сэр Артур и Мерлин сошли с коней и сели в лодку. И когда они подошли к мечу, который держала рука, сэр Артур взял его за рукоять и отнес к себе, а рука и рукоять ушли под воду.

Затем они вернулись на сушу и поплыли дальше. И посмотрел сэр Артур на меч, и понравился он ему.

И поскакали они в Каэрлеон, где с радостью проезжали его рыцари. И когда они услышали о его приключениях, то изумились, что он так один рискует своей персоной. Но все знатные люди говорили, что это прекрасно - быть под началом такого вождя, который готов подвергнуть свою персону опасности, как это делали другие бедные рыцари.

ГЛАВА VI

СЫР ГАВАЙН

Сэр Гавейн был племянником короля Артура, его сестра Моргана была замужем за Лотом, королем Оркнейским, которого Артур сделал королем Норвегии. Сэр Гавейн был одним из самых знаменитых рыцарей Круглого стола, и романтики называют его мудрым и любезным Гавейном. На него ссылается Чосер в "Сказании о Сквайре", где странный рыцарь "приветствует" всех придворных

"С таким почтеньем и вниманьем,
Как в речах, так и в облике,
Что Гавейн, с его старинным куртесом,
Хоть и был он из фейри,
Ни словом не мог его исправить".

Братьями Гавейна были Агривейн, Гахариет и Гарет.

ЖЕНИТЬБА СЭРА ГАВЕЙНА

Однажды король Артур собрал свой двор в веселом Карлайле, и к нему явилась девица с просьбой о милости. Она хотела отомстить рыцарю-каитифу, который взял в плен ее возлюбленного и лишил ее земель. Король Артур велел принести ему свой меч Экскалибар, оседлал своего коня и без промедления отправился в путь, чтобы исправить ошибку дамы. Вскоре он достиг замка мрачного барона и вызвал его на поединок. Но замок стоял на волшебной земле, и чары были таковы, что ни один рыцарь не мог ступить туда, но сразу же падало его мужество и ослабевали силы. Король Артур почувствовал чары, и прежде чем был нанесен удар, его крепкие конечности потеряли силу, а голова поникла. Он был готов отдать себя в плен жестокому рыцарю, который отказался отпустить его только при условии, что тот вернется через год и принесет правдивый ответ на вопрос: "Чего больше всего желают женщины?", а в противном случае отдаст себя и свои земли. Король Артур принял условия и дал клятву вернуться в назначенный срок. В течение года король ездил то на восток, то на запад и расспрашивал всех встречных, чего больше всего желают все женщины. Одни отвечали ему, что богатства; другие - пышности и состояния; третьи - веселья; четвертые - лести; пятые - галантного рыцаря. Но в многообразии ответов он не мог найти никакой надежной зависимости. Год уже почти закончился, когда однажды, проезжая в задумчивости по лесу, он увидел сидящую под деревом даму столь отвратительного вида, что отвернулся, а когда она приветствовала его в подобающей случаю манере, ничего не ответил. "Что ты за зверь, - сказала дама, - что не хочешь говорить со мной? Быть может, я смогу разрешить твои сомнения, хотя и не отличаюсь красотой". "Если ты хочешь этого, - сказал король Артур, - выбери себе награду, ты, мрачная леди, и она будет тебе дана". "Поклянись мне в этом своей верой", - сказала она, и Артур поклялся. Тогда дама поведала ему тайну и потребовала свою награду: король должен был найти ей в мужья какого-нибудь честного и любезного рыцаря.

Король Артур поспешил в замок мрачного барона и рассказал ему один за другим все ответы, которые он получил от разных своих советников, кроме последнего, и ни один не был признан истинным. "Теперь отдай тебя, Артур, - сказал великан, - ибо ты не заплатил свой выкуп, и ты и твои земли достаются мне". Тогда король Артур сказал:

"Все же держи свою руку, гордый барон,
Молю тебя, держи свою руку,
И дай мне слово сказать еще раз,
чтобы спасти мою землю.
Сегодня утром, когда я перебирался через болото,
я увидел даму,
между дубом и зеленым остролистом,
Вся одетая в красное багряное.
Она говорит, что ВСЕ ЖЕНЩИНЫ ХОТЯТ СВОЕЙ ВОЛИ,
Это их главное желание;
Теперь уступи, как истинный барон,
Что я заплатил свой наем".

"Это сестра моя тебе сказала", - воскликнул разгневанный барон. "Месть ей светла! Когда-нибудь я сделаю ей такое же зло".

Король Артур поскакал домой, но не с легким сердцем, ибо помнил об обещании, данном им немилой даме, дать ей в мужья одного из своих молодых и галантных рыцарей. Он поведал о

своем горе сэру Гавейну, своему племяннику, и тот ответил: "Не печальтесь, милорд, ибо я женюсь на немилой даме". Король Артур ответил:

"Нет, нет, нет, добрый сэр Гавейн,
Ты сын моей сестры;
Ненавистная дама слишком мрачна,
И слишком дурна для тебя".

Но Гавейн упорствовал, и в конце концов король с горечью в сердце согласился, чтобы Гавейн стал его выкупом. И вот однажды король со своими рыцарями поскакал в лес, встретил немилосердную даму и привел ее ко двору. Сэр Гавейн, как мог, выдержал насмешки и издевки своих спутников, и брак был торжественно заключен, но не с обычными празднествами. Чосер рассказывает:

"... Не было ни радости, ни праздника;
Там не было ни печали, ни горести,
Ибо в утро он с ней обвенчался,
И весь день потом прятал его, как сову,
И так жаль было ему, что жена его так мерзко выглядела!"

[Сноска: N'AS - НЕ БЫЛО, сокращенное; в современной фразе - THERE НЕ БЫЛО. MOCHEL SORWE - много горя; MORWE - MORROW].

Когда наступила ночь, и они остались вдвоем, сэр Гавейн не смог скрыть своего отвращения; и леди спросила его, почему он так тяжело вздыхает и отворачивает лицо. Он чистосердечно признался, что это из-за трех причин: ее возраста, уродства и низкого положения. Дама, ничуть не обидевшись, ответила прекрасными аргументами на все его возражения. Она показала ему, что с возрастом приходит благоразумие, уродство защищает от соперников и что истинное благородство зависит не от случайности рождения, а от характера человека.

Сэр Гавейн ничего не ответил, но, переведя взгляд на свою невесту, с каким изумлением заметил, что она больше не носит того неприглядного вида, который так его огорчал. Тогда она рассказала ему, что облик, который она носила, не был ее истинным обликом, а маскировкой, наложенной на нее злым чародеем, и что она осуждена носить его до тех пор, пока не произойдут две вещи: во-первых, она должна получить в мужа какого-нибудь молодого и галантного рыцаря. Как только это произошло, половина амулета была снята. Теперь она могла носить свой истинный облик половину времени, и она предложила ему выбрать, будет ли он иметь ее прекрасной днем и безобразной ночью, или наоборот. Сэр Гавейн предпочел бы, чтобы она выглядела наилучшим образом ночью, когда ее видит только он один, а остальным показывает свой отталкивающий облик, если вообще показывает. Но она напомнила ему, что гораздо приятнее было бы ей выглядеть днем в толпе рыцарей и дам. Сэр Гавейн уступил и подчинил свою волю ее воле. Только этого не хватало, чтобы разрушить очарование. Теперь прекрасная дама с радостью заверила его, что больше не изменится, а как была, так и останется, как ночью, так и днем.

"Сладкий румянец не сходил с ее румяных щек,
Глаза ее были черны, как терновник,
И спелая вишня набухла на губах,
И вся шея ее была снежной".

Сэр Гавейн узнал ту даму прекрасную.
Лежащую на простыне,
И поклялся, что он истинный рыцарь,
Что пряность никогда не была так прекрасна".

Разрушение чар, державших даму, освободило и ее брата, "мрачного барона", ведь он тоже был замешан в этом. Он перестал быть жестоким притеснителем и стал галантным и щедрым рыцарем, как никто другой при дворе Артура.

ГЛАВА VII

КАРАДОК БРИФБРАС; ИЛИ КАРАДОК С УКОРОЧЕННОЙ РУКОЙ

Карадок был сыном Есенны, прекрасной племянницы Артура. Он не знал, кто его отец, пока это не выяснилось следующим образом: Когда юноша достиг возраста, позволяющего ему получить рыцарские почести, король Артур устроил большой суд, чтобы посвятить его в рыцари. По этому случаю явился незнакомый рыцарь и предложил рыцарям двора Артура обменяться с ним ударом за удар. Он предложил следующее: положить свою шею на блок, чтобы любой рыцарь мог нанести удар, при условии, что, если он выдержит удар, рыцарь в свою очередь подвергнется такому же эксперименту. Сэр Кей, обычно готовый принять любой вызов, назвал это предложение совершенно неразумным и заявил, что не согласится на него за все богатства мира. И когда рыцарь предложил свой меч, которым должен был быть проведен эксперимент, никто не решился принять его, пока Карадок, разгневанный позором, которому подвергся Круглый стол, не отбросил свою мантию и не взял его. "Ты делаешь это как один из лучших рыцарей?" - спросил незнакомец. "Нет, - ответил тот, - но как один из самых глупых". Незнакомец положил голову на колодку, получил удар, от которого она покатилась с его плеч, пошел за ней, поднял ее, поставил на место с большим успехом и сказал, что вернется, когда суд соберется в следующем году, и потребует своей очереди. Когда наступила годовщина, обе стороны были пунктуальны в выполнении своего обещания. Король и королева, а также все придворные прибегли к великим уговорам в пользу Карадока, но незнакомец был непреклонен. Молодой рыцарь положил голову на колодку и не раз просил его покончить с этим делом и не держать его дольше в столь неприятном состоянии ожидания. Наконец незнакомец легонько ударил его острием меча, велел подняться и открыл ему, что он - его отец, чародей Элиаурс, и что он с радостью принимает его за сына, доказавшего свою храбрость и верность слову.

Но благосклонность чародеев недолговечна и неопределенна. Элиаур попал под влияние злой женщины, которая, чтобы удовлетворить свою злобу на Карадока, уговорила чародея прикрепить ему на руку змею, которая так и осталась сосать его плоть и кровь, и никакое человеческое умение не смогло ни снять пресмыкающееся, ни облегчить мучения, которые терпел Карадок.

Карадок был обручен с Гимером, сестрой его закадычного друга Кадора и дочерью короля Корнуолла. Как только им сообщили о его плачевном состоянии, они отправились в Нант, где находился замок Карадока, чтобы Гимьер могла присматривать за ним. Когда Карадок узнал об их приезде, первым его чувством были радость и любовь. Но вскоре он начал бояться, что вид его истощенного тела и его страданий вызовет отвращение у Гимьера; и это опасение стало настолько сильным, что он тайно покинул Нант и спрятался в скиту. Его искали вдали от дома рыцари двора Артура, и Кадор дал обет никогда не прекращать поисков, пока не найдет его. После долгих скитаний Кадор обнаружил своего друга в скиту, превратившегося

почти в скелет и, судя по всему, близкого к смерти. Все другие способы облегчения были испробованы безрезультатно, и Кадор наконец обратился к чародею Элиауру с просьбой открыть единственный способ, который мог бы помочь ему спастись. Нужно найти девушку, равную ему по рождению и красоте и любящую его больше, чем себя, чтобы она подвергла себя тем же мучениям ради его освобождения. Затем были поставлены два сосуда, один из которых был наполнен кислым вином, а другой - молоком. Карадок должен войти в первый, чтобы вино доходило ему до горлышка, а дева - в другой, и, обнажив лоно на краю сосуда, предложить змею оставить увядшую плоть своей жертвы ради этой свежей и привлекательной пищи. Сосуды ставили на расстоянии трех футов друг от друга, и когда змея переходила из одного в другой, рыцарь должен был разрубить ее надвое. Если бы он не справился с ударом, Карадок действительно был бы избавлен, но только для того, чтобы увидеть, как его прекрасная поборница испытывает те же жестокие и безнадёжные муки. Дальнейшее можно легко предугадать. Гимер с готовностью пустилась в рискованное приключение, и Кадор удачным ударом убил змею. Рука, в которой Карадок так долго мучился, восстановила свою силу, но не форму, из-за чего его стали называть Карадоком Брифбрасом, Карадоком с уменьшенной рукой.

Карадок и Гимьер - герой и героиня баллады о "Мальчик с мантией", которая звучит следующим образом:

"МАЛЬЧИК И МАНТИЯ

"В Карлайле жил король Артур,
Принц могущественный,
И там держал свой круглый стол,
В окружении многих рыцарей.

"И там он праздновал свое Рождество,
С весельем и княжеской радостью,
Как вдруг странный и хитрый мальчик
Перед ним появился.

"В юбке и мантии
Надел на него этот мальчик,
С брошками, кольцами и ушками,
И нарядно одет.

"У него был поясок шелковый
Около середины его;
И так с изящным реверансом
Он короля Артура приветствовал:

"Да здравствует Бог, храбрый король Артур.
Пиршествуя в твоей беседке,
И Геневер, королева твоя прекрасная,
Этот прекрасный и несравненный цветок.

"Вы, галантные лорды и лординги,
Я желаю, чтобы вы все были внимательны,
Чтобы то, что вы считаете цветущей розой.
Не окажется сорняком".

"И тут же из груди своей
Маленькую палочку он достал;
И вместе с ней мантию,
дивной формы и оттенка.

"Теперь держи, король Артур,
Возьми это у меня,
И отдай своей прекрасной королеве,
Все в форме, как ты видишь.

"Не станет она женой,
Которая когда-то была виновата".
Тогда каждый рыцарь при дворе Артура
лукаво взглянул на свою даму.

"И первой пришла леди Геневера,
Мантию она должна примерить.
Эта дама была новомодной, [1]
И с блуждающим взором.

"Когда она взяла мантию,
И в нее вся облачилась,
От макушки до пят она задрожала,
Как будто ножницами подстригли.

"Один раз она была слишком длинной,
Другой - слишком короток,
И морщилась на плечах,
В самом неприличном виде.

"То зеленым, то красным он казался,
А потом все соболиного оттенка;
'Beshrew me,' quoth King Arthur,
"Я думаю, что ты не правдива!

"Она сбросила мантию,
Больше она не хотела оставаться;
Но, бушуя, как ярость,

В свои покои устремилась.

"Она прокляла негодного ткача,
Который мантию сшил;
И вдвойне проклинала она мерзкого зверя.
Который ее сюда принес.

Я бы предпочла жить в пустыне,
под зеленым деревом,
Чем здесь, царь, среди женихов твоих.
На потеху им и тебе".

"Сэр Кей позвал свою даму,
И велел ей подойти:
"И все же, дама, если ты виновна,
Я молю тебя сейчас воздержаться".

"Эта дама, хитро хихикая,
шагом вперед пошла,
И смело к мальчику
С бесстрашным лицом ушла.

"Когда она взяла мантию,
с целью надеть,
Она сжалась до плеч,
И оставила спину голой.

"Тогда каждый веселый рыцарь,
кто был при дворе Артура,
Сплетничали, смеялись и шушукались,
Чтоб посмотреть на этот приятный спорт.

"Она сбросила мантию,
Больше не смела и не весела,
Но с лицом бледным и увядшим
В свои покои скрылась.

"Тогда вышел старый рыцарь
И, поклонившись ей, он продекламировал свое кредо,
И предложил мальчику
Пять вельмож в придачу:

"И все Рождество
Сливовый коридор будет твоим,

Если ты позволишь моей прекрасной леди
В мантии сиять".

"Его леди казалась святой,
С шагом скромным и медленным,
И к мантии сдержанно
С кротким лицом идет.

"Когда же она взяла ту же
Что была так прекрасна и тонка,
Она вся сморщилась,
И показала свою изящную кожу.

"Ах, мало ли что она там натворила,
Или его долгие молитвы;
На ней висело не больше
чем кисточка и нитка.

"Она сбросила мантию,
С ужасом и тревогой,
И с лицом багровым
В свои покои скрылась.

"Сэр Крэдок позвал свою даму,
И велел ей подойти:
"Примите эту мантию, леди,
И сделайте мне честь здесь:

"Возьмите эту мантию, леди,
Теперь она будет принадлежать вам,
Если ты никогда не поступала дурно,
С тех пор как я впервые сделал тебя своей".

"Леди, нежно краснея,
со скромным изяществом вышла вперед;
И теперь, чтоб испытать дивный шарм
Смело ушла.

"Когда она накинула мантию,
И накинула ее на спину,
По подолу показалось.
морщился и трещал.

"Лежи спокойно, - крикнула она, - О мантия!
И не позорь меня ни за что;
Я свободно признаюсь в том, что плохого
Или в чем я провинилась.

"Однажды я поцеловала сэра Крэдока
Под зелёным деревом;
Однажды я поцеловала уста сэра Крэдока,
Прежде чем он женился на мне".

"Когда она таким образом отчитала себя,
И худший свой проступок рассказала,
Мантия вскоре стала ей к лицу,
Как и положено.

"Богатейший и яркий цвет,
Как золото, она сверкала,
И рыцари при дворе Артура
Восхищались ею все".

[Сноска 1: New-fangled - любитель новизны].

Далее в балладе рассказывается еще о двух подобных испытаниях, проведенных с помощью головы кабана и питьевого рога, и в обоих случаях результат был одинаково благоприятен для сэра Крэдока и его дамы. Далее он заключает следующим образом:

"Так кабанья голова, рог и мантия
были угощением этой прекрасной пары;
И все такие постоянные любовники,
God send them well to speed"

-Percy's Reliques.

ГЛАВА VIII

ЛАНЦЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ

На короля Бана из Бретани, верного союзника Артура, напал его враг Клаудас, и после долгой войны он оказался во владении одной крепости, где его осаждал враг. В такой ситуации он решил обратиться за помощью к Артуру и бежал темной ночью с женой Еленой и сыном-младенцем Лаунселотом, оставив свой замок в руках сенешаля, который тут же сдал его Клаудасу. Во время бегства пламя горящей цитадели достигло глаз несчастного монарха, и он скончался от горя. Несчастливая Елена, оставив ребенка на берегу озера, полетела встречать последние вздохи мужа, а вернувшись, увидела маленького Лаунселота на руках у нимфы, которая при приближении королевы бросилась в озеро вместе с ребенком. Этой нимфой была Вивиана, любовница чародея Мерлина, более известная под именем Владычицы Озера. Лаунселот получил свое прозвище благодаря тому, что воспитывался при

дворе этой чародейки, чей дворец располагался посреди не настоящего, а, подобно видимости, обманывающей африканского путешественника, воображаемого озера, чье обманчивое сходство служило преградой для ее резиденции. Здесь она жила не одна, а в окружении многочисленной свиты и великолепного двора, состоящего из рыцарей и фрейлин.

После двойной утраты королева удалилась в монастырь, где к ней присоединилась вдова Бохорта, ибо этот добрый король умер от горя, узнав о смерти своего брата Бана. Два его сына, Лионель и Бохорт, были спасены верным рыцарем и в облике борзых собак прибыли в Озерный дворец, где, вернув себе естественный облик, получили образование вместе со своим кузеном Лаунселотом.

Фея, когда ее воспитаннику исполнилось восемнадцать лет, доставила его ко двору Артура, чтобы потребовать принятия рыцарского звания; и при первом же появлении молодого кандидата достоинства его лица, не уступавшие его храбрости и умению владеть оружием, произвели мгновенное и неизгладимое впечатление на сердце Геневеры, а ее прелести внушили ему столь же пылкую и постоянную страсть. Взаимная привязанность этих влюбленных с тех пор оказывала влияние на всю историю Артура. Ради Геневеры Лонселот завоевал Нортумберленд, победил Галлехаута, короля Марша, который впоследствии стал его самым верным другом и союзником, участвовал в многочисленных поединках и привел к ногам своего государя множество пленников.

СЭР ЛОНСЕЛОТ

После того как король Артур прибыл из Рима в Англию, все рыцари Круглого стола прибегли к нему и устроили ему множество поединков и турниров. И особенно сэр Лонселот Озерный во всех турнирах и поединках и ратных делах, как на жизнь, так и на смерть, превосходил всех остальных рыцарей и никогда не был побежден, разве что изменой или чарами; и он дивно возрос в поклонении, отчего королева Геневера пользовалась его великой благосклонностью, превыше всех остальных рыцарей. И он снова полюбил королеву больше всех других дам; и ради нее он совершил множество подвигов и спас ее от опасности благодаря своему благородному рыцарству. Так сэр Лаунселот долго отдыхал за игрой и забавами, а потом решил испытать себя в странных приключениях; и он велел своему племяннику, сэру Лайонелу, подготовить его, "ибо мы вдвоем будем искать приключений". И вот они сели на коней, вооруженные до зубов, и поскакали в лес, а оттуда на глубокую равнину. Ближе к полудню стало жарко, и сэру Лаунселоту очень захотелось спать. Тогда сэр Лайонел заметил большую яблоню, стоявшую у изгороди, и сказал: "Брат, вон там прекрасная тень - пусть там отдохнем мы и наши кони". "Это хорошо сказано", - ответил сэр Лаунселот. И они там остановились, и сэр Лонселот улегся, положив шлем под голову, и вскоре заснул крепким сном. А сэр Лайонел проснулся, пока спал. Вскоре появились три рыцаря, скачущие так быстро, как только могли скакать, а за ними следовал только один рыцарь. И сэр Лайонел подумал, что никогда прежде не видел такого великого рыцаря. И вот через некоторое время этот великий рыцарь нагнал одного из них и поразил его так, что тот упал на землю. Затем он поскакал ко второму рыцарю и поразил его, и так же поступил с третьим рыцарем. Затем он сошел на землю и связал всех трех рыцарей их же уздечками. Когда сэр Лайонел увидел, как он это делает, он подумал, как бы заручиться его поддержкой, и приготовился тихо, чтобы не разбудить сэра Лаунселота, и поскакал за сильным рыцарем, и велел ему повернуть. И второй ударил сэра Лионеля так сильно, что конь и человек упали на землю; затем он сошел вниз, связал сэра Лионеля и бросил его на своего коня; и так он обслужил их всех четверых и ускакал с ними в свой собственный замок. И когда он приехал

туда, то посадил их в глубокую темницу, в которой находилось еще много рыцарей, попавших в большую беду.

И вот, когда сэр Лаунселот лежал под яблоней и спал, к нему пришли четыре королевы с большим состоянием. А чтобы жара их не огорчала, вокруг них ехали четыре рыцаря, и на четырех копьях, между ними и солнцем, была накинута ткань из зеленого шелка. А королевы ехали на четырех белых мулах.

Когда они ехали, то слышали, как рядом с ними мрачно взревел огромный конь. Потом они увидели спящего рыцаря, который лежал во всеоружии под яблоней, и, взглянув на его лицо, королевы поняли, что это сэр Лаунселот. Тогда они стали бороться за этого рыцаря, и каждая сказала, что хотела бы получить его за свою любовь. "Мы не будем бороться, - сказала Моргана ле Фей, сестра короля Артура, - ибо я наложу на него чары, и он не проснется шесть часов, и мы увезем его в мой замок; а когда он будет в моих владениях, я сниму с него чары, и тогда пусть он выберет, кого из нас он полюбит". Так было наложено заклятие на сэра Лаунселота. И тогда они положили его на щит и посадили на коня между двумя рыцарями, и привезли его в замок, и положили в палате, а ночью подали ему ужин. А утром рано пришли те четыре королевы, богато одетые, и пожелали ему доброго утра, а он им снова. "Сэр рыцарь, - сказали они, - ты должен понимать, что ты наш пленник; и мы хорошо знаем тебя, что ты сэр Лаунселот Озерный, сын короля Бана, и что ты самый благородный рыцарь из живущих. И мы хорошо знаем, что ни одна дама не может обладать твоей любовью, кроме одной, и это королева Геневера; и теперь ты потеряешь ее навсегда, а она - тебя, и поэтому тебе следует выбрать одну из нас. Я - королева Моргана ле Фей, а вот королева Северного Уэльса, и королева Истленда, и королева Островов. А теперь выбери одну из нас, которая тебе по вкусу, ибо, если ты не выберешь, в этой тюрьме ты умрешь". "Тяжелое это дело, - сказал сэр Лонселот, - либо я должен умереть, либо выбрать одну из вас; но лучше бы мне умереть в этой тюрьме с поклоном, чем иметь одну из вас своей спутницей, ибо вы - лживые чаровницы". "Ну что ж, - сказали королевы, - вот ваш ответ, что вы нам откажете". "Да, клянусь жизнью, это так", - сказал сэр Лаунселот. И они ушли, опечаленные великой скорбью.

В полдень к нему пришла девица с обедом и спросила его: "Как настроение?" "Воистину, прекрасная девица, - сказал сэр Лаунселот, - никогда мне не было так плохо". "Сэр, - сказала она, - если вы будете управлять мной, я помогу вам выбраться из беды. Если вы пообещаете мне помочь моему отцу в ближайший вторник, который устроил турнир между ним и королем Северного Уэльса; ведь в прошлый вторник мой отец проиграл на поле боя". "Прекрасная дева, - сказал сэр Лонселот, - скажи мне, как зовут твоего отца, и тогда я дам тебе ответ". "Сэр рыцарь, - сказала она, - мой отец - король Багдемагус". "Я хорошо знаю его, - сказал сэр Лонселот, - как благородного короля и доброго рыцаря; и, клянусь своим телом, я буду готов в тот же день оказать услугу вашему отцу и вам".

И она ушла, и пришла на следующее утро рано, и нашла его готовым, и вывела его из двенадцати замков, и привела к его собственному коню, и легко он оседлал его, и так поскакал вперед.

А в следующий вторник он подъехал к небольшому лесу, где должен был состояться турнир. Там стояли подмости и трюмы, чтобы лорды и леди могли смотреть на них и давать приз. Тогда вышел на поле король Северного Уэльса с восьмьюдесятью шлемами, а король Багдемагус - с четырьмядесятью шлемами. И сошлись они на копьях, и сошлись с большой

прытью, и было повержено в первой же схватке двенадцать человек из отряда короля Багдемагуса и шесть из отряда короля Северного Уэльса, и хуже было отряду короля Багдемагуса.

Тогда подошел сэр Лаунселот Озерный и вонзил свое копье в самую гущу, и сбил пять рыцарей, пока не устоял на ногах, и сбил короля Северного Уэльса, и сломал ему бедро при этом падении. И тогда рыцари короля Северного Уэльса перестали сопротивляться; и так гридница была отдана королю Багдемагу.

И поскакал сэр Лаунселот с королем Багдемагусом в его замок; и там он весело проводил время и с королем, и с его дочерью. А на утро он взял отпуск и сказал королю, что пойдет искать своего брата, сэра Лайонела, который ушел от него, когда он спал. И он отправился в путь, и путем приключений пришел в тот самый лес, где его взяли спящим. На дороге он встретил девицу, ехавшую на белой полуторке, и они приветствовали друг друга.

"Прекрасная девица, - сказал сэр Лаунселот, - знаешь ли ты в этой стране какие-нибудь приключения?" "Сэр рыцарь, - ответила девица, - приключения здесь совсем рядом, если вы захотите их найти". "Почему бы мне не поискать приключений?" - сказал сэр Лаунселот, - "ведь ради этого я и приехал сюда". "Сэр, - сказала она, - здесь живет рыцарь, с которым не сравнится ни один из тех, кого я знаю, разве что вы его переплунете. Зовут его сэр Туркин, и, как я понимаю, он смертельный враг короля Артура, и в его темнице сидят добрые рыцари двора Артура, три десятка с лишним, которых он завоевал своими руками". "Девица, - сказал Лаунселот, - прошу тебя, приведи меня к этому рыцарю". И она сказала ему: "Здесь, в миле, находится его замок, а возле него, по левую руку, есть брод, где можно поить лошадей, и над этим бродом растет прекрасное дерево, и на этом дереве висит много щитов, которыми в прошлом владели добрые рыцари, а теперь они в плену; а на дереве висит таз из меди и лат, и если ты ударишь по этому тазу, то услышишь весть". И сэр Лонселот выехал и поскакал, как показала ему девица, и вскоре подъехал к броду и к дереву, где висели щиты и таз. И среди щитов он увидел щиты сэра Лионеля и сэра Гектора, а также многих других рыцарей, которых он знал.

Тогда сэр Лаунселот ударил по бассейну острием своего копья; долго он так делал, но никого не увидел. И вот он увидел великого рыцаря, который ехал перед ним на коне, а поперек коня лежал вооруженный рыцарь, связанный. И когда они приблизились, сэр Лонселот подумал, что должен узнать пленного рыцаря. И тут сэр Лонселот увидел, что это сэр Гахерис, брат сэра Гавейна, рыцарь Круглого стола. "А теперь, прекрасный рыцарь, - сказал сэр Лонселот, - ссади раненого рыцаря с коня и дай ему немного отдохнуть, а мы вдвоем покажем свою силу. Ибо, как мне сказали, ты сделал много зла и позора рыцарям Круглого стола, поэтому теперь защищаю тебя". "Если ты из Круглого стола, - сказал сэр Туркин, - то я бросаю вызов тебе и всему твоему братству". "Это слишком громко сказано", - сказал сэр Лонселот.

Тогда они положили свои копья на упоры и сошлись на своих конях так быстро, как только могли бежать. И каждый ударил другого в середину своего щита, так что кони их упали под ними, и рыцари оба зашатались; и как только они смогли освободить своих коней, они вытащили свои мечи и сошлись в нетерпении, и каждый нанес другому много сильных ударов, ибо ни щит, ни упряжь не могли выдержать их ударов. Так что через некоторое время оба получили страшные раны и истекали кровью. В конце концов они обессилели и стояли, опираясь на мечи. "Итак, дружище, - сказал сэр Туркин, - ты самый крепкий человек из всех, с кем я встречался, и лучше всех дышишь; и пусть ты не рыцарь, которого я ненавижу больше всех других рыцарей, рыцарь, убивший моего брата, сэра Карадоса, я с радостью соглашусь с тобой; и за твою любовь я освобожу всех пленников, которые у меня есть".

"Что это за рыцарь, которого ты ненавидишь больше других?" "Воистину, - сказал сэр Туркин, - его зовут сэр Лаунселот Озерный". "Я - сэр Лонселот Озерный, сын короля Бана из Бенвика и рыцарь Круглого стола; и теперь я бросаю тебе вызов, сделай все, что в твоих силах". "Ах!" - сказал сэр Терквин, - "Лонселот, ты для меня самый желанный рыцарь на свете, ибо мы никогда не расстанемся, пока один из нас не умрет". И тогда они бросились друг на друга, как два диких быка, сшибаясь и ударяясь мечами и щитами, так что иногда они падали, как бы вниз головой. Так они бились два часа с лишним, пока земля, на которой они сражались, не окрасилась кровью.

В конце концов сэр Туркин сильно занемог, несколько ослабел и от усталости опустил свой щит. Тот заметил сэра Лаунселота и прыгнул на него, свирепый, как лев, схватил его за бобрин шлема и повалил на колени. И он снял с него шлем и раздробил ему шею.

И сэр Гахерис, увидев убитого сэра Туркина, сказал: "Прекрасный господин, прошу тебя, скажи мне свое имя, ибо сегодня я говорю, что ты лучший рыцарь в мире, ибо ты убил сегодня на моих глазах самого могучего человека и самого лучшего рыцаря, кроме тебя, которого я когда-либо видел". "Сэр, меня зовут сэр Лонселот дю Лак, и я должен помочь вам по праву ради короля Артура и особенно ради сэра Гавейна, вашего родного брата. А теперь я молю тебя, отправляйся в тот замок и освободи всех пленников, которых ты там найдешь, ибо я уверен, что ты найдешь там многих рыцарей Круглого стола, и особенно моего брата сэра Лайонела. Молю вас, приветствуйте их всех от меня и скажите, что я велю им взять там все, что они найдут; и скажите моему брату, чтобы он отправился во двор и ждал меня там, ибо к празднику Пятидесятницы я думаю быть там; но в это время я могу не останавливаться, ибо у меня на руках приключения". И он уехал, а сэр Гахерис поскакал в замок, взял у привратника ключи, поспешно открыл дверь тюрьмы и выпустил всех узников. Там были сэр Кей, сэр Бранделс и сэр Галинд, сэр Брайан и сэр Алидук, сэр Гектор де Мэрис и сэр Лайонел, и многие другие. И когда они увидели сэра Гахериса, то все поблагодарили его, ибо думали, что, поскольку он был ранен, он убил сэра Туркина. "Не так, - сказал сэр Гахерис, - это сэр Лонселот убил его, прямо-таки боготворил; я видел это своими глазами".

Сэр Лонселот ехал до тех пор, пока в сумерках не подъехал к красивому замку, и там он нашел старую дворянку, которая поселила его по доброй воле, и там он хорошо взбодрился для себя и своего коня. А когда настало время, хозяин привел его в прекрасную палату за воротами, где он и лег. Тогда сэр Лаунселот снял с него оружие, запряг его и лег в постель, и вскоре заснул. А вскоре после этого появился некто верхом на коне и с большой поспешностью постучал в ворота; услышав это, сэр Лонселот встал, выглянул в окно и увидел при лунном свете трех рыцарей, скакавших за тем одним человеком, и все трое обрушили на него свои мечи, а тот рыцарь снова повернулся к ним рысцой и защищался. "Воистину, - сказал сэр Лонселот, - я помогу одному рыцарю, ибо стыдно видеть трех рыцарей на одном". Тогда он взял свою сбрую и вышел через окно, прикрытое простыней, к четырем рыцарям; и сказал вслух: "Повернитесь ко мне, рыцари, и оставьте свой бой с этим рыцарем". Тогда рыцари оставили сэра Кея, ибо на него они шли, и повернулись к сэру Лаунселоту, и нанесли сэру Лаунселоту много ударов, и напали на него со всех сторон. Тогда сэр Кей обратился к нему с просьбой помочь сэру Лонселоту, но тот ответил: "Нет, сэр, я не приму вашей помощи; позвольте мне остаться одному с ними". Тогда сэр Кей предоставил ему исполнить свою волю и встал по одну сторону. И за шесть ударов сэр Лонселот сразил их.

Тогда все они воскликнули: "Сэр рыцарь, мы отдаем нас вам". "Что касается этого, - сказал сэр Лонселот, - то я не приму вашей уступки мне. Если вы отдадите себя сенешалю сэру Кею, я сохраню вам жизнь, но в противном случае - нет". "Прекрасный рыцарь, - сказали они, - мы

сделаем то, что ты нам прикажешь". "Тогда, - сказал сэр Лонселот, - в следующий день Витсунды отправляйтесь ко двору короля Артура и там отдайте вас королеве Геневере и скажите, что сэр Кей послал вас к ней в плен". "Сэр, - сказали они, - это будет сделано, верой наших тел"; и тогда они поклялись, каждый рыцарь на своем мече. И тогда сэр Лонселот позволил им уйти.

На утро сэр Лонселот встал рано и оставил сэра Кея спать; и сэр Лонселот взял доспехи сэра Кея и его щит, и вооружил его, и пошел в конюшню и взял его коня, и так он уехал. Вскоре после этого встал сэр Кей и увидел сэра Лаунселота. И тут он заметил, что тот взял его доспехи и коня. "Теперь, клянусь своей верой, я хорошо знаю, - сказал сэр Кей, - что он огорчит некоторых рыцарей короля Артура, ибо они решат, что это я, и отважатся встретить его. Но благодаря его доспехам я уверен, что буду ехать спокойно". Тогда сэр Кей поблагодарил хозяина и удалился.

Сэр Лаунселот поехал в глухой лес и там увидел под дубом четырех рыцарей, и были они из двора Артура. Это были сэр Саграмур ле Дезир, и Гектор де Мэрис, и сэр Гавейн, и сэр Увейн. Когда они увидели сэра Лонселота, то по его оружию догадались, что это был сэр Кей. "Теперь, клянусь своей верой, - сказал сэр Саграмур, - я докажу могущество сэра Кея"; он взял в руку копье и подошел к сэру Лаунселоту. Тогда сэр Лонселот метнул в него свое копье и поразил сэра Саграмура так сильно, что конь и человек упали оба на землю. Тогда сэр Гектор сказал: "Теперь посмотрим, что я могу с ним сделать". Но ему пришлось хуже, чем сэру Саграмуру, ибо копье сэра Лаунселота пробило ему плечо и свалило его с коня на землю. "Клянусь, - сказал сэр Увейн, - вон тот сильный рыцарь, и я боюсь, что он убил сэра Кея и забрал его доспехи". И тогда сэр Увейн взял в руки копье и поскакал к сэру Лаунселоту; а сэр Лаунселот встретил его на равнине и дал ему такой удар, что тот зашатался и не знал, где находится. "Теперь я хорошо вижу, - сказал сэр Гавейн, - что должен встретиться с этим рыцарем". Тогда он поправил свой щит и взял в руку хорошее копье, и сэр Лаунселот хорошо его узнал. Тогда пустили они коней своих со всей прытью, и каждый рыцарь поразил другого в середину щита. Но копье сэра Гавейна сломалось, и сэр Лонселот с такой силой набросился на него, что его конь повалился назад. Тогда сэр Лонселот проехал мимо, улыбаясь про себя, и сказал: "Удачи тому, кто сделал это копье, ибо никогда не попадалось мне в руки копье лучше". Тогда четыре рыцаря подошли каждый к своему и утешили друг друга. "Что вы скажете об этом приключении, - сказал сэр Гавейн, - когда одно копье сразило нас всех четверых?" "Смею думать, это сэр Лонселот", - сказал сэр Гектор; "я знаю это по его езде".

И скакал сэр Лаунселот по многим странным странам, пока, по воле судьбы, не подъехал к прекрасному замку; и когда он выезжал за пределы замка, ему показалось, что он слышит звон двух колоколов. И тут он увидел, что над его головой, к высокому вязу, летит сокол; у него на ногах были длинные луни [Сноска: ЛУНИ - веревка, за которую держат сокола], и он подлетел к вязу, чтобы устроиться на нем, а луни запутались в сучьях; и когда он хотел взлететь, она повисла на ногах, и сэр Лонселот увидел, как она висит, и увидел, как запутался прекрасный сокол, и ему стало жаль ее. Тогда вышла из замка одна дама и громко закричала: "О Лаунселот, Лаунселот, как ты цветок всех рыцарей, помоги мне достать моего ястреба, ибо если мой ястреб пропадет, мой господин убьет меня, он так спешит". "Как зовут твоего господина?" - спросил сэр Лонселот. "Его зовут сэр Фелот, рыцарь, принадлежащий королю Северного Уэльса". "Что ж, прекрасная леди, раз вы знаете мое имя и требуете от меня рыцарской помощи, я сделаю все, что в моих силах, чтобы достать вашего ястреба; правда, я плохой альпинист, да и дерево высоко, а сучьев мало, чтобы мне помочь". И тогда сэр Лаунселот сошел с коня, привязал его к дереву и попросил даму снять с него оружие. И

когда он был безоружен, он снял с себя плащ и с силой и мощью вцепился в сокола, и привязал луни к гнилому суку, и сбросил ястреба вниз вместе с ним; и дама получила ястреба в свои руки. И вдруг вышел из замка ее муж, весь вооруженный, с обнаженным мечом в руке, и сказал: "О рыцарь Лаунселот, теперь я получил тебя, как хотел", и встал у сука дерева, чтобы зарубить его. "Ах, леди!" - сказал сэр Лонселот, - "почему вы предали меня?" "Она сделала, - ответил сэр Фелот, - только то, что я ей приказал; и потому нет иного выхода, как то, что час ваш настал, и вы должны умереть". "Это позор для тебя, - сказал сэр Лонселот, - ты вооруженный рыцарь, чтобы убивать голого человека за измену". "Другой милости ты не получишь, - сказал сэр Фелот, - и потому помоги себе сам, если сможешь". "Увы!" - сказал сэр Лаунселот, - "чтобы рыцарь когда-нибудь умер без оружия!" И тут он обратил свой взор то вверх, то вниз; над головой он увидел большой сук без листьев, и он отломил его от ствола. Затем он спустился ниже, посмотрел, как стоит его собственный конь, и вдруг перескочил на другую сторону своего коня от рыцаря. Тогда сэр Фелот с силой ударил его плетью, намереваясь зарубить. Но сэр Лаунселот отвел удар большим суком и ударил им сэра Фелота по голове, так что тот упал в обморок на землю. Тогда сэр Лаунселот выхватил меч из его руки и отсек ему голову от тела. Тогда сказала дама: "Увы, за что ты убил моего мужа?" "Не я тому причиной, - сказал сэр Лонселот, - ибо ложью вы хотели убить меня, а теперь это пало на вас самих". Тогда сэр Лонселот собрал все свои доспехи и поспешно надел их на себя, опасаясь новых нападений, ведь замок рыцаря был так близок. И как только смог, он сел на коня и уехал, возблагодарив Бога за то, что избежал этого приключения.

А за два дня до праздника Пятидесятницы сэр Лаунселот вернулся домой, и король и все придворные были рады его приезду. И когда сэр Гавейн, сэр Увейн, сэр Саграмур и сэр Гектор де Мэрис увидели сэра Лаунселота в доспехах сэра Кея, они поняли, что это он поразил их одним копьем. И тогда среди них поднялся смех и веселье; и время от времени приходили все рыцари, которых сэр Туркин взял в плен, и все они почитали и поклонялись сэру Лонселоту. Тогда сэр Гахерис сказал: "Я видел всю битву от начала до конца", - и рассказал королю Артуру все, как было. Затем сэр Кей рассказал королю, как сэр Лонселот спас его и как он "заставил рыцарей подчиниться мне, а не ему". И вот они, все трое, подтвердили все это "И, по моей вере, - сказал сэр Кей, - потому что сэр Лонселот взял мою сбрую и оставил мне свою, я ехал спокойно, и никто не хотел иметь со мной дела".

И так в то время сэр Лонселот носил величайшее имя среди всех рыцарей мира, и больше всего его почитали и высокие, и низкие.

ГЛАВА IX

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С ТЕЛЕГОЙ

Случилось так, что в мае месяце королева Геневера созвала своих рыцарей Круглого стола и предупредила их, что рано утром она отправится верхом в леса и поля близ Вестминстера; "и предупреждаю вас, чтобы не было среди вас никого, кроме хорошо оседланного, и чтобы все вы были одеты в зеленое, шелковое или суконное; и я приведу с собой десять дам, и у каждого рыцаря будет за спиной дама, и у каждого рыцаря будет оруженосец и два йомена, и все хорошо оседланные".

"Так и случилось однажды утром, когда собрался весь двор, в зеленых костюмах, но с плюмажами, насмехающимися над маем, Были, по своему обыкновению, на скачках".

-Гвиневера.

И вот они приготовились, и вот имена рыцарей: Сэр Кей Сенешаль, сэр Агривейн, сэр Брандилес, сэр Саграмур ле Дезир, сэр Додинас ле Соваж, сэр Озанна, сэр Ладинас, сэр Персант Индский, сэр Айронсайд и сэр Пеллеас; и эти десять рыцарей приготовились, как на подбор, к поездке с королевой. И вот на утро они сели на коней вместе с королевой и поскакали по лесам и лугам, как им было угодно, в великой радости и восторге. Был там один рыцарь по имени Малеаганс, сын короля Брадемагуса, который очень любил королеву Геневеру, и так было много лет. И вот этот рыцарь, сэр Малеганс, узнал о замысле королевы и о том, что у нее нет с собой ни одного оруженосца, кроме десяти благородных рыцарей, одетых в зеленое для майских праздников; и он приготовил двадцать оруженосцев и сто лучников, чтобы взять в плен королеву и ее рыцарей.

"В веселый месяц май,
Утром на рассвете,
С отрядом играющих девиц,
Королева, мол, вышла на бой".

-Старая песня.

И вот, когда королева отслужила май, и все были украшены травами, мхами и цветами в лучшем виде и свежести, как раз в это время из леса вышел сэр Малеганс с восьмьюдесятью мужчинами, хорошо запряженными, и потребовал от королевы и ее рыцарей отдать им пленников. "Рыцарь-предатель, - сказала королева Геневера, - что ты хочешь сделать? Позоришь ли ты себя? Вспомни, что ты сын короля и рыцарь Круглого стола, и как ты собираешься обесчестить все рыцарство и самого себя?" "Как бы то ни было, - сказал сэр Малеганс, - знайте, сударыня, я люблю вас уже много лет и никогда до сих пор не мог добиться от вас такой выгоды, как сейчас; а потому я приму вас такой, какой найду". Тогда десять рыцарей Круглого стола выхватили свои мечи, а другая сторона бросилась на них с копьями, и десять рыцарей мужественно устояли перед ними и отбили их копья. Затем они стали бить друг друга мечами, пока несколько человек не были повержены на землю. И когда королева увидела, что ее рыцари так горестно угнетены и должны быть убиты в конце концов, то от жалости и печали она воскликнула: "Сэр Малеаганс, не убивайте моих благородных рыцарей, и я пойду с вами, по этому договору, чтобы они шли со мной, куда бы вы меня ни повели". "Госпожа, - сказал Малеганс, - ради вас они пойдут с вами в мой собственный замок, если вы будете править и ехать со мной". Тогда сэр Малеганс приказал им всем, чтобы никто не отходил от королевы, ибо он боялся, как бы сэр Лаунселот не узнал о том, что было сделано.

Тогда королева тайно призвала к себе пажа из своих покоев, который был быстро оседлан, и сказала ему: "Ступай, когда придет время, и отнеси это кольцо сэру Лонселоту и моли его, как он любит меня, чтобы он увидел меня и спас. И не жалея своего коня, - сказала королева, - ни для воды, ни для суши". И ребенок понял, что время пришло, и, взяв коня за шпоры, ускакал со всей возможной скоростью. И когда сэр Малеганс увидел, что он так бежит, он понял, что это по велению королевы, чтобы предупредить сэра Лаунселота. Тогда те, кто был лучше всех на лошадях, погнались за ним и стреляли в него, но ребенок ушел от них всех. Тогда сэр Малеганс сказал королеве: "Госпожа, вы собираетесь предать меня, но я устрою сэра Лонселота так, чтобы он не напал на вас по легкомыслию". И поскакал он с нею и со всеми ими в свой замок со всей поспешностью, на какую был способен. А по дороге сэр Малеганс посадил в засаду лучших лучников, которые у него были, чтобы дожидаться сэра

Лонселота. И ребенок приехал в Вестминстер и нашел сэра Лонселота, и рассказал ему свою весть, и передал ему кольцо королевы. "Увы!" - сказал сэр Лонселот, - "теперь я опозорен навеки, если не смогу спасти эту благородную даму". Тогда он с нетерпением попросил свои доспехи и надел их на себя, сел на коня и поскакал так быстро, как только мог; и люди говорят, что он набрал воды у Вестминстерского моста и заставил своего коня переплыть Темзу до Ламбета. Через некоторое время он подъехал к лесу, где была узкая дорога, и там в засаде сидели лучники. Они выстрелили в него и поразили его коня так, что он упал. Тогда сэр Лаунселот оставил коня и пошел пешком, но между лучниками и ним было столько рвов и изгородей, что он не мог с ними потягаться. "Увы, как жаль, - сказал сэр Лонселот, - что один рыцарь может предать другого! Но, как гласит старая поговорка, хороший человек никогда не подвергается опасности, только когда ему угрожает опасность от труса". Тогда сэр Лонселот отправился в путь, и на нем было много доспехов, щитов и копий, и всего, что ему принадлежало. И тут случайно мимо него проехала телега, которая приехала за дровами.

В те времена телеги почти не использовались, разве что для перевозки отбросов и преступников на казнь. Но сэр Лонселот не думал ни о чем, кроме необходимости спешить ради спасения королевы; поэтому он потребовал от возчика, чтобы тот взял его и как можно скорее доставил за щедрое вознаграждение. Возчик согласился, сэр Лаунселот сел в повозку и только сетовал, что из-за сильной тряски он продвинулся совсем немного. Тут мимо проезжал сэр Гавейн и, увидев вооруженного рыцаря, ехавшего таким необычным способом, приблизился, чтобы узнать, кто это. Тогда сэр Лаунселот рассказал ему, как королеву увезли и как, спеша к ней на помощь, его лошадь была выведена из строя, и он был вынужден воспользоваться повозкой, чтобы не отказываться от своего предприятия. Тогда сэр Гавейн сказал: "Конечно, недостойно рыцаря путешествовать в таком виде", но сэр Лаунселот не послушал его.

В сумерках они подъехали к замку, и его хозяйка вышла во главе своих фрейлин, чтобы приветствовать сэра Гавейна. Но впускать его спутника, которого она считала преступником или, по крайней мере, пленником, ей было не с руки; однако, чтобы обмануть сэра Гавейна, она согласилась. За ужином сэра Лаунселота едва не отправили на кухню и допустили к столу леди только по настоятельной просьбе сэра Гавейна. Дамы также не приготовили для него постель. Он уселся на первую попавшуюся незанятую, и его не тревожили.

На следующее утро он увидел с башен замка поезд, сопровождавший даму, которую он принял за королеву. Сэр Гавейн подумал, что это может быть так, и с не меньшим нетерпением стал ждать отъезда. Хозяйка замка предоставила сэру Лаунселоту коня, и они на полной скорости понеслись по равнине. От встретившихся им путников они узнали, что к замку сэра Малеганса ведут две дороги. Здесь друзья разделились. На пути сэра Лаунселота встречались препятствия, с которыми он успешно, но не без потерь времени справлялся. Ближе к вечеру его встретила молодая и спортивная девица, которая весело предложила ему поужинать в ее замке. Рыцарь, голодный и усталый, принял предложение, хотя и без особого изящества. Он последовал за дамой в ее замок и с жадностью съел ее ужин, но был совершенно непроницаем для всех ее любовных ухаживаний. Вдруг сцена изменилась, и на него набросились шесть разъяренных грубиянов, с которыми он расправился так решительно, что большинство из них были быстро выведены из строя, когда снова произошла перемена, и он оказался наедине со своей прекрасной хозяйкой, которая сообщила ему, что она не кто иная, как его фея-хранительница, которая лишь подвергла его испытаниям на храбрость и верность. На следующий день фея проводила его в дорогу, а перед расставанием подарила ему кольцо, которое, по ее словам, своими изменениями цвета раскроет ему все чары и позволит подчинить их себе.

Сэр Лонселот продолжал свой путь, не испытывая особых неудобств, кроме насмешек путников, которые, похоже, каким-то образом узнали о его позорной езде в повозке. Один, более наглый, чем остальные, имел наглость прервать его во время ужина и даже рискнуть сразиться в поддержку своих любезностей. Легко одержав победу, Лонселот лишь обрек его на то, чтобы в свою очередь быть запряженным в телегу.

Ночью он был принят в другом замке с видимым гостеприимством, но утром оказался в темнице, да еще и обвешанный цепями. Посоветовавшись с кольцом и обнаружив, что оно заколдовано, он разорвал цепи, схватил свои доспехи, несмотря на провидческие чудовища, пытавшиеся их защитить, выломал ворота башни и продолжил путь. Вскоре его путь преградил широкий и стремительный поток, который можно было перейти только по узкому мосту, неверный шаг по которому означал гибель. Лаунселот, взяв коня за уздечку и заставив его плыть рядом с собой, перешел мост, и как только он достиг берега, на него напали лев и леопард, которых он убил, а затем, обессиленный и истекающий кровью, сел на траву и попытался перевязать свои раны, когда к нему обратился Брадемаг, отец Малеганса, замок которого находился тогда в поле зрения и на небольшом расстоянии. Этот король, не менее учтивый, чем его сын, надменный и дерзкий, похвалив сэра Лаунселота за доблесть и мастерство, проявленные им в опасностях, связанных с мостом и дикими зверями, предложил ему свою помощь и сообщил, что королева в безопасности в его замке, но спастись можно, только столкнувшись с Малеаганом. Лаунселот потребовал назначить битву на следующий день, и она состоялась, у подножия башни и на глазах у прекрасной пленницы. Лаунселот был ослаблен ранами и сражался не в своем обычном духе, и некоторое время поединок был сомнительным, пока Геневера не воскликнула: "Ах, Лаунселот! Мой рыцарь, мне верно сказали, что ты больше не достоин меня!" Эти слова мгновенно оживили поникшего рыцаря; он сразу же вернул себе свое обычное превосходство и вскоре поверг к ногам своего надменного противника.

Он уже готов был принести его в жертву своему негодованию, как Геневера, движимая мольбами Брадемага, приказала ему воздержаться от удара, и он повиновался. Теперь замок и его пленники были в его распоряжении. Лаунселот поспешил в покои королевы, бросился к ее ногам и уже собирался поцеловать ей руку, как она воскликнула: "Ах, Лаунселот! Зачем я снова вижу тебя и чувствую, что ты уже недостойн меня, после того как меня бесславно возили по стране в..." Она не успела закончить фразу, как ее возлюбленный вдруг отшатнулся от нее и, горько сокрушаясь, что навлекла на себя недовольство своей государыни, бросился вон из замка, разбрасывая направо и налево меч и щит, яростно побежал в лес и исчез.

Похуже, что история об отвратительной телеге, которая преследовала Лонселота на каждом шагу, дошла до ушей сэра Кея, который рассказал ее королеве в доказательство того, что ее рыцарь должен быть обещен. Но у Геневеры было достаточно времени, чтобы раскаяться в поспешности, с которой она придала значение этой истории. Прошло три дня, в течение которых Лаунселот бродил, не зная, куда себя деть, пока наконец не пришел к мысли, что его госпожу, несомненно, обманули, введя в заблуждение, и что его долг - исправить положение. Поэтому он вернулся, заставил Малеганса отпустить пленников и, выбрав дорогу, по которой ожидали прибытия сэра Гавейна, имел удовольствие встретиться с ним на следующий день; после чего вся компания весело направилась в Камелот.

ГЛАВА X

ЛЕДИ ШАЛОТТ

Король Артур объявил, что в Винчестере должен состояться торжественный турнир. Король, с не меньшим нетерпением, чем его рыцари, ожидавший этого праздника, за несколько дней до него отправился руководить приготовлениями, оставив королеву с ее двором в Камелоте. Сэр Лонселот под предлогом недомогания тоже остался. Он намеревался присутствовать на турнире в замаскированном виде; сообщив о своем намерении Геневере, он сел на коня, отправился без сопровождающих и, притворяясь немощным, поехал в Винчестер самой безлюдной дорогой и прошел незамеченным, как старый рыцарь, собравшийся стать зрителем спортивных состязаний. Даже Артур и Гавейн, случайно увидевшие его из окон замка, под которым он проходил, были обмануты его маскировкой. Но случай предал его. Его конь случайно споткнулся, и герой, на мгновение забыв о своем облике, поднял животное с силой и ловкостью, столь свойственными ему самому, что в нем сразу же узнали неподражаемого Лаунселота. Однако они позволили ему продолжить путь без перерыва, будучи уверенными, что его необыкновенные подвиги должны обнаружить его на приближающемся празднике.

Вечером Лаунселота как незнакомого рыцаря великолепно принимали в соседнем замке Шалотт. У хозяина этого замка была дочь изысканной красоты и двое сыновей, недавно принятых в рыцарский орден. Один из них в это время был болен в постели и поэтому не мог присутствовать на турнире, к которому оба брата давно готовились. Лаунселот предложил другому присутствовать на турнире, если ему будет позволено одолжить доспехи больного, и лорд Шалотт, не зная имени своего гостя, но убедившись по его внешнему виду, что лучшего помощника по оружию у его сына быть не может, с благодарностью принял это предложение. Тем временем юная леди, пораженная первым появлением незнакомого рыцаря, продолжала рассматривать его с повышенным вниманием и, еще до окончания ужина, так сильно влюбилась в него, что после частых изменений цвета кожи и других симптомов, которые сэр Лонселот никак не мог принять, она была вынуждена удалиться в свою комнату и искать облегчения в слезах. Сэр Лонселот поспешил передать ей через ее брата, что его сердце уже занято, но что он с гордостью и удовольствием выступит в качестве ее рыцаря на приближающемся турнире. Дама, вынужденная удовлетвориться этой любезностью, подарила ему свой шарф, который он будет носить на турнире.

Утром Лаунселот отправился в путь с молодым рыцарем, который, подъехав к Винчестеру, отнес его в замок дамы, сестры лорда Шалотта, где их радушно приняли. На следующий день они облачились в доспехи, которые были совершенно простыми и без всяких приспособлений, как и положено юношам в первый год рыцарства; их щиты были окрашены только в красный цвет, поскольку какой-то цвет был необходим для того, чтобы их могли узнать сопровождающие. Лаунселот надел на свой гребень платок девы Шалотты и, экипированный таким образом, отправился на турнир, где рыцари были разделены на две роты, одной из которых командовал сэр Галеаут, а другой - король Артур. Понаблюдав некоторое время за боем со стороны и заметив, что отряд сэра Галехаута начал сдавать позиции, они присоединились к ним и напали на королевских рыцарей, причем юноша выбрал себе противников, соответствующих его силе, а его спутник - главных чемпионов Круглого стола и последовательно поверг Гавейна, Бохорта и Лионеля. Зрители были крайне изумлены, ибо считалось, что никто, кроме Лонселота, не может обладать такой непобедимой силой; однако благосклонность на его гербе, казалось, исключала возможность того, что он так замаскирован, ибо Лонселот никогда не носил значка кого-либо, кроме своей государыни. В конце концов сэр Гектор, брат Лонселота, вступил с ним в

бой и после страшной схватки нанес ему опасное ранение в голову, но сам был полностью оглушен ударом по шлему и упал на землю; после этого завоеватель ускорил со всей скоростью, сопровождаемый своим спутником.

Они вернулись в замок Шалотт, где за Лаунселотом с величайшей заботой ухаживали добрый граф, двое его сыновей и, прежде всего, его прекрасная дочь, чье врачебное искусство, вероятно, значительно ускорило период его выздоровления. Здоровье его было почти полностью восстановлено, когда сэр Гектор, сэр Бохорт и сэр Лайонел, которые после возвращения двора в Камелот отправились на поиски своего родственника, обнаружили его прогуливающимся по стенам замка. Их встреча была очень радостной; три дня они провели в замке среди непрерывных празднеств и пересказывали друг другу события турнира. Лаунселот, хотя и начал с того, что поклялся отомстить тому, кто нанес ему рану, но закончил тем, что почувствовал себя вознагражденным за боль гордостью, которую он испытывал, наблюдая за необыкновенной доблестью своего брата. Затем он отпустил их с посланием к королеве, пообещав немедленно отправиться в путь, но для этого ему нужно было сначала официально распрощаться со своими добрыми хозяевами и прекрасной девой Шалотт.

Юная леди, тщетно пытавшаяся задержать его слезами и уговорами, увидела, что он уехал, не оставив ей никаких оснований для надежды.

Когда состоялся турнир, было начало лета, но с момента отъезда Лаунселота прошло уже несколько месяцев, и зима была уже близко. Здоровье и силы леди Шалотт постепенно угасали, и она почувствовала, что не может жить в разлуке с предметом своих привязанностей. Она покинула замок и, сойдя на берег реки, села в лодку, которую отвязала от причалов и понесла по течению в сторону Камелота.

Однажды утром, когда Артур и сэр Лайонел смотрели из окна башни, стены которой омывала река, они увидели богато украшенную и покрытую тканью из золота лодку, которая, казалось, плыла по течению без всякого руководства со стороны человека. Пока они наблюдали за ней, она ударилась о берег, и они поспешили спуститься, чтобы осмотреть ее. Под тентом они обнаружили мертвое тело прекрасной женщины, в чертах которой сэр Лайонел без труда узнал прекрасную девицу Шалотт. Продолжая поиски, они обнаружили кошелек, богато расшитый золотом и драгоценностями, а внутри кошелька - письмо, открыв которое, Артур обнаружил, что оно адресовано ему самому и всем рыцарям Круглого стола и гласит, что Лонселот Озерный, самый искусный из рыцарей и самый красивый из мужчин, но в то же время самый жестокий и непреклонный, своей суровостью стал причиной смерти несчастной девы, чья любовь была не менее непобедима, чем его жестокость. Король немедленно отдал приказ похоронить даму со всеми почестями, подобающими ее званию, и одновременно объяснил рыцарям историю ее привязанности к Лаунселоту, которая тронула всех состраданием и сожалением.

Теннисон выбрал историю "Леди Шалотт" для темы поэмы. Катастрофа описывается так:

"Под башней и балконом,
по стенам и галереям сада,
Проплыла сверкающая фигура,
Между домами высокими,
Безмолвно в Камелот.
Они вышли на пристань,
Рыцарь и мещанин, лорд и дама,
И вокруг носа читали ее имя,

"Леди Шалотт".

"Кто это? И что здесь?
И в освещенном дворце близком
Утихли звуки королевской радости;
И в страхе перекрестились они,

Все рыцари Камелота.
Но Лаунселот поразмыслил немного;
Он сказал: "У нее прекрасное лицо;
Бог в милости своей дарует ей благодать,
Леди Шалотта".

ГЛАВА XI

ОПАСНОСТЬ КОРОЛЕВЫ ГЕНЕВЕРЫ

В это время королева Геневера подвергла свою жизнь большой опасности. Некий оруженосец, состоявший у нее на службе, имея некоторые причины для вражды с сэром Гавейном, решил погубить его ядом на одном из публичных развлечений. Для этого он спрятал яд в яблоке прекрасной наружности, которое положил поверх нескольких других, и поставил блюдо перед королевой, надеясь, что, поскольку сэр Гавейн был рыцарем величайшего достоинства, она преподнесет яблоко ему. Но случилось так, что рядом с королевой сидел шотландский рыцарь высокого ранга, прибывший в этот день, и ему, как незнакомцу, она преподнесла яблоко, которое он не успел съесть, как его охватила страшная боль, и он упал без чувств. Разумеется, весь двор пришел в смятение; рыцари встали из-за стола, бросая возмущенные взгляды на несчастную королеву, чьи слезы и протесты не могли развеять их подозрений. Несмотря на все, что можно было сделать, рыцарь умер, и оставалось только заказать ему пышные похороны и памятник, что и было сделано.

Через некоторое время после этого сэр Мадор, брат убитого рыцаря, прибыл ко двору Артура на его поиски. Охотясь в лесу, он случайно наткнулся на место, где был установлен памятник, прочитал надпись и вернулся ко двору, решив отомстить немедленно. Он прискакал в зал, громко обвинил королеву в измене и настоял на том, чтобы ее отдали на поругание, если до определенного дня не найдется рыцарь, готовый рискнуть жизнью в защиту ее невиновности. Артур, как ни был он могущественен, не посмел отвергнуть это требование, но с тяжелым сердцем вынужден был согласиться с ним, и Мадор сурово удалился, оставив королевскую чету в ужасе и тревоге.

Все это время Лаунселот отсутствовал, и никто не знал, где он находится. Он в гневе бежал от своей прекрасной госпожи, когда та упрекнула его в страсти к леди Шалотт, которую она поспешно вывела из того, что он надел ее шарф на турнир. Он поселился у отшельника в лесу и решил больше не вспоминать о жестокой красавице, чье поведение, по его мнению, проистекало из желания избавиться от него. Однако спокойные размышления несколько охладили его негодование, и он уже начал желать, хотя едва ли мог надеяться на примирение, когда до его ушей, к счастью, дошла весть о вызове сэра Мадора. Это известие возродило его дух, и он с величайшей бодростью начал готовиться к поединку, который в

случае успеха обеспечит ему одновременно расположение его госпожи и признательность его государя.

Печальная судьба леди Шалотт еще до этого полностью оправдала подозрения королевы в верности Лаунселота, и она очень сожалела о своей глупой ссоре с ним, которая теперь, в трудную минуту, лишила ее самого верного защитника.

Поскольку день, назначенный сэром Мадором, быстро приближался, ей необходимо было найти защитника для своей обороны; и она поочередно обратилась к сэру Гектору, сэру Лионелю, сэру Боорту и сэру Гавейну с просьбой принять участие в битве. Она упала перед ними на колени, призвала небеса в свидетели своей невиновности в преступлении, в котором ее обвиняли, но все сурово ответили, что не могут бороться за невиновность того, чей поступок и его роковое последствие они видели собственными глазами. Поэтому она удалилась, подавленная и удрученная; но вид роковой кучи, на которой, если она была виновна, ее обрекали на сожжение, возбудил в ней новые силы, и она снова явилась к сэру Боорту, бросилась к его ногам и, жалобно взывая к его милосердию, упала в обморок. Храбрый рыцарь не устоял на ногах. Он поднял ее и поспешно пообещал, что возьмется за ее дело, если не найдется другого или лучшего защитника. Затем он созвал своих друзей и рассказал им о своем решении; поскольку смертельный бой с сэром Мадором был самым страшным предприятием, они согласились сопровождать его утром в лесной скит, где он предложил получить отпущение грехов у отшельника и заключить мир с Небом, прежде чем вступить в списки. Подъезжая к скиту, они заметили в лесу рыцаря, в котором сразу же узнали сэра Лаунселота. Обрадованные встречей, они быстро, отвечая на его вопросы, подтвердили известие о грозящей королеве опасности и получили от него указание вернуться ко двору, утешить ее, как только смогут, но ничего не говорить о своем намерении взять на себя ее защиту, что он и собирался сделать в образе неизвестного авантюриста.

Вернувшись в замок, они обнаружили, что месса уже закончилась, и едва успели поговорить с королевой, как их позвали в зал ужинать. На лицах всех гостей отразилось общее уныние. Сам Артур не мог скрыть своего уныния, а несчастная Геневера, неподвижная и залитая слезами, с трепетом ожидала появления сэра Мадора. Не прошло и нескольких минут, как он ворвался в зал и громовым голосом, который стал еще более внушительным из-за всеобщего молчания, потребовал от виновного немедленного правосудия. Артур с достоинством ответил, что день еще не закончился и, возможно, еще найдется чемпион, способный удовлетворить его жажду битвы. Сэр Бохорт поднялся из-за стола и, вскоре вернувшись в полном вооружении, занял свое место, получив объятия и благодарность короля, который теперь начал вновь обретать некоторую степень доверия. Сэр Мадор, теряя терпение, вновь повторил свои обличения в мстительности и настоял на том, чтобы бой больше не откладывался.

В самый разгар спора в зал въехал рыцарь на черном коне, облаченный в черные доспехи, с опущенным козырьком и копьем в руке. "Сэр, - сказал король, - есть ли у вас желание сойти на землю и принять участие в нашем веселье?" "Нет, господин, - ответил он, - я пришел спасти жизнь дамы. Королева недоброжелательно отнеслась к ней и оказала честь многим рыцарям, так что в трудную минуту ей некого было взять на себя. Ты, кто осмелится обвинить ее в предательстве, выступи, ибо сегодня тебе понадобятся все твои силы".

Сэр Мадор, хотя и был удивлен, но не ошеломлен суровым вызовом и грозным видом своего противника, а приготовился к схватке. При первом же толчке оба отшатнулись. Затем они выхватили мечи и начали бой, который продолжался с полудня до вечера, когда сэр Мадор, чьи силы стали подходить к концу, был повержен Лаунселотом на землю и вынужден просить

пощады. Победитель, чья рука уже была поднята, чтобы оборвать жизнь своего противника, мгновенно опустил меч, вежливо поднял потерявшего сознание сэра Мадора и честно признался, что никогда прежде не сталкивался с таким грозным противником. Другой, с такой же учтивостью, торжественно отказался от дальнейших планов мести за смерть брата; и оба рыцаря, ставшие теперь закадычными друзьями, обнялись с величайшим радушием. Тем временем Артур, узнав сэра Лаунселота, чей шлем был уже расстегнут, поспешил в ряды рыцарей, чтобы приветствовать и поблагодарить своего избавителя. Геневера упала в обморок от радости, а на месте сражения внезапно возникла сцена самого бурного восторга.

Всеобщее удовлетворение еще более усилилось после того, как был обнаружен настоящий преступник. Случайно вызвав подозрения, он признался в своем преступлении и был публично наказан в присутствии сэра Мадора.

Двор вернулся в замок, который в память о счастливом событии Артур пожаловал сэру Лонселоту в знак благодарности и назвал его "Садом радости".

ГЛАВА XII

ТРИСТРАМ И ИЗОУДА

Мелиадус был королем Леонуа, или Лионессы, страны, известной в летописях романов, которая примыкала к королевству Корнуолл, но теперь исчезла с карты, будучи, как говорят, поглощена океаном. Мелиадус был женат на Изабелле, сестре Марка, короля Корнуолла. В него влюбилась фея и заколдовала его, пока он был на охоте. Королева отправилась на его поиски, но в пути заболела и умерла, оставив младенца-сына, которого, в силу меланхолических обстоятельств его рождения, она назвала Тристрамом.

Гувернейл, оруженосец королевы, сопровождавший ее, взял на себя заботу о ребенке и вернул его отцу, который в конце концов разрушил чары феи и вернулся домой.

Через семь лет Мелиада снова вышла замуж, и новая королева, завидуя влиянию Тристрама на отца, устроила заговор против его жизни, который был раскрыт Гувернаилом, бежавшим с мальчиком ко двору короля Франции, где Тристрам был принят очень любезно и рос, совершенствуясь во всех галантных и рыцарских свершениях, добавляя к своему мастерству в оружии искусство музыки и шахмат. В частности, он посвятил себя погоне и всем лесным видам спорта, так что стал выделяться среди других кавалеров двора своими познаниями во всем, что касается охоты. Неудивительно, что Белинда, дочь короля, влюбилась в него; но поскольку он не отвечал на ее страсть, она, в порыве гнева, возбудила против него своего отца, и он был изгнан из королевства. Принцесса вскоре раскаялась в своем поступке и в отчаянии покончила с собой, предварительно написав Тристраму нежнейшее письмо и отправив ему в то же время красивую и проницательную собаку, которую она очень любила, желая, чтобы он оставил ее на память о ней. Мелиада уже не было в живых, а поскольку престол занимала его королева, мачеха Тристрама, Гувернайл побоялся везти своего воспитанника на родину и отвез его в Корнуолл, к своему дяде Марку, который оказал ему любезный прием.

Король Марк жил в замке Тинтадель, уже упоминавшемся в истории Утера и Игерна. При этом дворе Тристрам отличился во всех упражнениях, приличествующих рыцарю; вскоре ему представилась возможность практически применить свою доблесть и мастерство. Ко двору прибыл Мораунт, знаменитый чемпион, брат королевы Ирландии, чтобы потребовать дань от короля Марка. Рыцари Корнуолла пользуются дурной славой в романах за свою трусость, и

они продемонстрировали ее в этом случае. Король Марк не мог найти чемпиона, который осмелился бы сразиться с ирландским рыцарем, пока его племянник Тристрам, еще не получивший рыцарских почестей, не попросил принять его в орден, предложив в то же время сразиться в Корнуолле с ирландским чемпионом. Король Марк с неохотой согласился, Тристрам получил знак отличия, дававший ему рыцарское звание, и были назначены место и время поединка.

Не пытаясь описать подробности этого знаменитого боя, первого и одного из самых славных подвигов Тристрама, скажем лишь, что молодой рыцарь, хотя и был тяжело ранен, рассек голову Мораунта, оставив в ране часть своего меча. Мораунт, полумертвый от раны и позора поражения, поспешил спрятаться на своем корабле, со всей скоростью отплыл в Ирландию и вскоре по прибытии в свою страну умер.

Таким образом, королевство Корнуолл было освобождено от дани. Тристрам, ослабевший от потери крови, упал без чувств. Его друзья бросились ему на помощь. Они перевязали его раны, которые в целом зажили легко; но копье Мораунта было отравлено, и одна рана, которую оно нанесло, не поддавалась никаким средствам, но становилась хуже день ото дня. Хирурги больше ничего не могли сделать. Тристрам попросил разрешения у своего дяди уехать и искать помощи в королевстве Лоэгрив (Англия). С его согласия он отправился в путь и, после многодневного плавания по морю, был прибит ветром к берегам Ирландии. Он высадился на берег, полный радости и благодарности за то, что избежал морских опасностей; взял свою свирель[Сноска: музыкальный инструмент] и начал играть. Был летний вечер, и король Ирландии со своей дочерью, прекрасной Исудэ, находились у окна, выходившего на море. За странным арфистом послали и доставили его во дворец, где, узнав, что он находится в Ирландии, чьего чемпиона он недавно убил, он скрыл свое имя и назвался Трамтрисом. Королева взялась за его лечение и с помощью лекарственной ванны постепенно вернула ему здоровье. Его способности в музыке и играх стали причиной того, что его часто вызывали ко двору, и он стал наставником принцессы Исуды в менестрелях и поэзии, которая так преуспела под его опекой, что вскоре ей не было равных в королевстве, кроме ее наставника.

В это время состоялся турнир, на котором присутствовали многие рыцари Круглого стола и другие. В первый день преимущество над всеми получил сарацинский принц по имени Паламед. Его привели ко двору и устроили пир, на котором присутствовал Тристрам, только что оправившийся от раны. Прекрасная Исуда предстала по этому случаю во всем своем великолепии. Паламед не мог смотреть на них без умиления и не пытался скрыть свою любовь. Тристрам понял это, и боль, которую он испытал от ревности, показала ему, как дорога уже стала ему прекрасная Исуда.

На следующий день турнир возобновился. Тристрам, все еще слабый от раны, поднялся ночью, взял оружие, спрятал его в лесу неподалеку от места состязания и, начав его, смешался с бойцами. Он поверг всех встречных, в особенности Паламеда, которого свалил на землю ударом копья, а затем сразился с ним врукопашную, забрав приз турнира. Но от его усилий рана снова открылась; он быстро истек кровью, и в таком печальном состоянии, но с триумфом, его понесли во дворец. Прекрасная Исудэ с интересом, который с каждым днем становился все ярче, занялась его лечением, и ее умелый уход вскоре вернул ему здоровье.

Однажды одна из придворных дам, войдя в чулан, где хранилось оружие Тристрама, заметила, что часть меча отломана. Ей пришло в голову, что эта часть похожа на ту, что осталась в черепе Мораунта, ирландского чемпиона. Она передала свою мысль королеве,

которая сравнила фрагмент, извлеченный из раны брата, с мечом Тристрама и убедилась, что это часть одного и того же, и что именно оружие Тристрама лишило жизни ее брата. Она изложила свои горести и обиды королю, и тот воочию убедился в истинности ее подозрений. Тристрама привлекли к суду и упрекнули в том, что он осмелился предстать перед ними после убийства их родственника. Он признал, что сражался с Мораунтом, чтобы уладить требование о дани, и сказал, что только силой ветра и волн был выброшен на их берег. Королева потребовала отомстить за смерть брата; прекрасная Исудэ затрепетала и побледнела, но все собравшиеся зашумели, что жизнь столь красивого и храброго человека не должна быть отнята за такое дело, и в конце концов великодушие победило негодование в сознании короля. Тристрам был уволен в целости и сохранности, но ему было велено без промедления покинуть королевство и никогда не возвращаться туда под страхом смерти. Тристрам вернулся, восстановив здоровье, в Корнуолл.

Король Марк заставил племянника дать ему подробный рассказ о своих приключениях. Тристрам рассказал ему все до мелочей, но когда он заговорил о прекрасной Исуде, то описал ее прелести с такой теплотой и энергией, какой не может проявить никто, кроме влюбленного. Король Марк был очарован этим описанием и, выбрав удобный момент, потребовал от него милости[Сноска: "Добрая воля была краеугольным камнем рыцарства. Всякий раз, когда рыцарь давал слово (неважно, насколько опрометчиво), оно должно было быть выкуплено любой ценой. Отсюда - священная обязательность благодеяния, оказанного рыцарем своему просителю. В романах можно найти множество примеров, когда рыцарь, опрометчиво предоставив неопределенное благодеяние, был вынужден совершить или претерпеть нечто крайне невыгодное для себя. Но не только в романах мы находим такие необычные случаи следования неопределенному обещанию. История времен представляет подлинные случаи, одинаково неловкие и абсурдные" - SCOTT, примечание к сэру Тристраму.] своего племянника, который с готовностью согласился. Король заставил его поклясться на святых реликвиях, что он выполнит его повеления. Затем Марк велел ему отправиться в Ирландию и добыть для него прекрасную Исудэ, чтобы она стала королевой Корнуолла.

Тристрам считал, что возвращение в Ирландию - верная смерть для него; да и как он мог выступать послом своего дяди в таком деле? И все же, связанный клятвой, он не колебался ни мгновения. Он лишь предусмотрительно сменил доспехи. Он отправился в Ирландию, но шторм пригнал его к побережью Англии, недалеко от Камелота, где король Артур держал свой двор в присутствии рыцарей Круглого стола и многих других, самых знаменитых в мире.

Тристрам оставался неизвестным. Он участвовал во многих справедливостях, сражался во многих битвах, в которых покрыл себя славой. Однажды он увидел среди недавно прибывших короля Ирландии, отца прекрасной Исуды. Этот принц, обвиненный в измене своему сеньору Артуру, прибыл в Камелот, чтобы освободиться от обвинения. Его обвинителем был Блаанор, один из самых грозных воинов Круглого стола, а у Аргиуса, короля, не было ни юношеской бодрости, ни сил, чтобы противостоять ему. Поэтому ему пришлось искать защитника, чтобы отстоять свою невиновность. Но рыцари Круглого стола не имели права сражаться друг с другом, разве что в собственной ссоре. Аргиус слышал о великой славе неизвестного рыцаря; он также был свидетелем его подвигов. Он разыскал его и убедил принять его защиту, под присягой заявив, что он невиновен в преступлении, в котором его обвиняют. Тристрам с готовностью согласился и предстал перед королем, который со своей стороны обещал вознаградить его усилия в случае успеха любым подарком, который он попросит.

Тристрам сразился с Блаанором, одолел его и сохранил ему жизнь. Павший воин призвал его воспользоваться своим правом завоевания и нанести смертельный удар. "Не дай Бог, - сказал Тристрам, - чтобы я лишил жизни столь храброго рыцаря!" Он поднял его и вернул друзьям. Полевые судьи решили, что король Ирландии оправдан, и с триумфом проводили Тристрама в его шатер. Король Аргиус, преисполненный благодарности, упросил Тристрама сопровождать его в его королевство. Они вместе отправились в путь и прибыли в Ирландию, и королева, забыв обиду на смерть брата, выказала хранителю жизни мужа только благодарность и добрую волю.

Как счастлива была Исуда, зная, что отец обещал своему избавителю любую милость, о какой бы тот ни попросил! Но несчастный Тристрам смотрел на нее с отчаянием при мысли о жестокой клятве, которая связывала его. Его великодушная душа покорила силе любви. Он раскрыл данную им клятву и с трепетом в голосе потребовал прекрасную Исуду в жены своему дяде.

Аргиус согласился, и вскоре все было готово к отъезду Исуды. Сопровождать ее должен был Бренгвейн, ее любимая фрейлина. В день отъезда королева отозвала эту преданную служанку и рассказала ей, что заметила привязанность своей дочери и Тристрама друг к другу и что для предотвращения дурных последствий этой склонности она приобрела у могущественной феи сильнодействующий филтер (любовное снадобье), который она велела Бренгвейну применить к Исуде и королю Марку в вечер их свадьбы.

Исудэ и Тристрам отправились в путь вместе. Благоприятный ветер наполнил паруса и обещал им удачное путешествие. Влюбленные смотрели друг на друга и не могли сдержать вздохов. Казалось, любовь зажгла все свои огни на их губах, как и в их сердцах. День был жарким, они страдали от жажды. Первой пожаловалась Исудэ. Тристрам обнаружил бутылку с любовным снадобьем, которую Бренгвейн имел неосторожность оставить на виду. Он взял ее, дал немного очаровательной Исуде, а остальное выпил сам. Собака Гудейн облизала чашу. Корабль прибыл в Корнуолл, и Исуду выдали замуж за короля Марка. Старый монарх был в восторге от своей невесты, а его благодарность Тристраму была безгранична. Он осыпал его почестями и сделал камергером своего дворца, обеспечив ему постоянный доступ к королеве.

В разгар придворных празднеств, следовавших за королевским бракосочетанием, однажды явился неизвестный менестрель с арфой особой конструкции. Он возбудил любопытство короля Марка, отказавшись играть на ней до тех пор, пока тот не окажет ему благодеяние. Король пообещал исполнить его просьбу, и менестрель, который был не кто иной, как сарацинский рыцарь сэр Паламед, возлюбленный прекрасной Исуды, запел под арфу песню, в которой требовал Исуду в качестве обещанного подарка. Король Марк по законам рыцарства не мог отказать ему в этом. Даму посадили на коня, и ее увез торжествующий любовник. Тристрам, надо ли говорить, в это время отсутствовал и не возвращался до самого их отъезда. Узнав о случившемся, он схватил свою заучку и поспешил к берегу, где уже сошли на берег Исуда и ее новый хозяин. Тристрам заиграл на своей палочке, и звук донесся до ушей Исуды, которая была так сильно поражена, что сэр Паламед побудил ее вернуться с ней на берег, чтобы они могли увидеть неизвестного музыканта. Тристрам воспользовался случаем, схватил лошадь дамы за уздечку и умчался с ней в лес, издевательски сообщив своему сопернику, что "то, что он получил от арфы, он потерял от заучивания". Паламед погнался за ним, и вот-вот должна была начаться схватка, исход которой должен был стать роковым для одного или другого из этих галантных рыцарей; но Исудэ встала между ними и, обращаясь к Паламеду, сказала: "Ты говоришь мне, что любишь меня; неужели ты откажешь мне в просьбе, которую я собираюсь выполнить?"

"Госпожа, - ответил он, - я исполню вашу просьбу". "Тогда, - сказала она, - оставь этот поединок, отправляйся ко двору короля Артура и приветствуй от меня королеву Геневеру; скажи ей, что на свете есть только две дамы - она и я, и два любовника - ее и мой; и впредь не приходи туда, где я нахожусь". Паламед разрыдался. "Ах, госпожа, - сказал он, - я повинуюсь тебе; но умоляю тебя, не ожесточайся против меня вовек". "Паламед, - ответила она, - пусть я никогда больше не вкушу радости, если брошу свою первую любовь". Тогда Паламед отправился в путь. Влюбленные скрывались неделю, после чего Тристрам вернул Исуду ее мужу, посоветовав ему в будущем вознаграждать менестрелей каким-нибудь другим способом.

Король был очень благодарен Тристраму, но в глубине души лелеял к нему горькую ревность. Однажды Тристрам и Исудэ остались вдвоем в ее личных покоях. Подлый и трусливый придворный рыцарь по имени Андрет подглядел за ними через замочную скважину. Они сидели за шахматным столом, но не принимали участия в игре. Андрет привел короля, предварительно вызвав у него подозрения, и поставил его так, чтобы он мог наблюдать за их движениями. Король увидел достаточно, чтобы подтвердить свои подозрения, ворвался в квартиру с мечом наготове и едва не зарубил Тристрама, прежде чем тот успел усыпить бдительность. Но Тристрам уклонился от удара, выхватил меч и погнал перед собой трусливого монарха, преследуя его по всем покоям дворца, нанося ему частые удары плоской стороной меча, пока тот тщетно зывал к своим рыцарям, чтобы те спасли его. Они не были склонны или не осмелились вступить за него.

Доказательством большой популярности сказки о сэре Тристраме служит тот факт, что итальянские поэты, Боярдо и Ариосто, положили в ее основу идею о двух заколдованных фонтанах, которые вызывают противоположные эффекты любви и ненависти. Боярдо так описывает фонтан ненависти:

"Прекрасен был тот фонтан, изваянный весь из золота,
Из алебаstra изваянный, богатый и редкий;
И в бассейне его чистом ты мог видеть
Цветочное болото отражалось свежо и красиво.
Мудрец Мерлин обрамлял купель, - так гласят легенды.
Когда на прекрасной Исуде встречался Тристрам храбрый,
Чтоб рыцарь добрый, заблудший, прибыв туда,
Смог в чарующей волне испить забвенья,
И покинуть свою незадачливую любовь, и избежать вечной могилы.

Но ни разу злая судьба не позволила воину
Его шагам не дала ступить на чарующую грань фонтана.
И хотя он был неугомонным и гордым, он отправился на поиски приключений,
Он прошел много земель и много морей".

ГЛАВА XIII

ТРИСТРАМ И ИСУДЕ (продолжение)

После этого случая Тристрам был изгнан из королевства, а Исудэ заперта в башне, стоявшей на берегу реки. Тристрам не мог решиться уехать без дальнейшего общения со своей возлюбленной, поэтому он скрывался в лесу, пока, наконец, не сумел привлечь ее внимание

с помощью веток, которые он любопытно очистил и спустил в ручей под ее окном. Таким образом было получено множество тайных бесед. Тристрам жил в лесу, питаясь дичью, которую добывал для него пес Гудайн; этому верному животному не было равных в погоне, и он так хорошо знал желание своего хозяина скрыться, что, преследуя дичь, никогда не лаял. В конце концов Тристрам ушел, оставив Гудайна с Исудэ на память о нем.

Сэр Тристрам странствовал по разным странам, совершая самые опасные предприятия и покрывая себя славой, но был несчастен в разлуке со своей возлюбленной Исудой. Вскоре на территорию короля Марка вторгся соседний вождь, и он был вынужден призвать племянника на помощь. Тристрам послушался, встал во главе вассалов своего дяди и изгнал врага из страны. Марк был полон благодарности, а Тристрам, восстановленный в правах и в обществе своей возлюбленной Исуды, казался на вершине счастья. Но наступила печальная развязка.

Тристрам взял с собой друга по имени Фередин, сына короля Бретани. Этот молодой рыцарь увидел королеву Исуду и не смог устоять перед ее чарами. Зная о любви своего друга к королеве и о том, что эта любовь была ответной, Фердин скрывал свою, пока его здоровье не подвело, и он не стал бояться, что приближается к концу. Тогда он написал прекрасной королеве, что умирает от любви к ней.

Нежная Исуда, сжалившись над другом Тристрама, ответила ему с такой добротой и состраданием, что вернула его к жизни. Через несколько дней после этого Тристрам нашел это письмо. Страшная ревность овладела его душой; он готов был зарезать Фердина, который с трудом спасся бегством. Тогда Тристрам сел на коня и ускорил в лес, где в течение десяти дней не принимал ни отдыха, ни пищи. В конце концов его нашла девица, лежавшая почти мертвой на берегу фонтана. Она узнала его и тщетно пыталась привлечь его внимание. Наконец, вспомнив о его любви к музыке, она пошла, взяла свою арфу и заиграла на ней. Тристрам был выведен из задумчивости; слезы потекли; он задышал свободнее; он взял у девицы арфу и запел, срываясь на рыдания:

"Сладко пел я в былые дни,
Добрая любовь усовершенствовала мои строки:
Теперь лишь искусство мое отображает
Горе, что настигает меня.

"Чарующая любовь, восхитительная сила,
Поклонялся я с ранних лет,
Ты, кто жизнью всех осыпал,
Любовь! Жизнь мою ты поглощаешь.

"В смертный час я прошу тебя,
Исудэ, враг дорогой,
Ты, кто всегда мог быть добрее,
Когда меня не станет, не забывай меня.

"На моем надгробии прохожие
Часто читают, когда я лежу,
"Ни один рыцарь в любви не мог соперничать

С Тристрамом, но она позволила ему умереть".

Тристрам, закончив свое стихотворение, списал его и отдал девице, заверив ее, что подарит его королеве.

Тем временем королева Исудэ была безутешна из-за отсутствия Тристрама. Она поняла, что причиной тому стало роковое письмо, которое она написала Предину. Невинная, но в отчаянии от печальных последствий своего письма, она написала Предину еще одно, прося его никогда больше не видеть ее. Несчастный влюбленный повиновался этому жестокому приказу. Он удалился в лес и умер от горя и любви в келье отшельника.

Исуда проводила дни, оплакивая отсутствие и неизвестную судьбу Тристрама. Однажды ее ревнивый муж, незаметно войдя в ее покои, подслушал, как она поет следующий напев:

"Мой голос к жалобным стенаниям склонился,
Моя арфа к нотам томленья;
Ах, любовь! Восхитительные дни должны быть предназначены
Для более счастливых людей, с довольными сердцами.

"Ах, Тристрам, далеко от меня,
Свободен ли ты от беспокойных мук?
Ах! Мог бы ты хоть на миг,
От той, кто так сильно любит тебя?"

Король, услышав эти слова, впал в ярость; но Исудэ была слишком несчастна, чтобы бояться его насилия. "Вы меня слышали, - сказала она, - я во всем признаюсь. Я люблю Тристрама и всегда буду любить его. Без сомнения, он умер, и умер ради меня. Я больше не хочу жить. Удар, который положит конец моим страданиям, будет очень желанным".

Король был тронут бедой прекрасной Исуды, и, возможно, мысль о смерти Тристрама смягчила его гнев. Он оставил королеву на попечение ее женщин, приказав им особенно тщательно следить за тем, чтобы она в отчаянии не причинила себе вреда.

Тем временем Тристрам, отвлекшись, оказал пастухам важную услугу, убив огромного разбойника по имени Тауллас, который имел привычку грабить их стада и грабить их домики. В благодарность Тристраму пастухи с триумфом понесли его к королю Марку, чтобы тот назначил ему достойную награду. Неудивительно, что Марк не узнал в полуодетом дикаре, стоявшем перед ним, своего племянника Тристрама; но, благодарный за услугу, которую оказал неизвестный, он приказал хорошо о нем заботиться и отдал его на попечение королеве и ее женщинам. Под таким присмотром Тристрам быстро восстановил свое спокойствие и здоровье, так что, по словам романтика, стал красивее, чем когда-либо. Ревность короля Марка оживилась вместе со здоровьем и внешностью Тристрама, и, несмотря на возросший за последнее время долг благодарности, он снова изгнал его от двора.

Сэр Тристрам покинул Корнуолл и отправился в страну Лоэгрию (Англию) в поисках приключений. Однажды он зашел в обширный лес. Звук маленького колокольчика показал ему, что рядом находится какой-то житель. Он пошел на звук и нашел отшельника, который сообщил ему, что он находится в лесу Арнантес, принадлежащем фее Вивиане, Владычице Озера, которая, восплавав любовью к королю Артуру, нашла способ заманить его в этот лес,

где с помощью чар держала его в плену, лишив его памяти о том, кто он и что он. Отшельник сообщил ему, что все рыцари Круглого стола отправились на поиски короля и что он (Тристрам) сейчас находится на месте самых грандиозных и важных приключений.

Этого было достаточно, чтобы вдохновить Тристрама на поиски. Не успел он далеко зайти, как встретил рыцаря из двора Артура, оказавшегося сенешалем сэра Кея, который спросил его, откуда он прибыл. Тристрам ответил: "Из Корнуолла". Сэр Кей не упустил возможности подшутить над корнуоллским рыцарем. Тристрам предпочел оставить его в заблуждении и даже подтвердил его, ибо, встретив других рыцарей, Тристрам отказался ехать с ними. Ночь они провели вместе в аббатстве, где Тристрам терпеливо сносил все их шутки. Сенешаль передал своим спутникам, что на следующий день они должны отправиться в путь рано утром, перехватить корнуэльского рыцаря по дороге и с удовольствием наблюдать за его испугом, когда они будут настаивать на поединке с ним. На следующее утро Тристрам оказался один; он надел доспехи и отправился продолжать поиски. Вскоре он увидел перед собой сенешаля и трех рыцарей, которые преградили ему путь и настаивали на поединке. Тристрам долго оправдывался, но наконец нехотя встал в строй. Он столкнулся с ними, один за другим, и поверг их всех четверых, человека и коня, а затем ускакал, велев им не забывать своего друга, рыцаря из Корнуолла.

Не успел Тристрам отъехать далеко, как встретил девицу, вскричавшую: "Ах, милорд! поспешите вперед и предотвратите ужасную измену!" Тристрам бросился ей на помощь и вскоре достиг места, где увидел рыцаря, которого трое других повалили на землю и расстегивали шлем, чтобы отрубить ему голову.

Тристрам бросился на помощь и одним ударом копья срубил одного из нападавших. Рыцарь, поднявшись на ноги, принес другого в жертву своей мести, а третьему удалось спастись. Спасенный рыцарь поднял козырек шлема, и длинная белая борода упала ему на грудь. Величественность и почтенный вид этого рыцаря заставили Тристрама заподозрить, что это не кто иной, как сам Артур, и принц подтвердил его догадку. Тристрам преклонил бы перед ним колени, но Артур принял его в свои объятия и поинтересовался его именем и страной, но Тристрам отказался сообщить их, сославшись на то, что сейчас он находится в поиске, требующем сохранения тайны. В этот момент девица, которая привела Тристрама на помощь, бросилась вперед и, схватив руку короля, сняла с его пальца кольцо, подаренное феей, и тем самым сняла чары. Артур, опомнившись, предложил Тристраму присоединить его к своему двору и осыпать почестями и достоинствами, но Тристрам отказался от всего и согласился сопровождать его до тех пор, пока не увидит его в безопасности в руках своих рыцарей. Вскоре после этого подъехал Гектор де Марис и отсалютовал королю, который, в свою очередь, представил его Тристраму как одного из самых храбрых своих рыцарей. Тристрам распрощался с королем и его верным последователем и продолжил свой поход.

Мы не можем проследить за всеми приключениями Тристрама, которыми была наполнена эта эпоха его истории. Достаточно сказать, что он во всех случаях выполнял долг истинного рыцаря, спасая угнетенных, исправляя обиды, отменяя дурные обычаи и пресекая несправедливость, и таким образом постоянными действиями старался облегчить страдания от отсутствия любимой. Тем временем Исуда, разлученная со своим дорогим Тристрамом, проводила дни в тоске и сожалениях. В конце концов она перестала сопротивляться желанию узнать хоть какие-то новости о своем возлюбленном. Она написала письмо и отправила его одной из своих фрейлин, племяннице своего верного Бренгвейна. Однажды Тристрам, утомленный своими потугами, сошел с коня, лег у фонтана и заснул. К тому же фонтану подъехала девица королевы Исуды, узнала Пассебройла, коня Тристрама, и вскоре увидела, что его хозяин спит. Он был худ и бледен, на нем явственно читались следы боли,

которую он испытывал в разлуке с возлюбленной. Она разбудила его, передала ему письмо, которое несла с собой, и Тристрам с удовольствием, столь приятным для влюбленного, услышал от нее слова о предмете своих привязанностей. Он попросил девушку отложить свое возвращение до тех пор, пока не состоится великолепный турнир, объявленный Артуром, и проводил ее в замок Персида, храброго и верного рыцаря, который принял ее с большим вниманием.

Тристрам привел девицу королевы Исуды на турнир и посадил ее на балконе среди фрейлин королевы.

"Он окинул взглядом величественные галереи,
Дамы, дамы, дамы, каждая из которых поклоняется своей королеве.
В белых одеждах в честь прекрасного дитяти,
А некоторые - с россыпью драгоценностей, как берег
Девичий снег, смешанный с искрами огня.
Он взглянул лишь раз и снова закрыл глаза".

- "Последний турнир".

Затем он присоединился к турниру. Ничто не могло превзойти его силу и доблесть. Лаунселот восхищался им, но по тайному предчувствию отказался оспаривать честь дня с рыцарем столь галантным и искусным. Артур спустился с балкона, чтобы приветствовать победителя, но скромный и преданный Тристрам, довольный тем, что унес приз на глазах у посланницы Исуды, скрылся с ней и исчез.

На следующий день турнир возобновился. Тристрам надел другие доспехи, чтобы его не узнали; но вскоре его обнаружили по страшным ударам, которые он наносил; Артур и Геневера не сомневались, что это тот самый рыцарь, который отбил приз накануне. Галантный дух Артура воспрянул. После Лаунселота Озерного и сэра Гавейна он считался лучшим рыцарем Круглого стола. Он уединился и вооружился, а на турнир явился в неизменных доспехах. Он сошелся с Тристрамом, которого потряс на своем месте; но Тристрам, не знавший его, выбросил его из седла. Артур пришел в себя и, убедившись, что рыцарь-чужестранец доказал свою правоту, велел Лонселоту закончить приключение и восстановить честь Круглого стола. По приказу монарха сэр Лонселот бросился на Тристрама, чье копье уже было сломано в предыдущих схватках. Но закон такого боя гласил, что рыцарь, сломавший копье, должен сражаться мечом и не должен отказываться встретить щитом копье своего противника. Тристрам встретил удар Лаунселота своим щитом, который это страшное копье не смогло не пробить. Оно нанесло Тристраму рану в бок и, сломавшись, оставило в ране железо. Но Тристрам также с такой силой ударил мечом по чехлу Лаунселота, что рассек его и ранил в голову. Рана была неглубокой, но кровь хлынула ему в глаза и на мгновение ослепила его, и Тристрам, считая себя смертельно раненным, удалился с поля боя. Лаунселот заявил королю, что никогда в жизни не получал такого удара.

Тристрам поспешил к Гувернаилу, своему оруженосцу, который достал железо, перевязал рану и сразу же облегчил его. После турнира Тристрам удалился в свой шатер, но Артур, с согласия всех рыцарей Круглого стола, назначил ему почести на второй день. Но уже не было секретом, что победителем двух дней был один и тот же человек, и Гувернейл, будучи допрошен, подтвердил подозрения Лаунселота и Артура, что это был не кто иной, как сэр Тристрам Леонаисский, племянник короля Корнуолла.

Король Артур, желавший вознаградить его за доблесть и знавший, что дядя Марк неблагодарно изгнал его, охотно воспользовался бы случаем, чтобы пристроить Тристрама к своему двору, - все рыцари Круглого стола с восторгом заявили, что более достойного спутника найти невозможно. Но Тристрам уже отбыл на поиски приключений, а девица королевы Исуды вернулась к своей госпоже.

ГЛАВА XIV

БИТВА СЭРА ТРИСТРАМА С СЭРОМ ЛАУНСЕЛОТОМ

Сэр Тристрам ехал через лес и увидел, что сражаются десять человек, и один человек сражается против девяти. Тогда он поскакал к рыцарям и воззвал к ним, прося их прекратить битву, ибо они причиняют себе великий позор, так много рыцарей сражаются против одного. Тогда ответил повелитель рыцарей (а звали его сэр Брезе сан Пити, и был он в ту пору самым злодейским из всех живущих рыцарей): "Сэр рыцарь, что вам за дело вмешиваться в наши дела? Если вы мудры, уходите, как пришли, ибо этот рыцарь от нас не уйдет". "Жаль, - сказал сэр Тристрам, - что столь добрый рыцарь будет убит так трусливо; поэтому я предупреждаю вас, что буду помогать ему всем своим могуществом".

Тогда сэр Тристрам сошел с коня, потому что они были пешими, чтобы не убить его коня. И он наносил удары по правой и левой руке так энергично, что почти каждый удар сбивал рыцаря. Наконец они бежали с Бреусом без Пити в башню и закрыли сэра Тристрама за воротами. Тогда сэр Тристрам вернулся к спасенному рыцарю и нашел его сидящим под деревом, тяжело раненным. "Прекрасный рыцарь, - сказал он, - как дела?" "Сэр рыцарь, - ответил сэр Паламед, ибо это был он, - благодарю тебя за твою великую доброту, ибо ты спас меня от смерти". "Как тебя зовут?" - спросил сэр Тристрам. Тот ответил: "Меня зовут сэр Паламед". "Так ты говоришь?" - сказал сэр Тристрам; "теперь знай, что ты тот человек в мире, которого я больше всего ненавижу; поэтому приготовься, ибо я буду сражаться с тобой". "Как твоё имя?" - спросил сэр Паламед. "Меня зовут сэр Тристрам, твой смертельный враг". "Может быть, и так, - сказал сэр Паламед, - но ты слишком много сделал для меня в этот день, чтобы я сражался с тобой. Кроме того, для тебя не будет чести иметь дело со мной, ибо ты свеж, а я ранен. Поэтому, если вам нужно иметь дело со мной, назначьте мне день, и я непременно встречу с вами". "Ты хорошо говоришь, - сказал сэр Тристрам, - а теперь я назначаю тебе день встречи на лугу у реки Камелот, где Мерлин поставил памятник". Так они и договорились. Затем они отправились в путь и разошлись в разные стороны. Сэр Тристрам прошел через большой лес на равнину, пока не пришел в приорство, и там он пролежал с добрым человеком шесть дней.

Затем сэр Тристрам выехал из города и поскакал прямо в Камелот к памятнику Мерлина, и там он стал искать сэра Паламеда. И увидел он красивого рыцаря, который ехал навстречу ему весь в белом, с прикрытым щитом. Когда он приблизился, сэр Тристрам громко сказал: "Добро пожаловать, сэр рыцарь, и хорошо и верно ты выполнил свое обещание". Тогда они приготовили свои щиты и копья и сошлись со всей мощью своих коней, да так яростно, что и кони, и рыцари повалились на землю. И как только смогли, они сошли с коней и ударили друг друга яркими мечами, как сильные люди, и каждый нанес другому множество ран, так что кровь потекла на траву. Так они сражались четыре часа, и ни один не сказал другому ни слова. Тогда наконец заговорил белый рыцарь и сказал: "Господин, ты сражаешься так хорошо, как я никогда не видел рыцаря; поэтому, если тебе угодно, скажи мне свое имя". "Почему ты спрашиваешь мое имя?" - сказал сэр Тристрам; "Разве ты не сэр Паламед?" "Нет,

прекрасный рыцарь, - сказал он, - я сэр Лаунселот Озерный". "Увы!" - сказал сэр Тристрам, - "что же я наделал? Ведь ты - тот человек на свете, которого я люблю больше всех".

"Прекрасный рыцарь, - сказал сэр Лонселот, - скажи мне свое имя". "Истинно, - сказал он, - меня зовут сэр Тристрам де Львица". "Увы, увy!" - сказал сэр Лонселот, - "какое приключение постигло меня!" И тут сэр Лаунселот преклонил колено и отдал ему свой меч, а сэр Тристрам преклонил колено и отдал ему свой меч, и так каждый из них передал другому степень. А потом они оба пошли к камню и сели на него, и сняли шлемы, и каждый поцеловал другого сто раз. И вскоре они поскакали к Камелоту, а по дороге встретили сэра Гавейна и сэра Гахериса, которые дали Артуру обещание никогда больше не приходить ко двору, пока не приведут с собой сэра Тристрама.

"Возвращайтесь, - сказал сэр Лонселот, - ибо ваши поиски окончены; я встретился с сэром Тристрамом. Вот, он здесь, собственной персоной". Тогда сэр Гавейн обрадовался и сказал сэру Тристраму: "Добро пожаловать". С этим пришел король Артур, и когда он узнал, что есть сэр Тристрам, он побежал к нему, взял его за руку и сказал: "Сэр Тристрам, ты так же желанен, как любой рыцарь, который когда-либо приезжал к этому двору". Тогда сэр Тристрам рассказал королю, как он приехал сюда, чтобы иметь дело с сэром Паламедом, и как он спас его от сэра Бреуса без Пити и девяти рыцарей. Тогда король Артур взял сэра Тристрама за руку и пошел к Круглому столу, и пришла королева Геневера, и с ней много дам, и все дамы в один голос сказали: "Добро пожаловать, сэр Тристрам". "Добро пожаловать", - сказали рыцари. "Добро пожаловать, - сказал Артур, - ибо один из лучших рыцарей, и самый мягкий в мире, и самый почитаемый человек; ибо во всех видах охоты ты - победитель, и во всех мерах дуновения ты - начало, и во всех терминах охоты и ястребиной охоты ты - изобретатель, и во всех музыкальных инструментах ты - лучший мастер; поэтому, кроткий рыцарь, - сказал Артур, - добро пожаловать к этому двору". И тогда король Артур сделал сэра Тристрама рыцарем Круглого стола с великим благородством и пиром, какой только можно себе представить.

СЭР ТРИСТРАМ КАК СПОРТСМЕН

Тристрам часто упоминается романтиками как великий авторитетом и образцом во всем, что касается погони. В "Королеве фейри" Тристрам, отвечая на расспросы сэра Калидора, сообщает ему свое имя и происхождение и заключает:

"Все свои дни я провел не развратно,
И не тратил цвет моих нежных лет
В праздности; но, как было удобно,
Был обучен со многими благородными фермами
В нежных тетивах, и в таких, как бы, приятных взглядах;
Наряду с этим моим самым большим удовольствием всегда было
Охота на спасительную куропатку, среди моих сверстников,
Из всех, что звенят в лесу зеленом,
И ни один из них мне не известен, кто бы ни был виден.

"Нет ястреба, который бы мантировал на своем насесте,
высоко ли возвышаясь или низко,
Но я постигаю меру ее полета,
И всю ее добычу, и весь ее рацион знаю.

Таковы наши радости, что в этих лесах растут".

[Сноска: Feres - компаньоны; thewes - труд; leers - обучение].

ГЛАВА XV

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Знаменитый чародей Мерлин приложил все свое мастерство, чтобы изготовить Круглый стол. Из сидений, окружавших его, он соорудил тринадцать, в память о тринадцати апостолах. Двенадцать из этих мест могли занимать только рыцари с самой высокой славой; тринадцатое представляло собой место предателя Иуды. Оно всегда оставалось пустым. Его называли "гибельным местом" с тех пор, как один опрометчивый и надменный сарацинский рыцарь осмелился занять его, и тогда земля разверзлась и поглотила его.

"В нашем большом зале стояло свободное кресло,
созданное Мерлином перед его уходом,
И вырезано странными фигурами; и туда и сюда
фигуры, как змея, бежал свиток
Из букв на языке, который никто не мог прочесть.
И Мерлин назвал его "Осада опасная".
Опасная для добра и зла; ибо там, - сказал он,
"Ни один человек не может сидеть, но он должен потерять себя".

-Святой Грааль.

Магическая сила начертала на каждом сиденье имя рыцаря, который имел право сидеть на нем. Никто не мог занять освободившееся место, пока не превзойдет в доблести и славных деяниях рыцаря, занимавшего его до него; без этой квалификации он был бы жестоко отторгнут скрытой силой. Так были проверены все, кто явился на смену павшим товарищам по ордену.

Одно из главных мест, место Мораунта Ирландского, оставалось вакантным уже десять лет, а его имя все еще стояло над ним с тех пор, как этот выдающийся защитник пал под мечом сэра Тристрама. Артур взял Тристрама за руку и повел его к этому месту. Тотчас же слышались самые мелодичные звуки, и изысканные ароматы наполнили это место; имя Мораунта исчезло, а имя Тристрама засияло. Теперь редкая скромность Тристрама подверглась суровому испытанию: на церемонию явились дьяки, которым было поручено хранить летопись Круглого стола, и по закону своего ордена он должен был объявить, какие ратные подвиги он совершил, чтобы получить право занять это место. Закончив эту церемонию, Тристрам принял поздравления от всех своих спутников. Сэр Лаунселот и Геневера воспользовались случаем, чтобы поговорить с ним о прекрасной Исуде и выразить пожелание, чтобы счастливый случай привел ее в королевство Лоэргрия.

Пока Тристрама чествовали и ласкали при дворе короля Артура, мрачная и злобная ревность терзала душу Марка. Он не мог смотреть на Исуду, не вспоминая, что она любит Тристрама, и удача племянника подталкивала его к мысли о мести. В конце концов он решил под видом маскировки отправиться в королевство Лоэргрия, напасть на Тристрама тайком и предать его

смерти. Он взял с собой двух рыцарей, воспитанных при его дворе и, как он считал, преданных ему; не желая оставлять Исудэ, он назначил двух ее девиц при ней, вместе с ее верным Бренгвейном, и заставил их сопровождать его.

Прибыв в окрестности Камелота, Марк рассказал о своем плане двум своим рыцарям, но они с ужасом отвергли его; более того, они заявили, что больше не останутся у него на службе, и покинули его, дав ему повод предположить, что они отправятся ко двору, чтобы обвинить его перед Артуром. Марку было необходимо встретиться с ними и опровергнуть их обвинения; поэтому, оставив Исуду в аббатстве, он в одиночку продолжил свой путь в Камелот.

Не успел Марк отъехать далеко, как встретил отряд рыцарей из двора Артура, и он бы избежал их, ибо знал их привычку вызывать на поединок каждого незнакомого рыцаря, которого они встречали. Но было уже слишком поздно. Увидев его доспехи, они узнали в нем корнуэльского рыцаря и тут же решили померяться с ним силами. Случилось так, что с ними был Дагенет, дурак короля Артура, который, хотя и был обезображен и слаб телом, не отличался храбростью. Когда Марк приблизился, рыцари задумали, что Дагенет должен изобразить сэра Лаунселота Озерного и бросить вызов корнуэльскому рыцарю. Они снарядили его в доспехи, принадлежавшие одному из них, который был болен, и отправили вперед к перекрестку, чтобы он бросил вызов незнакомому рыцарю. Марк, видя, что его противник отнюдь не грозен на вид, не отказался от битвы; но когда карлик поскакал к нему, объявив, что он сэр Лонселот Озерный, его страх взял верх, он дал шпоры своему коню и поскакал прочь на полной скорости, преследуемый криками и смехом всех собравшихся.

Тем временем Исудэ, оставшись в аббатстве со своим верным Бренгвейном, находила единственное развлечение в прогулках по лесу, примыкавшему к аббатству. Там, на берегу фонтана, опоясанного деревьями, она думала о своей любви и иногда соединяла свой голос с арфой, воскрешая в памяти его страдания или наслаждения. Однажды ее голос услышал рыцарь-каиф Бреус Бессердечный, затаился и приблизился. Она запела:

"Сладкая тишина, тенистая беседка и зеленая берлога,
Вы обходите стороной мой беспокойный дух,
Пока я, столь дорогой памяти, там восстаю,
Пробуждая каждое эхо своими печальями.

"В этих лесах, природой созданных,
Фонтан бьет и питает тысячу цветов;
Ах! Как мои стоны помогают его журчанию!
Как печальный взор мой вливает в него свои потоки!

"Что делает рыцарь мой в это время? Ему дана
Двойная пища; в любви и в оружии славном,
Его Круглый стол возносит до небес!
Тристрам! Ах, я! Он не слышит криков Исуды!"

Бреус Безжалостный, который, как и большинство других каитифов, чувствовал на себе тяжесть руки Тристрама и ненавидел его, услышав свое имя, произнесенное прекрасной певицей, побуждаемый двойным порывом, выскочил из своего укрытия и наложил руки на свою жертву. Исудэ потеряла сознание, и Бренгвейн наполнил воздух ее криками. Бреус отнес Исуду к тому месту, где оставил своего коня; но животное вырвалось из уздечки и

оказалось на некотором расстоянии. Брезе пришлось бросить свою ношу и пуститься в погоню за конем. Тут как раз подъехал рыцарь, привлеченный криками Бренгвейн, и потребовал назвать причину ее беды. Она не могла говорить, но указала на свою госпожу, бесчувственно лежащую на земле.

К этому времени вернулся Бреус, и крики Бренгвейна, возобновившиеся при виде его, достаточно ясно показали незнакомцу причину беды. Тристрам прищипил коня и направился к Бреусу, который, не ожидая этого, бросился навстречу. Брезе отцепился от лошади и лежал неподвижно, притворяясь мертвым; но когда незнакомый рыцарь оставил его, чтобы позаботиться об исстрадавшихся девушках, он сел на коня и скрылся.

Рыцарь подошел к Исуде, осторожно поднял ее голову, откинул золотые волосы, закрывавшие ее лицо, посмотрел на нее, издал крик и упал без чувств. Подроспела Бренгвейн; ее заботы вскоре вернули госпожу к жизни, и тогда они обратили внимание на павшего воина. Они подняли его козырек и увидели лицо сэра Тристрама. Исудэ бросилась на тело своего возлюбленного и оросила его лицо слезами. Их тепло оживило рыцаря, и Тристрам, очнувшись, обнаружил себя в объятиях своей любимой Исуды.

По закону Круглого стола, каждый рыцарь после поступления должен был провести следующие десять дней в поисках приключений, а в это время его спутники могли встретить его в замаскированных доспехах и помериться с ним силами. Тристрам находился в походе уже семь дней, за это время он встретился со многими лучшими рыцарями Круглого стола и с честью справился со своей задачей. Оставшиеся три дня Исудэ оставалась в аббатстве под его защитой, а затем отправилась со своими девицами в сопровождении сэра Тристрама, чтобы воссоединиться с королем Марком при дворе Камелота.

Это счастливое путешествие стало одной из самых ярких эпох в жизни Тристрама и Исуды. Он отпраздновал его игрой на арфе в особой мере, которой французы дали название триолет.

"С прекрасной Исудой и с любовью,
Ах, как сладка жизнь моя!
Как блаженно вечно мне бродить,
С прекрасной Исудой и с любовью!
По ее воле я живу и двигаюсь,
И безоблачные дни сменяют друг друга:
С прекрасной Исудой и с любовью,
Ах, как сладка жизнь моя!

"Путешествуем с рассвета,
Не чувствуешь ли ты усталости, моя красавица?
Yon green turf invites to play;
Путешествуя изо дня в день,
Ах! Давайте уйдем в эту тень,
Если бы только там можно было понежиться!
Путешествуем с рассвета,
Не чувствуешь ли ты усталости, моя красавица?"

Они прибыли в Камелот, где сэр Лаунселот принял их самым радушным образом. Исудэ была представлена королю Артуру и королеве Геневере, которые приняли ее как сестру.

Поскольку король Марк находился под арестом по обвинению двух корнуэльских рыцарей, королева Исуда не могла вернуться к мужу, и сэр Лонселот предоставил свой замок Ла Жуаз Гард в распоряжение друзей, которые там и поселились.

Король Марк, оказавшийся вынужденным признать истинность выдвинутого против него обвинения или оправдаться в поединке с обвинителями, предпочел первое, и король Артур, поскольку преступление не было совершено, смягчил наказание, лишь повелев под страхом своего страшного неудовольствия отбросить все мысли о мести племяннику. В присутствии короля и его двора все стороны были официально примирены; Марк и его королева отбыли домой, а Тристрам остался при дворе Артура.

ГЛАВА XVI

СЭР ПАЛАМЕД

Пока сэр Тристрам и прекрасная Исуда оставались в Гарде Жуазе, сэр Тристрам выехал однажды в путь без доспехов, не имея никакого оружия, кроме копья и меча. И когда он ехал, то подъехал к месту, где увидел двух сражающихся рыцарей, и один из них одержал верх, а другой лежал поверженный. Рыцарем, который одержал верх, был сэр Паламед. Когда сэр Паламед узнал сэра Тристрама, он воскликнул: "Сэр Тристрам, теперь мы встретились, и прежде чем мы уйдем, мы исправим наши старые обиды". "Что касается этого, - ответил сэр Тристрам, - то никогда еще не было христианина, который мог бы похвастаться, что я когда-либо бежал от него, и ты, сарацин, никогда не сможешь сказать этого обо мне". И тогда сэр Тристрам пустил своего коня вскачь и со всей силой налетел на сэра Паламеда и сломал о него копье. Затем он выхватил свой меч и нанес сэру Паламеду шесть сильных ударов по шлему. Сэр Паламед увидел, что на сэре Тристраме нет доспехов, и изумился его безрассудству и великой глупости, и сказал себе: "Если я встречу и убью его, я буду посрамлен, куда бы я ни пошел". Тогда сэр Тристрам воскликнул и сказал: "Ты, трусливый рыцарь, почему ты не сразишься со мной? Ведь ты не сомневаешься, что я выдержу всю твою злобу". "Ах, сэр Тристрам!" - сказал сэр Паламед, - "ты знаешь, что я не могу сражаться с тобой из стыда; ведь ты здесь наг, а я вооружен; теперь я требую, чтобы ты ответил мне на вопрос, который я тебе задам". "Скажи мне, в чем дело", - сказал сэр Тристрам. "Я ставлю дело так, - сказал Паламед, - что ты хорошо вооружен, а я наг, как и ты; что бы ты сделал со мной теперь, по своему истинному рыцарскому достоинству?" "Ах! - сказал сэр Тристрам, - теперь я хорошо понимаю тебя, сэр Паламед; и, да благословит меня Бог, то, что я скажу, не будет сказано из страха, который я испытываю перед тобой. Но если бы это было так, ты должен отойти от меня, ибо я не желаю иметь с тобой дела". "Не буду я больше с тобой, - сказал сэр Паламед, - а потому отправляйся в путь". "Что касается этого, то я могу выбирать, - сказал сэр Тристрам, - ехать верхом или остаться. Но, сэр Паламед, я дивлюсь одной вещи - что ты такой хороший рыцарь, но не желаешь креститься". "Что касается этого, - сказал сэр Паламед, - то я, может быть, и не крещусь, ибо дал обет много лет назад; однако в сердце своем я верю в Спасителя нашего и его кроткую мать Марию; но мне предстоит еще одна битва, и когда она будет закончена, я крещусь, по доброй воле". "Клянусь моей головой, - сказал сэр Тристрам, - что касается этой битвы, то ты больше не будешь ее искать, потому что вон рыцарь, которого ты сразил. Теперь помоги мне облачиться в его доспехи, и я скоро исполню твою клятву". "Как хочешь", - сказал сэр Паламед, - "так и будет". И поскакали они оба к тому рыцарю, что сидел на берегу; и сэр Тристрам отдал ему честь, а тот, утомившись, отдал честь снова. "Сэр, - сказал сэр Тристрам, - прошу вас одолжить мне все ваши доспехи, ибо я безоружен и должен сразиться с этим рыцарем". "Сэр, - сказал обиженный рыцарь, - вы получите его по доброй воле!" Тогда сэр Тристрам разоружил сэра Галерона, ибо так

звали обиженного рыцаря, и тот, как мог, помог вооружить сэра Тристрама. Затем сэр Тристрам сел на своего коня и взял в руку копье сэра Галерона. Тогда сэр Паламед был готов, и вот они сошлись, и каждый поразил другого в середину щитов. Копье сэра Паламеда сломалось, а сэр Тристрам поразил коня. Тогда сэр Паламед соскочил с коня и выхватил свой меч. Тот увидел сэра Тристрама, сошел с коня и привязал его к дереву. Тогда они сошлись, как два диких зверя, набрасываясь один на другого, и так бились более двух часов; и часто сэр Тристрам наносил сэру Паламеду такие удары, что заставлял его падать на колени, а сэр Паламед отбивал щит сэра Тристрама и ранил его. Тогда сэр Тристрам разгневался не на шутку, бросился на сэра Паламеда и ранил его в плечо, и удачей выбил меч из руки сэра Паламеда, и если бы сэр Паламед опустил за своим мечом, сэр Тристрам убил бы его. Тогда сэр Паламед встал и посмотрел на свой меч с полным скорби сердцем. "Теперь, - сказал сэр Тристрам, - я держу тебя на расстоянии, как ты держал меня сегодня; но никогда не будет сказано ни при дворе, ни среди добрых рыцарей, что сэр Тристрам убил рыцаря, который был без оружия; поэтому возьми свой меч, и давай сразимся в этой битве до конца". Тогда сэр Паламед обратился к сэру Тристраму: "Нет у меня больше желания сражаться в этой битве. Обида, которую я нанес тебе, не так уж велика, но, если тебе будет угодно, мы можем стать друзьями. Все, что я натворил, - это любовь к королеве, красавице Исуде, а я смею утверждать, что она несравненна среди дам; и за эту обиду вы нанесли мне много тяжких и печальных ударов, а некоторые я нанес вам снова. Поэтому я прошу вас, милорд сэр Тристрам, простите мне все, чем я вас обидел, и сегодня же отведите меня в ближайшую церковь; сначала я чисто исповедаюсь, а потом проследите, чтобы я принял истинное крещение, и тогда мы вместе поедem ко двору моего господина, короля Артура, чтобы быть там на празднике Пятидесятницы". "Теперь садитесь на коней, - сказал сэр Тристрам, - и как вы сказали, так и будет". И они сели на коней, и сэр Галерон поехал с ними. Когда они приехали в церковь Карлайла, епископ велел наполнить водой большой сосуд; освятив его, он исповедал сэра Паламеда чистым и окрестил его, а сэр Тристрам и сэр Галлерон стали его крестными отцами. А вскоре после этого они выехали и поскакали к Камелоту, где благородный король Артур и королева Геневера держали королевский двор. И король, и все придворные были рады тому, что сэр Паламед был крещен. Затем сэр Тристрам снова вернулся в Гард Жуайез, а сэр Паламед отправился своей дорогой.

Вскоре после этих событий сэр Гавейн вернулся из Бретани и рассказал королю Артуру о приключении, случившемся с ним в лесу Бресилянд, о том, как Мерлин говорил с ним и велел ему поручить королю без промедления отправиться на поиски Святого Грила. Пока король Артур размышлял, Тристрам решил отправиться на поиски, и тем охотнее, что ему было хорошо известно, что это святое приключение, если его удастся осуществить, принесет ему прощение всех грехов. Он немедленно отправился в королевство Бретань, надеясь там получить от Мерлина совет, как правильно действовать, чтобы добиться успеха.

ГЛАВА XVII

СЭР ТРИСТРАМ

Прибыв в Бретань, Тристрам обнаружил, что король Хоэль ведет войну с мятежным вассалом и сильно потеснен своим врагом. Его лучшие рыцари пали в поздней битве, и он не знал, куда обратиться за помощью. Тристрам вызвался помочь. Она была принята, и армия Хоэля, возглавляемая Тристрамом и вдохновленная его примером, одержала полную победу. Король, проникнутый самыми живыми чувствами благодарности и осведомленный о рождении Тристрама, предложил ему в жены свою дочь. Принцесса была красива и

совершенна и носила то же имя, что и королева Корнуолла; но романтики называют ее Исудой Белой Руки, чтобы отличить от Исуды Прекрасной.

Как описать конфликт, будораживший сердце Тристрама? Он обожал первую Исуду, но его любовь к ней была безнадежной и не сопровождалась угрызениями совести. Кроме того, священный поход, в который он пустился, требовал от него совершенной чистоты жизни. Казалось, счастливая судьба предоставила ему в лице очаровательной принцессы Исудэ из Белой Руки наилучшее обеспечение всех его благих намерений. Это последнее размышление определило его. Они поженились и провели несколько месяцев в безмятежном счастье при дворе короля Хозля. Наслаждение, которое Тристрам испытывал в обществе жены, росло день ото дня. Казалось, с того момента, как он дал клятву отправиться на поиски Священного Греаля, в нем зародилась внутренняя благодать; казалось, она даже одержала победу над силой волшебного любовного снадобья.

Война, затихшая было на время, разгорелась с новой силой. Тристрам, как обычно, был первым в любой опасности. Враг терпел поражения одно за другим и наконец заперся в своем главном городе. Тристрам возглавил атаку на город. Когда он взобрался на лестницу, чтобы взобраться на стены, его ударило по голове осколком скалы, который осажденные обрушили на него. Он упал на землю, где лежал без сознания.

Как только он пришел в себя, то потребовал, чтобы его отнесли к жене. Принцесса, искусенная в искусстве хирургии, не позволила никому, кроме себя, прикоснуться к любимому мужу. Ее прекрасные руки перевязали его раны; Тристрам целовал их с благодарностью, которая начала перерастать в любовь. Сначала казалось, что самоотверженные заботы Исуды увенчались большим успехом; но через некоторое время эти лестные впечатления исчезли, и, несмотря на все ее заботы, болезнь становилась день ото дня все серьезнее.

В этом недоумении старый оруженосец Тристрама напомнил своему господину, что принцесса Ирландии, впоследствии королева Корнуолла, однажды вылечила его при обстоятельствах, весьма обескураживающих. Он призвал к себе Исуду Белой Руки, рассказал ей о своем прежнем исцелении и добавил, что верит в то, что королева Исуда может его исцелить, и уверен, что она придет ему на помощь, если за ней пошлют.

Исудэ из Белых Рук согласилась, чтобы в Корнуолл был послан Геснес, надежный человек и искусный мореплаватель. Тристрам позвал его и, протянув ему перстень, сказал: "Отнеси это королеве Корнуолла. Скажи ей, что Тристрам, близкий к смерти, просит ее о помощи. Если тебе удастся взять ее с собой, то по возвращении поставь на своем судне белые паруса, чтобы мы могли узнать о твоём успехе, когда судно впервые покажется на горизонте. Если же королева Исудэ откажется, поставьте черные паруса; они будут предвещать мою скорую смерть".

Геснес успешно выполнил свою миссию. Король Марк отсутствовал в своей столице, и королева с готовностью согласилась вернуться с кораблем в Бретань. Геснес одел свое судно в самые белые паруса и поспешил обратно в Бретань.

Тем временем рана Тристрама день ото дня становилась все отчаяннее. Его силы, совсем ослабевшие, уже не позволяли ежедневно выносить его на берег моря, как это было принято с первого момента, когда появилась возможность отправиться на корабле в обратный путь. Он позвал молодую девушку и поручил ей сторожить в направлении Корнуолла и приходить и сообщать ему цвет парусов первого судна, которое она увидит на подходе.

Когда Исудэ из Белых Рук согласилась послать за королевой Корнуолла, она еще не знала всех причин, по которым опасалась влияния возобновления общения с этой принцессой на ее собственное счастье. Теперь она узнала больше и острее почувствовала опасность. Она подумала, что если ей удастся скрыть от мужа информацию о приезде королевы, то она сможет использовать на его службе все средства, которые сможет применить, и при этом избежать опасности, которую она предвидела. Увидев приближающееся судно с белыми парусами, сверкающими на солнце, девица, по приказу своей госпожи, передала Тристраму, что паруса черные.

Тристрам, охваченный невыразимым горем, глубоко вздохнул, отвернул лицо и сказал: "Увы, возлюбленная моя! Мы никогда больше не увидимся!" Затем он отдал себя Богу и испустил последний вздох.

Смерть Тристрама стала первым известием, которое королева Корнуолла услышала, высадившись на берег. Ее почти без чувств внесли в покои Тристрама, и она скончалась, держа его на руках.

Перед смертью Тристрам попросил отправить его тело в Корнуолл, а меч с письмом, которое он написал, передать королю Марку. Останки Тристрама и Исуды погрузили на корабль, а меч преподнесли королю Корнуолла. Он растаял от умиления, увидев оружие, которым был убит Мораунт Ирландский, - оружие, которое так часто спасало ему жизнь и спасало честь его королевства. В письме Тристрам просил прощения у своего дяди и рассказывал историю о любовной тяге.

Марк приказал похоронить влюбленных в своей часовне. Из могилы Тристрама выросла виноградная лоза, которая пошла вдоль стен и спустилась в могилу королевы. Ее трижды срубали, но каждый раз она вырастала еще более сильной, чем прежде, и с тех пор это чудесное растение затеняет гробницы Тристрама и Исуды.

Спенсер вводит сэра Тристрама в свою "Королеву фейри". В книге VI, канто II, сэр Калидор встречает в лесу молодого охотника, которого он описывает следующим образом:

"Он упорно его приметил и увидел, что это
Юноша славный, изящный,
Но стройный, что едва виднелся.
Ему еще нет семнадцати лет, но он высок и красив лицом,
Что, конечно, он счел его рожденным от благородного рода.
Он был одет в куртку дровосека.
Линкольна зеленого, подпоясанный серебряным кружевом;
А на голове у него был капюшон с агальцами,
А на боку у него висел охотничий рог.

[Сноска: Аглеты - очки или метки].

"Бускины он носил из дорогого кордавайна,
Обитые золотом, и бледнели от части к части,
Как в те времена для каждого нежного колыхания.
В правой руке он держал дрожащий дротик,
Чей собрат он прежде отправил в сторону;
А в левой он держал острый буравчик,
С помощью которого он обычно запускал спасительное сердце

многих львов и многих медведей,
Которые первыми попадали к нему в руки в погоне за ними".

[Сноска: PINCKT UPON GOLD, ETC., украшенный золотыми точками, или люверсами, и регулярно пересекаемый полосами. ПАЛЕД (в геральдике), полосатый].

ГЛАВА XVIII

ПЕРСЕВАЛЬ

Отец и два старших брата Персеваля пали в бою или на турнире, и поэтому, как последняя надежда семьи, его мать удалилась с ним в уединенный край, где он был воспитан в полном неведении об оружии и рыцарстве. Ему не разрешалось иметь никакого оружия, кроме "шотландского копья", которое было единственной вещью из всех "ее господ, которые умели играть", и которое его мать носила с собой в лес. В обращении с ним он стал настолько искусен, что мог убивать им не только преследуемых животных для стола, но даже птиц на крыльях. Однако в конце концов, увидев в лесу пятерых рыцарей в полных доспехах, Персеваль воспылил желанием воинской славы. Он обратился к матери: "Матушка, что это там такое?" "Это ангелы, сын мой", - ответила она. "По моей вере, я пойду и стану ангелом вместе с ними". И Персеваль вышел на дорогу и встретил их. "Скажи мне, добрый юноша, - сказал один из них, - видел ли ты рыцаря, проезжавшего этим путем сегодня или вчера?" "Я не знаю, - сказал он, - что такое рыцарь". "Такой, как я", - сказал рыцарь. "Если ты хочешь сказать мне то, о чем я тебя прошу, я скажу тебе то, о чем ты меня просишь". "С радостью", - сказал сэр Овейн, ибо так звали рыцаря. "Что это?" - спросил Персеваль, потрогав седло. "Это седло", - ответил Овейн. Затем он спросил обо всем снаряжении, которое видел на людях и лошадях, и об оружии, и о том, для чего оно предназначено и как используется. И сэр Овейн показал ему все это в полном объеме. А Персеваль в ответ дал ему такие сведения, какие у него были.

Тогда Персеваль вернулся к своей матери и сказал ей: "Мама, это были не ангелы, а благородные рыцари". Тогда его мать упала в обморок. А Персеваль пошел туда, где держали лошадей, на которых возили дрова и провизию для замка, и взял костлявого коня, который показался ему самым сильным из них. Он сжал вьюк, придав ему форму седла, и с помощью скрученных веток подделал попоны, которые он видел на лошадях. Когда он снова подошел к матери, графиня уже оправилась от обморока. "Сын мой, - сказала она, - желаешь ли ты ехать?" "Да, с вашего позволения", - ответил он. "Тогда поезжай ко двору Артура, где живут лучшие, благороднейшие и щедрейшие из людей, и скажи ему, что ты Персеваль, сын Пеленора, и попроси его даровать тебе рыцарство. И всякий раз, когда ты видишь церковь, повторяй там свой *pater-noster*; и если ты увидишь мясо и питье и будешь нуждаться в них, то можешь взять их. Если услышишь вопль человека, попавшего в беду, иди к нему, особенно если это крик женщины, и окажи ей посильную помощь. Если ты увидишь красивую драгоценность, возьми ее, ибо так ты приобретешь славу; но свободно отдай ее другому, ибо так ты получишь похвалу. Если ты увидишь прекрасную женщину, окажи ей знаки внимания, ибо так ты обрешь любовь".

После этих рассуждений Персеваль сел на коня и, взяв в руки несколько остроконечных палок, поскакал вперед. И долго ехал он по лесной глуши без еды и питья. Наконец он подъехал к просвету в лесу, где увидел шатер, и, подумав, что это может быть церковь, сказал ей свой *патер-ностер*. И он направился к ней; дверь палатки была открыта. Персеваль сел на землю и вошел в шатер. В шатре сидела дева, на лбу у нее была золотая косынка, а на

руке золотое кольцо. И сказал Персеваль: "Дева, я приветствую тебя, ибо моя мать говорила мне, что всякий раз, когда я встречаю даму, я должен почтительно приветствовать ее". Увидев в одном из углов шатра еду, две фляги, полные вина, и жареную кабанью плоть, он сказал: "Моя мать велела мне, когда я вижу мясо и питье, брать их". И он ел с жадностью, ибо был очень голоден. Дева сказала: "Сэр, вам лучше поскорее уйти отсюда, боясь, что придут мои друзья и с вами случится беда". Но Персеваль сказал: "Моя мать велела мне, где бы я ни увидел красивую драгоценность, брать ее", и он снял золотое кольцо с ее пальца и надел его на свой; и он отдал деве свое кольцо взамен ее; затем он сел на коня и поскакал прочь.

Персеваль ехал дальше, пока не прибыл ко двору Артура. И случилось так, что как раз в это время один невежливый рыцарь нанес королеве Геневере грубое оскорбление. Когда ее паж подавал королеве золотой кубок, этот рыцарь ударил пажа по руке и выплеснул вино королеве в лицо и на живот. Тогда он сказал: "Если кто дерзнет отомстить за это оскорбление Геневере, пусть следует за мной на луг". И рыцарь сел на коня и поскакал на луг, унося с собой золотой кубок. И все домочадцы опустили головы, и никто не предложил последовать за рыцарем, чтобы отомстить ему. Ибо им казалось, что никто не решился бы на столь дерзкое злодеяние, если бы не обладал такой силой, магией или чарами, что никто не смог бы его наказать. И вот Персеваль въехал в зал на костлявом, пибальдовом коне, с его неопрятными атрибутами. В центре зала стоял сенешаль Кей. "Скажи мне, высокий человек, - сказал Персеваль, - это Артур там?" "Что тебе нужно от Артура?" - спросил Кей. "Моя мать велела мне отправиться к Артуру и принять от него рыцарство". "Клянусь, - сказал он, - ты слишком плохо владеешь конем и оружием". Тогда все домашние стали издеваться и смеяться над ним. Но была одна девица, которая целый год провела при дворе Артура и ни разу не улыбнулась. А королевский дурак [Сноска: Дурак был обычным придатком при дворе в те времена, когда был написан этот роман. Дурак был украшением, стоящим наравне с карликом. Он носил белое платье с желтым чепцом, а в руке держал колокольчик или дудочку. Хотя его называли дураком, его слова часто взвешивали и запоминали, словно в них был какой-то прорицательский смысл] сказал, что эта девица не улыбнется, пока не увидит того, кто станет цветком рыцарства. И вот эта девица подошла к Персевалю и, улыбаясь, сказала ему, что если он выживет, то станет одним из самых храбрых и лучших рыцарей. "Воистину, - сказал Кей, - ты плохо обучен: пробыть год при дворе Артура, выбирая общество, и никому не улыбаться, а теперь перед лицом Артура и всех его рыцарей называть такого человека цветком рыцарства"; и он дал ей коробочкой по уху, так что она без чувств упала на землю. Тогда Кей сказал Персевалю: "Пойди за рыцарем, который отправился на луг, свергни его и верни золотой кубок, завладей его конем и оружием, и ты обретешь рыцарство". "Я так и сделаю, высокий человек", - ответил Персеваль. И он повернул голову своего коня в сторону луга. И когда он подъехал туда, рыцарь скакал взад-вперед, гордясь своей силой, доблестью и благородным видом. "Скажи мне, - сказал рыцарь, - видел ли ты кого-нибудь, кто ехал за мной со двора?" "Высокий человек, который был там, - сказал Персеваль, - велел мне прийти и свергнуть тебя, а также забрать у тебя кубок, твоего коня и доспехи". "Молчи!" - сказал рыцарь; "Возвращайся во двор и скажи Артуру, чтобы он пришел сам или послал кого-нибудь другого сразиться со мной; и если он не сделает этого быстро, я не стану его ждать". "Клянусь своей верой, - сказал Персеваль, - выбирай, вольно или невольно, ибо я получу и коня, и оружие, и кубок". На это рыцарь яростно бросился на него и нанес ему сильный удар древком копья между шеей и плечом. "Ха, ха, парень!" - сказал Персеваль, - "слуги моей матери не привыкли так играть со мной; так и я буду играть с тобой". И он бросил в него одну из своих остроконечных палок, и она попала ему в глаз и вышла на затылке, так что он упал безжизненно.

"Поистине, - сказал сэр Овейн, сын Уриена, сенешалю Кею, - ты поступил неразумно, послав этого безумца за рыцарем, ибо он должен быть либо повержен, либо бежать, и в любом случае это будет позором для Артура и его воинов; поэтому я пойду посмотреть, что с ним случилось". И вот сэр Овейн отправился на луг и увидел, что Персеваль тщетно пытается снять с мертвого рыцаря доспехи, чтобы надеть их на себя. Сэр Овейн расстегнул доспехи и помог Персевалю надеть их, а также научил его вставлять ногу в стремя и пользоваться шпорой, ибо Персеваль никогда не пользовался ни стременем, ни шпорой, а ездил без седла и подгонял коня палкой. Тогда Овейн велел ему вернуться ко двору, чтобы получить заслуженную похвалу; но Персеваль сказал: "Я не приду ко двору, пока не встречу с тем высоким человеком, который там находится, чтобы отомстить за обиду, нанесенную им деде. Но отнеси кубок королеве Гленевере и скажи королю Артуру, что, где бы я ни был, я буду его вассалом и окажу ему посильную помощь и услугу". И сэр Овейн вернулся ко двору и рассказал все это Артуру и Гленевере, а также всем домашним.

А Персеваль поскакал вперед. И подъехал он к озеру, на берегу которого стоял прекрасный замок, и на границе озера увидел он копытного человека, сидящего на бархатной подушке, а его слуги ловили рыбу в озере. Увидев приближающегося Персеваля, копытноголовый встал и пошел в замок. Персеваль прискакал к замку, и дверь была открыта, и он вошел в зал. И вежливо принял Персеваля копытный человек, и попросил его сесть рядом с ним на подушку. Когда пришло время, столы были накрыты, и они принялись за еду. Когда они покончили с мясом, копытноголовый спросил Персеваля, умеет ли он сражаться на мече. "Не умею, - ответил Персеваль, - но если бы меня научили, я бы, несомненно, научился". И сказал ему копытный человек: "Я дядя твой, брат матери твоей; зовусь я королем Печером.[Сноска: Слово это означает и РЫБАК, и ГРЕШНИК] Побудь со мной немного, дабы научиться нравам и обычаям разных стран, вежливости и благородству. И вот что запомни: если увидишь что-нибудь, что вызовет твое удивление, не спрашивай об этом; если никто не будет иметь любезности сообщить тебе об этом, упрек падет не на тебя, а на меня, твоего учителя". Пока Персеваль и его дядя беседовали, Персеваль увидел, как в зал вошли двое юношей, неся золотой кубок и копье огромных размеров, с острия которого на землю капала кровь. И когда вся компания увидела это, они начали плакать и сетовать. Но, несмотря на это, человек не прерывал беседы с Персевалем. И так как он не сказал ему о смысле увиденного, он не решился спросить его об этом. Чаша, которую видел Персеваль, была Сангреалем, а копье - священным копьем, и после этого король Печер удалился с этими священными реликвиями в далекую страну.

Однажды вечером Персеваль вошел в долину и пришел в келью отшельника; отшельник принял его с радостью, и там он провел ночь. А утром он встал, и когда вышел, то увидел, что ночью выпал снег, и ястреб убил дикую птицу перед кельей. Шум лошади спугнул ястреба, и на птицу сел ворон. И Персеваль стоял и сравнивал черноту ворона, белизну снега и красноту крови с волосами любимой дамы, которые были чернее струи, и с ее кожей, которая была белее снега, и с двумя красными пятнами на ее щеках, которые были краснее крови на снегу.

Артур и его домочадцы искали Персеваля, и случайно они оказались на этом пути. "Знаете ли вы, - сказал Артур, - кто тот рыцарь с длинным копьем, что стоит у ручья вон там?" "Господи, - сказал один из них, - я пойду и узнаю, кто он". И вот юноша подошел к тому месту, где находился Персеваль, и спросил его, что он так сделал и кто он такой. Но Персеваль был так увлечен своими мыслями, что не дал ему ответа. Тогда юноша ударил Персеваля копьем; Персеваль повернулся к нему и повалил его на землю. И когда юноша вернулся к королю и рассказал, как грубо с ним обошлись, сэр Кей сказал: "Я пойду сам". И когда он

поприветствовал Персеваля, но не получил ответа, он заговорил с ним грубо и гневно. И Персеваль метнул в него свое копье и повалил его так, что сломал ему руку и лопатку. И пока он лежал, оглушенный, его конь возвращался назад диким и резвым шагом.

Тогда сказал сэр Гавейн, прозванный Златоустым, потому что был он самым учтивым рыцарем при дворе Артура: "Не подобает никому бесцеремонно отвлекать благородного рыцаря от его мыслей, ибо либо он размышляет о нанесенном ему ущербе, либо думает о даме, которую любит больше всего на свете. Если вам будет угодно, лорд, я пойду и посмотрю, не отвлекся ли этот рыцарь от своих мыслей, и если да, то вежливо попрошу его навестить вас".

И Персеваль, опираясь на древко копья, размышлял о том же, а сэр Гавейн подошел к нему и сказал: "Если бы я думал, что тебе это будет так же приятно, как и мне, я бы поговорил с тобой. У меня также есть послание от Артура к тебе, чтобы молить тебя прийти и навестить его. И два человека уже отправились с этим поручением". "Это правда, - сказал Персеваль, - и пришли они невежливо. Они напали на меня, и я был раздосадован этим" Затем он рассказал ему о мысли, которая занимала его ум, и Гавейн сказал: "Это не была нежная мысль, и я бы удивился, если бы тебе было приятно от нее отвлечься". Тогда Персеваль сказал: "Скажи мне, сэр Кей при дворе Артура?" "Да", - ответил Гавейн, - "и воистину он тот рыцарь, что сражался с тобой в последний раз". "Поистине, - сказал Персеваль, - я не жалею, что таким образом отомстил за оскорбление, нанесенное улыбающейся деве". "Тогда Персеваль назвал ему свое имя и спросил: "Кто ты?" И он ответил: "Я Гавейн". "Я очень рад встрече с тобой, - сказал Персеваль, - ибо я повсюду слышал о твоей доблести и честности; и я прошу у тебя товарищества". "Ты получишь его, по моей вере; а мне дай свое", - сказал он. "С радостью", - ответил Персеваль.

И они вместе отправились к Артуру и приветствовали его.

"Вот, повелитель, - сказал Гавейн, - тот, кого ты так долго искал". "Приветствую тебя, вождь", - ответил Артур. И тут появились королева и ее фрейлины, и Персеваль приветствовал их. И они обрадовались, увидев его, и приветствовали его. И Артур оказал ему великий почет и уважение, и они вернулись в Каэрлеон.

ГЛАВА XIX

САНГРЕАЛЬ, ИЛИ СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Сангреаль - это чаша, из которой наш Спаситель пил на последнем ужине. Предполагается, что он отдал ее Иосифу из Аримафеи, который перенес ее в Европу вместе с копьем, которым солдат пронзил бок Спасителя. Из поколения в поколение один из потомков Иосифа Аримафейского посвящал себя хранению этих драгоценных реликвий, но при единственном условии - вести жизнь в чистоте мыслей, слов и поступков. Долгое время Сангреаль был виден всем паломникам, и его присутствие даровало благословение земле, в которой он хранился. Но в конце концов один из святых людей, на которых была возложена его опека, настолько забыл о своих священных обязанностях, что с недоверием посмотрел на молодую паломницу, чье одеяние случайно распахнулось, когда она преклонила перед ним колени. Священное копье мгновенно наказало его слабость, самопроизвольно упав на него и нанеся глубокую рану. Чудесная рана никак не могла затянуться, а хранителя Сангреаля с тех пор стали называть "Le Roi Pêcheur" - Король-грешник. Сангреаль удалил свое видимое присутствие от толп людей, пришедших на поклонение, и железный век сменился счастьем, которое его присутствие распространяло среди племен Британии.

"Но затем времена
Дошли до такого зла, что Святая Чаша
Была унесена на небо и исчезла".
-Святой Грааль.

В истории Мерлина мы рассказывали, как этот великий пророк и чародей отправил королю Артуру послание от сэра Гавейна, поручив ему заняться возвращением Сангреаля и сообщив при этом, что рыцарь, который должен совершить этот священный поход, уже родился и достиг подходящего возраста, чтобы приступить к нему. Сэр Гавейн передал свое послание, и король с тревогой размышлял, как лучше осуществить задуманное, когда в день Пятидесятницы все собравшиеся в Камелоте члены Круглого Стола, сидя за едой, вдруг услышали раскаты грома, а затем вспыхнул яркий свет, и каждый рыцарь, взглянув на своего товарища, увидел его, на первый взгляд, прекраснее, чем когда-либо прежде. Весь зал наполнился сладкими запахами, и каждый рыцарь ел и пил то, что ему больше всего нравилось. Затем в зал вошел Святой Грааль, покрытый белым самайтом, так что никто не мог его видеть, и он внезапно прошел через зал и исчез. Все это время никто не произносил ни слова, но когда они обрели способность говорить, король Артур сказал: "Конечно, мы должны возблагодарить Господа за то, что он явил нам сегодня". Тогда сэр Гавейн поднялся и дал обет, что двенадцать месяцев и один день он будет искать Сангреаль и не вернется, пока не увидит его, если это ускорит его путь. Когда все члены Круглого стола услышали, что сказал сэр Гавейн, они встали, большинство из них, и поклялись в том же. Когда король Артур услышал это, он был сильно раздосадован, ибо хорошо знал, что они не могут нарушить свою клятву. "Увы! - сказал он сэру Гавейну, - вы едва не убили меня клятвой и обещанием, которые дали, ибо вы лишили меня самого прекрасного общества, которое когда-либо видели вместе в любом царстве мира; ибо когда они уйдут отсюда, я уверен, что все они никогда больше не встретятся в этом мире".

СЭР ГАЛАХАД

В это время в зал вошел добрый старик, и с ним молодой рыцарь, и сказал он такие слова: "Мир вам, прекрасные лорды". Тогда старик сказал королю Артуру: "Господин, я привел к тебе молодого рыцаря, который происходит из королевского рода и из рода Иосифа Аримафейского, он сын дамы Элейны, дочери короля Пеллеса, короля чужой страны". А звали юного рыцаря сэр Галахад, и был он сыном сэра Лонселота дю Лака; но жил он с матерью при дворе короля Пеллеса, своего деда, пока не стал достаточно взрослым, чтобы носить оружие, и мать отправила его под началом святого отшельника ко двору короля Артура. Тогда сэр Лаунселот увидел своего сына и очень обрадовался ему. А сэр Бохорт сказал своим товарищам: "Клянусь моей жизнью, этот юный рыцарь достигнет великого поклонения". Шум был велик по всему двору, так что дошел он до королевы. И она сказала: "Я хотела бы увидеть его, ибо он должен быть благородным рыцарем, как и его отец". И королева и ее дамы сказали, что он очень похож на своего отца; он был красив и скромен, как голубь, со всеми хорошими чертами лица, что во всем мире люди не могли бы найти ему равного. И сказал король Артур: "Дай Бог, чтобы он был хорошим человеком, ибо красота его не портит, как ни одного из живущих".

Тогда отшельник привел молодого рыцаря в Осаду Перило; и, подняв ткань, он нашел там письма с надписью: "Это место сэра Галахада, доброго рыцаря"; и он заставил его сесть на это место. И все рыцари Круглого стола очень изумились, увидев, как надежно сидит сэр Галахад на этом месте, и сказали: "Вот тот, кто достигнет Сангреаля, ибо никогда еще никто не сидел на этом месте без озорства".

На следующий день король сказал: "Теперь, после этого поиска Сангреаля, все вы из Круглого Стола уйдете, и никогда больше я не увижу вас в полном составе; поэтому я хочу, чтобы вы все отправились на луг Камелота, чтобы еще раз померяться силами, прежде чем вы уйдете." Но король хотел, чтобы сэр Галахад доказал свою правоту. И вот все собрались на лугу. Тогда сэр Галахад, по просьбе короля и королевы, надел свою сбрую и шлем, но щита не взял ни за какие молитвы короля. А королева находилась в башне со всеми своими дамами, чтобы наблюдать за этим турниром. Тогда сэр Галахад выехал на середину луга и стал там чудесно ломать копья, так что все люди удивлялись ему, ибо он одолел всех рыцарей, которые с ним столкнулись, кроме двух - сэра Лаунселота и сэра Персеваля.

"Рыцарей было так много, что весь народ плакал,
И чуть не лопнули барьеры от их пыла,
крича "Сэр Галахад и сэр Персеваль!".

-Сэр Галахад

Тогда король, по просьбе королевы, заставил его сойти и представил королеве; и она сказала: "Никогда два человека не походили друг на друга больше, чем он и сэр Лонселот, и потому неудивительно, что он похож на него в доблести".

Тогда король и королева отправились в монастырь, и рыцари последовали за ними. И после окончания службы они надели свои шлемы и уехали, и была великая печаль. Они ехали по улицам Камелота, и плакали богатые и бедные; и король отвернулся, не в силах говорить от рыданий. И вот они выехали, и каждый рыцарь поехал той дорогой, которая ему больше нравилась.

Сэр Галахад выехал без щита и ехал четыре дня, и не нашел никаких приключений. А на четвертый день он приехал в белое аббатство; там его приняли с великим почтением и провели в палату. Там он встретил двух рыцарей, короля Багдемагуса и сэра Увейна, и они его очень утешили. "Сэры, - сказал сэр Галахад, - какое приключение привело вас сюда?" "Сэр, - сказали они, - нам рассказали, что в этом месте находится щит, который никто не может нести, если он не достоин; а если кто-то недостойный попытается его нести, то он непременно причинит ему зло". Тогда король Багдемагус сказал: "Я не боюсь нести его, и это вы увидите назавтра".

Наутро они встали и отслужили мессу; затем царь Багдемагус спросил, где находится отважный щит. И вот монах повел его за алтарь, где висел щит, белый как снег, а посредине его был красный крест. Тогда король Багдемагус взял щит и вынес его из монастыря, а сэру Галахаду сказал: "Если тебе угодно, оставайся здесь, пока не узнаешь, как я поеду".

Тогда король Багдемагус и его оруженосец поскакали вперед, и когда они проскакали милю или две, то увидели, что навстречу им едет славный рыцарь в белых доспехах, на коне и во всем; он ехал так быстро, как только мог бежать его конь, с копьем наперевес; король Багдемагус направил на него свое копье и сломал его о белого рыцаря, а другим ударил его так сильно, что сломал почту, и вонзил его в правое плечо, ибо щит не прикрывал его, и так он сбросил его с коня. Тогда белый рыцарь повернул своего коня и ускакал.

Тогда оруженосец отправился к королю Багдемагу и спросил его, ранен он или нет. "Я тяжело ранен", - ответил тот, - "и вряд ли мне удастся избежать смерти". Тогда оруженосец посадил его на коня и привез в аббатство; там его тихонько, без оружия, уложили на кровать и

осмотрели его рану, ибо лежал он там долго и едва спасся от смерти. А оруженосец принес щит обратно в аббатство.

На следующий день сэр Галахад взял щит и через некоторое время пришел в скит, где встретил белого рыцаря, и каждый вежливо приветствовал другого. "Сэр, - сказал сэр Галахад, - можете ли вы рассказать мне о чудесах, связанных с этим щитом?" "Сэр, - сказал белый рыцарь, - этот щит издревле принадлежал благородному рыцарю Иосифу Аримафейскому, и когда он собрался умирать, то сказал: "Никогда человек не будет носить этот щит на шее своей, но он покается в этом, до тех пор, пока его не будет носить сэр Галахад, добрый рыцарь, последний из моего рода, который совершит много чудесных дел"". И тут белый рыцарь исчез.

СЭР ГАВЕЙН

После отъезда сэра Гавейна он много дней скакал взад и вперед и наконец приехал в аббатство, где сэр Галахад взял белый щит. И рассказали они сэру Гавейну о дивном приключении, которое совершил сэр Галахад. "Воистину, - сказал сэр Гавейн, - я не рад, что не пошел тем путем, которым шел он, ибо, если я встречу с ним, я не расстанусь с ним легкомысленно, чтобы участвовать с ним во всех чудесных приключениях, которые он совершит". "Сэр, - сказал один из монахов, - он не будет с вами общаться". "Почему?" - спросил сэр Гавейн. "Сэр, - ответил тот, - потому что вы грешны, а он блажен". Тогда монах сказал: "Сэр Гавейн, ты должен покаяться за свои грехи". "Сэр, какое покаяние я должен совершить?" "Такое, какое я покажу", - ответил добрый человек. "Нет, - сказал сэр Гавейн, - я не буду каяться, ибо мы, рыцари-авантюристы, часто терпим великое горе и боль". "Хорошо", - сказал добрый человек и замолчал. И сэр Гавейн удалился.

Вскоре после этого случилось так, что сэр Гавейн и сэр Гектор поехали вместе и прибыли в замок, где проходил большой турнир. И присоединились сэр Гавейн и сэр Гектор к той стороне, которая казалась им слабее, и погнались перед собой другую сторону. И вдруг появился в списках рыцарь, несущий белый щит с красным крестом, и приключилось так, что он налетел на сэра Гавейна, и ударил его так сильно, что зацепил его шлем и ранил в голову, так что сэр Гавейн упал на землю. Когда сэр Гектор увидел это, он понял, что рыцарь с белым щитом - сэр Галахад, и решил не мудрствовать лукаво, а также по естественной любви, что тот был его дядей. Тогда сэр Галахад удалился в укромное место, так что никто не знал, куда он ушел. А сэр Гектор поднял сэра Гавейна и сказал: "Сэр, кажется, ваш поход окончен". "Все кончено", - сказал сэр Гавейн; "Я больше не буду искать". Тогда Гавейна внесли в замок, безоружного, уложили в богатую постель и нашли пиявку, чтобы осмотреть его рану. И жили сэр Гавейн и сэр Гектор вместе, ибо сэр Гектор не хотел уходить, пока сэр Гавейн не выздоровеет.

ГЛАВА XX

САНГРЕЛ (продолжение)

СЭР ЛАУНСЕЛОТ

Сэр Лаунселот скакал по широкому лесу и не знал пути, кроме диких приключений.

"Принесите мне мои золотые шпоры,
И принесите мне мою богатейшую почту,

Ибо завтра я отправляюсь через сушу и море
В поисках святого, святого Грааля

Не будет для меня постели,
И подушка не ляжет мне под голову,
Пока я не выполню свой обет.
Здесь, на камышах, я буду спать,
И, быть может, придет мне виденье истинное.
Пока день не создал мир заново".

-Лоуэлл "Святой Грааль".

Наконец он подошел к каменному кресту. Тогда сэр Лаунселот огляделся вокруг и увидел старую часовню. Тогда он привязал своего коня к дереву, снял свой щит и повесил его на дерево, а затем вошел в часовню и заглянул в пролом в стене. И увидел он внутри прекрасный алтарь, богато убранный шелковыми тканями, и стоял прекрасный подсвечник, в котором горели шесть больших свечей, а подсвечник был серебряный. Когда сэр Лаунселот увидел это зрелище, ему очень захотелось войти в часовню, но он не мог найти места, куда можно было бы войти. Тогда он прошел мимо, опечаленный и встревоженный. И он вернулся и снова подошел к своему коню, и снял с него седло и уздечку, и отпустил его пастись; и отстегнул шлем, и отстегнул меч, и положил его спать на свой щит перед крестом.

И когда он лежал, наполовину бодрствуя, наполовину засыпая, он увидел, что мимо него идут два теленка, оба светлые и белые, которые несут подстилку, на которой лежит больной рыцарь. И когда он приблизился к кресту, то остался на месте. И услышал сэр Лаунселот, как он говорит: "Господи, когда же оставит меня эта печаль и когда придет ко мне святой сосуд, в котором я исцелюсь?" И так долго жаловался рыцарь, и сэр Лонселот слышал его. Тогда сэр Лонселот увидел, что перед крестом появился подсвечник с зажженными лампадами, но никого, кто бы его принес, он не видел. Также принесли серебряный поднос и святой сосуд Сангреаль; и вот больной рыцарь усадил его прямо, поднял обе руки и сказал: "Прекрасный, милый Господь, который здесь, внутри святого сосуда, прими меня, чтобы я был цел от этого великого недуга". И вот, опустившись на руки и на колени, он подошел так близко, что коснулся святого сосуда и поцеловал его. И вскоре он стал цел. Затем святой сосуд снова ушел в часовню вместе с подсвечником и лампадой, так что сэр Лаунселот не знал, что с ним стало.

Тогда больной рыцарь встал и поцеловал крест, а вскоре оруженосец принес ему руки и спросил, как поживает его господин. "Сердечно благодарю Бога, - ответил тот, - ибо благодаря святому сосуду я исцелился. Но я очень дивлюсь этому спящему рыцарю, который не имел ни благодати, ни сил проснуться за то время, что святой сосуд находился здесь". "Осмелюсь сказать, - сказал оруженосец, - что этот рыцарь запятнан каким-то смертным грехом, в котором он никогда не исповедовался". И они удалились.

Вскоре сэр Лаунселот проснулся, встал и задумался о том, что он видел и не сон ли это. И стало ему тяжело, и не знал он, что делать. И сказал он: "Грех мой и убогость моя привели меня к великому бесчестию. Ибо когда я искал мирских приключений и мирских желаний, я всегда достигал их, и во всем был лучше, и никогда я не был удручен ни в одной ссоре, будь она правая или неправая. А теперь я беру на себя приключение святых вещей, я вижу и понимаю, что мой старый грех мешает мне, так что у меня не было сил ни шелохнуться, ни

заговорить, когда святая кровь предстала передо мной". Так он печалился, пока не наступил день, и услышал пение птиц небесных. Тогда он несколько утешился.

Тогда он отошел от креста в лес. И там он нашел скит, а в нем отшельника, который собирался на мессу. И когда месса была отслужена, сэр Лонселот позвал к себе отшельника и стал молить его о милосердии, чтобы он выслушал его исповедь. "С доброй волей", - ответил тот. И тогда он рассказал тому доброму человеку всю свою жизнь, и как он безмерно много лет любил королеву. "И все мои великие ратные подвиги, которые я совершал, я большей частью ради королевы, и ради нее я бы сражался, будь то правильно или неправильно, и никогда я не сражался только ради Бога, но для того, чтобы завоевать поклонение и чтобы меня лучше любили; и мало или совсем мало я благодарил Бога за это. Молю тебя, посоветуй мне".

"Я посоветую тебе, - сказал отшельник, - если ты согласишься меня, что никогда не войдешь в круг общения этой королевы, сколько бы ты ни просил." И тогда сэр Лонселот пообещал отшельнику своей верой, что больше не будет появляться в ее обществе. "Смотри, чтобы сердце твое и уста твои были согласны, - сказал добрый человек, - и я позабочусь о том, чтобы ты получил больше поклонения, чем когда-либо".

Тогда добрый человек предписал сэру Лаунселоту такое покаяние, какое тот мог бы совершить, и он пристал к сэру Лаунселоту и заставил его пробыть с ним весь тот день. И сэр Лонселот сильно раскаялся в содеянном.

СЭР ПЕРСЕВАЛЬ

Сэр Персеваль выехал и скакал до полудня; и встретил он в долине около двадцати ратников. И когда они увидели сэра Персеваля, то спросили его, откуда он; и он ответил: "Из двора короля Артура". Тогда они закричали все разом: "Убейте его". Но сэр Персеваль поверг первого на землю, а на него - его коня. Тогда семь рыцарей ударили по его щиту все разом, а оставшиеся сбили его коня, так что он упал на землю. Так бы они его и убили или взяли, если бы не подоспел добрый рыцарь сэр Галахад с красным крестом. И когда он увидел всех рыцарей на одном коне, он воскликнул: "Сохраните мне жизнь этого рыцаря!" Тогда он поскакал навстречу двадцати воинам так быстро, как только мог гнать его конь, с копьем наперевес и поверг на землю самого главного коня и человека. И когда копье его было сломано, он взялся за меч и наносил удары по правой руке и по левой, так что диво было смотреть; и при каждом ударе он сбивал одного или ставил его в упрек, так что они больше не сражались, а бежали в густой лес, и сэр Галахад последовал за ними. И когда сэр Персеваль увидел, как он их так преследует, он очень огорчился, что его конь убит. И он хорошо знал, что это был сэр Галахад. Тогда он громко воскликнул: "Ах, прекрасный рыцарь, останься, и пусть я поблагодарю тебя, ибо ты хорошо поступил со мной". Но сэр Галахад скакал так быстро, что в конце концов скрылся из виду. Когда сэр Персеваль увидел, что тот не поворачивается, он сказал: "Теперь я очень плох и несчастнее всех других рыцарей". Так в печали пролежал он весь тот день, пока не наступила ночь; тогда он упал в обморок, лег и проспал до полуночи; затем он проснулся и увидел перед собой женщину, которая сказала ему: "Сэр Персеваль, что ты здесь делаешь?" Он ответил: "Я не делаю ни добра, ни большого зла". "Если ты обещаешь мне, - сказала она, - что исполнишь мою волю, когда я тебя позову, я одолжу тебе своего коня, который отвезет тебя, куда пожелаешь". Сэр Персеваль обрадовался ее предложению и заверил, что исполнит все ее желание. "Тогда останься здесь, а я пойду и приведу тебе коня". И вот она вскоре пришла снова и привела с собой коня, который был чернее черного. Когда Персеваль увидел этого коня, он изумился: он был так велик и так хорошо одет. И он вскочил на него, не обращая внимания на себя. И ударил

он его шпорами, и за час с небольшим пронес его четыре дня пути, пока не подъехал к бурной воде, которая ревела, и конь его унес бы в нее. И когда сэр Персеваль приблизился к краю и увидел, что вода так бурлит, он усомнился в том, что сможет ее преодолеть. И тогда он совершил на лбу крестное знамение. Когда изверг почувствовал, что он так заряжен, он страхнул с себя сэра Персеваля и с криком и ревом вошел в воду; и показалось ему, что вода горит. Тогда сэр Персеваль понял, что это был изверг, который хотел привести его к гибели. Тогда он предал себя Богу и стал молить Господа нашего сохранить его от всех подобных искушений; и так он молился всю ту ночь, пока не наступил день. Тогда он увидел, что находится в диком месте, которое было закрыто морем. И посмотрел сэр Персеваль на море, и увидел, что плывет к нему корабль; и приплыл он и остановился под скалой. И когда сэр Персеваль увидел это, он повел его туда и нашел корабль, покрытый шелком, а в нем была дама великой красоты и одета так богато, что лучше не бывает.

И когда она увидела сэра Персеваля, то приветствовала его, и сэр Персеваль ответил на ее приветствие. Тогда он спросил ее о ее стране и роде. И она ответила: "Я джентльменка, лишенная наследства, а когда-то была самой богатой женщиной на свете". "Госпожа, - сказал сэр Персеваль, - кто лишил вас наследства? Ибо я очень жалею вас". "Сэр, - сказала она, - мой враг - великий и могущественный лорд, и в прошлом он много обо мне заботился, так что от его благосклонности и от моей красоты я возгордилась больше, чем следовало бы. К тому же я сказала слово, которое ему не понравилось. И он изгнал меня из своей компании и из моего наследия. Поэтому я не знаю ни доброго рыцаря, ни доброго человека, но, если могу, привлекаю его на свою сторону. И поскольку я знаю, что ты добрый рыцарь, я умоляю тебя помочь мне".

Тогда сэр Персеваль пообещал ей любую помощь, какую только сможет, и она поблагодарила его.

А в это время стояла жаркая погода, и она позвала к себе девушку и велела ей принести шатер. И она так и сделала, и поставила его на гравий. "Господин, - сказала она, - теперь ты можешь отдохнуть в этот жаркий день". Тогда он поблагодарил ее, и она сняла с него шлем и щит, и там он спал долгое время. Проснувшись, он спросил ее, нет ли у нее мяса, и она сказала, что да, и тогда на стол было накрыто все, что он мог придумать. А еще он выпил там самого крепкого вина, какое когда-либо пил, и от этого он был несколько более раздражен, чем следовало бы. Тут он увидел леди и подумал, что она - прекраснейшее создание, какое он когда-либо видел. И тогда сэр Персеваль предложил ей свою любовь и молил ее, чтобы она стала его женой. Тогда она отказала ему, ибо он должен был быть еще более пылким к ней, и он никогда не переставал молить ее о любви. И когда она увидела, что он хорошо околдован, то сказала: "Сэр Персеваль, вы хорошо понимаете, что я не отдам вам свою любовь, если вы не поклянетесь отныне быть моим верным слугой и не делать ничего, кроме того, что я вам прикажу. Заверишь ли ты меня в этом, как подобает настоящему рыцарю?" "Да", - ответил он, - "прекрасная дама, верой моего тела". И когда он это говорил, то по приключению и милости увидел свой меч, лежащий на земле обнаженным, в рукояти которого был красный крест, а на нем знак распятия. Тогда он совершил крестное знамение на своем лбу, и от этого шатер затрепал и превратился в дым и черное облако. А девица громко закричала и поспешила на корабль, и так она плыла с ревом и воплем ветра, что казалось, вся вода горит за ней. Тогда сэр Персеваль сильно опечалился и назвал себя жалким, говоря: "Как близок был я к гибели!" Затем он взял свое оружие и отправился в путь.

ГЛАВА XXI

САНГРИЛ (продолжение)

СЫР БОГОРТ

Когда сэр Болиорт выезжал из Камелота, ему повстречался верующий человек, ехавший на осле; сэр Болиорт приветствовал его. "Кто ты?" - спросил добрый человек. "Сэр", - ответил сэр Болиорт, - "я рыцарь, который хотел бы получить совет в поисках Сангреалья". Так ехали они вдвоем, пока не приехали в скит; там он попросил сэра Бохорта провести с ним эту ночь. И он сошел, и снял доспехи, и помолился, чтобы его исповедовали. И пошли они оба в часовню, и там он был чисто исповедан. И они вместе ели хлеб и пили воду. "Теперь, - сказал добрый человек, - я молю тебя, не ешь ничего другого, пока не сядешь за стол, где будет Сангреаль". "Сэр, - сказал сэр Бохорт, - но откуда ты знаешь, что я сяду там?" "Да, - сказал добрый человек, - это я хорошо знаю; но с тобой будет мало твоих товарищей". Тогда сэр Бохорт сказал: "Я согласен на это!" И добрый человек, выслушав его исповедь, нашел его в такой чистой жизни и в такой стабильности, что изумился этому.

На следующий день, как только появился день, сэр Бохорт выехал оттуда и поскакал в лес до полудня. И там его постигло дивное приключение. Ибо встретил он на распутье двух дорог двух рыцарей, которые вели сэра Лайонела, брата его, всего нагого, связанного на крепкой коновязи, и руки его были связаны перед грудью; и каждый из них держал в руке шипы, которыми они били его, так что он был весь в крови и спереди и сзади; но он не произнес ни слова, но, будучи велик сердцем, терпел все, что они с ним делали, как будто не чувствовал никаких мук. Сэр Бохорт приготовился спасти брата. Но, взглянув по ту сторону, он увидел рыцаря, тащившего за собой прекрасную девицу, которая взывала: "Святая Мария, помоги своей служанке!" И когда она увидела сэра Бохорта, то воззвала к нему и сказала: "Верой, которой вы обязаны рыцарству, помогите мне!" Когда сэр Бохорт услышал ее слова, его охватила такая печаль, что он не знал, что делать. "Ведь если я отпущу брата, он должен быть убит, а этого я не хотел бы на всей земле; и если я не помогу служанке, то буду опозорен навеки". Тогда он поднял глаза и сказал, плача: "Прекрасный господин, чьим сеньором я являюсь, сохрани сэра Лайонела, моего брата, чтобы никто из этих рыцарей не убил его, и из жалости к тебе и к нашей госпоже я помогу этой девушке".

Тогда он обратился к рыцарю: "Сэр рыцарь, уберите руку от этой девицы, иначе вы погибнете". Тогда рыцарь отложил служанку, взял свой щит и выхватил меч. И сэр Бохорт ударил его так сильно, что пробил его щит и хабергон в левом плече, и он упал на землю. Тогда сэр Бохорт обратился к служанке: "На этот раз ты избавишься от этого рыцаря". "А теперь, - сказала она, - прошу тебя, отведи меня туда, где этот рыцарь взял меня". "Я с радостью это сделаю", - сказал сэр Бохорт. И он взял коня раненого рыцаря, посадил на него девушку и привез ее туда, где она хотела быть. И там он нашел двенадцать рыцарей, искавших ее; и когда она рассказала им, как сэр Бохорт избавил ее, они очень обрадовались и попросили его приехать к ее отцу, великому лорду, и он будет принят с радостью. "Воистину", - сказал сэр Бохорт, - "этого может и не быть, ибо мне предстоит большое приключение". И, воздав должное Богу, он удалился.

Затем сэр Бохорт поскакал за сэром Лайонелом, своим братом, по следу их коней. Так он ехал, ища, долгое время. Потом он нагнал человека, одетого в религиозную одежду, который сказал: "Сэр рыцарь, что ты ищешь?" "Сэр, - сказал сэр Бохорт, - я ищу своего брата, которого я видел на небольшом расстоянии от двух рыцарей". "Ах, сэр Бохорт, не трудитесь искать его, ибо он действительно мертв". Тогда он показал ему только что убитое тело,

лежавшее в густом кустарнике; и показалось ему, что это тело сэра Лайонела. И тогда он так опечалился, что упал на землю в обмороке и долго лежал так. А когда он снова пришел в себя, то сказал: "Брат мой, раз уж мы с тобой разлучились, неужели я больше никогда не буду радоваться; а теперь Тот, Кого я принял за своего Учителя, будет мне в помощи!" Сказав так, он взял тело на руки и положил его на коня. Затем он обратился к человеку: "Не подскажешь ли ты мне дорогу к какой-нибудь часовне, где я мог бы похоронить это тело?" "Пойдем", - ответил тот, - "здесь недалеко". И так они ехали, пока не увидели красивую башню, а рядом с ней часовню. Тогда они сошли оба и положили тело в мраморную гробницу.

Затем сэр Бохорт воздал хвалу Богу за доброго человека и уехал. И скакал он весь тот день, и приютился у одной старухи. А на следующий день он поскакал к замку в долине и там встретился со старшиной. "Скажи мне, - сказал сэр Бохорт, - знаешь ли ты о каком-нибудь приключении?" "Сэр, - ответил тот, - здесь, под этим замком, состоится великий и дивный турнир". Тогда сэр Бохорт подумал, не встретить ли ему там кого-нибудь из дружины, отправившейся на поиски Сангреала; и он направился к скиту, стоявшему на границе леса. И когда он пришел туда, то застал там сэра Лайонела, брата своего, который сидел во всеоружии у входа в часовню. И когда сэр Бохорт увидел его, он очень обрадовался, сошел с коня и сказал. "Прекрасный брат, когда ты приехал сюда?" Как только сэр Лайонел увидел его, он сказал: "Ах, сэр Бохорт, неставляй себя напоказ, ибо, как и ты, я мог бы быть убит, поскольку ты оставил меня под угрозой смерти, чтобы пойти помочь девушке; и за этот проступок я теперь гарантирую тебе только смерть, ибо ты вполне заслужил ее". Поняв гнев брата, сэр Бохорт опустился на колени и, подняв обе руки, стал молить его о прощении. "Нет, - сказал сэр Лайонел, - за это ты получишь только смерть, если я одержу верх; поэтому вскочи на своего коня и держись, а если ты этого не сделаешь, я наброшусь на тебя там, где ты стоишь пешком, и тогда позор будет мой, а вред твой, но об этом я не думаю". Когда сэр Бохорт увидел, что должен сразиться со своим братом, иначе погибнет, он не знал, что делать. Но сердце его подсказывало ему, что так поступать нельзя, поскольку сэр Лайонел был его старшим братом, а потому он должен был относиться к нему с почтением. И все же опустился он на колени перед ногами коня сэра Лайонела и сказал: "Брат мой, помилуй меня и не убивай". Но сэру Лайонелу было все равно, ибо изверг привел его с таким желанием, чтобы он его убил. Когда он увидел, что сэр Бохорт не встает, чтобы дать ему бой, он бросился на него, так что сбил его ногами своего коня на землю, и сильно ранил его, так что он упал в обморок от горя. Увидев это, сэр Лайонел соскочил с коня, чтобы снести ему голову, и, взяв его за шлем, снял его с головы. Но случилось так, что сэр Колгреванс, рыцарь Круглого Стола, приехал в это время туда, как было угодно Господу нашему; и тут он увидел, как сэр Лайонел хотел убить своего брата, и он знал сэра Бохорта, которого очень любил.

Тогда он соскочил с коня и взял сэра Лайонела за плечи, и сильно оттащил его от сэра Бохорта, и сказал: "Сэр Лайонел, неужели ты убьешь своего брата?" "Зачем, - сказал сэр Лайонел, - вы будете меня останавливать? Если ты вмешаешься, я убью тебя, а потом и его". Тогда он бросился на сэра Бохорта и хотел ударить его, но сэр Колгрейвэнс встал между ними и сказал: "Если вы и впредь будете так поступать, мы будем вмешиваться вдвоем". Тогда сэр Лайонел бросил ему вызов и нанес ему сильный удар по шлему. Тогда он выхватил свой меч, ибо был отличным рыцарем, и защищался достойно. Так долго длилась битва, что сэр Бохорт поднялся весь в муках и увидел, как сэр Колгреванс, добрый рыцарь, сражается со своим братом за его ссору. Тогда он сильно опечалился и подумал, что если сэр Колгрейвэнс убьет того, кто был его братом, то он никогда не сможет радоваться, а если его брат убьет сэра Колгрейвэнса, то позор навсегда останется за ним.

Тогда он поднялся бы, чтобы разнять их, но у него не было столько сил, чтобы стоять на ногах, и он простоял так долго, что сэру Колгрейвенсу стало еще хуже, ибо сэр Лайонел был очень рыцарственен и очень вынослив. Тогда сэр Колгривенс воскликнул: "Ах, сэр Бохорт, почему ты не вывел меня из смертельной опасности, в которой я оказался, чтобы помочь тебе?" И тогда сэр Лайонел сбил с него шлем и повалил его на землю. А когда он зарубил сэра Колгреванса, то набросился на своего брата, как злой человек, и нанес ему такой удар, что тот упал. И тот, полный смирения, взмолился ему: "Ради Бога, оставь эту битву, ибо если случится, честный брат, что я убью тебя или ты меня, то мы погибнем от этого греха". "Не молитесь меня о пощаде, - сказал сэр Лайонел. Тогда сэр Бохорт, весь в слезах, выхватил свой меч и сказал: "Господи, помилуй меня, хоть я и защищаю свою жизнь от брата". С этими словами сэр Бохорт поднял меч и хотел поразить своего брата. И тут он услышал голос, который сказал: "Беги, сэр Бохорт, и не трогай его". И тут между ними пронеслось облако, похожее на огонь и дивное пламя, так что оба они упали на землю и долго лежали в обмороке. Когда же они пришли в себя, сэр Бохорт увидел, что брат его не пострадал; и он очень обрадовался, ибо страшился, что Бог отомстил за него. Тогда сэр Лайонел сказал брату своему: "Брат, прости мне, ради Бога, все, чем я провинился перед тобой". И сэр Бохорт ответил: "Бог простит тебе это, и я прощаю".

И тогда сэр Бохорт услышал голос, сказавший: "Сэр Бохорт, отправляйся в путь, прямо к морю, ибо там пребывает сэр Персеваль". И сэр Бохорт отправился в путь и поскакал по ближайшей дороге к морю. И наконец он прибыл в аббатство, которое находилось недалеко от моря. В ту ночь он улегся там, и во сне ему явился голос и велел идти к берегу моря. Он встал, совершил крестное знамение на челе своем и вооружился, и приготовил коня своего, и сел на него, и у разбитой стены выехал, и приехал на берег моря. И нашел он там корабль, весь покрытый белым самайтом. И вошел он в корабль; но вскоре стало так темно, что он не мог видеть никого, и он лег и спал, пока не настал день. Тогда он проснулся и увидел посреди корабля рыцаря, полностью вооруженного, кроме шлема. И тогда он узнал, что это сэр Персеваль де Галис, и каждый из них обрадовался друг другу. И сказал сэр Персеваль: "Нет у нас теперь ничего, кроме доброго рыцаря сэра Галахада".

СЭР ЛАНСЕЛОТ (продолжение)

Случилось так, что ночью сэр Лонселот подъехал к замку, богатому и справедливому. И был там шлюз, открытый к морю, и был он открыт без всякой охраны, только два льва стерегли вход; и луна светила ясно. Вскоре сэр Лонселот услышал голос, который сказал: "Лонселот, войди в замок, где ты увидишь большую часть своего желания". И он пошел к воротам и увидел двух львов; тогда он взял в руки свой меч и выхватил его. И вдруг его словно ударили по руке, да так сильно, что меч выпал у него из руки, и он услышал голос, который сказал: "О человек злой веры, почему ты больше веришь в доспехи свои, чем в Создателя своего?" Тогда сэр Лонселот сказал: "Прекрасный Господь, я благодарю тебя за великую милость твою, что ты обличил меня в моем проступке; теперь я хорошо вижу, что ты держишь меня за раба твоего". Тогда он сделал крест на лбу своем и подошел ко львам; и они сделали вид, что хотят причинить ему зло, но он прошел их без вреда, и вошел в замок, и не нашел ни ворот, ни дверей, но все было открыто. Но в конце концов он нашел палату, дверь которой была закрыта; он протянул к ней руку, чтобы открыть ее, но не смог. Тогда он прислушался и услышал голос, который пел так сладко, что казался неземным; и голос этот говорил: "Радость и честь Отцу Небесному". Тогда сэр Лаунселот опустился на колени перед палатой, ибо он знал, что в той палате находится Сангреаль. И сказал он: "Прекрасный, милый господин, если я когда-либо делал что-либо угодное тебе, то из жалости твоей покажи мне что-нибудь из того, что я ищущу". И тогда он увидел, что дверь палаты открылась, и оттуда

вышло великое сияние, так что в доме стало так светло, как будто там горели все факелы мира. И он подошел к двери палаты и хотел войти, как вдруг голос сказал ему: "Стой, сэр Лаунселот, и не входи". И он отступил назад, и стало ему тяжело на душе. Тогда он взглянул на середину палаты и увидел стол серебряный и священный сосуд, покрытый красным самайтом, и множество ангелов вокруг него; один из них держал свечу восковую горящую, а другой - крест и украшения алтаря.

"И все же мне показалось, что я вижу Святой Грааль,
весь покрытый пунцовым самитом, а вокруг
Великих ангелов, ужасных форм, с крыльями и глазами".

-Святой Грааль.

Тогда от удивления и благодарности сэр Лаунселот, забыв о себе, шагнул вперед и вошел в палату. И вдруг дыхание, казалось, смешанное с огнем, так сильно ударило его по лицу, что он упал на пол и не мог подняться. Тогда он почувствовал вокруг себя множество рук, которые подхватили его и вынесли из палаты, нисколько не ослабив его обморока, и оставили его там, показавшегося всем мертвым. Наутро, когда рассвело и все встали, они нашли сэра Лаунселота лежащим перед дверью палаты. И они посмотрели на него и пощупали его пульс, чтобы узнать, есть ли в нем жизнь. И нашли в нем жизнь, но он не мог ни стоять, ни шевелить ни одним членом, который у него был. Тогда они взяли его и отнесли в палату и положили на постель, вдали от всех людей, и там он пролежал много дней. Тогда один говорил, что он жив, а другие говорили "нет". Но один старик сказал: "Он полон жизни, как самый могучий из вас, и поэтому я советую вам хорошо хранить его, пока Бог не вернет его обратно". Через двадцать четыре дня он открыл глаза и, увидев народ, сильно опечалился и сказал: "Зачем вы меня разбудили? Ведь я был в лучшем состоянии, чем сейчас". "Что ты видел?" - спросили они его. "Я видел, - сказал он, - великие чудеса, о которых не может рассказать ни один язык, и больше, чем может помыслить ни одно сердце". Тогда они сказали: "Господин, поиски Сангреаля совершаются сейчас в тебе, и никогда ты не увидишь больше, чем видел". "Благодарю Бога, - сказал сэр Лонселот, - по великой милости Его, за то, что я видел, ибо этого мне достаточно!" Затем он встал и оделся; и когда он был так одет, все изумились, ибо знали, что это сэр Лаунселот, добрый рыцарь. И по прошествии четырех дней он простился с хозяином замка и со всей дружиной, что была там, и поблагодарил их за великий труд и заботу о нем. Затем он отбыл и направился в Камелот, где нашел короля Артура и королеву Геневеру, но многие рыцари Круглого стола были убиты и уничтожены, больше половины. Тогда весь двор обрадовался сэру Лаунселоту, и он рассказал королю обо всех своих приключениях, случившихся с ним после отъезда.

СЭР ГАЛАХАД

Когда сэр Галахад спас Персеваля от двадцати рыцарей, он поскакал в огромный лес, где пробыл много дней. Затем он направился к морю, и случилось ему заночевать в скиту. И обрадовался добрый человек, когда увидел, что это рыцарь-отступник. И когда они отдыхали, в дверь постучалась некая госпожа; и добрый человек подошел к двери, чтобы узнать, что она хочет. Тогда она сказала: "Я хочу поговорить с рыцарем, который с тобой". Тогда Галахад подошел к ней и спросил, что она хочет. "Сэр Галахад, - сказала она, - я хочу, чтобы ты вооружился, сел на коня и поехал за мной, ибо я покажу тебе самое большое приключение, которое когда-либо видел рыцарь". Тогда Галахад вооружился, воздал хвалу Богу и велел девице ехать впереди, а ему следовать за ней.

И она поскакала так быстро, как только могла нести ее лошадь, пока не приехала к морю; там они нашли корабль, на котором находились сэр Бохорт и сэр Персеваль, которые кричали с корабля: "Сэр Галахад, добро пожаловать; мы давно ждали вас". И когда он услышал их, то спросил девицу, кто они такие. "Сэр, - сказала она, - оставьте здесь своего коня, а я оставлю своего, и мы присоединимся к их компании". Так они вошли в корабль, и два рыцаря приняли их обоих с великой радостью. Ибо они знали девицу, что она сестра сэра Персеваля. Потом поднялся ветер и гнал их по морю весь тот день и следующий, пока корабль не оказался между двух скал, проплыв мимо великих и дивных; но там они не могли высадиться, ибо там был водоворот; но там был другой корабль, и на него они могли перебраться без опаски. "Пойдемте туда, - сказала джентльменка, - и там мы увидим приключения, ибо такова воля Господа нашего!" Тогда сэр Галахад благословил его и вошел в корабль, а за ним джентльменка, а потом сэр Бохорт и сэр Персеваль. И когда они поднялись на борт, то нашли там стол из серебра и Сангреаль, который был покрыт красным самитом. И оказали они ему великое почтение, и сэр Галахад долго молил Господа нашего, чтобы в то время, когда он попросит уйти из этого мира, он сделал это; и голос сказал ему: "Галахад, ты получишь свою просьбу; и когда ты попросишь смерти тела твоего, ты получишь ее, и тогда ты обретешь жизнь души твоей".

И вскоре ветер погнал их по морю, пока они не пришли в город Саррас. Тогда вынесли они из корабля серебряный стол, и сэр Персеваль и сэр Бохорт понесли его впереди, а сэр Галахад шел позади, и так пошли они к городу. И у ворот города они увидели старика, калеку.

И сказал сэр Лаунфал: "Я вижу в тебе
образ Того, Кто умер на древе.
На тебе также терновый венец,
Ты также прошел через буфеты и презрение мира;
И жизни Твоей не был лишен
Раны на руках, ногах и боках.
Сын кроткой Марии, признай Меня;
Вот, через Него Я даю тебе!"

-Lowell's Holy Grail.

Тогда Галахад позвал его и попросил помочь вынести эту тяжелую вещь. "Воистину, - сказал старик, - вот уже десять лет, как я не могу идти иначе, как на костылях". "Не беспокойся, - сказал сэр Галахад, - встань и покажи свою добрую волю". Тогда старик встал, проверил и обнаружил, что он цел, как никогда; он побежал к столу и взял одну часть с сэром Галахадом.

Когда они приехали в город, оказалось, что король только что умер, и весь город был в смятении и не знал, кто может быть их королем. И вот, когда они совещались, раздался среди них голос и велел им выбрать королем самого младшего рыцаря из тех троих. Так они сделали королем сэра Галахада, с согласия всего города. И когда он стал королем, то повелел сделать ларец из золота и драгоценных камней, чтобы хранить в нем священный сосуд. И каждый день три спутника приходили к нему и читали молитвы.

И вот в конце года, в тот самый день, когда сэр Галахад получил корону, он встал рано и со своими товарищами пришел к месту, где стоял священный сосуд; и увидели они одного, стоящего на коленях перед ним, вокруг которого было великое сонмище ангелов; и он позвал сэра Галахада и сказал: "Подойди, раб Господень, и ты увидишь то, что так желал увидеть". И сильно затрепетала смертная плоть сэра Галахада, когда он начал созерцать духовные вещи. Тогда сказал добрый человек: "Теперь ты знаешь, кто я?" "Нет", - ответил сэр Галахад. "Я

Иосиф из Аримафеи, которого Господь наш послал к тебе, чтобы ты общался с ним". Тогда сэр Галахад воздел руки к небу и сказал: "Теперь, благословенный Господь, я не хотел бы больше жить, если это будет угодно Тебе". Сказав эти слова, сэр Галахад подошел к сэру Персевалью и сэру Бохорту, поцеловал их и предал Богу. А затем он опустился на колени перед столом и вознес молитвы, и вдруг душа его отлетела, и великое множество ангелов вознесло его душу на небо, так что оба парня могли хорошо ее рассмотреть. Также они видели, как с неба сошла рука, но не видели тела; рука же подошла к сосуду и вознесла его на небо. С тех пор ни один человек не мог сказать, что он видел на земле Сангреаль.

ГЛАВА XXII

ИЗМЕНА СЭРА АГРИВАЙНА

Когда сэр Персеваль и сэр Бохорт увидели, что сэр Галахад мертв, они опечалились так сильно, как никогда не печалились двое мужчин. И если бы они не были хорошими людьми, то могли бы впасть в отчаяние. Как только сэр Галахад был похоронен, сэр Персеваль удалился в скит за городом и принял религиозную одежду; а сэр Бохорт всегда был с ним, но не менял своей светской одежды, потому что намеревался вернуться в королевство Лоэргрия. Так год и два месяца прожил сэр Персеваль в отшельничестве полной святой жизнью, а потом отошел в мир иной, и сэр Бохорт похоронил его рядом с сестрой и сэром Галахадом. Тогда сэр Бохорт вооружился и выехал из Сарраса, и сел на корабль, и отплыл в королевство Лоэргрия, и в положенное время благополучно прибыл в Камелот, где находился король. Тогда при всем дворе о нем возвеселились, ибо боялись, что он умер. Тогда король поставил перед собой великих дьяков, чтобы они вели летопись о высоких приключениях добрых рыцарей. И сэр Бохорт поведал ему о приключениях, постигших его самого и двух его товарищей, сэра Персеваля и сэра Галахада. А сэр Лаунселот поведал о приключениях Сангреаля, которые он видел. Все это было записано в большие книги и помещено в церкви в Солсбери.

И король Артур и королева Геневера очень радовались остаткам, вернувшимся домой, и главным образом сэру Лонселоту и сэру Бохорту. Тогда сэр Лонселот снова стал прибегать к королеве Геневере и забыл обещание, данное в походе, так что многие при дворе говорили об этом, и особенно сэр Агривейн, брат сэра Гавейна, ибо он всегда был с открытым ртом. Так случилось, что сэр Гавейн и все его братья были в покоях короля Артура, и тогда сэр Агривейн сказал так открыто: "Я удивляюсь, что нам всем не стыдно видеть и знать такого благородного рыцаря, как король Артур, и быть опозоренными поведением сэра Лаунселота и королевы". "Тогда заговорил сэр Гавейн и сказал: "Брат, сэр Агривейн, я молю тебя и поручаю тебе больше не поднимать передо мной таких вопросов, ибо, будь уверен, я не стану слушать твоих советов". "И мы не будем", - сказали сэр Гахерис и сэр Гарет. "И я тоже", - сказал сэр Модред. "Я не сомневаюсь в вас, - сказал сэр Гавейн, - ибо вы всегда были склонны к любым бедам; но я хотел бы, чтобы вы оставили все это, ибо знаю, что из этого выйдет".

"Узкое лисье лицо Модреда,

Улыбка, скрывающая сердце, и серые настойчивые глаза:

Отныне и впредь Силы, что душу берегут.

Чтобы помочь ей от смерти, которая не может умереть,

И спасти ее даже в крайностях, стали

Смущать и мучить".

-Гвиневера.

"Как бы там ни было, - сказал сэр Агривен, - я расскажу об этом королю". С тем и пришел к ним король Артур. "Теперь, братья, держите себя в руках", - сказал сэр Гавейн. "Не будем", - сказал сэр Агривейн. Тогда сэр Гавейн сказал: "Я не стану слушать ваших рассказов и не буду слушать ваших советов". "И я не стану", - сказали сэр Гарет и сэр Гахерис, и с тем они ушли, сильно печалась.

Тогда сэр Агривейн рассказал королю все, что говорили при дворе о поведении сэра Лонселота и королевы, и это очень опечалило короля. Но он не хотел верить в правду без доказательств. Тогда сэр Агривейн задумал заманить в ловушку сэра Лонселота и королеву, намереваясь захватить их вместе врасплох. Сэр Агривейн и сэр Модред отправились с этой целью, но сэр Лонселот сбежал от них, убив сэра Агривейна и ранив сэра Модреда. Тогда сэр Лонселот поспешил к своим друзьям, рассказал им о случившемся и удалился с ними в лес, оставив при этом лазутчиков, которые должны были донести до него весть о том, что будет сделано.

Так сэр Лаунселот спасся, но королева осталась во власти короля, и Артур больше не мог сомневаться в ее виновности. А закон в те времена был таков, что совершившие подобные преступления, какого бы сословия или состояния они ни были, должны были быть сожжены до смерти, и так было постановлено в отношении королевы Геневеры. Тогда сказал король Артур сэру Гавейну: "Молю тебя, приготовься в своих лучших доспехах вместе со своими братьями, сэром Гахерисом и сэром Гаретом, отвести мою королеву на костер, где она примет смерть". "Нет, мой благороднейший господин, - сказал сэр Гавейн, - этого я никогда не сделаю, ибо знаю, что сердце мое никогда не поможет мне увидеть ее смерть, и никогда не будет сказано, что я был твоим советником в ее смерти". Тогда король приказал сэру Гахерису и сэру Гарету быть там, и они сказали: "Мы будем там, как вы нам прикажете, государь, но мирно, и никаких доспехов на нас не будет".

И вывели королеву, и привели к ней ее призрачного отца, чтобы остричь ее, и плакали и причитали многие лорды и леди. И один пошел и рассказал сэру Лаунселоту, что королеву ведут на смерть. Тогда сэр Лаунселот и рыцари, что были с ним, обрушились на отряд, охранявший королеву, и рассеяли их, и перебили всех, кто им противостоял. И в этой суматохе были убиты сэр Гарет и сэр Гахерис, ибо были они безоружны и беззащитны. А сэр Лаунселот унес королеву в свой замок Ла Жуазе Гард.

И вот пришел один человек к сэру Гавейну и рассказал ему, как сэр Лаунселот убил рыцарей и унес королеву. "Господи, защити моих братьев!" - сказал сэр Гавейн. "Воистину, - сказал тот, - сэр Гарет и сэр Гахерис убиты". "Увы!" - сказал сэр Гавейн, - "теперь моя радость угасла". И тогда он упал и упал в обморок, и долго лежал, как мертвый.

Когда же он вышел из обморока, сэр Гавейн побежал к королю с криком: "О король Артур, дядя мой, братья мои убиты!" Тогда король заплакал и сказал. "Мой король, мой господин и мой дядя, - сказал сэр Гавейн, - свидетельствуйте, что я даю вам обещание, что буду держаться своего рыцарства и с этого дня никогда не подведу сэра Лаунселота, пока один из нас не убьет другого. Я буду искать сэра Лонселота по всем королевствам семи королей, но я убью его или он убьет меня". "Вам не придется искать его, - сказал король, - ибо, как я слышал, сэр Лонселот будет жить со мной и с вами в Гарде Жуазе; и много людей тянется к нему, как я слышал". "В это я могу поверить", - сказал сэр Гавейн; "но, государь, позови своих друзей, а я позову своих". "Будет исполнено", - сказал король. И тогда король разослал письма и грамоты по всей Англии, как в длину, так и в ширину, чтобы созвать всех своих рыцарей. И к Артуру съехалось множество рыцарей, герцогов и графов, так что у него было

большое войско. Услышал об этом сэр Лаунселот и собрал всех, кого мог; и многие добрые рыцари были с ним, как ради него, так и ради королевы. Но войско короля Артура было слишком велико, чтобы сэр Лонселот мог остаться с ним в поле; и он очень не хотел сражаться с королем. Тогда сэр Лонселот привел его в свой крепкий замок, снабдив всякой провизией. Тогда приехал король Артур с сэром Гавейном и осадил весь Ла-Жуаз-Гард, и город, и замок; но сэр Лонселот ни за что не выезжал из своего замка и не позволял никому из своих рыцарей выходить, пока не прошло много недель.

И вот в один из дней в пору жатвы сэр Лонселот оглянулся на стену и сказал королю Артуру и сэру Гавейну: "Господа мои, все напрасно, что вы делаете в этой осаде, ибо здесь вы не завоюете поклонения, а только бесчестье; если я и мои добрые рыцари выйдут, то я скоро покончу с этой войной". "Выходи, - сказал Артур, - если осмелишься, и я обещаю тебе, что встречу с тобой посреди поля". "Не дай мне Бог, - сказал сэр Лонселот, - встретиться с благороднейшим королем, который сделал меня рыцарем". "Да будет проклят твой честный язык, - сказал король, - ибо ты хорошо знаешь, что я твой смертельный враг и буду им до самой смерти". И сказал сэр Гавейн: "По какой причине ты убил моего брата, сэра Гахериса, который не носил против тебя оружия, и сэра Гарета, которого ты назначил рыцарем и который любил тебя больше всех моих сородичей? Поэтому знай, что я буду воевать с тобой все время, пока буду жив".

Когда сэр Бохорт, и сэр Гектор де Мэрис, и сэр Лионель услышали этот вопль, они позвали к себе сэра Паламеда, и сэра Саффира, брата его, и сэра Лоуэйна, и многих других, и все они отправились к сэру Лаунселоту. И сказали они: "Господин мой, сэр Лонселот, молим тебя, если хочешь, чтобы мы служили тебе, не держи нас больше в этих стенах, ибо хорошо знаешь, что все твои честные речи и терпение тебе не помогут". "Увы!" - сказал сэр Лонселот, - "ехать и сражаться я не желаю". Тогда он снова обратился к королю и сэру Гавейну и попросил их не вступать в бой; но они презрели его слова. Тогда дружина сэра Лаунселота вышла из замка в полном вооружении. И всегда сэр Лонселот поручал всем своим рыцарям, во что бы то ни стало, спасти короля Артура и сэра Гавейна.

Тогда вышел сэр Гавейн из королевского войска и вступил в бой, и сэр Лайонел сошелся с ним, и тут сэр Гавейн поразил сэра Лайонела в тело, так что тот упал на землю, словно мертвый. Тогда начался большой бой, и много людей было убито; но сэр Лаунселот делал все, что мог, чтобы спасти людей на стороне короля Артура, и король Артур преследовал сэра Лаунселота, чтобы убить его; но сэр Лаунселот терпел его и не наносил новых ударов. Тогда сэр Бохорт столкнулся с королем Артуром и сразил его, а сам сошел на землю, выхватил свой меч и сказал сэру Лонселоту: "Мне положить конец этой войне?", ибо он намеревался убить короля Артура. "Нет, - сказал сэр Лонселот, - не трогайте его больше, ибо я никогда не увижу, чтобы благороднейший король, сделавший меня рыцарем, был убит или опозорен"; и тогда сэр Лонселот сошел с коня, взял короля, снова оседлал его и сказал так: "Милорд Артур, ради Бога, прекратите эту распрю". И король Артур взглянул на сэра Лонселота, и слезы хлынули из его глаз, когда он подумал о великой любезности, которой в сэре Лонселоте было больше, чем в любом другом человеке; и с тем король ускакал своей дорогой. А вскоре обе стороны удалились, чтобы отдохнуть, и похоронили убитых.

Но война продолжалась, и о ней шумели по всему христианству, и наконец о ней рассказали папе; и он, учитывая великую доброту короля Артура и сэра Лонселота, призвал к себе благородного дьяка, который был епископом Рочестерским, находившимся тогда в его владениях, и послал его к королю Артуру, поручив ему взять к себе свою королеву, даму Геневеру, и заключить мир с сэром Лонселотом.

Так, с помощью этого епископа, был заключен мир на один год, и король Артур получил обратно королеву, а сэр Лонселот покинул королевство со всеми своими рыцарями и отправился в свою страну. И отплыли они из Кардиффа в Бенвик, который некоторые называют Байонной. И все жители тех земель пришли к сэру Лонселоту и приняли его дома с радостью. И сэр Лонселот основал и украсил все свои города и замки, и он значительно продвинул всех своих благородных рыцарей, сэра Лионеля и сэра Бохорта, и сэра Гектора де Мэрис, сэра Бламора, сэра Лоуэйна и многих других, и сделал их лордами земель и замков; пока он не оставил себе не больше, чем любой из них.

"Тогда Артур устроил большой пир, и странные рыцари
С четырех ветров пришли, и каждый сел,
И подавал на выбор с воздуха, земли, ручья и моря,
И часто в середине банкета взглядом измерял
И в середине пиршества взглядом измерял, Каков его сосед по росту и силе".

-Пеллеас и Эттарр.

Но когда прошел год, король Артур и сэр Гавейн пришли с большим войском и высадились на землях сэра Лонселота, и сожгли и опустошили все, что могли захватить. Тогда выступил сэр Бохорт и сказал: "Господин мой, сэр Лонселот, дай нам возможность встретить их в поле, и мы заставим их пожалеть о том, что они когда-либо приходили в эту страну". Тогда сэр Лонселот сказал: "Я очень не люблю выезжать со своими рыцарями на пролитие христианской крови; поэтому мы еще немного постоим на стенах, и я pošлю гонца к милорду Артуру, чтобы предложить договор, ибо лучше мир, чем вечная война". И послал сэр Лонселот девицу и с нею карлика, требуя, чтобы король Артур оставил войну на своих землях; и вот она выехала верхом на полуторке, а карлик бежал рядом с нею. И когда она подъехала к шатру короля Артура, она сошла, и там ее встретил благородный рыцарь, сэр Лукан, дворецкий, и сказал: "Прекрасная девица, ты приехала от сэра Лонселота дю Лака?" "Да, сэр, - ответила она, - я приехала сюда, чтобы поговорить с королем". "Увы!" - сказал сэр Лукан, - "мой господин Артур хотел бы примириться с сэром Лонселотом, но сэр Гавейн его не потерпит". И с этими словами сэр Лукан повел девицу к королю, где сидел вместе с сэром Гавейном, чтобы услышать, что она скажет. И когда она рассказала свою историю, слезы полились из глаз короля; и все лорды выступили вперед, чтобы посоветовать королю согласиться с сэром Лаунселотом, кроме одного только сэра Гавейна; и он сказал: "Мой господин, мой дядя, что вы будете делать? Повернете ли вы назад, раз уж вы так далеко продвинулись в своем путешествии? Если вы это сделаете, весь мир будет говорить о вас с позором". "Нет, - сказал король Артур, - я сделаю так, как вы мне советуете; но дайте девице ее ответ, ибо я не могу говорить с ней из жалости".

Тогда сказал сэр Гавейн: "Девица, скажи сэру Лаунселоту, что напрасный труд просить мира у моего дяди, и скажи, что я, сэр Гавейн, посылаю ему весть, что обещаю ему, по вере, которой я обязан Богу и рыцарству, никогда не покидать его, пока он не убьет меня или я его". И девица вернулась, а когда сэр Лаунселот услышал этот ответ, слезы побежали по его щекам.

И вот настал день, когда сэр Гавейн появился перед воротами, вооруженный до зубов, и воскликнул громким голосом: "Где ты теперь, лживый предатель, сэр Лаунселот? Почему ты прячешься в норах и стенах, как трус? Выходи же, рыцарь-предатель, и я отомщу тебе за смерть трех моих братьев". Все эти слова услышал сэр Лонселот и рыцари, которые были рядом с ним; и они сказали ему: "Сэр Лонселот, теперь ты должен защищать себя как

рыцарь, а не то будешь опозорен навеки, ибо ты долго спал и много страдал". Тогда сэр Лонселот обратился к королю Артуру и сказал: "Господин мой Артур, я долго терпел и позволял вам и сэру Гавейну делать все, что вам вздумается, и теперь я должен защищаться, ибо сэр Гавейн обвинил меня в измене". Тогда сэр Лонселот вооружил его и сел на коня, и благородные рыцари вышли из города, а все остальные встали поодаль, и так был заключен договор, что никто не должен приближаться к двум рыцарям и иметь с ними дело, пока один из них не будет мертв или не сдастся.

Тогда сэр Лаунселот и сэр Гавейн отъехали на большое расстояние друг от друга, а затем сошлись со всей мощью своих коней, и каждый поразил другого в середину щита, но ни один из них не был сбит с коня, а их кони упали на землю. И тогда они соскочили с коней, и выхватили мечи, и нанесли много печальных ударов, так что кровь хлынула во многих местах. Сэр Гавейн имел такой дар от святого человека, что каждый день в году, с утра до полудня, его сила увеличивалась втрое, а затем снова падала до своей естественной меры. Сэр Лонселот знал об этом, и поэтому в течение трех часов, когда сила сэра Гавейна была на высоте, сэр Лонселот прикрывался щитом и держал свою мощь в резерве. И за это время сэр Гавейн нанес ему множество печальных ударов, так что все рыцари, которые смотрели на это, удивлялись, как сэр Лаунселот может их выдерживать. И вот, когда уже миновал полдень, у сэра Гавейна осталась только его собственная сила; и когда сэр Лонселот почувствовал, что он упал, он подтянулся, удвоил свои удары и нанес сэру Гавейну такой удар, что тот упал на бок; а сэр Лонселот отступил и больше не наносил ударов. "Зачем ты отступил, лживый предатель?" - сказал сэр Гавейн; "теперь повернись и убей меня, ибо если ты оставишь меня так, когда я снова стану целым, я снова буду сражаться с тобой". "Я выдержу вас, сэр, по милости Божьей, - сказал сэр Лонселот, - но знайте, сэр Гавейн, я никогда не побую убитого рыцаря". И вот сэр Лонселот отправился в город, а сэра Гавейна отнесли в шатер короля Артура и осмотрели его раны.

Так продолжалась осада, и сэр Гавейн пролежал беспомощным около месяца, а когда он почти выздоровел, до короля Артура дошли вести, заставившие его вернуться со всем своим воинством в Англию.

ГЛАВА XXIII

МОРТЕ Д'АРТУРА

Сэр Модред остался правителем всей Англии, и по его приказу из-за моря стали приходить письма о том, что король Артур убит в бою. Тогда он созвал парламент и провозгласил себя королем; он взял королеву Геневеру и прямо сказал, что женится на ней, но она сбежала от него и укрылась в лондонском Тауэре. А сэр Модред пошел и осадил лондонский Тауэр, и предпринял там великие штурмы, но все без толку. Потом дошло до сэра Модреда известие, что король Артур снял осаду с сэра Лаунселота и возвращается домой. Тогда сэр Модред созвал все баронство своей земли; и много людей собралось к сэру Модреду и сказали, что будут жить с ним и в горе и в радости; и он собрал большое войско в Дувр, ибо там он услышал, что король Артур прибывает.

"Я слышу шаги Модреда на западе,
И с ним многие из твоего народа и рыцари.
Когда-то твои, которых ты любил, но они стали грубее

чем язычники, плюющие на свои клятвы и на тебя".

- "Прохождение Артура".

И когда сэр Модред был в Дувре со своим отрядом, прибыл король Артур с великим множеством кораблей и галер, и сэр Модред ожидал на берегу. Тогда спустили на воду большие и малые лодки, полные благородных воинов, и было много убито благородных рыцарей с обеих сторон. Но король Артур был так отважен, что никакие рыцари не могли помешать ему высадиться, и его рыцари яростно следовали за ним; и вот они высадились на берег и повергли сэра Модреда в ужас, так что он бежал, и все его люди. И когда битва была окончена, король Артур велел похоронить своих людей, которые были мертвы. И вот благородный сэр Гавейн был найден в большой лодке, лежащим более чем наполовину мертвым. И подошел к нему король Артур, и опечалился сверх меры. "Дядя мой, - сказал сэр Гавейн, - знай, что настал день моей смерти, и все произошло по моей собственной поспешности и умыслу, ибо я поражен старой раной, которую нанес мне сэр Лаунселот, которой я чувствую, что должен умереть. И если бы сэр Лонселот был с вами, как в былые времена, эта война никогда бы не началась, и всему виной я". Тогда сэр Гавейн взмолился королю, чтобы тот послал за сэром Лонселотом и берег его превыше всех остальных рыцарей. И вот в полдень сэр Гавейн испустил дух, и тогда король велел похоронить его в часовне в Дуврском замке; и там все люди могут видеть его череп, и видна та самая рана, которую сэр Лаунселот нанес ему в бою.

Тогда донесли королю, что сэр Модред разбил свой лагерь в Баррендауне; и поскакал туда король, и произошла между ними великая битва, и отряд короля Артура выстоял лучше всех, а сэр Модред и его отряд бежали в Кентерберии.

И был назначен день между королем Артуром и сэром Модредом, когда они должны были встретиться на спуске возле Солсбери, недалеко от берега моря, чтобы снова сразиться. А ночью, когда король спал, ему приснился удивительный сон. Ему показалось, что к нему идет сэр Гавейн, а с ним несколько прекрасных дам. И когда король Артур увидел его, он сказал: "Добро пожаловать, сын моей сестры; я думал, что ты умер, а теперь вижу тебя живым - велика моя радость. Но, о прекрасный племянник, что это за дамы, которые пришли с тобой?" "Сэр, - сказал сэр Гавейн, - все это дамы, за которых я сражался, когда был жив; и поскольку я сражался за них в праведной ссоре, они оказали мне милость привести меня к вам, чтобы предупредить вас о вашей смерти, если вы завтра будете сражаться с сэром Модредом. Поэтому заключите договор и предложите вам большую отсрочку на месяц, ибо через месяц придет сэр Лонселот со всеми своими благородными рыцарями и спасет вас, поклонившись, и убьет сэра Модреда и всех, кто с ним". И тогда сэр Гавейн и все дамы исчезли. И вскоре король призвал к себе своих благородных лордов и мудрых епископов. И когда они пришли, король рассказал им о своем видении и о том, что поведал ему сэр Гавейн. Тогда король послал сэра Лукана, дворецкого, и сэра Бедивера с двумя епископами и поручил им заключить с сэром Модредом договор на месяц и день. Они уехали и пришли к сэру Модреду; и вот, в конце концов, сэру Модреду было решено отдать Корнуолл и Кент при жизни Артура и всю Англию после его смерти.

"Сэр Модред; он был ближе всех к королю,
Его племянник, всегда похожий на хитрого зверя.
На трон взирает с опаской,
Готовый к прыжку, ожидая случая".

Тогда было решено, что король Артур и сэр Модред должны встретиться между обоими своими хозяевами, и каждый из них должен привести с собой четырнадцать человек, и тогда и там они должны подписать договор. И когда король Артур и его рыцари были готовы выступить в путь, он предупредил всех своих воинов: "Если вы увидите, что кто-то достал меч, ищите его в ярости и убивайте всех, кто устоит, ибо я не доверяю этому предателю, сэру Модреду". Таким же образом сэр Модред предупредил своих воинов. И они встретились, и были согласны, и все тщательно согласовали. И было принесено вино, и они выпили. И тут из куста вереска выскочила гадюка и ужалила рыцаря в ногу. И когда рыцарь почувствовал укус, он посмотрел вниз и увидел гадюку, и тогда он выхватил свой меч, чтобы зарубить гадюку, и не думал о другом вреде. И когда воины с обеих сторон увидели этот меч, они затрубили в трубы и рога и сильно закричали. И король Артур сел на коня и поскакал к своему отряду, говоря: "Увы, этот несчастный день!" И сэр Модред поступил так же. И не было в христианской земле более печальной битвы. Король Артур скакал на протяжении всей битвы и поступал благородно, как и подобает достойному королю, а сэр Модред в тот день совершил свой подвиг и подверг себя большой опасности. И так они сражались весь долгий день, пока самый из всех благородных рыцарей не лег на землю мертвым. Тогда король посмотрел вокруг себя и увидел, что из всего его войска в живых остались только два рыцаря - сэр Лукан, дворецкий, и сэр Бедивер, его брат, и они были тяжело ранены. Тогда король Артур увидел, что сэр Модред опирается на свой меч среди большой кучи мертвецов. "Теперь дай мне мое копье", - сказал Артур сэру Лукану, - "ибо там я вижу предателя, который причинил все это горе". "Сэр, пусть будет так, - сказал сэр Лукан, - ибо если вы переживете этот несчастный день, то будете ему хорошо отомщены. Вспомните, что сказал вам волшебник сэр Гавейн, и уходите, ибо вы выиграли поле; а если вы уйдете сейчас, то этот злой день судьбы уже миновал". "Будь я жив, будь я смертен, - сказал король Артур, - теперь он не уйдет из моих рук!" Тогда король взял свое копье в обе руки и побежал к сэру Модреду, восклицая: "Изменник, вот и пришел день твоей смерти!" И тут король Артур ударил сэра Модреда под щит, пронзив тело копьем. И когда сэр Модред почувствовал, что получил смертельную рану, он со всей силой, какая у него была, ударил короля Артура мечом, который держал в обеих руках, по голове, так что меч пронзил шлем и мозговую оболочку; и тогда сэр Модред упал замертво на землю. И благородный Артур упал в обморок на землю. И сэр Лукан, дворецкий, и сэр Бедивер подняли его и осторожно повели в маленькую часовню недалеко от берега моря. И когда король был там, он решил, что ему стало легче. И тут услышали люди плач в поле. И сэр Лукан пошел посмотреть, что означает этот крик; и при свете луны он увидел, что пришли грабители и разбойники, чтобы ограбить мертвых. И, вернувшись, он сказал королю: "Клянусь моей милостью, лучше всего будет, если мы привезем тебя в какой-нибудь город". "Я бы хотел, чтобы это было так", - сказал король. И когда король попытался идти, он потерял сознание. Тогда сэр Лукан подхватил короля с одной стороны, а сэр Бедивер - с другой; и, поднявшись, сэр Лукан упал в обморок на землю, ибо был тяжело ранен. И тогда сердце благородного рыцаря разорвалось. И когда король очнулся, он увидел, что сэр Лукан лежит с пеной у рта и лишен дара речи. "Увы!" - сказал король, - "для меня это тяжкое зрелище - видеть, как этот благородный герцог так умирает ради меня; ведь он бы зажал меня, который нуждался в помощи больше, чем я, и он не стал бы жаловаться, его сердце было так настроено на помощь мне". Тогда сэр Бедивер заплакал о своем брате. "Оставь этот траур и плач, - сказал король, - ибо, как ты понимаешь, если бы я сам был жив, смерть сэра Лукана печалила бы меня всегда; но время мое быстро идет". Поэтому, - сказал Артур сэру Бедиверу, - возьми ты Экскалибар, мой добрый меч, и пойдешь к воде; а когда придешь туда, я поручаю тебе бросить мой меч в воду и прийти снова и рассказать мне, что ты там видишь". "Милорд, - сказал сэр Бедивер, - ваше повеление будет

исполнено". И сэр Бедивер отправился в путь, и по дороге он увидел тот благородный меч, у которого рукоять и рукоять были из драгоценных камней; и тогда он сказал себе: "Если я брошу этот богатый меч в воду, ничего хорошего от него не будет, а только вред и убыток". И тогда сэр Бедивер спрятал Экскалибар под деревом. И вот, как только он смог, он снова пришел к королю. "Что ты там видел?" - спросил король. "Господин, - сказал он, - я ничего не видел". "Увы! Ты обманул меня", - сказал царь. "Иди налегке и, любя меня, не жалея бросить его". Тогда сэр Бедивер снова пошел и взял меч в руку, чтобы бросить его; но ему опять показалось грехом и позором выбросить этот благородный меч, и он снова спрятал его, вернулся и сказал королю, что исполнил его повеление. "Что ты там видел?" - спросил король. "Господин, - сказал он, - я не видел ничего, кроме вод глубоких и волн волнистых". "Ах, предатель неверный!" - сказал король Артур, - "теперь ты предал меня дважды. И все же тебя называют благородным рыцарем, и ты был мне дорог и любим. Но теперь ступай и сделай, что я тебе велю, ибо из-за твоего долгого промедления я подвергаю свою жизнь опасности". Тогда сэр Бедивер подошел к мечу и, легко взяв его, пошел к воде и завязал пояс на рукояти, а затем бросил меч как можно дальше в воду. И появилась из воды рука и кисть, и встретилась с ним, и поймала его, и трижды встряхнула его и заклемила, а затем рука с мечом исчезла в воде.

Тогда сэр Бедивер снова пришел к королю и рассказал ему о том, что видел. "Помоги мне уйти, - сказал король, - ибо я боюсь, что задержался слишком долго". Тогда сэр Бедивер взвалил короля на спину и пошел с ним к тому берегу; и когда они пришли туда, у самого берега стояла маленькая баржа, в которой было много прекрасных дам, и среди них королева; и у всех были черные капюшоны, и они заплакали и закричали, увидев короля Артура.

"Теперь посадите меня в баржу", - сказал король. И приняли его три королевы в великом трауре, и на одном из их кругов король Артур положил свою голову. И сказала королева: "Ах, дорогой брат, почему ты так долго медлил? Увы! Эта рана на твоей голове слишком сильно простужена". И вот они отплыли от берега, и сэр Бедивер увидел, как они уплывают от него. Тогда он воскликнул: "Ах, милорд Артур, неужели вы оставите меня здесь одного среди моих врагов?" "Утешь себя, - сказал король, - ибо нет во мне больше помощи; я отправляюсь на остров Авалон, чтобы исцелить меня от моей тяжелой раны". И как только сэр Бедивер потерял из виду баржу, он заплакал и зарыдал; затем он взял лес и шел всю ту ночь, а утром ему попалась часовня и скит.

Пошел сэр Бедивер туда; и когда он вошел в часовню, то увидел там отшельника, который лежал на земле возле недавно высеченной гробницы. "Сэр, - сказал сэр Бедивер, - что это за человек похоронен, которому вы молитесь так близко?" "Прекрасный сын, - ответил отшельник, - я не знаю точно. Но этой ночью пришли несколько дам и принесли сюда одного мертвеца и просили меня похоронить его". "Увы!" - сказал сэр Бедивер, - "это был мой господин, король Артур". Тогда сэр Бедивер поклялся; проснувшись, он попросил отшельника остаться с ним, чтобы жить постом и молитвами. "Добро пожаловать", - сказал отшельник. Так и поселился сэр Бедивер у отшельника; он надел бедную одежду и служил отшельнику смиренно в постах и молитвах.

Так об Артуре я не нашел больше ни в книгах, которые были бы разрешены, ни в самой уверенности в его смерти; но так его увезли на корабле, где были три королевы: одна - сестра короля Артура, королева Моргана ле Фей, другая - Вивиана, Владычица Озера, а третья - королева Северного Галиса. И эту повесть сэр Бедивер, рыцарь Круглого стола, заставил написать.

Некоторые говорят, что король Артур не умер, а спрятался в другом месте, и говорят, что он снова придет и будет править Англией. Но многие говорят, что на его могиле начертан такой стих:

"Hie facit Arthurus, Rex quondam, Rexque futurus".

Здесь лежит Артур, король, который был когда-то и будет.

И когда королева Геневера поняла, что король Артур убит, и все благородные рыцари с ним, она ушла, и пять дам с ней; и отправилась она в Олмсбери, и сделалась монахиней, и носила белые одежды и черные, и принимала великое покаяние, как никогда грешная дама, и жила в посте, молитвах и милостыне. И была она там настоятельницей и правительницей монахинь.

"И когда она пришла в Олмсбери, то обратилась там к монахиням и сказала: "Враги мои преследуют меня, но, о мирное Сестричество, примите и дайте мне убежище, и не спрашивайте Имени той, кому вы его уступили, пока не придет ее время сказать вам"; и ее красота, грация и сила подействовали на них как чары, и они не пожалели спросить о ней".

-Гвиневера.

Теперь отвлечемся от нее и расскажем о сэре Лаунселоте Озерном.

Когда сэр Лонселот услышал в своей стране, что сэр Модред коронован королем Англии и ведет войну против своего родного дяди, короля Артура, то сэр Лонселот разгневался до предела и сказал своим сородичам: "Увы, этот двойной предатель, сэр Модред! Теперь я раскаиваюсь, что он когда-либо ускользнул из моих рук". Тогда сэр Лонселот и его товарищи поспешно приготовились с кораблями и галерами идти в Англию; и так он шел, пока не пришел в Дувр, и там высадился с большим войском. Тогда сэру Лаунселоту сообщили, что король Артур убит. "Увы!" - сказал сэр Лонселот, - "это самая тяжелая весть, которая когда-либо приходила ко мне". Тогда он созвал королей, герцогов, баронов и рыцарей и сказал следующее: "Милостивые государи, я благодарю вас всех за то, что вы отправились со мной в эту страну, но мы пришли слишком поздно, и в этом я буду раскаиваться, пока жив. Но раз так, - сказал сэр Лонселот, - я сам поеду и разыщу мою госпожу, королеву Геневеру, ибо я слышал, что она бежала на запад; поэтому вы должны пробыть здесь пятнадцать дней, и если я не приеду в течение этого времени, то берите ваши корабли и ваше войско и уезжайте в свою страну".

И сэр Лаунселот выехал и поскакал на запад, и там он искал много дней; наконец он приехал в женский монастырь, и его увидела королева Геневера, когда он шел по монастырю; увидев его, она упала в обморок. И когда она смогла говорить, то велела позвать его к себе. И когда к ней привели сэра Лаунселота, она сказала: "Сэр Лаунселот, я требую и умоляю тебя, ради всей любви, которая когда-либо была между нами, чтобы ты никогда больше не видел меня, но вернулся в свое королевство, взял себе жену и жил с ней в радости и блаженстве; и молись за меня моему Господу, чтобы я получил здоровье моей души". "Нет, мадам, - сказал сэр Лонселот, - вы хорошо понимаете, что я никогда этого не сделаю; но та же участь, что уготована вам, уготована и мне, чтобы угодить Богу и служить ему". И так они расстались, со

слезами и причитаниями; дамы проводили королеву в ее покои, а сэр Лонселот сел на коня и уускаал, рыдая.

И наконец сэр Лонселот увидел скит и часовню, и тут он услышал, как маленький колокольчик звонит к мессе; и он поскакал туда, и сошел, и привязал коня к воротам, и послушал мессу. А тот, кто пел мессу, был отшельник, у которого поселился сэр Бедивер; и сэр Бедивер знал сэра Лаунселота, и они вместе беседовали после мессы. Когда же сэр Бедивер рассказал свою историю, сердце сэра Лаунселота чуть не разорвалось от горя. Тогда он опустился на колени и стал молить отшельника о том, чтобы он его отпел, и просил, чтобы он был его братом. Тогда отшельник сказал: "С радостью"; и тогда он надел на сэра Лонселота привычку, и там он служил Богу день и ночь, с молитвами и постами.

И было великое воинство в Дувре до конца пятнадцати дней, назначенных сэром Лонселотом, а затем сэр Бохорт заставил их снова отправиться домой, в свою страну; а сэр Бохорт, сэр Гектор де Мэрис, сэр Бламор и многие другие отправились в путь через всю Англию на поиски сэра Лонселота. Так скакал сэр Бохорт, пока не приехал в ту самую часовню, где был сэр Лонселот; и когда он увидел сэра Лонселота в таком одеянии, то взмолился отшельнику, чтобы и он был в таком же. И так он обрел привычку, и жил в молитвах и посте. И в течение полугода пришли другие рыцари, их собратья, и приняли такую же привычку, как у сэра Лаунселота и сэра Бохорта. Таким образом, они провели в великом покаянии шесть лет.

И вот ночью явилось сэру Лонселоту видение и повелело ему поспешить в Олмсбери, и "к тому времени, как ты приедешь туда, ты найдешь королеву Геневеру мертвой". Тогда сэр Лонселот встал рано и рассказал об этом отшельнику. Тогда отшельник сказал: "Хорошо, что ты не послушался этого видения". И сэр Лонселот взял с собой семерых своих спутников, и пешком они отправились из Гластонбери в Алмсбери, что составляет более тридцати миль. И когда они пришли в Олмсбери, то обнаружили, что королева Геневера умерла всего за полчаса до этого. Тогда сэр Лонселот увидел ее лицо, но плакал не сильно, а только вздыхал. И вот он сам совершил всю службу: ночью - "дириж", а утром отпел мессу. И был приготовлен конный одр, и сэр Лонселот и его товарищи шли за одром пешком из Олмсбери, пока не пришли в Гластонбери; и ее завернули в свернутые одежды и положили в гроб из мрамора. И когда ее положили в землю, сэр Лонселот упал в обморок и долго лежал, как мертвый.

И после этого сэр Лонселот уже не ел мяса и не пил, но непрерывно скорбел. И через шесть недель сэр Лонселот заболел; и послал он за отшельником и всеми его верными братьями и сказал: "Сэр отшельник, молю вас, дайте мне все мои права, которые должен иметь человек-христианин". "В этом нет нужды, - сказали отшельник и все его братья, - это всего лишь тяжесть твоей крови, и завтра утром ты будешь здоров" "Милостивые государи, - сказал сэр Лаунселот, - мое тело с осторожностью опускается в землю; я предупреждал больше, чем сейчас скажу; поэтому дайте мне мои права". И вот, когда он был одет и отпет, и имел все, что положено иметь христианину, он взмолился отшельнику, чтобы его товарищи отнесли его тело в Радостный Гард. (Некоторые говорят, что это был Алнвик, а некоторые - что Бамборо). "Я очень сожалею, - сказал сэр Лонселот, - но я дал когда-то обет, что буду похоронен в Радостном Гарде". И тогда среди его товарищей раздался плач и рукоплескания. И в ту ночь сэр Лонселот умер, а когда наутро сэр Бохорт и его товарищи пришли к его постели, они нашли его мертвым; он лежал так, словно улыбался, и от него исходил самый сладкий аромат, который они когда-либо знали.

И положили сэра Лаунселота в ту же коновязь, в которой лежала королева Геневера, а отшельник и все они пошли с телом, пока не приехали в Радостный Гард. И там они

положили его труп в кузове квира, и пели и читали над ним много псалмов и молитв. И всегда его лицо было открыто и обнажено, чтобы все люди могли видеть его. И вот, когда они были на службе, пришел сэр Гектор де Марис, который семь лет искал сэра Лаунселота, своего брата, по всей Англии, Шотландии и Уэльсу. И когда сэр Гектор услышал такие звуки в часовне Радостного Гарда, он сошел с козел и вошел в квир. И все они знали сэра Гектора. Тогда пошел сэр Бохорт и рассказал ему, что лежит сэр Лаунселот, его брат, мертвый. Тогда сэр Гектор сбросил с себя щит, меч и шлем. И когда он увидел лицо сэра Лонселота, то трудно было передать на языке все горестные сетования, которые он произнес по своему брату. "Ах, сэр Лаунселот! - сказал он, - вот ты лежишь. И теперь я осмелюсь сказать, что ты никогда не был достоин руки ни одного земного рыцаря. И ты был самым любезным рыцарем, который когда-либо обнажал щит; и ты был самым верным другом своей возлюбленной, который когда-либо садился на коня; и ты был самым верным любовником грешника, который когда-либо любил женщину; и ты был самым добрым человеком, который когда-либо бился мечом. И ты был самым добрым человеком, который когда-либо появлялся среди рыцарей. И ты был самым кротким человеком и самым нежным, что когда-либо ел в зале среди дам. И ты был самым суровым рыцарем для своего смертельного врага, который когда-либо всаживал копье в остальных". И тогда раздался плач и боль без меры. Так они держали труп сэра Лонселота пятнадцать дней, а потом похоронили его с великой преданностью.

Затем они вернулись вместе с отшельником в его скит. И сэр Бедивер оставался там отшельником до конца своих дней. А сэр Бохорт, сэр Гектор, сэр Бламор и сэр Блеоберис отправились в Святую землю. И эти четыре рыцаря много раз сражались со злодеями, турками; и там они умерли в Страстную пятницу, как было угодно Богу.

Так заканчивается эта благородная и радостная книга под названием "Морт д'Артур"; несмотря на то, что в ней рассказывается о рождении, жизни и деяниях упомянутого короля Артура и его благородных рыцарей Круглого Стола, об их чудесных поисках и приключениях, о достижении Сангреала и, в конце концов, о Мorte д'Артура, с печальной смертью и уходом из этого мира всех их. Которая была переведена на английский язык сэром Томасом Мэллори, рыцарем, и разделена на двадцать одну книгу, напечатана и закончена в аббатстве Вестмestre в последний день июля, в год нашего Господа MCCCCLXXXV.

Caxton me fieri fecit.

МАБИНОГЕОН

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Литераторам и антикварам Европы хорошо известно, что в больших публичных библиотеках хранятся объемистые рукописи романсов и сказок, некогда популярных, но к моменту изобретения книгопечатания уже устаревших и пришедших в запустение. Поэтому их никогда не печатали и редко обращались к ним даже ученые, пока около полувека назад внимание вновь не было обращено на них, и они оказались очень любопытными памятниками старинных нравов, привычек и образа мыслей. С тех пор некоторые из них были отредактированы, некоторые - отдельными людьми, как сэр Вальтер Скотт и поэт Саути, другие - антикварными обществами. Круг читателей, на которых можно было рассчитывать в таких изданиях, был настолько мал, что никакие выгодные побуждения не могли склонить редакторов и издателей к тому, чтобы подарить их миру. Поэтому в печать

попадали лишь немногие, причем самые доступные. Существовал целый класс рукописей такого рода, которые были известны или, скорее, подозревались как любопытные и ценные, но казалось почти безнадежным ожидать, что они когда-либо появятся в честном печатном виде на английском языке. Это были валлийские народные сказки, называемые Mabinogion - слово во множественном числе, единственное число - Mabinogi - сказка. Их рукописи хранились в Бодлианской библиотеке в Оксфорде и других местах, но трудность заключалась в том, чтобы найти переводчиков и редакторов. Уэльский язык распространен среди крестьянства Уэльса, но совершенно игнорируется учеными, если только они не являются уроженцами этого княжества. Среди немногих валлийских ученых не нашлось ни одного, кто проявил бы достаточный интерес к этой отрасли знаний, чтобы предоставить эти произведения английской публике. Саути, Скотт и другие, кто, как и они, любил старые романтические легенды своей страны, часто убеждали валлийских литераторов в необходимости воспроизвести "Мабиногеон". Саути в предисловии к своему изданию "Мотед'Артура" говорит: "Образцы, которые я видел, чрезвычайно любопытны; и нет более важной потребности в британской литературе, чем издание этих сказаний с буквальной версией и такими комментариями, которые мистер Дэвис из всех людей лучше всего способен дать. Несомненно, что многие из выдумок о круглом столе возникли в Уэльсе или Бретани и, вероятно, до сих пор могут быть отслежены там".

И снова, в письме к сэру Чарльзу У. Уинну, датированном 1819 годом, он заявляет:

"Я начинаю почти отчаиваться, что когда-нибудь увижу больше "Мабиногеона"; и все же, если бы нашелся какой-нибудь компетентный валлиец, который бы тщательно отредактировал его с максимально возможной буквальной версией, я уверен, что он мог бы заработать на подписке, напечатав небольшое издание по высокой цене, возможно, двести экземпляров по пять гиней. Я сам с радостью подписался бы по такой цене за том на такое издание всех ваших подлинных останков в прозе и стихах. Пока не будет выпущено такое собрание, "джентльменам Уэльса" следует запретить носить лук-порей; да, и еще запретить поджаривать сыр. Вашим бардам было бы лучше, если бы они были шотландцами".

Шэрон Тернер и сэр Вальтер Скотт также выражали схожие пожелания относительно публикации валлийских рукописей. Первый принял участие в попытке осуществить ее с помощью мистера Оуэна, валлийца, но, судя по тому, что говорит о нем Саути, плохо владеющего английским языком. Саути выражается так: "Уильям Оуэн одолжил мне три части "Мабиногеона", восхитительно переведенные на валлийский язык с таким идиоматизмом и синтаксисом, что перевод столь же поучителен, как и оригинал". В другом письме он добавляет: "Пусть Шэрон сделает свой язык грамматическим, но ни в малейшей степени не изменит их идиому".

Вероятно, мистер Оуэн не стал далеко заходить в этом начинании, которое, будучи осуществленным, не могло рассчитывать на широкую поддержку. Только когда появится человек, обладающий необходимыми знаниями двух языков, энтузиазмом, достаточным для выполнения задачи, и финансовыми ресурсами, достаточными для того, чтобы быть независимым от книготорговцев и читающей публики, можно будет с уверенностью ожидать такой работы. Со времен Саути и Скотта такой человек появился в лице леди Шарлотты Гост, англичанки, живущей с джентльменом, имеющим собственность в Уэльсе, которая, овладев языком этого княжества и с энтузиазмом увлекшись его литературными сокровищами, подарила их английскому читателю в одежде, которую искусство печатника и гравера постаралось украсить. В четырех королевских томах формата октаво, содержащих валлийский оригинал, перевод и множество иллюстраций из французской, немецкой и другой современной и родственной литературы, перед нами предстает "Мабиногеон". Для

антиквара и студента, изучающего язык и этнологию, это бесценное сокровище, однако в таком виде оно вряд ли сможет завоевать популярность. Мы не претендуем ни на какие другие заслуги, кроме как донести его до наших читателей, сократить его детали, выбрать наиболее привлекательные части и точно сохранить стиль, в который леди Гост облекла свои легенды. Мы надеемся, что за эту услугу наши читатели признают, что мы взяли на себя нелегкие обязательства.

ГЛАВА I

БРИТАНЦЫ

Предполагается, что самые ранние обитатели Британии были представителями той великой семьи, которая известна в истории под именем кельтов. Камбрия, часто встречающееся название Уэльса, считается производным от *Cymri*, названия, которое валлийские традиции применяют к народу-иммигранту, пришедшему на остров с соседнего континента. Считается, что это название идентично киммерийцам и кимбрам, под которыми греческие и римские историки описывают варварский народ, распространившийся с севера от Эвксинского моря по всей Северо-Западной Европе.

Происхождение названий Уэльс и Уэльс вызывает много споров. Одни авторы считают их производными от *Gael* или *Gaul*, которые, как говорят, означают "лесные жители"; другие отмечают, что *Walsh* в северных языках означает "чужак", и что коренные бритты были так названы теми, кто в более позднюю эпоху вторгся на остров и завладел большей его частью, саксами и англами.

Римляне владели Британией с момента вторжения Юлия Цезаря до своего добровольного ухода с острова, 420 г. н.э., то есть около пятисот лет. За это время, должно быть, произошло широкое распространение их искусств и институтов среди местных жителей. Останки дорог, городов и укреплений свидетельствуют о том, что они много сделали для развития и улучшения страны, а их виллы и замки доказывают, что многие из поселенцев обладали богатством и вкусом к декоративному искусству. Однако римское господство поддерживалось в основном силой и никогда не распространялось на весь остров. Северная часть, ныне Шотландия, оставалась независимой, а западная часть, составляющая Уэльс и Корнуолл, подчинялась лишь номинально.

Более поздним вторгшимся ордам не удалось покорить и более отдаленные районы острова. На протяжении многих веков после прибытия саксов под командованием Хенгиста и Хорсы в 449 году н.э. все западное побережье Британии было под властью аборигенов, которые вели постоянные войны с захватчиками.

Поэтому жители Уэльса и Корнуолла любят хвастаться тем, что исконно британский род процветает в своей несмешанной чистоте только среди них. Мы видим, как это представление время от времени вспыхивает в поэзии, например, когда Грей в "Барде", пророчески описывая королеву Елизавету, которая принадлежала к Тюдорам, валлийской расе, говорит

"Глаз ее провозглашает, что она из рода бриттов".

И, противопоставляя принцев Тюдоров принцам норманнской расы, он восклицает:

"Все приветствуйте, вы, подлинные короли, порождение Британии, приветствуйте!"

ВАЛЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Валлийский язык - один из древнейших в Европе. В нем есть поэмы, происхождение которых с большой долей вероятности относят к шестому веку. Язык некоторых из них настолько древний, что лучшие ученые расходятся в толковании многих отрывков; но в целом вся поэзия валлийцев, начиная с 1000 года и ниже, понятна тем, кто знаком с современным языком.

До последнего полувека эти сочинения оставались погребенными в библиотеках колледжей или частных лиц и были настолько труднодоступны, что не было сделано ни одной успешной попытки представить их миру. После безрезультатных призывов к патриотизму дворянства Уэльса этот упрек был снят Оуэном Джонсом, лондонским меховщиком, который за свой счет собрал и опубликовал основные произведения валлийской литературы под названием "Мивиррианская археология Уэльса". В этой работе ему помогали доктор Оуэн и другие валлийские ученые.

После прекращения усилий Джонса вернулась прежняя апатия, которая продолжалась в течение нескольких лет. Доктор Оуэн приложил все усилия, чтобы заручиться поддержкой для публикации "Мабиногеона" или "Прозаических рассказов валлийцев", но умер, не осуществив своей цели, которая впоследствии была приведена в исполнение леди Шарлоттой Гост. Легенды, заполняющие оставшуюся часть данного тома, взяты из этой работы, о которой мы уже говорили более подробно во вступительной главе к первой части.

ВАЛЛИЙСКИЕ БАРДЫ

Авторы, которым приписывают самые древние валлийские поэмы, - это Аневрин, живший, как предполагается, с 500 по 550 год н. э., и Талиесин, Лливарх Хен (Лливарх Старый) и Мирддин или Мерлин, жившие несколькими годами позже. Подлинность поэм, носящих их имена, оспаривалась, и до сих пор остается открытым вопрос о том, сколько и какие из них подлинны, хотя в том, что некоторые из них таковыми являются, сомневаться не приходится. Поэма Аневрина под названием "Гододин" имеет очень сильные признаки подлинности. Аневрин был одним из северных бриттов Страт-Клайда, которые оставили той части района, где они жили, название Камберленд, или Земля кимров. В этой поэме он оплакивает поражение своих соплеменников от саксов в битве при Каттрете, которое произошло из-за того, что они слишком много выпили медовухи перед тем, как вступить в бой. Сам бард и двое его соратников спаслись с поля боя. Часть этой поэмы была переведена Греем, из которой приводится следующий отрывок:

"В долину Каттрает, в сверкающий ряд,
Две сотни воинов идут;
Мужественная шея каждого воина
Цепями царственной чести украшена,
Вплетены в них золотые звенья;
Из золотого кубка они пьют
Нектар, что производят пчелы,
Или виноградный сок.
Они пылают весельем и надеждой,
Но никто не возвращается в долину Каттраэта,
кроме Аэрона храброго и Конана сильного,
прорвавшихся сквозь кровавую толпу,
И я, самый жалкий из них,

Который живет, чтобы плакать и воспевать их падение".

Произведения Талиесина вызывают гораздо больше сомнений в подлинности. Существует история о приключениях Талиесина, настолько сильно отмеченная мифическими чертами, что это заставляет заподозрить приписываемые ему сочинения. С этой историей мы познакомимся на последующих страницах.

ТРИАДЫ

Триады - это особый вид поэтического произведения, многочисленные примеры которого оставили валлийские барды. Они представляют собой перечисление триады лиц, событий или наблюдений, объединенных в одно короткое предложение. Эта форма композиции, изначально придуманная, по всей вероятности, для облегчения работы памяти, была возведена валлийцами в такую степень изящества, к которой она вряд ли способна на первый взгляд. Триады имеют разный возраст, некоторые из них, вероятно, такие же древние, как и все остальные в языке. Короткая по отдельности, коллекция в "Мивирийской археологии" занимает более ста семидесяти страниц в две колонки. Мы приведем несколько примеров, начав с личных триад и отдав первое место одной из них, составленной самим королем Артуром:

"У меня есть три героя в битве:
Маэл высокий и Ллир со своим войском,
И Карадок, опора Уэльса".

"Три главных барда острова Британия:...
Мерлин Амброз
Мерлин, сын Мпрфина, называемый также Мерлином Диким,
и Талиесин, главный из бардов".

"Три златокурых рыцаря при дворе Артура:.
Гавейн, сын Гвьера,
Дридвас, сын Трифона,
и Эвлод, сын Мадага, ап Утера".

"Три почетных праздника острова Британия:.
Праздник Касваллауна, после того как он отбил Юлий Цезарь у этого
острова;
Праздник Аврелия Амвросия, после того как он покорил
саксов;
И пир короля Артура в Карлеоне на Уске".

"Геневера, дочь великана Лаодегана,
Плоха, когда мала, хуже, когда велика".

Далее следуют несколько моральных триад:

"Слышал ли ты, что пел Дремхидд,
Древний страж на стенах замка?
Отказ лучше, чем невыполненное обещание".

"Слышал ли ты, что пел Лленлиуг,
Благородный вождь в золотых кольчугах?
Могила лучше, чем жизнь в нужде".

"Слышал ли ты, что пел Гарселит,
Ирландца, за которым безопасно следовать?
Грех плох, если его долго преследовать".

"Слышал ли ты, что пел Аваон,
Сын Талиесина, о том, что записано в стихах?
Щеки не скроют сердечных мук".

"Слышал ли ты, что пел Лливарх,
Бесстрашный и храбрый старик?
Приветствую тебя, хоть мы и не знакомы".

ГЛАВА II

ВЛАДЫЧИЦА ФОНТАНА

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КАЙНОНА

Король Артур находился в Керлеоне на Уске; однажды он сидел в своей палате, и с ним были Овайн, сын Уриена, и Кайнон, сын Клайдна, и Кей, сын Кайнера, и Геневера со своими подручными за рукоделием у окна. В центре палаты на сиденье из зеленого камыша восседал король Артур [Сноска: Использование зеленого камыша в апартаментах отнюдь не было характерно для двора Карлеона на Уске. Наши предки питали к ним большое пристрастие, и, похоже, они были не только предметом комфорта, но и роскоши. Известно, что обычай устилать пол камышом существовал в Англии в Средние века, а также во Франции], поверх которого было расстелено покрывало из пылающего атласа, а под его локтем лежала подушка из красного атласа.

Затем Артур произнес. "Если бы я думал, что вы не станете пренебрегать мной, - сказал он, - я бы поспал в ожидании трапезы; а вы можете развлечь друг друга рассказами и получить от Кея кувшин медовухи и немного мяса". И король лег спать. А Кайнон, сын Клайдна, попросил у Кея то, что обещал им Артур. "Я тоже хочу получить добрую сказку, которую он мне обещал", - сказал Кей. "Нет, - отвечал Кайнон, - справедливее будет, если ты сначала исполнишь просьбу Артура, а потом мы расскажем тебе лучшую сказку, которую знаем". И Кей пошел на кухню и в медоварню, и вернулся, неся кубок медовухи, и золотой кубок, и горсть шампуров, на которых жарились коллопы из мяса. Затем они съели коллопы и стали пить медовуху. "Теперь, - сказал Кей, - пришло время тебе рассказать мне мою историю". "Кайнон, - сказал Овейн, - заплати Кею за рассказ, который ему причитается". "Я так и сделаю", - ответил Кайнон.

"Я был единственным сыном у своей матери и отца, и я был очень честолюбив, и дерзость моя была очень велика. Я думал, что нет в мире предприятия, слишком могущественного для меня, и после того, как я достиг всех приключений, которые были в моей стране, я снаряжился и отправился в путешествие по пустыням и дальним краям. И вот я пришел в самую прекрасную долину на свете, где росли одинаковые деревья; и через долину протекала река, а по берегу реки шла тропинка. И я шел по этой тропе до полудня, и продолжал свой путь по остальной части долины до вечера; и на краю равнины я пришел к большому и блестящему замку, у подножия которого протекал поток. И подошел я к замку, и увидел там двух юношей с желтыми вьющимися волосами, у каждого из которых на голове был золотой локон, а одеты они были в одежду из желтого атласа, и на ногах у них были золотые застёжки. В руке каждого из них был лук из слоновой кости, натянутый тетивой оленя, а стрелы и древко их были из кости кита, и крылья их были украшены павлиньими перьями. У древков были золотые наконечники. И были у них кинжалы с клинками из золота и с рукоятками из кости кита. И стреляли они в цель.

"А чуть поодаль от них я увидел человека в расцвете сил, с недавно сбритой бородой, одетого в мантию и мантию из желтого атласа, а вокруг мантии - полоса золотого кружева. На ногах у него были туфли из пестрой кожи [Сноска: В оригинале стоит слово Cordwal, и, судя по тому, как оно используется, очевидно, имеется в виду французская кордуанская или кордовская кожа, получившая свое название от Кордовы, где она производилась. От него происходит и наше английское слово cordwainer], скрепленное двумя золотыми боссами. Когда я увидел его, я подошел к нему и приветствовал его; и такова была его вежливость, что он не успел принять мое приветствие, как уже ответил на него. И он пошел со мной в сторону замка. В замке же не было ни одного жителя, кроме тех, кто находился в одном зале. И там я увидел четыре и двадцать девиц, вышивавших атлас у окна. И вот что я скажу тебе, Кей, что самая прекрасная из них была прекраснее самой прекрасной девы, которую ты когда-либо видел на острове Британия, а самая прекрасная из них была прекраснее Геневеры, жены Артура, когда она являлась прекраснейшей на празднике Пасхи. Они поднялись при моем появлении, и шестеро из них сели на моего коня и сняли с меня доспехи, а шестеро других взяли мое оружие и вымыли его в сосуде, пока оно не стало совершенно блестящим. Третьи шестеро расстелили на столах скатерти и приготовили мясо. А четвертые шестеро сняли с меня испачканные одежды и надели на меня другие, а именно: жилет и дублет из виссона, мантию и плащ, и мантию из желтого атласа, с широкой золотой полосой на мантии. И положили они подушки под меня и вокруг меня, покрыв их красным виссоном, и я сел. Шесть девиц, взявших моего коня, отвязали его так хорошо, как если бы они были лучшими оруженосцами на острове Британия.

"И вот они принесли чаши серебряные, в которых была вода для умывания, и полотенца льняные, одно зеленое, другое белое; и я умылся. И через некоторое время человек сел за стол. И я села рядом с ним, а ниже меня сели все девицы, кроме тех, которые ждали нас. И стол был серебряный, и скатерти на столе были льняные. И не было подано на стол ни одного сосуда, который не был бы из золота, или серебра, или из рога буйвола. И принесли нам мясо наше. И истинно, Кей, я видел там все виды мяса и все виды спиртного, какие только видел в других местах; но мясо и спиртное были поданы там лучше, чем в каком-либо другом месте.

"Пока трапеза не закончилась наполовину, ни мужчина, ни одна из девиц не сказали мне ни слова; но когда мужчина понял, что мне приятнее разговаривать, чем есть, он стал расспрашивать меня, кто я такой. Тогда я рассказал ему, кто я и какова причина моего путешествия, и сказал, что ищу, не превосходит ли меня кто-либо и не могу ли я одержать

верх над всеми. Человек посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: "Если бы я не боялся причинить тебе зло, я бы показал тебе то, что ты ищешь". Тогда я попросил его говорить свободно. И он сказал: "Ночь переночуй здесь, а утром встань рано и иди по дороге вверх через долину, пока не дойдешь до леса. Немного пройдя по лесу, ты придешь на большую укрытую поляну с курганом в центре. На вершине кургана ты увидишь чернокожего человека огромного роста. У него одна нога и один глаз посреди лба. Он - страж леса того. И ты увидишь тысячу диких животных, пасущихся вокруг него. Спроси у него, как выбраться с поляны, и он ответит тебе кратко и укажет дорогу, по которой ты найдешь то, что ищешь".

"И долгой показалась мне та ночь. А на следующее утро я встал, снарядился, сел на коня и поехал прямо через долину в лес, и в конце концов прибыл на поляну. Черный человек был там, сидел на вершине кургана, и я был поражен количеством диких животных, которых увидел, в три раза больше, чем он говорил. Тогда я спросил у него дорогу, и он спросил меня, куда мне идти. И когда я рассказал ему, кто я и что ищу, он сказал: "Иди по той тропинке, что ведет к началу поляны, и там ты найдешь открытое пространство, похожее на большую долину, а посреди него - высокое дерево. Под этим деревом - фонтан, а у фонтана - мраморная плита, а на мраморной плите - серебряная чаша, прикрепленная серебряной цепочкой, чтобы ее не унесли. Возьми эту чашу и вылей на плиту полную чашу воды. И если ты не найдешь беды в этом приключении, то тебе не нужно искать ее до конца своей жизни".

"И я отправился в путь, пока не достиг вершины крутизны. И там я нашел все так, как описал мне черный человек. И подошел я к дереву, и увидел под ним фонтан, а подле него мраморную плиту и серебряную чашу, прикрепленную цепью. Взяв чашу, я выплеснул на плиту полную чашу воды, и тут же раздался сильный раскат грома, так что, казалось, небо и земля содрогнулись от его ярости. А вслед за громом хлынул ливень, и по правде говорю тебе, Кей, это был такой ливень, что ни человек, ни зверь не смогли бы вынести его и остаться в живых. Я повернул своего коня боком к ливню и накрыл его голову и шею клювом своего щита, а верхнюю часть его держал на своей шее. И таким образом я устоял под ливнем. А вскоре небо прояснилось, и вот птицы зажглись на дереве и запели. И поистине, Кей, я никогда не слышал мелодии, равной этой, ни раньше, ни позже. И когда я был очарован пением птиц, вдруг раздался укоряющий голос одного из них, который подошел ко мне и сказал: "О рыцарь, что привело тебя сюда? Какое зло я причинил тебе, чтобы ты вел себя по отношению ко мне и моему имуществу так, как ведешь себя сегодня? Разве ты не знаешь, что ливень сегодня не оставил в моих владениях в живых ни человека, ни зверя, подвергшихся его воздействию? И тут появился рыцарь на черном коне, одетый в черный бархат и с табардом из черного льна. Мы бросились друг на друга, и, так как нападение было яростным, я не сразу был повержен. Тогда рыцарь продел древко своего копья в уздечку моего коня и ускакал с двумя лошадьми, оставив меня на месте. И он даже не обратил на меня внимания, чтобы заключить меня в тюрьму, и не лишил меня оружия. И я вернулся по той дороге, по которой пришел. И когда я дошел до поляны, где был черный человек, признаюсь тебе, Кей, удивительно, что я не расплавился, превратившись в жидкую лужу, от стыда, который я испытал из-за насмешек черного человека. В ту ночь я пришел в тот же замок, где провел предыдущую ночь. И в ту ночь меня развлекали более приятно, чем в предыдущую. Я свободно беседовал с обитателями замка, и никто из них не упоминал о моем походе к фонтану, да и я не говорил об этом никому. И я остался там на эту ночь. Когда я встал на утро, то обнаружил, что уже готов к седлу темно-гнедой полукровка, ноздри которого были красны, как алые. И, надев доспехи и оставив там свое благословение, я вернулся к своему двору. И этот конь до сих пор принадлежит мне, и он стоит в конюшне вон там. И я заявляю, что не расстанусь с ним и за лучшую полукровку на острове Британия.

"По правде говоря, Кей, ни один человек никогда прежде не признавался в приключении, столь сильно порочащем его самого; и, поистине, мне кажется странным, что ни раньше, ни позже я не слышал ни об одном человеке, который знал бы об этом приключении, и что тема о нем должна существовать во владениях короля Артура без какого-либо другого человека, освещающего ее".

ГЛАВА III

ЛЕДИ ИЗ ФОНТАНА (продолжение)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОВЕЙНА

[Сноска: Среди всех персонажей ранней британской истории ни один не представляет большего интереса и не занимает более заметного места, чем герой этой истории. Уриен, его отец, был князем Регеда, области, включающей нынешний Камберленд и часть прилегающих земель. Его доблесть и уважение, которым он пользовался, являются частой темой бардовских песен и составляют предмет нескольких очень энергичных од Талиесина. Среди триад есть одна, связанная с ним; она переводится следующим образом:

"Три рыцаря битвы были при дворе Артура Кадвра, графа Корнуолла, Лонселот дю Лак и Овейн, сын Уриена. И была у них такая особенность: они не отступали от боя ни перед копьем, ни перед стрелами, ни перед мечом. И Артур никогда не испытывал стыда в бою, когда видел их лица. И прозвали их рыцарями битвы"].

"А теперь, - сказал Овейн, - не лучше ли пойти и попытаться обнаружить то место?"

"Клянусь рукой моего друга, - сказал Кей, - часто ты произносишь языком то, чего не сделаешь делами".

"По правде говоря, - сказала Геневера, - лучше бы тебя повесили, Кей, - чем говорить столь невежливые слова по отношению к такому человеку, как Овейн". Овейн".

"Клянусь рукой моего друга, добрая леди, - сказал Кей, - твоя похвала Овейну не выше моей. Овейна не больше моей".

С этими словами Артур проснулся и спросил, не спал ли он немного.

"Да, господин, - ответил Овейн, - ты спал недолго".

"Пора ли нам идти к мясу?"

"Да, господин", - ответил Овейн.

Тогда прозвучал рог для умывания, и король со всеми своими домочадцами сел есть. А когда трапеза закончилась, Овейн удалился в свое жилище и приготовил коня и оружие.

На следующий день с рассветом он надел свои доспехи, сел на коня и поехал через дальние земли и пустынные горы. И вот он добрался до долины, которую описал ему Кайнон, и был уверен, что это та самая долина, которую он искал. И отправился он по долине, вдоль реки, и

следовал по ее течению, пока не вышел на равнину и не оказался в пределах видимости замка. Когда он приблизился к замку, то увидел, что юноши стреляют из луков в том месте, где их видел Кайнон, а желтый человек, которому принадлежал замок, стоит неподалеку. И не успел Овейн отдать честь желтому человеку, как тот приветствовал его в ответ.

И пошел он вперед к замку, и увидел там палату; а когда вошел в палату, то увидел девиц, работавших над вышивкой по атласу, в золотых цепях. И показались они Овейну гораздо прекраснее, чем представлял ему Кайнон. И встали они, чтобы ждать Овайна, как и Кайнон. И трапеза, которую они поставили перед ним, доставила Овейну еще большее удовольствие, чем Кайнону.

Примерно в середине трапезы желтый человек спросил Овайна о цели его путешествия. И Овейн рассказал ему об этом, сказав: "Я ищу рыцаря, который охраняет фонтан". На это желтый человек улыбнулся и сказал, что не желает рассказывать ему об этом приключении, как и Кайнону. Тем не менее он рассказал все Овейну, и они отправились отдыхать.

На следующее утро Овейн нашел своего коня, приготовленного для него девицами, и, отправившись в путь, приехал на поляну, где находился черный человек. И рост черного человека показался Овейну еще более удивительным, чем у Кайнона; и Овейн спросил у него дорогу, и тот показал ему ее. И пошел Овейн по дороге, пока не пришел к зеленому дереву; и увидел он фонтан, и плиту у фонтана, а на ней чашу. И Овейн взял чашу и выплеснул на плиту полную чашу воды. И вот раздался гром, а вслед за громом хлынул ливень, более сильный, чем описывал Кайнон, и после ливня небо стало светлым. И тут же прилетели птицы, расселись на дереве и запели. И когда их песня была наиболее приятна Овайну, он увидел, что к нему через долину приближается рыцарь; он приготовился принять его, но столкнулся с ним в жестокой схватке. Сломав оба копыта, они достали мечи и сразились клинок к клинку. Тогда Овейн нанес рыцарю удар через шлем, налобник и козырек, через кожу, плоть и кости, пока не ранил самый мозг. Тогда черный рыцарь почувствовал, что получил смертельную рану, и, повернув голову своего коня, бросился бежать. А Овейн преследовал его и шел рядом, хотя и не был достаточно близок, чтобы поразить его мечом. Потом Овейн увидел огромный и великолепный замок, и они подъехали к воротам замка. И позволили черному рыцарю войти, и опустили на Овайна чашу, и она ударила его коня за седло, и рассекла его надвое, и унесла ряды шпор, которые были на пятках Овайна. И опустилась чаша ворот на пол. Гребни шпор и часть коня остались, а Овейн с другой частью коня остался между двумя воротами, а внутренние ворота были закрыты, так что Овейн не мог выехать оттуда; и Овейн оказался в затруднительном положении. И пока он находился в таком положении, он увидел через проем в воротах улицу, выходящую на него, с рядом домов по обе стороны. И увидел он девицу с желтыми вьющимися волосами и золотым передником на голове; одета она была в платье из желтого атласа, а на ногах у нее были туфли из разноцветной кожи. И подошла она к воротам, и попросила открыть их. "Видит небо, леди, - сказал Овейн, - не более возможно мне открыть тебе отсюда, чем тебе освободить меня". И он назвал ей свое имя и сказал, кто он такой. "Воистину, - сказала девица, - очень печально, что ты не можешь освободиться; и каждая женщина должна помочь тебе, ибо я знаю, что нет никого более верного в служении дамам, чем ты. Поэтому, - сказала она, - все, что в моих силах сделать для твоего освобождения, я сделаю. Возьми это кольцо, надень его на палец, а камень вложи в руку, и закрой руку на камне. И пока ты будешь скрывать его, он будет скрывать тебя. Когда они придут за тобой, то будут очень огорчены, что не могут найти тебя. А я буду ждать тебя на коновязи вон там, и ты сможешь увидеть меня, хотя я не смогу увидеть тебя. Поэтому подойди и положи руку твою мне на плечо, чтобы я знал, что ты рядом со мной. И по дороге, по которой я поеду, сопровождай меня".

Тогда дева ушла от Овайна, и он сделал все, что она ему сказала. И пришли жители замка искать Овайна, чтобы предать его смерти; и когда они не нашли ничего, кроме половины его коня, они сильно опечалились.

И Овейн исчез среди них, и подошел к деве, и положил руку ей на плечо; тогда она отправилась в путь, и Овейн последовал за ней, пока они не подошли к двери большой и красивой палаты, и дева открыла ее, и они вошли внутрь. И Овейн оглядел палату, и вот, не было в ней ни одного гвоздя, который не был бы расписан великолепными красками, и не было ни одной панели, на которой не было бы различных золотых изображений.

Дева разожгла огонь, набрала воды в серебряную чашу и дала Овайну умыться. Затем она поставила перед ним серебряный стол, инкрустированный золотом; на нем лежала скатерть из желтого льна, и она принесла ему еду. И, по правде говоря, Овейн не видел ни одного вида мяса, которого не было бы там в изобилии, а приготовлено оно было лучше, чем в каком-либо другом месте. И не было ни одного сосуда, из которого его угощали, который не был бы из золота или серебра. И ел и пил Овейн до позднего вечера, как вдруг услышали они в замке сильный шум, и спросил Овейн девицу, что это такое. "Они совершают крайнее отлучение, - ответила она, - для дворянина, владеющего замком". И она приготовила для Овейна кушетку, на которой сидел сам Артур, и Овейн лег спать.

А вскоре после рассвета он услышал громкий плач и причитания и спросил девицу, в чем причина. "Они несут в церковь тело дворянина, владевшего замком".

И Овейн встал, и оделся, и открыл окно в комнате, и посмотрел в сторону замка; и не смог он разглядеть ни границ, ни размеров толпы, заполнившей улицы. Они были во всеоружии, и с ними было множество женщин, как верховых, так и пеших, и все церковники в городе пели. Посреди толпы он разглядел одр, над которым висело покрывало из белого льна; рядом с ним и вокруг него горели восковые светильники, и никто из тех, кто поддерживал одр, не был ниже по рангу, чем могущественный барон.

Никогда еще Овейн не видел сборища, столь великолепно украшенного шелком [Сноска: До VI века весь шелк, которым пользовались европейцы, был завезен к ним сирами, предками нынешних бухарцев, откуда и произошло его латинское название *Serica*. В 551 году шелкопряд был привезен двумя монахами в Константинополь, но производство шелка ограничивалось Греческой империей до 1130 года, когда Роджер, король Сицилии, возвращаясь из крестового похода, собрал нескольких производителей из Афин и Коринфа и основал их в Палермо, откуда торговля постепенно распространилась по всей Италии. Разновидностями шелковых тканей, известных в это время, были бархат, атлас (который назывался самит) и тафти (называемый *sendal* или *sendall*); все они иногда прошивались золотом и серебром] и атласом. И, следуя за поездом, он увидел женщину с желтыми волосами, ниспадающими на плечи и запачканными кровью; на ней было платье из желтого атласа, которое было разорвано. На ногах ее были туфли из разноцветной кожи. И удивительно, что кончики ее пальцев не были в синяках от того, с какой силой она била себя по рукам. Воистину, она была бы прекраснейшей из всех женщин, которых когда-либо видел Овейн, будь она в своем обычном обличье. И ее крик был громче, чем крики людей или звук труб. Не успел он увидеть девушку, как воспылал к ней любовью, так что она полностью овладела им.

Тогда он спросил у девы, кто эта дама. "Небо знает, - ответила дева, - она самая прекрасная, самая целомудренная, самая свободная и самая благородная из женщин. Она моя госпожа, и зовут ее графиня Фонтана, жена того, кого ты вчера убил". "Истинно, - сказал Овейн, - она

та женщина, которую я люблю больше всего". "Истинно, - сказала дева, - она тоже будет любить тебя, и не мало".

Тогда дева приготовила для Овейна пищу, и он подумал, что никогда еще не ел так вкусно и никогда еще его так хорошо не обслуживали. Затем она оставила его и направилась к замку. Когда она пришла туда, то не нашла там ничего, кроме траура и печали; графиня в своих покоях не могла вынести ничьего горя. Лунед, так звали девицу, приветствовала ее, но графиня не ответила ей. Тогда дева наклонилась к ней и сказала: "Что с тобой, что ты никому не отвечаешь сегодня?" "Лунед, - сказала графиня, - какая перемена постигла тебя, что ты не пришла навестить меня в моем горе. Это было несправедливо с твоей стороны, и я так тяжело страдаю". "Воистину, - сказал Лунед, - я думал, что твой здравый смысл сильнее, чем оказалось на самом деле. Разве хорошо, что ты скорбишь об этом добром человеке или о чем-то другом, чего ты не можешь иметь?" "Клянусь Небесами, - сказала графиня, - что в целом мире нет человека, равного ему". "Не так, - сказал Лунед, - ибо уродливый человек был бы не хуже и не лучше его". "Клянусь Небом, - сказала графиня, - если бы мне не было противно предавать смерти того, кого я воспитала, я бы казнила тебя за такое сравнение со мной. Как бы то ни было, я прогоню тебя". "Я рад, - сказал Лунед, - что у тебя нет другой причины для этого, кроме той, что я был бы полезен тебе, когда ты не знал, что тебе выгодно. Отныне зло ждет того, кто из нас первым сделает шаг к примирению с другим, - я ли буду добиваться приглашения от тебя или ты по собственной воле пошлешь пригласить".

С этими словами Лунед вышла, а графиня встала и последовала за ней к двери покоев, и начала громко кашлять. И когда Лунед оглянулась, графиня позвала ее, и она вернулась к графине. "По правде говоря, - сказала графиня, - злой у тебя нрав; но если ты знаешь, что мне полезно, скажи мне об этом". "Я так и сделаю", - ответила она.

"Вы знаете, что, кроме как войной и оружием, вам невозможно сохранить свои владения; поэтому не медлите, ищите того, кто сможет их защитить". "И как же мне это сделать?" - спросила графиня. "Я скажу тебе, - ответил Лунед, - если ты не сможешь защитить фонтан, ты не сможешь сохранить свои владения; и никто не сможет защитить фонтан, кроме рыцаря из дома Артура. Я отправлюсь ко двору Артура, и плохо мне будет, если я не вернусь оттуда с воином, который сможет охранять фонтан так же хорошо или даже лучше, чем тот, кто защищал его раньше". "Это будет нелегко сделать", - сказала графиня. "Однако ступай и докажи, что ты обещал".

Лунед отправилась под предлогом поездки ко двору Артура, но вернулась в усадьбу, где оставила Овейна, и пробыла там столько времени, сколько потребовалось бы для поездки ко двору короля Артура и обратно. По истечении этого времени она оделась и отправилась в гости к графине. Графиня очень обрадовалась, увидев ее, и спросила, какие новости она привезла со двора. "Я принесла тебе самые лучшие новости, - ответила Лунед, - ибо я достигла цели своей миссии. Когда ты пожелаешь, чтобы я представила тебе вождя, который прибыл со мной сюда?" "Приведи его ко мне завтра, - сказала графиня, - а я к тому времени соберу весь город".

И Лунед вернулся домой. А на следующий день в полдень Овейн облачился в плащ и сюртук, а также в мантию из желтого атласа, по которой шла широкая полоса золотого кружева; на ногах у него были высокие башмаки из пестрой кожи, которые скреплялись золотыми застежками в виде львов. И они проследовали в покои графини.

Графиня очень обрадовалась их приходу. Она пристально посмотрела на Овейна и сказала: "Лунед, этот рыцарь не похож на путешественника". "Что в этом плохого, леди?" - ответил Лунед. "Я уверена, - сказала графиня, - что не кто иной, как этот человек, изгнал душу из тела

моего господина". "Тем лучше для тебя, госпожа, - сказал Лунед, - ибо если бы он не был сильнее твоего господина, то не смог бы лишиться его жизни. От того, что прошло, нет средства, как бы то ни было". "Возвращайся в свою обитель, - сказала графиня, - а я посоветуюсь с тобой".

На следующий день графиня собрала всех своих подданных и показала им, что ее графство осталось беззащитным и что защитить его можно только с помощью коней, оружия и военного мастерства. "Поэтому, - сказала она, - вот что я предлагаю вам на выбор: либо пусть один из вас возьмет меня, либо дайте свое согласие на то, чтобы я взяла себе мужа из другого места, чтобы защитить мои владения".

И они пришли к выводу, что лучше, если она получит разрешение выйти замуж за кого-нибудь из других мест; и тогда она послала за епископами и архиепископами, чтобы те отпраздновали ее бракосочетание с Овейном. И люди графства оказали Овейну почести.

И Овейн защищал фонтан копьем и мечом. И вот как он его защищал. Всякий раз, когда туда приходил рыцарь, он его сбивал и продавал за полную стоимость. Вырученное таким образом он делил между своими баронами и рыцарями, и не было в мире человека более любимого, чем он, среди своих подданных. И так продолжалось в течение трех лет.

[Сноска: Существует древнее стихотворение, напечатанное среди стихов Талиесина, которое называется "Элегия Овайна ап Уриена" и содержит несколько очень красивых и проникновенных отрывков.

"Душа Овайна ап Уриена,
Пусть Господь учтет ее нужды".
Вождя Регеда покрывает зеленый дерн".

В ходе этой элегии бард, ссылаясь на непрекращающуюся войну, в которой этот вождь изводил своих саксонских врагов, восклицает,

"Может ли Англия спать со светом в глазах"].

ГЛАВА IV

ЛЕДИ ИЗ ФОНТАНА (продолжение)

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГАВЕЙНА

Однажды, когда Гавейн шел с королем Артуром, он увидел, что тот очень печален и опечален. И сильно опечалился Гавейн, увидев Артура в таком состоянии, и спросил его: "О господин мой, что с тобой случилось?" "Так вот, Гавейн, - сказал Артур, - я опечален из-за Овейна, которого я потерял за эти три года; и я непременно умру, если на четвертый год не увижу его. Теперь я уверен, что именно из-за сказки, которую рассказал Кайнон, сын Клайдно, я потерял Овейна". "Нет нужды тебе, - сказал Гавейн, - созывать к оружию все свои владения, ибо ты сам и люди твоего дома смогут отомстить за Овейна, если он будет убит, или освободить его, если он будет в темнице, а если жив, то вернуть его с собой". И все было решено так, как сказал Гавейн.

Тогда Артур и все его приближенные собрались и отправились на поиски Овейна. Их проводником стал Кайнон, сын Клайдно. И пришел Артур в замок, где прежде был Кайнон. Когда он пришел туда, юноши стреляли на том же месте, а желтый человек стоял неподалеку.

Когда желтый человек увидел Артура, он приветствовал его и пригласил в замок. И Артур принял его приглашение, и они вместе вошли в замок. И как ни велика была его свита, их присутствие почти не замечалось в замке, так велик он был. И поднялись служанки, чтобы ждать их. И показалось им всем, что служанки превосходят всех, с кем они когда-либо встречались; и даже пажи, отвечавшие за лошадей, в ту ночь обслуживали их не хуже, чем самого Артура в его собственном дворце.

На следующее утро Артур отправился в путь с Кайноном в качестве проводника и пришел к месту, где находился черный человек. И рост черного человека удивил Артура больше, чем он ему представлялся. И поднялись они на вершину лесистой кручи, и пошли по долине, пока не добрались до зеленого дерева, где увидели фонтан, и чашу, и плиту. И тогда Кей подошел к Артуру и заговорил с ним. "Мой господин, - сказал он, - я знаю, что все это значит, и прошу тебя разрешить мне плеснуть воды на плиту и получить первое приключение, которое может случиться". И Артур разрешил ему.

Тогда Кей выплеснул на плиту полный котелок воды, и тут же грянул гром, а за громом - ливень. И такой грозы они еще не знали. После того как ливень прекратился, небо прояснилось, и, взглянув на дерево, они увидели, что оно совсем без листьев. Тогда птицы опустились на дерево. И песня птиц была намного слаще, чем любая песня, которую они когда-либо слышали. А потом они увидели, что к ним стремительно приближается рыцарь на угольно-черном коне, одетый в черный атлас. И Кей встретил его и столкнулся с ним, и не прошло и минуты, как Кей был повержен. И рыцарь удалился. А Артур со своим отрядом расположился на ночлег.

А когда утром они встали, то увидели на копье рыцаря сигнал к бою. Тогда один за другим все домочадцы Артура вышли на бой с рыцарем, и не осталось ни одного, кто не был бы повержен им, кроме Артура и Гавейна. И Артур вооружился, чтобы сразиться с рыцарем. "О мой господин, - сказал Гавейн, - позволь мне сразиться с ним первым". И Артур разрешил ему. И он выехал навстречу рыцарю, накинув на себя и на своего коня атласную мантию, которую прислала ему дочь графа Рангира, и в этом одеянии его не знал никто из войска. И напали они друг на друга, и бились весь тот день до самого вечера. И ни один из них не смог одолеть другого. Так было и на следующий день; они ломали свои копья от ударов, но ни один из них не мог одержать верх.

А на третий день они сражались очень сильными копьями. И разгорелись они яростью, и бились неистово, до полудня. И нанесли они друг другу такие удары, что подпруги у их коней порвались, и они упали через крупы своих коней на землю. Они быстро поднялись, выхватили мечи и возобновили бой. И все, кто был свидетелем их схватки, были уверены, что никогда прежде не видели двух столь доблестных и сильных мужчин. И если бы была полночь, то было бы светло от огня, вспыхнувшего на их оружии. И рыцарь нанес Гавейну такой удар, что шлем его слетел с лица, и рыцарь увидел, что это Гавейн. Тогда Овейн сказал: "Милорд Гавейн, я не знал, что ты мой двоюродный брат, из-за почетного одеяния, которое тебя окутывает; возьми мой меч и мое оружие". Сказал Гавейн: "Ты, Овейн, победитель; возьми мой меч". И тут Артур увидел, что они разговаривают, и направился к ним. "Мой господин Артур, - сказал Гавейн, - вот Овейн, который победил меня и не хочет брать мое оружие". "Мой господин, - сказал Овейн, - это он победил меня и не хочет брать мой меч". "Дайте мне ваши мечи, - сказал Артур, - и тогда никто из вас не победит другого". Тогда Овейн обнял Артура за шею, и они обнялись. И все воины поспешили вперед, чтобы увидеть Овейна и обнять его. И едва не погиб человек, так велико было оживление.

И ушли они в ту ночь, а на следующий день Артур приготовился к отъезду. "Мой господин, - сказал Овейн, - это нехорошо с твоей стороны. Ведь я отсутствовал у тебя три года, и все это время, вплоть до сегодняшнего дня, я готовил для тебя пир, зная, что ты придешь искать меня. Поэтому останься со мной, пока ты и твои спутники не оправитесь от усталости путешествия и не будут помазаны".

И все они отправились в замок графини Фонтана, и пир, который готовился три года, был съеден за три месяца. Никогда еще не было более вкусного и приятного пира. И Артур приготовился к отъезду. Тогда он отправил к графине посольство, чтобы умолять ее разрешить Овайну отправиться с ним на три месяца, дабы он мог показать его вельможам и прекрасным дамам острова Британия. И графиня дала свое согласие, хотя это было для нее очень болезненно. Так Овейн приехал с Артуром на остров Британию. И когда он снова оказался среди своих сородичей и друзей, то пробыл с ними не три месяца, а три года.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛЬВА

Однажды, когда Овейн сидел за мясом в городе Каэрлеон на Уске, в зал вошла девица на гнедом коне с вьющейся гривой, покрытой пеной; уздечка и седло были золотыми, насколько хватало глаз. А девица была одета в платье из желтого атласа. И она подошла к Овайну и сняла кольцо с его руки. "Так, - сказала она, - будут поступать с обманщиком, предателем, неверным, опозоренным и безбородым". И, повернув голову коня, она уехала.

[Сноска: Обычай въезжать в зал, пока господин и его гости сидят за мясом, можно проиллюстрировать многочисленными отрывками из древних романов и истории. Но достаточно привести цитату из прекрасной и полусказочной повести Чосера "Камбускан":

"И случилось так, что после третьего курса
Когда этот король сидел в своей знати,
Herking his minstrelles thir thinges play,
За его бортом восхитительно,
В дверь аллийского дома смирно
Вошел рыцарь на стеле из латуни,
А в его хонде - броское зеркало из стекла;
На ноге у него было золотое кольцо,
А на боку висел обнаженный меч;
И взошел он на высокий борд.
Во всем зале не было произнесено ни слова,
В честь рыцаря этого; его увидеть
С нетерпением ждали, молодые и старые"].

И вспомнилось Овайну его приключение, и опечалился он. И, покончив с едой, он отправился в свою обитель и занялся приготовлениями к той ночи. А на следующий день он встал, но не пошел ко двору и не вернулся к графине Фонтана, а отправился странствовать в дальние края земли и в невозделанные горы. И оставался он там до тех пор, пока не износилась вся одежда его, и не истощилось тело его, и не отросли волосы его. И ходил он среди диких зверей, и питался ими, пока они не стали привыкать к нему. Но в конце концов он так ослабел, что не мог больше выносить их компанию. Тогда он спустился с гор в долину и пришел в парк, который был прекраснейшим в мире и принадлежал одной благотворительной даме.

Однажды госпожа и ее слуги вышли прогуляться у озера, которое находилось в центре парка. И увидели они фигуру человека, лежащего как мертвый. И ужаснулись они. Но все же они подошли к нему и прикоснулись к нему, и увидели, что в нем есть жизнь. И вернулась госпожа в замок, и взяла склянку, полную драгоценной мази, и дала ее одной из своих служанок. "Пойди с этим, - сказала она, - и возьми с собой вон того коня и одежду, и положи их возле того человека, которого мы только что видели; и помажь его этим бальзамом возле сердца; и если в нем есть жизнь, он оживет, благодаря действию этого бальзама. А затем посмотрите, что он будет делать".

И дева отошла от нее, и пошла, и возлила бальзам на Овайна, и оставила коня и одежду рядом, и отошла немного в сторону, и спряталась, чтобы наблюдать за ним. Через некоторое время она увидела, что он начал двигаться; он встал, посмотрел на себя и устыдился неприглядности своего вида. Затем он увидел коня и одежды, которые были рядом с ним. Он оделся и с трудом сел на коня. Тогда девица открылась ему и приветствовала его. И он вместе с девицей отправился в замок, и девица провела его в приятные покои, и разожгла огонь, и оставила его.

И пробыл он в замке три месяца, пока не вернул себе прежний облик и не стал еще краше, чем прежде. А Овейн оказал даме большую услугу в споре с могущественным соседом, так что сполна воздал ей за ее гостеприимство; и он удалился.

И когда он ехал, то услышал в лесу громкий крик. Он повторился и во второй, и в третий раз. И пошел Овейн к тому месту, и увидел посреди леса огромный скалистый курган, по бокам которого возвышалась серая скала. А в скале была расщелина, и в расщелине сидела змея. А возле скалы стоял черный лев, и всякий раз, когда лев хотел уйти, змея бросалась к нему, чтобы напасть на него. И Овейн обнажил свой меч и приблизился к скале; и когда змей выскочил, он ударил его мечом и разрубил надвое. И он высушил свой меч и продолжил свой путь, как и прежде. И вот лев последовал за ним и играл вокруг него, как будто это была борзая, которую он выкормил.

Так продолжалось весь день, до самого вечера. Когда же Овайн собрался отдохнуть, он сошел с коня и пустил его по ровному и лесистому лугу. Он развел огонь, и когда костер разгорелся, лев принес ему топлива, которого хватило бы на три ночи. И лев исчез. А вскоре лев вернулся, неся прекрасную большую косулю. Он бросил ее перед Овейном, и тот подошел с ней к костру.

Овейн взял косулю, снял с нее шкуру и насадил куски ее мяса на шампуры вокруг костра. Остальную часть он отдал на съедение льву. Пока он занимался этим, он услышал рядом с собой глубокий стон, второй, третий. Местом, откуда доносились стоны, была пещера в скале; Овейн подошел к ней и позвал, чтобы узнать, кто это так жалобно стонет. И голос ответил: "Я Лунед, служанка графини Фонтана". "И что ты здесь делаешь?" - спросил он. "Я в заточении, - ответила она, - из-за рыцаря, который приехал со двора Артура и женился на графине. И пробыл он у нее недолго, а после отбыл ко двору Артура и с тех пор не возвращался. И двое из пажей графини стали клеветать на него и называть обманщиком. А поскольку я сказал, что ручаюсь за то, что он придет в ближайшее время и поддержит свое дело против них обоих, они заточили меня в эту пещеру и сказали, что я должен быть предан смерти, если он не придет освободить меня к определенному дню; а это не далее как завтра, и мне некого послать за ним. Его зовут Овайн, сын Уриена". "И ты уверен, что если бы этот рыцарь узнал все это, он пришел бы тебе на помощь?" "Я в этом уверена", - ответила она.

Когда коллопы были сварены, Овейн разделил их на две части, между собой и девицей, а затем Овейн лег спать; и никогда дозорный не стерег своего господина так строго, как лев в ту ночь стерег Овейна.

А на следующий день пришли два пажа с большим отрядом слуг, чтобы взять Лунед из ее кельи и предать ее смерти. И Овейн спросил их, какое обвинение они против нее выдвинули. И они рассказали ему о договоре, который был между ними, как это сделала дева накануне вечером. "И, - сказали они, - Овейн подвел ее, поэтому мы ведем ее на сожжение". "Воистину, - сказал Овейн, - он добрый рыцарь; и если он знал, что дева в такой опасности, то я удивляюсь, что он не пришел ей на помощь. Но если ты примешь меня вместо него, я сражусь с тобой". "Примем", - сказал юноша.

И они набросились на Овайна, и он был крепко схвачен ими. И тогда лев пришел на помощь Овейну, и они вдвоем одолели юношей и сказали ему: "Вождь, мы не договаривались, что будем сражаться только с тобой одним, и нам труднее сражаться с этим животным, чем с тобой". И Овейн положил льва в то место, где был заключен Лунед, и завалил дверь камнями. И пошел он, как и прежде, сражаться с юношами. Но Овейн не обладал своей обычной силой, и двое юношей сильно наседали на него. И лев зарычал, видя, что Овейн попал в беду. Он проломил стену, пока не нашел выход, и, бросившись на юношей, мгновенно расправился с ними. Так Лунед был спасен от сожжения.

Тогда Овейн вернулся с Лунедом в замок Владычицы Фонтана. И когда он отправился туда, то взял графиню с собой ко двору Артура, и она была его женой, пока жила.

ГЛАВА V

ГЕРАЙНТ, СЫН ЭРБИНА

Артур привык держать свой двор в Каэрлеоне на Уске. И там он проводил семь Истернов и пять Рождеств. А однажды он устроил там свой суд на Уитсунтид. Ибо Керлеон был самым легкодоступным местом в его владениях, как по морю, так и по суше. И собрались там девять коронованных королей, которые были его подданными, а также графы и бароны. Ибо они были его зваными гостями на всех высоких праздниках, если только им не мешали какие-нибудь большие препятствия. А когда он находился в Керлеоне и держал свой двор, для мессы было отведено тринадцать церквей. И так они были назначены: одна церковь - для Артура, его королей и гостей, вторая - для Геневеры и ее дам, третья - для управляющего домом и женихов, четвертая - для франков и других офицеров, а остальные девять церквей - для девяти хозяев дома, и прежде всего для Гавейна, ибо он, в силу своей воинской славы и благородства рождения, был самым возвышенным из девяти. И не было никакого другого распорядка в отношении церквей, кроме того, о котором мы здесь упомянули.

И вот в Белый вторник, когда король сидел на пиру, вошел высокий светловолосый юноша, одетый в плащ и сюртук из атласа, на шее у него был меч с золотой рукоятью, а на ногах - низкие кожаные башмаки. И он подошел и встал перед Артуром. "Приветствую тебя, повелитель", - сказал он. "Да благословит тебя небо, - ответил тот, - и да будет тебе благоволение. Принес ли ты новые вести?" "Да, повелитель, - сказал он. "Я один из твоих лесников, господин, в лесу Дин, и зовут меня Мадок, сын Тургадарна. В лесу я видел оленя, подобного которому я еще не встречал". "Что же в нем такого, - спросил Артур, - что ты никогда не видел подобного ему?" "Он чистого белого цвета, повелитель, и ни с каким другим животным не сравнится по статности и гордости, столь царственна его осанка. И я пришел просить твоего совета, повелитель, и узнать твою волю относительно него". "Мне кажется,

что лучше всего, - сказал Артур, - отправиться на охоту за ним завтра с рассветом и сделать так, чтобы сегодня вечером об этом было объявлено во всех уголках двора".

"Ибо Артур в Витсунтид перед тем.
В старом Каэрлеоне на Уске суд вершил.
Там в один из дней он восседал в зале,
Перед ним явился лесничий из Дина,
Мокрый из леса, с заметным ростом.

Выше всех своих братьев, молочно-белый,
впервые увиденного в тот день; об этом он рассказал королю.
Тогда добрый король велел пустить в ход
рога для охоты на утро".

-Энид.

И Аррифуэрис был главным егерем Артура, а Ареливри - его главным пажом. И все получили уведомление, и так все и было устроено.

Тогда Геневера сказала Артуру: "Позволишь ли ты мне, повелитель, отправиться завтра, чтобы увидеть и услышать охоту на оленя, о которой говорил юноша?" "С радостью", - ответил Артур. И Гавейн сказал Артуру: "Господи, если тебе угодно, разреши, чтобы тот, на чью охоту придет олень, будь то рыцарь или пеший, отрубил ему голову и отдал ее кому пожелает - своей возлюбленной или даме своего друга". "Охотно разрешаю, - сказал Артур, - и пусть будет наказан управитель дома, если завтра все не будет готово к погоне".

И они провели ночь в песнях, забавах, беседах и обильных развлечениях. И когда настало время всем лечь спать, они легли. А когда наступил следующий день, они встали. И Артур позвал слуг, охранявших его ложе. И было их четверо, и звали их Кадирнерт, сын Гандви, и Амбреу, сын Бедвора, и Амхар, сын Артура, и Гореу, сын Кустеннина. И пришли эти люди к Артуру, и приветствовали его, и одели его в свои одежды. И Артур удивился, что Геневера не проснулась, и слуги пожелали разбудить ее. "Не тревожьте ее, - сказал Артур, - ибо она скорее уснет, чем пойдет смотреть на охоту".

Тогда Артур вышел вперед и услышал звук двух рогов: одного - возле жилища главного егеря, а другого - возле жилища главного пажа. И собралось к Артуру все множество народа, и пошли они по дороге в лес.

И когда Артур вышел из дворца, Геневера проснулась, позвала своих служанок и явилась сама. "Девы, - сказала она, - вчера вечером я получила разрешение пойти посмотреть на охоту. Пойдите одна из вас в конюшню и закажите там лошадь, на которой может ездить женщина". И одна из них пошла, и нашла в конюшне двух лошадей; и Геневера с одной из своих дев сели на них, и поехали через Уск, и пошли по следам людей и лошадей. И когда они ехали таким образом, то слышали громкий и стремительный звук; оглянувшись, они увидели рыцаря на охотничьем жеребце огромного роста. А всадник был светловолосый юноша, босоногий и княжеского вида; на боку у него висел меч с золотой рукоятью, на нем была мантия и сюртук из атласа, а на ногах - два низких кожаных башмака; вокруг него был повязан шарф синего пурпура, на каждом углу которого было по золотому яблоку.

"Для принца Герайнта,
тоже опоздавший, не надевший ни охотничьего наряда

Ни оружия, кроме клейма с золотой рукоятью,
Быстро промчался через мелкий брод".
-Энид.

И конь его ступал величаво, стремительно и гордо, и он догнал Геневеру и приветствовал ее. "Да благословит тебя небо, Герайнт, - сказала она, - и почему ты не поехал с твоим господином на охоту?" "Потому что я не знал, когда он поедет", - ответил он. "Я тоже удивляюсь, - сказала она, - как он мог уйти, не зная меня. Но ты, о юноша, самый приятный спутник во всем королевстве, и, может быть, охота развлечет меня больше, чем их; ведь мы услышим звук рогов и собак, когда они выйдут на волю и начнут выть".

И они пошли к опушке леса и встали там. "С этого места, - сказала она, - мы услышим, когда собаки выйдут на свободу". И вот они услышали громкий шум; они посмотрели в ту сторону, откуда он доносился, и увидели карлика, сидящего на коне, величественном, пенистом и резвом, сильном и энергичном. А в руке у карлика был кнут. А рядом с карликом они увидели даму на прекрасном белом коне, идущем ровным и величавым шагом, и одета она была в одежду из золотой парчи. А рядом с ней сидел рыцарь на боевом коне огромного размера, в тяжелых и ярких доспехах, как на нем самом, так и на его коне. И поистине, никогда прежде не видели они ни рыцаря, ни коня, ни доспехов столь поразительных размеров.

"Герайнт, - сказала Геневера, - знаешь ли ты, как зовут того высокого рыцаря?" "Я не знаю его, - ответил тот, - и из-за странных доспехов, которые он носит, я не могу разглядеть ни его лица, ни его черт". "Пойди, дева, - сказала Геневера, - и спроси у карлика, кто этот рыцарь". Тогда дева подошла к карлику и спросила у него, кто этот рыцарь. "Я не скажу тебе", - ответил он. "Раз уж ты такой грубый, - сказала она, - я спрошу его сама". "Не спрашивай его, клянусь моей верой", - сказал он. "Почему?" - сказала она. "Потому что ты не обладаешь достаточной честью, чтобы подобало тебе говорить с моим господином". Тогда дева повернула голову своего коня к рыцарю, и карлик ударил ее плетью, которая была у него в руке, по лицу и глазам, так что потекла кровь. И вернулась дева к Геневеру, жалуясь на полученную обиду. "Очень грубо обошелся с тобой карлик", - сказал Герайнт и положил руку на рукоять своего меча. Но, посоветовавшись с самим собой, он решил, что убить карлика и напасть на вооруженного рыцаря безоружным не будет для него мезью, и воздержался.

"Госпожа, - сказал он, - я пойду за ним с твоего позволения, и в конце концов он придет в какое-нибудь населенное место, где у меня будет оружие, либо в долг, либо в залог, и я смогу встретиться с рыцарем". "Иди, - сказала она, - и не нападай на него, пока у тебя не будет хорошего оружия; а я буду очень беспокоиться о тебе, пока не получу вестей о тебе". "Если я жив, - сказал он, - ты услышишь обо мне до завтрашнего полудня", - и с этими словами он ушел.

А путь их лежал под дворцом Каэрлеона и через брод Уск; и шли они по ровной и возвышенной гряде, пока не пришли к городу, а на краю города увидели крепость и замок. И когда рыцарь проезжал через город, все люди встали, приветствовали его и здоровались с ним. И когда Герайнт вошел в город, он заглянул в каждый дом, чтобы узнать, не знает ли он кого-нибудь из тех, кого видел. Но он не знал никого, и никто не знал его, чтобы оказать ему любезность и дать ему оружие в займы или в залог. И каждый дом, который он видел, был полон людей, и оружия, и лошадей. И полировали они щиты, и обжигали мечи, и мыли доспехи, и подковывали коней. И поскакали рыцарь, и дама, и карлик к замку, что в городе, и все были рады в замке. И с крепостных стен и с ворот они рисковали шеями, желая поприветствовать их и показать свою радость.

Герайнт стоял и смотрел, останется ли рыцарь в замке, а когда убедился, что останется, огляделся вокруг. И на небольшом расстоянии от города он увидел старый дворец в руинах, в котором был зал, приходящий в упадок.

"А высоко вверху возвышалась башенная лестница,
израненный ногами, которые теперь молчат, ранен
Голая до солнца"

-Энид.

И так как он никого не знал в городе, он направился к старому дворцу. И когда он приблизился к дворцу, то увидел стоящего возле него хриплоголового человека в изорванной одежде. Герайнт пристально смотрел на него. Тогда копытный сказал ему: "Юноша, почему ты задумчив?" "Я задумчив, - ответил тот, - потому что не знаю, где провести ночь". "Подойди сюда, вождь, - сказал он, - и ты получишь все лучшее, что можно для тебя достать". И Герайнт пошел вперед. А конопатый ввел его в зал. В зале он сошел с коня и оставил его там. Затем он отправился в верхнюю палату вместе с копытноголовым человеком. И в палате он увидел старую женщину, сидящую на подушке, в старой, изношенной одежде; но ему показалось, что она была прекрасна в расцвете молодости. А рядом с ней сидела дева, на которой были жилет и вуаль, старые и уже начавшие изнашиваться. И поистине, он никогда не видел девы, более полной привлекательности, изящества и красоты, чем она. И сказал девице тот, кто был с копной на голове: "Для коня этого юноши нет другого помощника, кроме тебя". "Я окажу посильную услугу, - сказала она, - и ему, и его коню". И дева расседлала юношу, накормила его коня соломой и кукурузой, а затем вернулась в покои. И сказал горбоносый дева: "Пойди в город и принеси сюда все лучшее, что найдешь, и еду, и спиртное". "С радостью, господин", - ответила она. И пошла девица в город. И они беседовали вместе, пока дева была в городе. И вот, дева возвращается, и с ней юноша, несущий на спине кострюлю, полную хорошей купленной медовухи, и четверть молодого бычка. А в руках у девы было много белого хлеба, а в вуали у нее было немного манной крупы, и она вошла в палату. "Лучшего, чем это, я бы не получила, - сказала она, - и лучшего мне бы не доверили". "Этого достаточно", - сказал Герайнт. И они сварили мясо, а когда еда была готова, сели за стол. И было это так. Герайнт сел между хриплоголовым и его женой, а дева прислуживала им. И они ели и пили.

И когда они кончили есть, Герайнт разговорился с копытным и прежде всего спросил его, кому принадлежит дворец, в котором он находится. "Воистину, - ответил тот, - это я построил его, и мне же принадлежат город и замок, которые ты видел". "Увы!" - сказал Герайнт, - "как случилось, что ты потерял их теперь?" "Я потерял не только их, но и большое графство, - сказал он, - и вот как я их потерял. У меня был племянник, сын моего брата, и я заботился о его владениях; но ему не терпелось вступить в них, и он пошел на меня войной, отняв у меня не только свои, но и мои владения, кроме этого замка". "Добрый сэр, - сказал Герайнт, - скажите мне, зачем рыцарь, дама и карлик только что пришли в город, и что это за приготовления, которые я видел, и приведение в порядок оружия?" "Я сделаю это", - сказал он. "Это приготовления к игре, которую завтра устроит молодой граф и которая будет проходить следующим образом. Посреди луга, что здесь, будут установлены две вилки, на них - серебряный жезл, на серебряном жезле - воробей-ястреб, и на воробья-ястреба будет устроен турнир. И на турнир выйдет все то множество, которое ты видел в городе, людей, и коней, и оружия. И с каждым мужчиной поедет та дама, которую он любит больше всего; и ни один мужчина не сможет сразиться за воробьиного ястреба, если с ним не будет той дамы, которую он любит больше всего. А рыцарь, которого ты видел, завоевал воробьиный ястреб

за эти два года; и если он завоюет его на третий год, то с тех пор будет называться рыцарем Воробьиного ястреба". "Сэр, - сказал Герайнт, - что ты посоветуешь мне относительно этого рыцаря из-за оскорбления, которое дева Геневера получила от карлика?" И Герайнт поведаль копытному человеку, какое оскорбление получила дева. "Нелегко дать тебе совет, ибо нет у тебя ни дамы, ни девицы, за которых ты мог бы побороться. Однако у меня здесь есть оружие, которое ты мог бы взять, и еще есть мой конь, если он покажется тебе лучше твоего собственного". "Ах, господин, - сказал он, - да воздаст тебе Небо! Но моего собственного коня, к которому я привык, вместе с твоим оружием мне будет достаточно. И если завтра, когда наступит назначенное время, вы позволите мне, сударь, побороться за ту девицу, которая является вашей дочерью, я обещаю, если выйду из турнира, любить ее до тех пор, пока буду жив". "С радостью разрешаю тебе, - сказал копытный человек, - и раз уж ты так решил, надо, чтобы завтра с рассветом твой конь и оружие были готовы. Ибо тогда Рыцарь Воробьиного Ястреба сделает объявление и попросит ту даму, которую он любит больше всего, взять воробьиного ястреба, а если кто-нибудь откажет ей в этом, он силой будет защищать ее притязания. Итак, - сказал копытный человек, - ты должен быть там на рассвете, и мы трое будем с тобой". И так было решено.

И ночью они легли спать. А перед рассветом они встали и оделись, и к тому времени, когда наступил день, они все четверо были на лугу. И тут рыцарь Воробьиного ястреба произнес провозглашение и попросил свою даму взять воробьиного ястреба. "Не бери, - сказал Герайнт, - ибо есть дева и красивее, и благороднее, и прекраснее, и претендует на него больше, чем ты". Тогда рыцарь сказал: "Если ты считаешь, что воробьиный ястреб причитается ей, выходи вперед и сразись со мной". И Герайнт выехал на вершину луга, надев на себя и на своего коня доспехи, тяжелые, ржавые и некрасивые. Тогда они столкнулись друг с другом, и сломали один комплект копий, и второй комплект, и третий. И когда граф и его компания увидели, что рыцарь Воробьиного Ястреба одерживает верх, среди них раздались крики, радость и веселье; а копытноголовый, его жена и его дочь опечалились. И копытноголовый служил Герайнту копьями столько раз, сколько тот их ломал, а карлик служил рыцарю Воробьиного Ястреба. Тогда копытноголовый сказал Герайнту: "О вождь, раз уж никто не хочет держать тебя в руках, вот копье, которое было в моей руке в тот день, когда я получил честь рыцарства, и с тех пор и по сей день я никогда не ломал его, и у него отличное острие". Тогда Герайнт взял копье и поблагодарил копытного. И тогда карлик тоже принес копье своему господину. "Вот тебе копье, не менее хорошее, чем его", - сказал карлик. "И помни, что ни один рыцарь не выдерживал тебя так долго, как этот". "Клянусь Небесами, - сказал Герайнт, - если только смерть не заберет меня поскорее, ему не будет лучше от твоей службы". И Герайнт издала направил к нему своего коня и, предупредив его, бросился на него и нанес ему такой сильный, яростный и свирепый удар по щиту, что тот раскололся надвое, и пробил его доспехи, и разорвал подпруги, так что и он сам, и его седло полетели на землю через крупу коня. И Герайнт быстро сошел с коня. И разгневался он, и выхватил меч, и бросился на него с яростью. Тогда рыцарь тоже встал и выхватил свой меч против Герайнта. И бились они пешими мечами, пока их руки не высекали друг из друга огненные искры, подобные звездам; и так они продолжали биться, пока кровь и пот не застилали им глаза. В конце концов Герайнт призвал к себе всю свою силу и ударил рыцаря по макушке головы, так что пробил все его головные доспехи и прорезал всю плоть и кожу, вплоть до черепа, пока не ранил кость.

Тогда рыцарь упал на колени и, выронив меч из руки, стал просить у Герайнта милости. "По правде говоря, - сказал он, - я отказываюсь от своей дерзости и гордыни и прошу тебя о милости; и если у меня не будет времени посвятить себя Небесам за свои грехи и поговорить со священником, твоя милость мало поможет мне". "Я окажу тебе милость при таком условии,

- сказал Герайнт, - что ты отправишься к Геневере, жене Артура, чтобы загладить вину за оскорбление, нанесенное ее девице твоим карликом. Не сходи с коня с тех пор, как ты отправишься в путь, пока не придешь в присутствие Геневеры, чтобы принести ей искупление, которое будет вынесено при дворе Артура". "Это я сделаю с радостью; а кто ты?" "Я - Герайнт, сын Эрбина; скажи и ты, кто ты". "Я Эдейм, сын Нудда". Тогда он сел на коня и поехал ко двору Артура; и дама, которую он любил больше всего, ехала перед ним, и карлик, со многими причитаниями.

Тогда молодой граф и его хозяева подошли к Герайнту, приветствовали его и пригласили в свой замок. "Я могу не ехать, - сказал Герайнт, - но где я был прошлой ночью, там буду и сегодня". "Поскольку ты не желаешь принимать мои приглашения, ты получишь в изобилии все, что я могу тебе приказать; и я закажу для тебя мазь, чтобы ты оправился от усталости, которая навалилась на тебя". "Да воздаст тебе Небо", - сказал Герайнт, - "а я пойду в свою ночлежку". И так отправились Герайнт и ярл Иньюл, и его жена, и его дочь. И когда они добрались до старой усадьбы, прибыли домашние слуги и слуги молодого графа и устроили все апартаменты, устлав их соломой и разложив огонь; и в скором времени мазь была готова, и Герайнт пришел туда, и ему вымыли голову. Затем пришел молодой граф с сорока почетными рыцарями из числа своих приближенных и теми, кто был приглашен на турнир. И Герайнт пришел после помазания. И граф попросил его пройти в зал, чтобы поесть. "Где граф Иньюл, - сказал Герайнт, - и его жена и дочь?" "Они в палате вон там, - ответил графский камергер, - одеваются в одежды, которые граф велел принести для них". "Пусть девица не одевается, - сказал он, - кроме жилета и вуали, пока не придет ко двору Артура, чтобы Геневера одела ее в те одежды, которые она выберет". И дева не стала одеваться.

Затем все они вошли в зал, умылись и сели за стол. И вот они уселись. По одну сторону от Герайнта сидел молодой граф, а за ним граф Инниул, а по другую сторону от Герайнта - дева и ее мать. А после них сидели все в соответствии с их почетным старшинством. И они ели. И им подавали обильно, и они получили множество всевозможных даров. Затем они беседовали вместе. И молодой граф пригласил Герайнта посетить его на следующий день. "Не пойду, клянусь небесами, - сказал Герайнт. "Ко двору Артура я отправлюсь с этой девой завтра. И этого мне достаточно, пока граф Иньюл в бедности и беде, а я еду главным образом для того, чтобы попытаться увеличить его содержание". "Ах, вождь, - сказал молодой граф, - не по моей вине граф Йнивл остался без имущества". "Клянусь, - сказал Герайнт, - он не останется без них, если только смерть не заберет меня отсюда". "О вождь, - сказал он, - что касается разногласий между мной и Йниулом, я с радостью прислушаюсь к твоему совету и соглашусь на то, что ты сочтешь правильным между нами". "Я лишь прошу тебя, - сказал Герайнт, - вернуть ему то, что принадлежит ему и что он должен был получить с тех пор, как потерял свои владения, и до сегодняшнего дня". "Это я сделаю для тебя с радостью", - ответил он. "Тогда, - сказал Герайнт, - кто бы ни был здесь, кто должен отдать дань уважения Йниулу, пусть выйдет вперед и исполнит ее на месте". И все люди так и сделали, и договор этот соблюдали. И вернули Инниулу его замок и город, и все его владения. И он получил обратно все, что потерял, вплоть до самой маленькой драгоценности.

Тогда ярл Иньюль обратился к Герайнту. "Вождь, - сказал он, - вот дева, за которую ты вызвался на турнир; я отдаю ее тебе". "Она пойдет со мной, - сказал Герайнт, - ко двору Артура, а Артур и Геневера пусть распоряжаются ею как хотят". И на следующий день они отправились ко двору Артура. Вот и все, что касается Герайнта.

ГЛАВА VI

ГЕРАИНТ, СЫН ЭРБИНА (продолжение)

Вот как Артур охотился на оленя. Мужчины и собаки разделились на охотничьи отряды, и собак пустили на оленя. И последним был отпущен любимый пес Артура; звали его Кавалл. И он, оставив всех остальных собак позади себя, повернул оленя. И на втором повороте олень вышел навстречу охотничьему отряду Артура. И Артур набросился на него; и прежде чем его успел убить кто-то другой, Артур отрубил ему голову. Тогда затрубил рог смерти, и все собрались вокруг.

И пришел Кадириат к Артуру и заговорил с ним. "Владыка, - сказал он, - вот, здесь Геневера, и никого с ней нет, кроме одной девы". "Прикажи Гильдасу, сыну Ко, и всем придворным ученым", - сказал Артур, - "чтобы они проводили Геневер во дворец". И они так и сделали.

Затем все они отправились в путь, ведя беседу о голове оленя и о том, кому ее следует отдать. Один пожелал, чтобы ее отдали самой любимой даме, а другой - той, которую он любил больше всех. И вот они пришли во дворец. И когда Артур и Геневера слышали, как они спорят об оленьей голове, Геневера сказала Артуру: "Государь, вот мой совет относительно оленьей головы: пусть ее не отдадут, пока Герайнт, сын Эрбина, не вернется с поручения, которое он выполняет". И Геневера рассказала Артуру, что это за поручение. "С радостью, да будет так", - сказал Артур. И Геневера приказала выставить на валах дозор для прихода Герайнта. И вот после полудня они увидели маленького бесформенного человечка на коне, а за ним - даму или девицу, тоже верхом, а за ней - рыцаря большого роста, склонившегося и печально повесившего голову, облаченного в разбитые и никчемные доспехи.

И прежде чем они приблизились к воротам, один из дозорных подошел к Геневере и рассказал ей, что за людей они видели и какого они вида. "Я не знаю, кто они, - сказал он, - но я знаю, - сказала Геневера, - это рыцарь, которого преследовал Герайнт, и, похоже, он пришел сюда не по своей воле. Но Герайнт догнал его и до конца отомстил за оскорбление, нанесенное деве". И вот к месту, где находилась Геневера, подошел носильщик. "Леди, - сказал он, - у ворот стоит рыцарь, и я никогда не видел человека столь жалкого вида, как он. Доспехи на нем жалкие и разбитые, и оттенок крови на них заметнее, чем их собственный цвет". "Знаешь ли ты его имя?" - спросила она. "Знаю", - ответил он; "он сказал мне, что он Эдейрн, сын Нудда". Тогда она ответила: "Я не знаю его".

Тогда Геневера пошла к воротам, чтобы встретить его, и он вошел. И пожалела Геневера, когда увидела, в каком он состоянии, хотя его сопровождал грубый карлик. Тогда Эдейрн приветствовал Геневеру. "Да хранят тебя небеса", - сказала она. "Леди, - сказал он, - Герайнт, сын Эрбина, ваш лучший и доблестный слуга, приветствует вас". "Он встречался с тобой?" - спросила она. "Да, - сказал он, - и это было не в мою пользу; и это не его вина, а моя, леди. А Герайнт приветствует тебя хорошо; и, приветствуя тебя, он заставил меня приехать сюда, чтобы загладить твою вину за оскорбление, нанесенное твоей деве карликом". "Где же он тебя догнал?" "В том месте, где мы сражались на поединках и боролись за воробьиного ястреба, в городе, который теперь называется Кардифф. И именно за признание в любви к деве, дочери графа Йниула, Герайнт выступал на турнире. И тогда мы встретились, и он покинул меня, леди, как вы видите". "Сэр, - сказала она, - когда, по-вашему, Герайнт будет здесь?" "Завтра, леди, я думаю, он будет здесь с девицей".

Тогда к ним подошел Артур. И он приветствовал Артура, и Артур долго смотрел на него и удивлялся, видя его таким. И, подумав, что знает его, он спросил его: "Ты Эдейрн, сын

Нудда?" "Да, господин, - ответил тот, - и я встретил много бед и получил незаживающие раны". Тогда он рассказал Артуру обо всех своих приключениях. "Что ж, - сказал Артур, - судя по тому, что я слышал, Геневеру следует быть милостивым к тебе". "Милость, которой ты желаешь, повелитель, - сказала она. "Я окажу ему ее, поскольку для тебя оскорбление, нанесенное мне, так же оскорбительно, как и для тебя самого". "Так будет лучше всего, - сказал Артур, - пусть этот человек получит медицинскую помощь, пока не станет известно, может ли он жить. Если же он будет жить, то пусть получит такое удовлетворение, какое сочтут лучшим придворные. А если он умрет, то слишком тяжела будет смерть такого юноши, как Эдейрн, за оскорбление девы". "Это радует меня", - сказала Геневера. И Артур велел позвать к себе Моргана Туда. Он был главным лекарем. "Возьми с собой Эдейрна, сына Нудда, и приготовь для него палату, и пусть ему будет оказана медицинская помощь, как ты поступил бы со мной, если бы я был ранен, и не пускай в его палату никого, кто бы к нему приставал, кроме тебя самого и твоих учеников, чтобы они давали ему лекарства". "Я сделаю это с радостью, господин", - ответил Морган Туд. Тогда управляющий домом сказал: "Куда, господин, следует направить девицу?" "К Геневере и ее служанкам", - ответил тот. И управитель дома так приказал ей.

"И, поднявшись, он поскакал ко двору Артура,
И там королева легко простила его.
И, будучи молодым, он изменился и возмужал.
И возненавидел грех, что казался так похож на его собственный.
Модреда, племянника Артура, и наконец пал.
В великой битве, сражаясь за короля".

-Энид.

На следующий день Герайнт подошел ко двору, а на валах Геневера была выставлена стража, чтобы он не пришел незамеченным. И один из дозорных пришел к Геневере. "Госпожа, - сказал он, - мне кажется, что я вижу Герайнта и с ним девицу. Он верхом на коне, но при нем его походное снаряжение, а дева, похоже, в белом, как мне кажется, одеянии из льна". "Соберите всех женщин, - сказала Геневера, - и выйдите навстречу Герайнту, чтобы приветствовать его и пожелать ему радости". И Геневер пошла навстречу Герайнту и деве. И когда Герайнт подошел к тому месту, где находилась Геневера, он приветствовал ее. "Да благословит тебя небо, - сказала она, - и приветствую тебя". "Госпожа, - сказал он, - я искренне желал получить от тебя удовлетворение, согласно твоей воле; и вот, вот дева, через которую ты отомстила". "Воистину, - сказала Геневера, - приветствуют ее небеса, и нам подобает принять ее с радостью". Затем они вошли в дом и разделись. И подошел Герайнт к Артуру и приветствовал его. "Храни тебя Небо, - сказал Артур, - и да будет тебе приветствие Неба. И поскольку ты победил Эдейрна, сына Нудда, ты сделал успешную карьеру". "Не я виноват, - сказал Герайнт, - это из-за высокомерия самого Эдейрна, сына Нудда, мы не были друзьями". "А теперь, - сказал Артур, - где дева, ради которой, как я слышал, ты бросил вызов?" "Она ушла с Геневерой в свои покои". Тогда Артур отправился к деве. И Артур, и все его спутники, и весь двор его радовались о деве. И все они были уверены, что, если бы ее одежда соответствовала ее красоте, они никогда не видели девы прекраснее ее. И Артур отдал девицу в жены Герайнту. И по обычаю, заключенному между двумя людьми, Герайнт и девица были связаны узами брака, и девице было отдано самое лучшее из всех одеяний Геневеры, и, одетая таким образом, она показалась всем, кто ее видел, прекрасной и грациозной. И день, и ночь прошли в обилии менестрелей, и обильных дарах спиртного, и множестве игр. И когда пришло время им ложиться спать, они пошли. И в палате, где стояла

кушетка Артура и Геневеры, была приготовлена кушетка Герайнта и Энид. И с того времени она стала его женой. А на следующий день Артур осыпал всех претендентов на Герайнта щедрыми дарами. И поселилась дева во дворце, и было у нее много спутников, как мужчин, так и женщин, и не было на острове Британия девы более почитаемой, чем она.

Тогда Геневера сказала. "Справедливо я рассудила, - сказала она, - что голову оленя не следует отдавать никому до возвращения Герайнта; и вот подходящий случай, чтобы отдать ее. Пусть она достанется Энид, дочери Йниула, самой прославленной деве. И я не верю, что кто-то откажет ей в этом, ибо между ней и всеми здесь есть только любовь и дружба". И все они, и Артур в том числе, много аплодировали. А голову оленя отдали Энид. И после этого слава ее возросла, а друзей стало больше, чем прежде. А Герайнт с тех пор полюбил охоту, и турниры, и тяжелые поединки; и он выходил победителем из всех них. И так продолжалось год, и второй, и третий, пока слава его не разлетелась по всему королевству.

И вот однажды Артур держал свой двор в Керлеоне на Уске; и вот к нему пришли послы, мудрые и благоразумные, полные знаний и красноречия, и приветствовали Артура. "Да благословит вас небо!" - сказал Артур; "и откуда вы пришли?" "Мы прибыли, повелитель, - сказали они, - из Корнуолла; мы послы от Эрбина, сына Кустеннина, твоего дяди, и наша миссия - к тебе. И он приветствует тебя хорошо, как дядя должен приветствовать своего племянника и как вассал должен приветствовать своего господина. И представил он тебе, что тяжелеет и слабеет, и годы его идут вперед. И соседние вожди, зная это, становятся наглыми по отношению к нему и жаждут его земель и владений. И он убедительно просит тебя, повелитель, разрешить Герайнту, его сыну, вернуться к нему, чтобы защитить его владения и ознакомиться с его границами. А ему он говорит, что лучше бы он потратил цвет своей молодости и расцвет возраста на сохранение собственных границ, чем на турниры, которые не приносят никакой пользы, хотя он и добивается в них славы".

"Что ж, - сказал Артур, - идите, избавьтесь от снаряжения, примите пищу и освежитесь после усталости; и прежде чем вы отправитесь в путь, вы получите ответ". И они отправились есть. И Артур решил, что ему будет тяжело отпускать Герайнта от себя и от своего двора; он не считал справедливым, чтобы его двоюродного брата удерживали от поездки для защиты своих владений и границ, поскольку его отец был не в силах сделать это. Не меньше горевали и сожалели Геневера, и все ее женщины, и все ее фрейлины, опасаясь, что дева покинет их. И тот день, и та ночь прошли в обильных пирах. И Артур рассказал Герайнту о причине миссии и о приходе к нему послов из Корнуолла. "Воистину, - сказал Герайнт, - выгодно мне это или невыгодно, повелитель, я поступлю по твоей воле относительно этого посольства". "Вот, - сказал Артур, - хотя мне и горько расставаться с тобой, я советую тебе отправиться жить в свои владения и защищать свои границы, и взять с собой в сопровождение столько, сколько ты пожелаешь из тех, кого ты любишь больше всего из моих верных, и из твоих друзей, и из твоих соратников по оружию". "Да воздаст тебе Небо! И это я сделаю", - ответил Герайнт. "Какой разговор, - сказала Геневера, - я слышу между вами? Неужели о тех, кто должен проводить Герайнта в его страну?" "Да", - ответил Артур. "Тогда мне нужно подумать, - сказала она, - о спутниках и о провизии для дамы, которая со мной". "Ты поступишь хорошо", - сказал Артур.

И в ту ночь они легли спать. А на следующий день послам было позволено отправиться в путь, и им было сказано, что Герайнт должен следовать за ними. И на третий день Герайнт отправился в путь, и многие пошли с ним - Гавейн, сын Гвиара, и Риогонд, сын короля Ирландии, и Ондьяв, сын герцога Бургундского, Гвилим, сын правителя франков, Хауэл, сын графа Бретани, Персеваль, сын Эврака, Гвир, судья при дворе Артура, Бедвир, сын Бедрауда, Кай, сын Кинера, Одьяр, франк, и Эдерин, сын Нудда. Сказал Герайнт: "Думаю, мне хватит

рыцарства". И они отправились в путь. И никогда не было видно более прекрасного войска, направлявшегося к Северну. А по ту сторону Северна стояли вельможи Эрбина, сына Кустеннина, и его приемный отец во главе их, чтобы с радостью приветствовать Герайнта; и многие придворные женщины вместе с его матерью пришли принять Энид, дочь Йниула, его жену. И было великое ликование и радость по всему двору и по всей стране по поводу Герайнта, из-за величия их любви к нему и из-за величия славы, которую он приобрел с тех пор, как ушел от них, и потому что он пришел, чтобы овладеть своими владениями и сохранить свои границы. И они пришли ко двору. И во дворе их ждали обильные развлечения, и множество даров, и обилие спиртного, и достаточное количество услуг, и разнообразные игры. И чтобы оказать честь Герайнту, все главные люди страны были приглашены в ту ночь посетить его. И они провели этот день и эту ночь в величайшем удовольствии. А на рассвете следующего дня Эрбин встал и позвал к себе Герайнта и знатных особ, которые составили ему компанию. И сказал он Герайнту: "Я немощный и престарелый человек, и пока я был в состоянии сохранить власть за тобой и за собой, я так и делал. Но ты молод, в расцвете сил и юности. Отныне храни владения свои". "Поистине, - сказал Герайнт, - с моего согласия ты не отдашь сейчас в мои руки власть над твоими владениями и не уведешь меня от двора Артура". "Я отдам их в твои руки, - сказал Эрбин, - и в этот день ты также получишь почести от своих подданных".

Тогда Гавейн сказал: "Лучше бы тебе сегодня удовлетворить тех, у кого есть просимые блага, а завтра ты сможешь получить почести от своих владений". И все, у кого были просимые блага, были созданы в одно место. И пришел к ним Кадириат, чтобы узнать, о чем они просят. И каждый просил то, чего желал. И последователи Артура стали делать подарки, и тут же пришли люди из Корнуолла и тоже стали дарить. И они не заставили себя долго ждать, так охотно каждый дарил подарки, и из тех, кто пришел просить даров, никто не ушел неудовлетворенным. И тот день, и та ночь прошли в величайшем наслаждении.

А на следующий день на рассвете Эрбин попросил Герайнта послать гонцов к людям, чтобы спросить, не противно ли им, что он пришел принять их почести, и нет ли у них чего возразить ему. Тогда Герайнт отправил послов к людям Корнуолла, чтобы спросить их об этом. И все они ответили, что для них было бы полной радостью и честью, если бы Герайнт приехал и принял их почести. И он принял почести от всех, кто там был. А на следующий день последователи Артура собрались уезжать. "Вам еще рано уезжать, - сказал он, - оставайтесь со мной, пока я не закончу принимать почести от моих главных людей, которые согласились приехать ко мне". И они оставались с ним, пока он не сделал этого. Затем они отправились ко двору Артура. И Герайнт поехал с ними, и Энид тоже, до Диганви; там они расстались. И сказал Герайнту Ондьяв, сын герцога Бургундского: "Ступай теперь и посети самые отдаленные части владений твоих, и хорошо следи за границами территорий твоих, и если будут у тебя какие-либо затруднения, пошли к спутникам твоим". "Небо вознаградит тебя!" - сказал Герайнт; "И я сделаю это". И отправился Герайнт в самые отдаленные уголки своих владений. С ним отправились опытные проводники и главные люди его страны. И самый дальний пункт, который они ему показали, он оставил себе.

ГЛАВА VII

ГЕРАИНТ, СЫН ЭРБИНА (продолжение)

Герайнт, как он привык делать, когда был при дворе Артура, часто посещал турниры. Изнакомился он с доблестными и могучими людьми, пока не приобрел там такую же славу, как и в других местах. И обогатил он свой двор, и своих приближенных, и своих вельмож

лучшими конями и лучшим оружием, и лучшими и ценнейшими драгоценностями, и не останавливался, пока слава его не облетела все королевство.

"Перед Герайнтом, бичом врага,
я видел коней, белых от пены,
А после крика битвы - страшный поток".

-Ген.

Когда он узнал, что все так и есть, то стал любить легкость и удовольствия, ибо не было никого, кто стоил бы его противостояния. И он любил свою жену, и любил, чтобы во дворце продолжались менестрели и развлечения. И стал он замыкаться в покоях жены своей и ничем другим не увлекался, так что отказался от дружбы вельмож своих, от охоты и увеселений, и потерял сердца всех хозяев двора своего. И роптали и насмехались над ним обитатели дворца за то, что он так полностью отказался от их дружбы ради любви к своей жене.

"Они

Начали насмехаться, издеваться и судачить о нем.
Как о принце, чья мужественность угасла,
И расплавился в бесстыдстве".

Эти вести дошли до Эрбина. И когда Эрбин услышал это, он обратился к Энид и спросил ее, не она ли побудила Герайнта поступить таким образом и оставить свой народ и своих хозяев. "Не я, клянусь Небом, - ответила она, - нет для меня ничего более ненавистного, чем это". И не знала она, что ей делать, ибо, хотя и тяжело ей было признаться в этом Герайнту, но не легче ей было выслушать то, что она услышала, не предупредив Герайнта об этом. И она очень горевала.

Однажды утром в летнюю пору они лежали на своем диване, а Герайнт примостился на его краю. И Энид не спала в квартире, где были стеклянные окна [Сноска: Слова восхищения, в которых старые писатели неизменно говорят о стеклянных окнах, были бы достаточным доказательством, если бы не было других доказательств, насколько редким предметом роскоши они были в домах наших предков. Впервые они появились в церковной архитектуре, к которой долгое время и были приурочены. Считается, что стекло не использовалось в домашней архитектуре до XIV века], и солнце осветило диван. И одежда сползла с его рук и груди, и он спал. Тогда она взглянула на дивную красоту его облика и сказала: "Увы, и я причина того, что эти руки и эта грудь утратили свою славу и воинскую славу, которой они когда-то так богато пользовались!" При этих словах слезы капали из ее глаз и падали на его грудь. И слезы, пролитые ею, и слова, произнесенные ею, пробудили его. И еще кое-что способствовало пробуждению, а именно мысль о том, что она говорит так не думая о нем, а потому, что любит какого-то другого мужчину больше, чем его, и желает другого общества. Тогда Герайнт встревожился и позвал своего оруженосца, и когда тот пришел к нему, сказал: "Иди скорее, - сказал он, - и приготовь моего коня и мое оружие, и сделай их готовыми. А ты встань, - сказал он Энид, - и оденься сама, и прикажи снарядить своего коня, а сама оденься в самое худшее платье для верховой езды, какое только есть у тебя. И зло мне, - сказал он, - если ты вернешься сюда, пока не узнаешь, настолько ли я потерял силы, как ты говоришь. И если это так, то тогда тебе будет легко искать общества того, о ком ты думала". Она встала и оделась в самую скромную одежду. "Я ничего не знаю, господин, - сказала она, - о твоём намерении". "И ты не узнаешь сейчас", - ответил он.

Тогда Герайнт отправился к Эрбину. "Господин, - сказал он, - я отправляюсь в поход и не знаю, когда смогу вернуться. Поэтому береги свое имущество до моего возвращения". "Я так и сделаю, - сказал он, - но мне странно, что ты уходишь так внезапно. Кто пойдет с тобой, ведь ты не настолько силен, чтобы в одиночку пересечь земли Лозэгира?" "Но со мной пойдет только один человек". "Да хранит тебя небо, сын мой, - сказал Эрбин, - и пусть в Лозэгире к тебе привяжутся многие". И пошел Герайнт к месту, где стоял его конь, а на нем были иноземные доспехи, тяжелые и блестящие. И он велел Энид сесть на коня, и поехать вперед, и держаться далеко перед ним. "И что бы ты ни увидела, и что бы ни услышала обо мне, - сказал он, - не оборачивайся назад. И пока я не заговорю с тобой, не говори ни слова". И они отправились в путь. И он выбрал не самую приятную и часто посещаемую дорогу, а ту, что была самой дикой и изобиловала ворами и разбойниками и ядовитыми животными.

И пришли они на большую дорогу, по которой шли до тех пор, пока не увидели огромный лес; и увидели они, как из леса выехали четыре вооруженных всадника. Когда вооруженные люди увидели их, они сказали друг другу. "Вот удобный случай захватить двух коней и доспехи, а заодно и даму; это нам будет нетрудно сделать против того одинокого рыцаря, который так задумчиво и тяжело повесил голову". Энид слушала эти рассуждения и не знала, что ей делать, боясь Герайнта, который велел ей молчать. "Да отомстят мне небеса, - сказала она, - если я не предпочту получить смерть от его руки, а не от руки кого-либо другого; и пусть он убьет меня, но я буду говорить с ним, чтобы не иметь несчастья стать свидетелем его смерти". Так она ждала Герайнта, пока он не приблизился к ней. "Господи, - сказала она, - слышал ли ты слова тех людей о тебе?" Тогда он поднял глаза и гневно посмотрел на нее. "Тебе нужно было только, - сказал он, - держать себя в руках, как я тебе велел. Я желаю лишь молчания, а не предупреждения. И хотя ты желаешь увидеть мое поражение и мою смерть от рук этих людей, я не испытываю страха". Тогда самый главный из них сложил копье и бросился на Герайнта. И он принял его, и не без труда. Но он пропустил удар мимо себя, а всадника ударил по центру его щита так, что щит его раскололся, а доспехи проломились, так что древко копья Герайнта прошло через его тело на расстоянии локтя и повергло его на землю, а длина копья перевалилась через крупу его коня. Тогда второй всадник яростно набросился на него, разгневанный смертью своего товарища. Но одним ударом Герайнт поверг и его, убив так же, как и второго. Затем на него набросился третий, и он убил его таким же образом. И так же он убил четвертого. Печальна и скорбна была дева, видя все это. Герайнт сошел с коня, взял руки убитых им людей, положил их на седла и связал поводья их коней, и снова сел на коня. "Вот что ты должен сделать, - сказал он, - возьми четырех коней, гони их перед собой и поезжай вперед, как я тебе только что велел. И не говори мне ни слова, если я не скажу тебе первым. И, клянусь Небом, - сказал он, - если ты так не поступишь, это будет тебе во вред". "Я сделаю все, что в моих силах, господин, - сказала она, - согласно твоему желанию".

И девица поехала вперед, не отставая от Герайнта, как он того желал; и он был огорчен настолько, насколько позволял его гнев, видя, что столь прославленной деве приходится так много хлопотать об уходе за лошадьми. Потом они достигли леса, глубокого и обширного, и в лесу их настигла ночь. "Ах, дева, - сказал он, - напрасно пытаться идти вперед". "Что ж, господин, - сказала она, - как ты пожелаешь, так мы и сделаем". "Для нас будет лучше, - ответил он, - отдохнуть и дожидаться дня, чтобы продолжить путь". "Так мы и сделаем, с радостью", - сказала она. И они так и сделали. Сойдя с коня, он ссадил ее с лошади. "Я ни в коем случае не могу воздержаться от сна из-за усталости, - сказал он, - поэтому присмотри за лошадьми и не спи". "Я буду, господин", - сказала она. Тогда он лег спать в своих доспехах, и так прошла ночь, которая в то время была недолгой. Когда же забрезжил рассвет, она оглянулась вокруг, чтобы посмотреть, не проснулся ли он, и тут он проснулся. Тогда он встал

и сказал ей: "Возьми коней и поезжай дальше, и держись прямо, как вчера". И выехали они из леса, и попали в открытую местность, где по одну сторону были луга, а по другую - косилки, косившие луга. И была перед ними река, и кони наклонялись и пили воду. И поднялись они от реки по высокой круче, и встретили там стройного юношу с ранцем на шее, и увидели они, что в ранце что-то есть, но не знали, что именно. А в руке у него был небольшой голубой кувшин, а на горлышке кувшина - чаша. И юноша приветствовал Герайнта. "Да благословит тебя небо!" - сказал Герайнт; "И откуда ты пришел?" "Я пришел, - ответил тот, - из города, который лежит перед тобой. Господин мой, - добавил он, - не будет ли тебе неприятно, если я спрошу, откуда ты тоже пришел?" "Ни в коем случае; я пришел через вон тот лес". "Сегодня ты пришел не через лес". "Нет, - ответил он, - мы были в лесу вчера вечером". "Ручаюсь, - сказал юноша, - что твое состояние прошлой ночью было не самым приятным, и ты не ел и не пил". "Нет, клянусь моей верой", - сказал он. "Последуешь ли ты моему совету, - сказал юноша, - и возьмешь у меня свою еду?" "Какую еду?" - поинтересовался он. "Завтрак, который посылают за вон теми косарями, не что иное, как хлеб, мясо и вино, и если ты пожелаешь, господин, они ничего из этого не получают". "Я так и сделаю", - сказал он, - "и Небеса вознаградят тебя за это".

И Герайнт сошел с коня, а юноша снял с него девицу. Затем они умылись и принялись за трапезу. И юноша нарезал хлеб ломтями, и напоил их, и угостил. И когда они закончили, юноша встал и сказал Герайнту: "Господин мой, с твоего позволения, я пойду и принесу еды для косарей". "Поезжай сначала в город, - сказал Герайнт, - и найди для меня ночлег в лучшем месте, которое ты знаешь, и самое удобное для лошадей; и возьми себе любого коня и оружие, какое выберешь, в уплату за твою службу и твой дар". "Небо наградит тебя, господин!" - ответил юноша; "и этого будет достаточно, чтобы отплатить за услуги, гораздо большие, чем те, что я тебе оказал". И отправился юноша в город, и снял там самый лучший и приятный ночлег, какой только знал; а после отправился во дворец, взяв с собой коня и доспехи, и направился туда, где находился граф, и рассказал ему обо всем своем приключении. "Я иду, господин, - сказал он, - чтобы встретить рыцаря и проводить его в его жилище". "Иди, с радостью", - сказал граф, - "и с радостью примут его здесь, если он придет". И юноша пошел навстречу Герайнту и сказал ему, что граф с радостью примет его в своем дворце, но он пойдет только к себе в дом. А у него были хорошие покои, в которых было много соломы и драпировок, и просторное и удобное место для лошадей, и юноша приготовил для них много провизии. После того как они разместились, Герайнт обратился к Энид с такими словами: "Ступай, - сказал он, - в другой конец палаты и не подходи к этой стороне дома; и ты можешь позвать к себе женщину из дома, если хочешь". "Я сделаю, господин, - сказала она, - как ты скажешь". После этого мужчина из дома подошел к Герайнту и приветствовал его. И после того как они поели и попили, Герайнт лег спать, и Энид тоже.

Вечером, вот, граф пришел навестить Герайнта, и с ним двенадцать его благородных рыцарей. Герайнт встал и приветствовал его. Затем все они сели в соответствии с почетным старшинством. И заговорил граф с Герайнтом, и спросил его о цели его путешествия. "У меня нет никакой цели, - ответил он, - кроме как искать приключений и следовать своим собственным склонностям". Тогда граф перевел взгляд на Энид и пристально посмотрел на нее. И подумал он, что никогда не видел девы прекраснее и красивее ее. И все свои мысли и привязанности он направил на нее. Тогда он спросил Герайнта: "Разреши мне пойти и поговорить с этой девой, ибо я вижу, что она вдали от тебя?" "С радостью", - ответил тот. И граф пошел туда, где была дева, и заговорил с ней. "Ах, дева, - сказал он, - не может быть приятным для тебя путешествие с этим человеком". "Мне это не неприятно", - ответила она. "У тебя нет ни юношей, ни девиц, чтобы служить тебе", - сказал он. "Воистину, - ответила она, -

мне приятнее следовать за этим человеком, чем быть прислугой у юношей и девиц". "Я дам тебе добрый совет, - сказал он: "Все мое графство я отдам в твое владение, если ты захочешь жить со мной".

"Энид, путеводная звезда моей одинокой жизни,
Энид, моя ранняя и единственная любовь".

-Энид.

"Этого я не сделаю, клянусь небесами, - сказала она, - этот человек был первым, кому я поклялась в верности; неужели я окажусь ему непостоянной?" "Ты ошибаешься, - сказал граф, - если я убью этого человека, я могу держать тебя при себе сколько угодно, а когда ты перестанешь мне нравиться, я могу тебя прогнать. Но если ты пойдешь со мной по своей доброй воле, я заверяю, что наш союз будет продолжаться до тех пор, пока я жив". Тогда она обдумала эти его слова и решила, что следует подбодрить его в его просьбе. "Так вот, вождь, вот что тебе следует сделать, чтобы спасти меня от позора; приди сюда завтра и увези меня, как будто я ничего не знаю". "Я так и сделаю", - сказал он. И, встав, он удалился и пошел со своими слугами. А она не стала рассказывать Герайнту о разговоре с графом, чтобы не вызвать его гнев и не причинить ему беспокойства и забот.

И в обычный час они легли спать. В начале ночи Энид немного поспала, а в полночь встала и сложила все доспехи Герайнта, чтобы они были готовы к надеванию. И, хотя ей было страшно от своего поручения, она подошла к постели Герайнта и заговорила с ним тихо и ласково, говоря: "Господин мой, встань и оденься, ибо таковы были слова графа ко мне и его намерение относительно меня". И она рассказала Герайнту обо всем, что произошло. И хотя он был зол на нее, он внял предупреждению и оделся. А она зажгла свечу, чтобы у него был свет. "Оставь здесь свечу, - сказал он, - и попроси, чтобы сюда пришел хозяин дома". И она пошла, а хозяин дома подошел к нему. "Знаешь ли ты, сколько я тебе должен?" - спросил Герайнт. "Я думаю, что ты должен совсем немного". "Возьми трех лошадей и три доспеха". "Небо наградит тебя, господин, - сказал он, - но я потратил на тебя не больше стоимости одного доспеха". "По этой причине, - сказал он, - ты станешь богаче. А теперь, не хочешь ли ты проводить меня из города?" "С радостью, - сказал он, - а в каком направлении ты собираешься идти?" "Я хочу покинуть город не тем путем, которым вошел в него". Тогда хозяин дома проводил его до самого дома. Затем он велел девице идти перед ним, и она так и сделала, и пошла прямо, а хозяин вернулся домой.

А Герайнт с девицей пошли вперед по большой дороге. И когда они шли таким образом, то услышали неподалеку от себя очень громкий плач. "Оставайся здесь, - сказал он, - а я пойду и посмотрю, в чем причина этого плача". "Пойду", - сказала она. Тогда он пошел вперед, на открытую поляну, которая находилась недалеко от дороги. И на поляне он увидел двух лошадей, на одной из которых было мужское седло, а на другой - женское. И вот там лежал рыцарь, мертвый в своих доспехах, а над ним стояла и плакала молодая девица в платье для верховой езды. "Ах, леди, - сказал Герайнт, - что с вами случилось?" "Вот, - отвечала она, - я ехала сюда со своим любимым мужем, как вдруг на нас налетели три великана и без всякой на то причины убили его". "В какую сторону они пошли?" - спросил Герайнт. "Вон там, на большой дороге", - ответила она. Тогда он вернулся к Энид. "Иди, - сказал он, - к той даме, что внизу, и жди меня там, пока я не приду". Она опечалилась, когда он приказал ей так поступить, но все же пошла к девушке, которой было приятно слышать, и она была уверена, что Герайнт никогда не вернется.

Тем временем Герайнт последовал за великанами и настиг их. И каждый из них был ростом больше трех человек, и на плече каждого висела огромная дубина. Тогда он бросился на одного из них и вонзил свое копье в его тело. Выхватив его снова, он пронзил другого из них насквозь. Третий же повернулся к нему и ударил его своей булавой так, что расколол его щит и раздробил ему плечо. Но Герайнт выхватил свой меч и нанес великану удар по макушке головы, столь сильный, яростный и жестокий, что голова его и шея были рассечены до плеч, и он упал замертво. Тогда Герайнт оставил его и вернулся к Энид. И когда он добрался до места, где она находилась, то безжизненно упал с коня. Пронзительным, громким и волнующим был крик, который издала Энид. Она подошла и встала над ним, где он упал. И на звук ее плача прибежал граф Лимурс и все, кто ехал с ним, которых ее причитания вывели из дороги. И сказал граф Энид: "Увы, леди, что с вами случилось?" "Ах, добрый сэр, - сказала она, - убит единственный мужчина, которого я любила и когда-либо полюблю". Тогда он обратился к другой: "И в чем причина твоего горя?" "Они убили и моего любимого мужа", - ответила она. "А кто их убил?" "Какие-то великаны, - отвечала она, - убили моего лучшего возлюбленного, а другой рыцарь отправился за ними в погоню и вернулся в таком виде, в каком ты его видишь". Граф приказал похоронить умершего рыцаря, но решил, что в Герайнте еще осталась жизнь, и, чтобы проверить, будет ли он еще жить, велел нести его в углублении своего щита и на телеге. И обе девицы отправились ко двору; когда они пришли туда, Герайнта положили на маленькую кушетку перед столом, который стоял в зале. Затем все они сняли свои дорожные одежды, и граф попросил Энид сделать то же самое и одеться в другие одежды. "Не буду, клянусь небесами", - ответила она. "Ах, леди, - сказал он, - не стоит так печалиться по этому поводу". "Трудно было убедить меня в обратном", - сказала она. "Я поступлю с вами так, что вам не придется печалиться, жив ли этот рыцарь или умер. Вот, вместе с собой я дарю тебе доброе графство; будь же счастлив и радостен". "Клянусь Небом, - сказала она, - что отныне я никогда не буду радоваться, пока жива". "Подойди, - сказал он, - и поешь". "Нет, клянусь Небесами, не буду". "Но, клянусь Небом, ты будешь", - сказал он. Тогда он против ее воли взял ее с собой к столу и много раз требовал, чтобы она ела. "Призываю Небо в свидетели, - сказала она, - что я не буду есть, пока человек, который лежит на этом корыте, не станет есть так же". "Ты не сможешь этого сделать, - сказал граф, - этот человек уже мертв". "Я докажу, что могу", - сказала она. Тогда он предложил ей кубок с ликером. "Выпей этот кубок, - сказал он, - и он заставит тебя передумать". "Зло мне, - ответила она, - если я выпью что-нибудь, пока не выпьет и он". "Воистину, - сказал граф, - для меня нет большей пользы быть с тобой ласковым, чем неласковым". И он дал ей коробочкой по уху. После этого она издала громкий и пронзительный вопль, и ее причитания были гораздо сильнее, чем прежде, ибо она подумала, что, если бы Герайнт был жив, он не смог бы ее так ударить. Но вот, при звуках ее крика Герайнт ожил и сел на козлы, и, найдя свой меч в углублении щита, бросился к тому месту, где находился граф, и нанес ему свирепый, ядовитый и суровый удар по макушке головы, так что разрубил его на две части, пока меч его не остался лежать на столе. Тогда все покинули совет и разбежались. И не столько из-за страха перед живыми, сколько из-за ужаса, который они испытывали при виде мертвеца, восставшего, чтобы убить их. А Герайнт, взглянув на Энид, опечалился по двум причинам: во-первых, он увидел, что Энид потеряла свой цвет и привычный облик, а во-вторых, понял, что она права. "Леди, - сказал он, - знаете ли вы, где наши лошади?" "Я знаю, лорд, где ваша лошадь, - ответила она, - но не знаю, где другая. Твой конь в доме вон там". И он пошел в дом, и вывел своего коня, и сел на него, и взял Энид, и посадил ее на коня вместе с собой. И поехал он вперед. Дорога их лежала между двумя изгородями, и ночь сменялась днем. И вот они увидели позади себя древка копий между ними и небом, и услышали топот коней и шум приближающегося войска. "Я слышу, что за нами что-то идет, - сказал он, - и я поставлю тебя по ту сторону изгороди". Так он и сделал. И вот рыцарь выехал навстречу ему и вонзил свое

копье. Увидев это, Энид воскликнула: "О вождь, кто бы ты ни был, какую славу ты приобретешь, зарубив мертвеца?" "О небо!" - сказал он, - "это Герайнт?" "Да, по правде говоря, - ответила она, - а кто ты?" "Я Гвифферт Петит, - сказал он, - союзник твоего мужа, иду к тебе на помощь, ибо слышал, что ты в беде. Пойдем со мной ко двору зятя моей сестры, который находится неподалеку отсюда, и ты получишь лучшую медицинскую помощь во всем королевстве". "Я сделаю это с радостью", - ответил Герайнт. И Энид посадили на коня одного из оруженосцев Гвифферта, и они отправились во дворец барона. Там их приняли с радостью, встретили гостеприимство и внимание. На следующее утро они отправились на поиски лекарей, и вскоре те пришли и лечили Герайнта, пока он не поправился. А пока Герайнт лечился, Гвифферт починил его доспехи, и они стали как никогда хороши. И оставались они там месяц и две недели. Затем они расстались, и Герайнт отправился в свои владения, и с тех пор он царствовал процветая, а его воинская слава и величие продолжали пользоваться славой и почетом, как для него, так и для Энид, с тех самых пор.

[Сноска: Во всей широкой и разнообразной области романтики трудно было бы найти характер более простой и правдивый, чем характер Энид, дочери графа Йниула. Отличаясь красотой и благородством, мы не можем понять, чем больше восхищаться - терпением, с которым она переносила все тяготы, выпавшие на ее долю, или постоянством и привязанностью, которые в конце концов привели ее к истинному благу, которого она так заслуживала.

Характер Энид замечательно выдержан на протяжении всей повести; и поскольку он более естественен, так как менее напряжен, то, возможно, даже более трогателен, чем характер Гризельды, на которую, однако, Чосер наложил очарование, заставляющее нас забыть о неправдоподобности ее истории].

ГЛАВА VIII

ПВИЛЛ, ПРИНЦ ДАЙВЕДА

Однажды Пвилл находился в Нарберте, своем главном дворце, где для него был приготовлен пир, и с ним было большое количество людей. И после первой трапезы Пвилл встал, чтобы пройтись; и пошел он на вершину кургана, который возвышался над дворцом и назывался Горседд Арберт. "Господин, - сказал один из придворных, - кургану свойственно, что тот, кто на него садится, не может уйти, не получив ни ран, ни ударов, ни чуда". "Я не боюсь получить ни ран, ни ударов, - сказал Пвилл, - а что касается чуда, то я бы с радостью его увидел. Поэтому я пойду и сяду на курган".

И он сел на курган. И пока он сидел там, они увидели, как по дороге, ведущей от кургана, едет дама на белом коне огромных размеров в одежде из сверкающего золота. "Люди мои, - сказал Пвилл, - есть ли среди вас кто-нибудь, кто знает эту даму?" "Нет, повелитель, - ответили они. "Пойдите один из вас и встретьте ее, чтобы мы могли узнать, кто она такая". И один из них встал, и когда он вышел на дорогу, чтобы встретить ее, она прошла мимо; а он последовал за ней так быстро, как только мог, так как был пешим, и чем больше была его скорость, тем дальше она была от него. И когда он увидел, что ему нет никакой пользы от того, что он идет за ней, он вернулся к Пвиллу и сказал ему: "Господи, никому в мире не стоит идти за ней пешком". "Воистину, - сказал Пвилл, - ступай во дворец, возьми самого быстрого коня, который тебе попадется, и отправляйся за ней".

И он сел на коня и поехал вперед. И приехал он на открытую, ровную равнину, и дал шпоры своему коню; и чем больше он подгонял своего коня, тем дальше она от него удалялась. И

вернулся он туда, где был Пвилл, и сказал: "Господи, никому не поможет преследование этой дамы. Я не знаю в этих краях коня быстрее этого, и мне не помогло преследовать ее". "По правде говоря, - сказал Пвилл, - здесь должна быть какая-то иллюзия; давайте отправимся во дворец". И они отправились во дворец и провели там весь день.

И на следующий день они развлекались, пока не пришло время идти к мясу. А когда с мясом было покончено, Пвилл сказал: "Где же те, кто вчера ходил на вершину кургана?" "Вот, повелитель, мы здесь", - ответили они. "Пойдемте, - сказал он, - на курган и сядем там. А ты, - обратился он к пажу, который ухаживал за его конем, - хорошенько оседлай моего коня и поспеши с ним в путь, а также захвати с собой мои шпоры". И юноша так и сделал. И они пошли и сели на курган; и не успели они пробыть там немного, как увидели, что по той же дороге, тем же путем и тем же шагом едет госпожа. "Молодой человек, - сказал Пвилл, - я вижу, что дама едет; дайте мне моего коня". И не успел он сесть на коня, как она проехала мимо него. А он повернул за ней и последовал за ней. Он пустил свою лошадь вскачь, игриво порывая, и думал, что скоро догонит ее. Но он не приблизился к ней ни на шаг. Тогда он пустил своего коня изо всех сил, но обнаружил, что это не помогает. Тогда сказал Пвилл: "О дева, ради того, кого ты любишь больше всего, останься со мной". "Я останусь с радостью", - ответила она; "и было бы лучше для твоего коня, если бы ты давно попросил его". Тогда дева остановилась и откинула ту часть головного убора, которая закрывала ее лицо. Тогда он подумал, что красота всех девиц и всех дам, которых он когда-либо видел, не идет ни в какое сравнение с ее красотой. "Госпожа, - сказал он, - не скажешь ли ты мне что-нибудь о своем предназначении?" "Я скажу тебе", - ответила она, - "моим главным желанием было увидеть тебя". "Воистину, - сказал Пвилл, - для меня это самый приятный поход, с которым ты могла бы приехать; и не скажешь ли ты мне, кто ты?" "Я скажу тебе, повелитель", - ответила она. "Я Рианнон, дочь Хейвида, и они пытались дать мне мужа против моей воли. Но не было у меня мужа, и все из-за моей любви к тебе; и не будет у меня его, если ты не отвергнешь меня; и сюда я пришла, чтобы услышать твой ответ". "Клянусь небесами, - сказал Пвилл, - вот мой ответ. Если бы я мог выбирать среди всех дам и девиц на свете, я выбрал бы тебя". "Воистину, - сказала она, - если ты так настроен, дай обещание встретиться со мной, пока я не буду отдана другому". "Чем скорее я это сделаю, тем приятнее мне будет", - ответил Пвилл; "И где ты пожелаешь, там я встречу с тобой". "Я хочу, чтобы ты встретился со мной в этот день двенадцатого месяца во дворце Хейвида". "С радостью", - сказал он, - "я выполню это обещание". И они расстались, и он вернулся к своим хозяевам и к своим домашним. И какие бы вопросы ни задавали ему о девице, он всегда переводил разговор на другие дела.

И когда прошел год с того времени, он велел сотне рыцарей снарядиться и отправиться с ним во дворец Хейвида. И пришел он во дворец, и была там великая радость по поводу него, и много народу, и великое ликование, и огромные приготовления к его приходу. И весь двор был отдан под его распоряжение.

И был украшен зал, и пошли они к мясу, и сидели они так: Хейвидд - по одну сторону от Пвила, а Рианнон - по другую, и все остальные - по рангу своему. И ели они, и пировали, и разговаривали друг с другом. И в начале пира после мяса вошел высокий пурпурно-волосый юноша, королевской наружности, одетый в атласное одеяние. И когда он вошел в зал, то приветствовал Пвила и его спутников. "Приветствую тебя Небесами", - сказал Пвилл; "Проходи и садись". "Нет, - сказал он, - я поклонник, и я выполню свое поручение". "Сделай это с готовностью", - сказал Пвилл. "Господи, - сказал он, - мое поручение - к тебе, и пришел я просить у тебя милости". "Какого бы блага ты ни попросил у меня, насколько я в силах, ты его получишь". "Ах! - сказала Рианнон, - почему ты дал такой ответ?" "Разве он не дал его в присутствии этих вельмож?" - спросил юноша. "Душа моя, - сказал Пвилл, - о какой милости

ты просишь?" "Дама, которую я люблю больше всего на свете, станет твоей невестой этой ночью; я пришел просить ее у тебя с пиром и банкетом, которые находятся в этом месте". И молчал Пвилл, ибо обещание свое дал. "Молчи, сколько хочешь, - сказала Рианнон, - никогда человек не пользовался своим умом хуже, чем ты". "Леди, - сказал он, - я не знал, кто он такой". "Вот человек, которому они отдали бы меня против моей воли, - сказала она, - и он Гаул, сын Клуда, человек великой силы и богатства, и из-за слова, которое ты произнесла, отдай меня ему, чтобы тебя не постиг позор". "Госпожа, - сказал он, - я не понимаю твоего ответа; я никогда не смогу сделать то, что ты говоришь". "Отдай меня ему, - сказала она, - и я сделаю так, что никогда не буду его". "Каким образом?" - спросил Пвилл. Тогда она рассказала ему о том, что пришло ей в голову. И они долго разговаривали вместе. Потом Гаул сказал: "Господи, пора мне получить ответ на мою просьбу". "Столько, сколько ты просишь, сколько я в силах дать, ты получишь", - ответил Пвилл. "Душа моя, - обратилась Рианнон к Гаулу, - что касается пира и угощения, которые здесь есть, то я одарила ими мужчин Дайведа, домочадцев и воинов, которые с нами. Я не могу допустить, чтобы они достались кому-либо. Через год после этой ночи в этом дворце для тебя будет приготовлен пир, и я стану твоей невестой".

И Гаул отправился в свои владения, а Пвилл тоже вернулся в Дивед. И оба они провели тот год, пока не настало время пира во дворце Хевейдда. Тогда Гаул, сын Хлуда, отправился на пир, который был для него приготовлен; он пришел во дворец и был принят там с ликованием. А Пвилл, вождь Дайведа, пришел во фруктовый сад со ста рыцарями, как велела ему Рианнон. И был Пвилл одет в грубую и потрепанную одежду, а на ногах у него были большие и неуклюжие старые башмаки. И когда он узнал, что карусель после мяса началась, он направился в зал; и когда он вошел в зал, он приветствовал Гаула, сына Клуда, и его компанию, мужчин и женщин. "Да благословит тебя небо, - сказал Гаул, - и да будет тебе дружеское приветствие!" "Господи, - сказал он, - да воздаст тебе Небо! У меня к тебе поручение". "Добро пожаловать, и если ты попросишь у меня то, что положено, ты получишь это с радостью". "Это подобает", - отвечал он; "я прошу лишь по нужде, и благодеяние мое состоит в том, чтобы этот небольшой мешок, который ты видишь, был наполнен мясом". "Просьба в пределах разумного, - сказал он, - и ты с радостью ее получишь. Принесите ему еды". Поднялось множество слуг и стали наполнять мешок; но сколько они ни клали в него, он не становился полнее, чем вначале. "Душа моя, - сказал Гаул, - будет ли твой мешок когда-нибудь полон?" "Не будет, клянусь Небесами, - сказал он, - сколько бы в него ни положили, если только кто-нибудь, обладающий землями, и владениями, и сокровищами, не встанет и не растопчет обеими ногами еду, что лежит в мешке, и не скажет: "Достаточно положили"". Тогда Рианнон сказала Гаулу, сыну Клуда: "Вставай скорее". "Я охотно встану", - сказал он. И он поднялся и положил две свои ноги в мешок. И Пвилл задрал бока мешка, так что Гаул оказался в нем выше головы. Он быстро закрыл его, завязал узел на тесемках и дунул в свой рог. И тогда, вот, его рыцари спустились во дворец. Они схватили всех воинов, пришедших с Гаулом, и бросили их в его собственную тюрьму. А Пвилл сбросил с себя лохмотья, старую обувь и изорванную одежду. И когда они вошли, каждый из рыцарей Пвила ударил по мешку и спросил: "Что здесь?" "Барсук", - отвечали они. И так они играли, каждый из них бил по мешку либо ногой, либо посохом. И так они играли с мешком. И тогда впервые была сыграна игра "Барсук в мешке".

"Господи, - сказал человек в мешке, - если бы ты только услышал меня, я заслуживаю того, чтобы меня не убили в мешке". Сказал Хейвидд: "Господи, он говорит правду; было бы хорошо, если бы ты его выслушал, ибо он этого не заслуживает". "Истинно, - сказал Пвилл, - я исполню твой совет относительно него". "Вот мой совет", - сказала Рианнон. "Ты сейчас в таком положении, что тебе подобает удовлетворять женихов и менестрелей. Пусть он

отдастся им вместо тебя, и возьми с него обещание, что он никогда не будет мстить за то, что с ним сделали. И это будет достаточным наказанием". "Я сделаю это с радостью", - сказал человек в мешке. "И я с радостью приму его, - сказал Пвилл, - поскольку это совет Хевейдда и Рианнон. Ищите себе поручителей". "Мы будем за него, - сказал Хевейдд, - пока его люди не будут свободны и не ответят за него". И тогда его выпустили из мешка, а его сеньоров освободили. "Истинно, господин, - сказал Гаул, - я сильно ранен, и у меня много синяков. С твоего позволения я отправлюсь в путь. Вместо себя я оставлю вельмож, которые будут отвечать за меня во всем, что ты потребуешь". "Охотно, - сказал Пвилл, - пусть так и будет". И Гаул отправился в свои владения.

А в зале был наведен порядок для Пвила и людей его, и для них тоже из дворца, и они прошли к столам и сели. И как сидели они в тот раз двенадцать месяцев, так сидели и в эту ночь. И ели они, и пировали, и провели ночь в веселье и спокойствии. И пришло время, когда им пора было спать, и Пвилл с Рианнон отправились в свои покои.

А на следующее утро с рассветом: "Господин мой, - сказала Рианнон, - вставай и начинай раздавать менестрелям свои дары. Не отказывай никому, кто потребует твоей щедрости". "Так будет с радостью", - сказал Пвилл, - "и сегодня, и каждый день, пока длится праздник". Тогда Пвилл встал, объявил тишину и велел всем женихам и менестрелям показать и указать, каких даров они желают. И, сделав это, пир продолжался, и он никому не отказывал, пока он длился. А когда пир закончился, Пвилл сказал Хейвидду: "Господин мой, с твоего позволения я завтра отправлюсь в Дивед". "Конечно, - сказал Хейвидд, - да благословит тебя Небо! Назначь также время, когда Рианнон последует за тобой". "Клянусь Небесами, - сказал Пвилл, - мы отправимся в путь вместе". "Так ли это, повелитель?" - спросил Хейвидд. "Да, повелитель", - ответил Пвилл.

И на следующий день они отправились в путь по направлению к Диведу и добрались до дворца Нарберта, где для них был приготовлен пир. И пришло к ним множество главных мужчин и знатнейших дам страны, и не было среди них ни одного, кому бы Рианнон не преподнесла какой-нибудь богатый подарок - браслет, или кольцо, или драгоценный камень. И правили они страной процветающе в тот год и в следующий.

ГЛАВА IX

БРАНВЕН, ДОЧЬ ЛЛИРА

Бендигейд Вран, сын Ллира, был коронованным королем этого острова, и он был возвышен над короной Лондона. И однажды днем он был в Харлехе, в Ардудви, при своем дворе; и сидел он на скале Харлеха, глядя на море. И были с ним брат его, Манавиддан, сын Ллира, и братья его по материнской линии, Ниссьен и Эвнисьен, и много вельмож, как подобает видеть вокруг короля. Два его брата со стороны матери были сыновьями Евросвида, и один из этих юношей был добрым юношей и мягким по характеру, он мирил своих сородичей и заставлял их дружить, когда их гнев был максимальным, и это был Ниссьен; другой же вызывал раздор между двумя своими братьями, когда они были в самом мире. И когда они сидели так, то увидели тринадцать кораблей, идущих с юга Ирландии и направляющихся к ним; они шли быстрым шагом, ветер был позади них, и они быстро приближались к ним. "Я вижу вдали корабли, - сказал король, - быстро приближающиеся к земле. Прикажете придворным снарядиться и пойти узнать их намерения". И люди снарядились и спустились к ним. И когда они увидели корабли вблизи, то были уверены, что никогда не видели кораблей

лучше. На них были красивые флаги из атласа. И вот, один из кораблей обогнал остальные, и они увидели щит, поднятый над бортом корабля, и острие щита было направлено вверх, в знак мира. И приблизились люди, чтобы поговорить. Затем они спустили лодки и подошли к берегу. И приветствовали царя. Царь мог слышать их с того места, где он находился на скале над их головами. "Да благословит вас небо, - сказал он, - и да приветствует вас! Кому принадлежат эти корабли, и кто среди вас главный?" "Господин, - сказали они, - Матолх, король Ирландии, здесь, и эти корабли принадлежат ему". "Зачем он пришел?" - спросил король, - "и придет ли он в наши края?" "Он - твой поклонник, повелитель, - сказали они, - и он не высадится на берег, если не получит своего благодеяния". "И что же это может быть?" - спросил царь. "Он желает вступить с тобой в союз, повелитель, - сказали они, - и пришел просить Бранвен, дочь Ллира, чтобы, если тебе будет угодно, Остров Могучих [Сноска: Остров Могучих - одно из многих названий, которыми валлийцы наделили Британию] был заключен с Ирландией, и обе они стали более могущественными". "Истинно так", - сказал он, - "пусть он сойдет на берег, и мы посоветуемся с ним". И этот ответ был принесен Матолху. "Я пойду охотно", - сказал он. И он высадился, и приняли его с радостью; и велика была толчея во дворце в ту ночь между его хозяевами и придворными; а на следующий день собрались они на совет и решили отдать Матолху Бранвен. Она была одной из трех главных дам этого острова и самой прекрасной девицей в мире.

И выбрали они Аберффрау местом, где она должна стать его невестой. И отправились они туда, и к Аберффрау шли, Матолх со своим отрядом на кораблях, Бендигейд Вран со своим отрядом по суше, пока не пришли к Аберффрау. И в Аберффрау они начали пир и сели за стол. И сидели они так: король Острова Могучих и Манавиддан, сын Ллира, по одну сторону, и Матолх по другую сторону, и Бранвен, дочь Ллира, рядом с ним. И были они не в доме, а под шатрами. Ни один дом не мог вместить Бендигейда Врана. И начали они пир, и веселились, и беседовали. И когда им стало приятнее спать, чем веселиться, они легли отдохнуть, а Бранвен стала невестой Матолха.

А на следующий день они встали, и все придворные, и офицеры, и начали снаряжать и распрягать коней и слуг, и расставляли их по порядку вплоть до моря.

И вот, однажды Эвниссиен, ссорящийся человек, о котором говорилось выше, случайно пришел туда, где находились кони Матолха, и спросил, чьи это кони. "Это кони Матолха, короля Ирландии, который женат на Бранвен, сестре твоей; это его кони". "Так неужели они поступили с такой девой, как она, да еще и моей сестрой, подарив ее без моего согласия? Большого оскорбления, чем это, они не могли мне нанести", - сказал он. И тогда он бросился под лошадей и отрезал им губы у зубов, уши - у голов, а хвосты - у спин; он изуродовал лошадей и сделал их бесполезными.

И пришли они с этими вестями к Матолху, говоря, что кони изуродованы и изранены так, что ни один из них не может больше быть полезным. "Поистине, повелитель, - сказал один из них, - это было оскорблением для тебя, и так оно и было задумано". "По правде говоря, я дивлюсь, что, желая оскорбить меня, они отдали мне девицу столь высокого звания и столь любимую своими сородичами, как они это сделали". "Господин, - сказал другой, - ты видишь, что так оно и есть, и тебе ничего не остается, как отправиться на свои корабли". И тогда он отправился к своим кораблям.

А к Бендигейду Врану пришла весть, что Матолх покидает двор, не спросив разрешения, и были посланы гонцы узнать у него, почему он так поступает. А среди посланцев были Иддик, сын Анарауда, и Хевейд Хир. Они догнали его и спросили, что он намерен делать и зачем отправился в путь. "По правде говоря, - сказал он, - если бы я знал, то не пришел бы сюда.

Меня совершенно оскорбили; ни с кем никогда не обращались хуже, чем со мной здесь". "Воистину, господин, не по воле придворных, - сказали они, - и не по воле совета, чтобы ты получил это оскорбление; а поскольку ты оскорблен, то бесчестье больше для Бендигейда Врана, чем для тебя". "Истинно, - сказал он, - я так думаю. Тем не менее, он не может вспомнить об оскорблении". Эти люди вернулись с таким ответом туда, где находился Бендигейд Вран, и рассказали ему, какой ответ дал им Матолх. "Воистину, - сказал он, - нет таких средств, которыми мы могли бы предотвратить его отход во вражде с нами, которые мы не предприняли бы". "Хорошо, повелитель, - сказали они, - отправь за ним еще одно посольство". "Я так и сделаю", - сказал он. "Встаньте, Манавыддан, сын Ллира, и Хевейд Хир, и отправляйтесь за ним, и скажите ему, что за каждого обиженного он должен получить по здоровому коню. И кроме того, в искупление оскорбления он должен получить серебряный посох величиной и ростом с него самого и золотую пластину в ширину его лица. И покажи ему, кто это сделал, и что это было сделано против моей воли, но что тот, кто это сделал, мой брат, и поэтому мне трудно будет предать его смерти. "Пусть он придет и встретится со мной, - сказал он, - и мы заключим мир, как он того пожелает".

Посольство отправилось к Матолху и дружелюбно пересказало ему все эти слова, и он выслушал их. "Мужи, - сказал он, - я приму совет". И пошел он на совет. И на совете они решили, что если откажутся от этого, то скорее будут опозорены, чем получают столь великое искупление. Поэтому они решили принять его и с миром вернулись ко двору.

Затем павильоны и шатры были приведены в порядок, как в зале; и они пошли к мясу, и как сидели в начале пира, так сидели и здесь. И начали Матолх и Бендигейд Вран беседовать; и вот, Бендигейду Врану показалось, пока они беседовали, что Матолх не так весел, как прежде. И он подумал, что вождь, возможно, печалится из-за малости искупления, которое у него есть за причиненное ему зло. "О человек, - сказал Бендигейд Вран, - сегодня вечером ты говоришь не так весело, как обычно. И если это из-за малости искупления, то добавь к нему все, что пожелаешь, а завтра я заплачу тебе за лошадей". "Господи, - сказал он, - да воздаст тебе Небо!" "А я усилю искупление, - сказал Бендигейд Вран, - ибо дам тебе котел, свойство которого таково: если кого-нибудь из твоих людей убьют сегодня и бросят в него, то назавтра он будет так же хорош, как и в лучшие времена, разве что не обретет речи". И тогда он воздал ему великую благодарность и очень обрадовался этому.

В ту ночь они продолжали беседовать, сколько хотели, играли в менестрели и резвились, а когда им стало приятнее спать, чем сидеть дольше, они легли отдыхать. И так весело продолжался пир; а когда он закончился, Матолх отправился в Ирландию, и Бранвен с ним; и они вышли из Абер-Менея на тринадцати кораблях и прибыли в Ирландию. И в Ирландии была великая радость из-за их прихода. И не посетил Бранвен ни один великий человек, ни одна знатная дама, которым она не дала бы ни застежки, ни кольца, ни королевской драгоценности на хранение, такой, с которой было бы почетно уезжать. И в этих делах она провела тот год в большой славе, и приятно провела время, наслаждаясь почетом и дружбой. И в положенное время родился у нее сын, и дали ему имя Гверн, сын Матолха, и отдали мальчика на воспитание в место, где жили лучшие люди Ирландии.

И вот, на второй год в Ирландии начались волнения из-за оскорбления, которое Матолх получил в Уэльсе, и из-за платы, которую он получил за своих коней. И его приемные братья, и те, кто был к нему ближе всего, открыто обвиняли его в этом. И он не мог успокоиться из-за беспорядков, пока они не отомстят ему за этот позор. И отомстили они так: изгнали Бранвен из одной палаты с ним и заставили ее готовить еду для двора, а мясника, когда он разделявал мясо, заставляли приходить к ней и каждый день бить ее по уху; так они ее и наказали.

"Истинно, господин, - сказали его люди Матолху, - запрети теперь кораблям и паромщикам, и корабельщикам, чтобы они не заходили в Уэльс, а тех, кто придет из Уэльса сюда, заключи в тюрьму, чтобы они не возвращались обратно, чтобы это стало известно там". И он так и сделал; и так продолжалось не менее трех лет.

И Бранвен вырастила скворца в крышке корыта, и научила его говорить, и рассказала птице, каким человеком был ее брат. И написала она письмо о своих бедах и о том, как жестоко с ней обращались, и привязала письмо к корню крыла птицы, и отправила ее в Уэльс. И птица прилетела на тот остров; и однажды она нашла Бендигейда Врана в Каэр Сейонт в Арвоне, который совещался там, и села ему на плечо, и взъерошила перья, так что письмо было видно, и они поняли, что птица была выращена в домашних условиях.

Тогда Бендигейд Вран взял письмо и просмотрел его. И когда он прочитал письмо, то сильно опечалился, узнав о бедах Бранвен. И тотчас же он стал посылать гонцов, чтобы созвать всех на остров. И привели к нему семь десятков и четыре человека из его главных людей, и он пожаловался им на горе, которое терпит его сестра. И они посоветовались. И на совете они решили отправиться в Ирландию, а дома оставить семь человек князьями, и главным из них был Карадок, [Сноска: Карактак] сын Брана.

Бендигейд Вран с отрядом, о котором мы говорили, отплыл в Ирландию; и вот, переплыв море, он оказался на мелководье. На берегу моря были свинопасы из Матолха, и пришли они к Матолху. "Господи, - сказали они, - приветствую тебя!" "Да хранит вас небо!" - ответил он; "Есть ли у вас какие-нибудь новости?" "Господи, - сказали они, - у нас чудесные вести. На берегу моря мы увидели лес, в таком месте, где мы никогда не видели ни одного дерева". "Воистину, это диво, - сказал он; - видели ли вы что-нибудь еще?" "Мы видели, господин, - сказали они, - огромную гору рядом с лесом, которая двигалась, и на вершине горы был возвышенный хребет, а по обе стороны хребта - озеро. И лес, и гора, и все это двигалось". "Воистину, - сказал он, - нет никого, кто мог бы знать что-либо об этом, кроме Бранвена".

Тогда к Бранвену отправились посланцы. "Госпожа, - сказали они, - что это, по-твоему, такое?" "Люди с Острова Могучих, которые пришли сюда, услышав о моем жестоком обращении и о моих бедах". "Что это за лес, который виден на море?" - спросили они. "Верфи и мачты кораблей", - ответила она. "Увы!" - сказали они; "Что за гора виднеется у борта кораблей?" "Бендигейд Вран, брат мой, - отвечала она, - подошел к мелководью, и он пробирается к суше". "Что это за возвышенный хребет, по обе стороны которого озеро?" "Когда он смотрит на этот остров, он злится, и два его глаза по обе стороны носа - это два озера по обе стороны хребта".

Поспешно собрались воины и главные люди Ирландии и стали советоваться. "Владыка, - сказали соседи Матолху, - нет другого совета, кроме этого. Ты должен отдать королевство Гверну, сыну Бранвен, его сестры, в качестве компенсации за зло и обиду, причиненные Бранвен. И он заключит с тобой мир". И на совете было решено отправить это послание Бендигейду Врану, чтобы не разрушить страну. И этот мир был заключен. И Матолх приказал построить большой дом для Бендигейда Врана и его войска. После этого хозяева вошли в дом. Люди с острова Ирландии вошли в дом с одной стороны, а люди с острова Могучих - с другой. И как только они сели, между ними воцарилось согласие, и власть была передана мальчику. Когда мир был заключен, Бендигейд Вран призвал к себе мальчика, и из Бендигейда Врана мальчик отправился в Манавыддан; и был он любим всеми, кто его видел. А из Манавыддана мальчика позвал Ниссен, сын Евросвида, и мальчик пошел к нему с любовью. "Почему, - сказал Эвнисиен, - не приходит ко мне мой племянник, сын моей сестры? Пусть он не король Ирландии, но я охотно ласкал бы мальчика". "С радостью отпусти

его к тебе", - сказал Бендигейд Вран; и мальчик с радостью пошел к нему. "Клянусь Небом, - сказал Эвнисиен в сердце своем, - немыслимо убийство, которое я совершу в этот миг".

Затем он встал, поднял мальчика и, прежде чем кто-либо в доме успел схватить его, бросил его головой вперед в пылающий огонь. И когда Бранвен увидела, что ее сын горит в огне, она попыталась тоже прыгнуть в огонь с того места, где сидела между двумя своими братьями. Но Бендигейд Вран схватил ее одной рукой, а другой - свой щит. Тогда все они поспешили по дому, и никогда ни в одном доме не было такого большого шума, как у них, когда каждый из них вооружался. И пока все они искали свое оружие, Бендигейд Вран поддерживал Бранвен между своим щитом и плечом. И они сражались.

Тогда ирландцы разожгли огонь под котлом обновления и бросили в него мертвые тела, пока он не наполнился; и на следующий день они вышли оттуда сражающимися людьми, такими же хорошими, как и прежде, за исключением того, что они не могли говорить. И когда Эвнисиен увидел, что мертвые тела людей с Острова Могучего нигде не оживают, он сказал в сердце своем: "Увы, горе мне, что я стал причиной того, что люди с Острова Могучего попали в столь тяжелое положение. Зло мне, если не найду я от него избавления". И он бросился среди мертвых тел ирландцев; к нему подошли два немолодых ирландца и, приняв его за одного из ирландцев, бросили его в котел. И он растянулся в котле так, что разорвал его на четыре части, а также разорвал свое собственное сердце.

Вследствие этого люди с Острова Могучих добились такого успеха, какой имели; но они не были победителями, ибо из всех них спаслись только семь человек, а сам Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком. Среди тех, кто спасся, были Придери, Манавиддан, Талиесин и еще четверо.

И повелел им Бендигейд Вран отрубить ему голову. "И возьмите вы мою голову, - сказал он, - и отнесите ее на Белую гору в Лондоне, и похороните ее там лицом к Франции. И пока она будет лежать там, ни один враг не сможет высадиться на остров". И они отрубили ему голову, и эти семеро пошли с ним вперед. А Бранвен был с ними восьмым. И высадились они на Абер-Алау, и сели отдохнуть. И Бранвен посмотрела в сторону Ирландии и острова Могучих, чтобы понять, сможет ли она их увидеть. "Увы!" - сказала она, - "горе мне, что я вообще родилась; два острова были уничтожены из-за меня". Тогда она издала стон, и сердце ее разбилось. И сделали ей четырехугольную могилу, и похоронили ее на берегу Алау.

И пошли семь человек вперед, неся с собою голову; и когда они шли, вот, навстречу им множество мужчин и женщин. "Есть ли у вас какие-нибудь вести?" - спросил Манавиддан. "Никаких, - ответили они, - кроме того, что Касваллаун, [Сноска: Кассивеллаунус] сын Бели, завоевал Остров Могучих и коронуется королем в Лондоне". "Что же стало, - спросили они, - с Карадоком, сыном Брана, и семью людьми, которые остались с ним на этом острове?" "Касваллаун настиг их и убил шестерых, и сердце Карадока разорвалось от горя". И отправились семеро в Лондон, а голову похоронили на Белой горе, как велел им Бендигейд Вран". [Сноска: Существует триада на историю о голове, похороненной под Белой башней Лондона в качестве талисмана от вторжения. Артур, судя по всему, гордо откопал голову, предпочитая удерживать остров только своими силами].

ГЛАВА X

МАНАВИДАН

У Пвила и Рианнон родился сын, которого они называли Прайдери. И когда он вырос, Пвилл, его отец, умер. И женился Придери на Кикве, дочери Гвинна Глоя.

И вот вернулся Манавиддан с войны в Ирландию и увидел, что двоюродный брат его захватил все его имущество, и много горя и тяжести навалилось на него. "Увы, горе мне!" - воскликнул он; "нет никого, кроме меня, без дома и пристанища". "Господи, - сказал Придери, - не печалься так. Твой двоюродный брат - король Острова Могучих, и хотя он причинил тебе зло, ты никогда не претендовал на землю или владения". "Да, - отвечал он, - но хотя этот человек и мой двоюродный брат, мне горько видеть кого-либо на месте моего брата, Бендигейда Врана; я не могу быть счастлив в одном жилище с ним". "Хочешь ли ты последовать совету другого?" - сказал Придери. "Я нуждаюсь в совете, - ответил он, - и каким же может быть этот совет?" "Семь кантрев принадлежат мне, - сказал Придери, - в них живет Рианнон, моя мать. Я подарю ее тебе, а вместе с ней и семь кантров; и если бы у тебя не было ничего, кроме этих кантров, ты не смог бы иметь ничего прекраснее их. Наслаждайся ими вместе с Рианнон, и если ты захочешь иметь какое-нибудь имущество, то не презришь и это". "Нет, вождь, - сказал он. "Небеса воздадут тебе за дружбу! Я пойду с тобой искать Рианнон и посмотрю на твои владения". "Ты хорошо справишься, - ответил он, - и я верю, что ты никогда не слышал, чтобы леди говорила лучше, чем она, а когда она была в расцвете сил, ни одна не была прекраснее. Да и сейчас ее облик не лишен привлекательности".

Они отправились в путь, и, как бы ни был долог путь, пришли наконец в Дивед; Рианнон и Киква приготовили для них пир. Тогда Манавиддан и Рианнон стали сидеть и разговаривать вместе, и его ум и мысли потеплели к ней, и он подумал в своем сердце, что никогда не видел дамы, более исполненной изящества и красоты, чем она. "Прайдери, - сказал он, - я хочу, чтобы все было так, как ты сказала". "Что ты сказал?" - спросила Рианнон. "Леди, - сказал Прайдери, - я предложил тебя в жены Манавиддану, сыну Ллира". "Я с радостью приму это предложение", - сказала Рианнон. "Я тоже рад, - сказал Манавиддан, - да воздаст Небо тому, кто проявил ко мне столь совершенную дружбу, как эта!"

И не успел пир закончиться, как она стала его невестой. Сказал Придери: "Побудьте здесь до конца пира, а я отправлюсь в Англию, чтобы засвидетельствовать свое почтение Касваллауну, сыну Бели". "Владыка, - сказала Рианнон, - Касваллоун в Кенте; поэтому вы можете остаться на пиру и подождать, пока он не приблизится". "Мы подождем", - ответил он. Так они закончили пир. И стали они объезжать Дайвед, и охотиться, и развлекаться. И когда они шли по стране, то никогда не видели земли более приятной для жизни, и лучших охотничьих угодий, и большего изобилия меда и рыбы. И такая была дружба между этими четверьмя, что они не разлучались друг с другом ни ночью, ни днем.

И посреди всего этого он отправился в Касваллоун в Оксфорде и выразил свое почтение; там его приняли с честью, и его высоко оценили за то, что он выразил свое почтение.

А после его возвращения Придери и Манавиддан пировали и веселились. И начали они пир в Нарберте, ибо это был главный дворец. И когда они закончили первую трапезу, а прислуживавшие им ели, они встали и вышли вперед, и направились к Горседду, то есть к Нарбертской горе, и с ними их свита. И когда они сидели, раздался гром, а вместе с грозой - туман, да такой густой, что ни один из них не мог разглядеть другого. А после тумана вокруг стало светло. И когда они посмотрели в ту сторону, где обычно видели скот и стада и жилища, то не увидели ничего: ни дома, ни зверя, ни дыма, ни огня, ни человека, ни жилища,

только здания двора пустые, пустынные и необитаемые, ни человека, ни зверя в них. И действительно, все их спутники были потеряны для них, и они ничего не знали о том, что с ними случилось, кроме только этих четырех.

"Во имя Неба, - сказал Манавыддан, - где они, придворные, и все мои приближенные? Пойдемте и посмотрим".

И пришли они в замок, и не увидели ни одного человека, и в зал, и в спальную комнату, и там никого не было; и в медоварне, и на кухне царило запустение. Тогда они стали обходить землю и все имущество, которое у них было; и осматривали дома и жилища, и не нашли ничего, кроме диких зверей. И когда они съели свой пир и всю свою провизию, то питались добычей, которую убили на охоте, и медом диких лебедей.

И вот однажды утром Прайдери и Манавыддан поднялись на охоту, натравили своих собак и отправились в путь. И некоторые из собак побежали перед ними и подошли к кусту, который был неподалеку; но как только они подошли к кусту, они поспешно отступили и вернулись к мужчинам, их шерсть сильно вздымалась. "Давайте подойдем к кусту, - сказал Придери, - и посмотрим, что в нем". И когда они приблизились, из куста поднялся кабан чистого белого цвета. Тогда собаки, натравленные людьми, бросились на него; но он вышел из куста, отступил на некоторое расстояние от людей и стоял против собак, не отступая от них, пока не подошли люди. Когда же мужчины подошли, он отступил во второй раз и обратился в бегство. Тогда они преследовали кабана, пока не увидели огромный и возвышенный замок, совсем недавно построенный, в таком месте, где они никогда прежде не видели ни камня, ни здания. И кабан стремительно побежал в замок, а собаки за ним. Когда кабан и собаки вошли в замок, люди стали удивляться, что они нашли замок в таком месте, где они никогда не видели никаких построек. И с вершины Горседда они искали и слушали собак. Но пока они находились там, они не слышали ни собак, ни чего-либо, связанного с ними.

"Господи, - сказал Придери, - я пойду в замок, чтобы узнать о собаках". "Воистину, - ответил он, - ты поступил бы неразумно, если бы пошел в этот замок, которого ты до сих пор никогда не видел. Если бы ты последовал моему совету, ты бы не вошел в него. Тот, кто наложил заклятие на эту землю, сделал так, что этот замок оказался здесь". "По правде говоря, - отвечал Придери, - я не могу так просто отказаться от своих собак". И, несмотря на все советы, которые дал ему Манавиддан, он все же отправился в замок.

Когда он вошел в замок, то не увидел в нем ни человека, ни зверя, ни кабана, ни собаки, ни дома, ни жилища. Но в центре пола замка он увидел фонтан, вокруг которого была мраморная отделка, а на краю фонтана - золотую чашу на мраморной плите, и цепи, свисающие с воздуха, которым он не видел конца.

И очень обрадовался он красоте золота и богатой работе чаши; и подошел к чаше, и взял ее в руки. И когда он ухватился за нее, руки его прилипли к чаше, а ноги - к плите, на которой стояла чаша; и вся радость его покинула его, так что он не мог произнести ни слова. Так он и стоял.

И ждал его Манавыддан до конца дня. А поздно вечером, убедившись, что от Придери и собак нет никаких вестей, он вернулся во дворец. И когда он вошел, Рианнон посмотрела на него. "Где, - сказала она, - твой спутник и твои собаки?" "Вот, - ответил он, - приключение, которое со мной приключилось". И он рассказал ей обо всем. "Злым спутником ты был, - сказала Рианнон, - и доброго спутника ты потерял". И с этими словами она вышла и направилась к замку, следуя указанным им путем. Ворота замка оказались открытыми. Ничуть не испугавшись, она вошла внутрь. И когда она вошла, то увидела, что Придери

держит чашу, и направилась к нему. "О господин мой, - сказала она, - что ты здесь делаешь?" И она взялась за чашу вместе с ним; и когда она это сделала, ее руки тоже приковались к чаше, а ноги - к плите, и она не могла произнести ни слова. И вот, когда наступила ночь, раздался гром, и на них опустился туман, и тогда замок исчез, и они вместе с ним.

Когда Киква, дочь Гвинн Глоя, увидела, что во дворце нет никого, кроме нее самой и Манавиддана, она опечалилась так, что ей было все равно, жить ей или умереть. И Манавиддан увидел это. "Ты не права, - сказал он, - если из-за страха передо мной ты так горюешь. Я призываю Небо в свидетели, что ты никогда не видела дружбы более чистой, чем та, которую я буду нести тебе до тех пор, пока Небу будет угодно, чтобы ты была такой. Я заявляю тебе, что, будь я в рассвете юности, я бы сохранил свою веру в Придери, и тебе я ее сохраняю. Поэтому не испытывай страха". "Да воздаст тебе Небо!" - сказала она; "так я и думала о тебе". И тогда девица воспрянула духом и обрадовалась.

"Воистину, госпожа, - сказал Манавиддан, - нам не подобает оставаться здесь; мы потеряли наших собак и не можем добыть еды. Пойдемте в Англию; там нам легче всего найти поддержку". "С радостью, господин, - сказала она, - мы так и сделаем". И они вместе отправились в Англию.

"Лорд, - сказала она, - каким ремеслом ты будешь заниматься? Возьми себе то, что тебе по душе". "Ни за какое другое я не возьмусь, - ответил он, - кроме как за изготовление обуви". "Господи, - сказала она, - такое ремесло не подобает человеку столь благородного происхождения, как ты". "Тем не менее я останусь им", - сказал он. "Я ничего не знаю об этом", - сказал Киква. "Но я знаю, - ответил Манавиддан, - и научу тебя шить. Мы не будем пытаться выделывать кожу, но купим ее уже выделанную и сделаем из нее обувь".

Так они отправились в Англию и дошли до Херефорда; и занялись они изготовлением обуви. И начал он с того, что купил лучшую корду, которую можно было найти в городе, и никто другой не хотел покупать. Он связался с лучшим золотых дел мастером в городе и попросил его сделать застёжки для обуви и позолотить застёжки; и он отмечал, как это делается, пока не научился этому. Поэтому его называют одним из трех изготовителей золотых башмаков. И когда их можно было купить у него, ни один из кордельеров в городе не покупал ни башмака, ни шланга. Но когда кордельеры увидели, что их прибыль не удастся (ибо как Манавиддан формировал работу, так Киква ее сшивал), они собрались вместе, посовещались и договорились, что убьют их. И он был предупрежден об этом, и ему рассказали, как кордельеры договорились вместе убить его.

"Господи, - сказал Киква, - зачем же это терпеть от этих хамов?" "Нет, - сказал он, - мы вернемся в Дивед". И они отправились в Дивед.

Манавиддан, отправляясь в Дивед, взял с собой ношу пшеницы. Он направился в Нарберт и поселился там. И никогда он не был так доволен, как когда снова увидел Нарберт и те земли, где он охотился с Прайдери и Рианнон. И приучил он себя ловить рыбу и охотиться на оленей в их укрытиях. А потом он начал готовить землю, и засеял один участок, и второй, и третий. И никогда в мире не всходила пшеница лучше. И процвели три крофа, и выросли они прекрасно, и никто никогда не видел пшеницы прекраснее их.

Так проходили времена года, пока не наступила жатва. И пошел он посмотреть на один из своих посевов, и вот он созрел. "Завтра я буду жать", - сказал он. И в ту же ночь он вернулся в Нарберт, а наутро, на серой заре, отправился жать; и когда он пришел туда, то не нашел ничего, кроме голой соломы. Все колосья пшеницы были срезаны со стебля, и все колосья унесены целиком, и не осталось ничего, кроме соломы. И очень он изумился этому.

Затем он пошел посмотреть на другой участок, и вот, он тоже созрел. "Истинно, - сказал он, - это я пожну завтра". И на завтра он пришел с намерением жать; но, придя туда, он не нашел ничего, кроме голой соломы. "О милостивые небеса!" - воскликнул он. "Я знаю, что тот, кто начал мое разорение, завершает его, а вместе со мной погубил и страну".

Тогда он пошел взглянуть на третий участок; когда он пришел туда, более прекрасной пшеницы там никогда не видели, и она тоже была спелой. "Зло мне, - сказал он, - если я не посторожу здесь эту ночь. Тот, кто унес другую кукурузу, придет так же, чтобы забрать эту, и я узнаю, кто это". И он рассказал Кикве обо всем, что случилось. "Истинно, - сказала она, - что ты думаешь делать?" "Я посторожу сегодня ночью корову", - сказал он. И он пошел сторожить.

И в полночь он услышал, что среди пшеницы что-то шевелится; он взглянул, и вот - могучее множество мышей на свете, которое невозможно ни сосчитать, ни измерить. И он не знал, что это было, пока мыши не пробрались в крофт, и каждая из них, взобравшись на солому и согнув ее своей тяжестью, срезала один из колосьев пшеницы и унесла его, оставив там стебель; и он не увидел там ни одной соломинки, на которой не было бы мыши. И все они пошли своей дорогой, унося с собой колосья.

В гневе и ярости бросился он на мышей, но не мог догнать их, как мошек или птиц воздушных, кроме одной, которая, хотя и была вялой, но бежала так быстро, что пеший человек едва мог догнать ее. И он пошел за этой, и поймал ее, и положил в свою перчатку, и завязал отверстие перчатки бечевкой, и оставил ее при себе, и вернулся во дворец. Затем он пришел в зал, где находился Киква, и разжег огонь, а перчатку повесил за веревку на колышек. "Что у тебя там, повелитель?" - спросил Киква. "Вор", - ответил тот, - "которого я нашел грабящим меня". "Что же это за вор, господин, которого ты мог бы посадить в свою перчатку?" - спросила она. Тогда он рассказал ей, как мыши пришли на последнее из полей, которое он видел. "Одна из них оказалась менее проворной, чем остальные, и теперь находится в моей перчатке; завтра я ее повешу". "Милорд, - сказала она, - это чудесно, но все же для такого достойного человека, как вы, было бы неприлично вешать такую рептилию". "Горе мне, - сказал он, - если я не повешу их всех, если поймаю, а тех, что попадутся, повешу". "Истинно, господин, - сказала она, - нет никакой причины, чтобы я помогала этому пресмыкающемуся, кроме как для того, чтобы не опозорить тебя. Поэтому делай, повелитель, как тебе угодно".

Тогда он отправился к Нарбертскому кургану, взяв с собой мышь. И установил он две вилы на самой высокой части кургана. И когда он делал это, вот, он увидел идущего к нему ученого в старой, бедной и оборванной одежде. И вот уже семь лет, как он не видел в этом месте ни человека, ни зверя, кроме тех четырех человек, которые оставались вместе, пока двое из них не пропали.

"Господин мой, - сказал ученый, - доброго тебе дня". "Да благословит тебя небо, и мое приветствие тебе! Откуда ты пришел, ученый?" - спросил он. "Я приехал, лорд, из Англии, где поют; а почему ты спрашиваешь?" "Потому что последние семь лет, - ответил он, - я не видел здесь никого, кроме четырех уединенных людей и тебя самого в эту минуту". "Истинно, господин, - сказал он, - я иду через эту землю к себе. И чем же ты занят, господин?" "Я вешаю вора, которого поймал за грабежом", - сказал он. "Что это за вор?" - спросил ученый. "Я вижу в твоей руке существо, похожее на мышь, и не подобает человеку такого ранга, как ты, прикасаться к подобному пресмыкающемуся. Отпусти его на свободу". "Небеса, я не отпущу его на свободу, - сказал он, - я поймал его за грабежом, и я подвергну его наказанию вора, и повешу его". "Господи, - сказал он, - чем видеть человека, равного тебе по званию, за таким

делом, как это, я бы дал тебе фунт, который я получил в качестве милостыни, чтобы отпустить пресмыкающееся на волю". "Я не отпущу ее на волю, - сказал он, - и не продам". "Как хочешь, господин", - ответил он, - "мне все равно". И ученый пошел своей дорогой.

И когда он клал перекладину на две вилки, вот, навстречу ему выехал священник на коне, покрытом атрибутами. "Доброго дня тебе, господин", - сказал он. "Да благословит тебя Небо!" - ответил Манавыддан; "Благословение твое". "Благословение Небес да будет над тобой! А что, господин, ты делаешь?" "Я вешаю вора, которого поймал за грабежом", - сказал он. "Что за вор, господин?" - спросил он. "Существо, - ответил он, - в виде мыши. Оно грабило меня, и я наказываю его как вора". "Господи, - сказал он, - чем видеть, как ты прикасаешься к этому пресмыкающемуся, я бы выкупил его свободу". "Клянусь Небом, я не продам его и не освобожу". "Это правда, лорд, что купить его ничего не стоит; но чем вы оскверните себя прикосновением к такому пресмыкающемуся, как это, я дам вам три фунта, чтобы вы отпустили его". "Да не возьму я, клянусь Небесами, - сказал он, - никакой цены за него. Как положено, так и будет повешено". И священник пошел своей дорогой.

Затем он завязал веревку на шее мыши, и когда он уже собирался подтянуть ее к себе, то увидел свиту епископа с его лошадьми и слугами. И сам епископ подошел к нему. И он остановил свою работу. "Господин епископ, - сказал он, - благословение твое". "Да благословит тебя Небо!" - ответил тот. "Над каким делом ты трудишься?" "Вешаю вора, которого я поймал за грабежом", - ответил он. "Не мышь ли это, которую я вижу в твоей руке?" "Да", - ответил он, - "и она меня ограбила". "Так вот, - сказал он, - раз уж я пришел на погибель этой рептилии, я выкуплю ее у тебя. Я дам тебе за нее семь фунтов, и то скорее, чем увижу, как человек, равный тебе по званию, уничтожает такое мерзкое пресмыкающееся, как это. Отпустите ее, и деньги будут у вас". "Клянусь Небесами, я не выпущу его на свободу". "Если ты не хочешь выпускать его на свободу, я дам тебе четыре и двадцать фунтов готовых денег, чтобы ты освободил его". "Я не освобожу его, клянусь Небесами, и за столько же", - сказал он. "Если ты не хочешь освободить его за это, я отдам тебе всех лошадей, которых ты видишь на этой равнине, и семь грузов с поклажей, и семь лошадей, на которых они находятся". "Клянусь Небом, не отдам", - ответил он. "Раз уж за это ты не хочешь освободить его, то сделай это за любую цену, какую пожелаешь". "Я хочу, чтобы Рианнон и Прайдери были свободны", - сказал он. "Так и будет", - ответил он. "Но, клянусь Небом, я еще не освобожу мышь". "Чего же ты хочешь?" "Чтобы чары и иллюзии были сняты с семи кантров Диведа". "Это ты тоже получишь; поэтому освободи мышь". "Я не освобожу ее, клянусь Небом, - сказал он, - пока не узнаю, кто эта мышь". "Она моя жена". "Зачем она пришла ко мне?" "Чтобы обесчестить тебя", - ответил он. "Я - Ллойд, сын Килведа, и я наложил чары на семь кантров из Диведа. И я наложил чары, чтобы отомстить Гаулу, сыну Клуда, за дружбу, которую я к нему питал. А Прайдери я отомстил за Гаула, сына Клуда, за игру "Барсук в мешке", в которую с ним играл Пвилл, сын Овина. И когда стало известно, что ты пришел жить в эту землю, пришли мои домочадцы и попросили меня превратить их в мышей, чтобы они уничтожили твою кукурузу. И пошли они в первую и вторую ночь, и уничтожили два урожая твоих. А на третью ночь пришли ко мне жена моя и придворные дамы и просили меня превратить их. И я их преобразил. Теперь она не в своем обычном здоровье. И если бы она была здорова, ты бы не смог ее догнать; но поскольку это произошло и она поймана, я верну тебе Придери и Рианнон, а с Диведа сниму чары и иллюзии. Поэтому освободи ее". "Я еще не освободил ее". "Что ты хочешь еще?" - спросил он. "Я хочу, чтобы на семи кантревах Диведа больше не было чар, и впредь они не будут наложены на него; кроме того, пусть за это никогда не отомстят ни Придери, ни Рианнон, ни я". "Все это ты получишь. И воистину ты поступил мудро, попросив об этом. На твою голову свалилась бы вся эта беда". "Да, - сказал он, - из страха я потребовал

этого". "Отпусти теперь мою жену на свободу". "Не отпущу", - сказал он, - "пока не увижу, что Придери и Рианнон со мной на свободе". "Вот, они идут", - ответил он.

И вот появляются Придери и Рианнон. И поднялся он навстречу им, и приветствовал их, и сел рядом с ними. "Ах, вождь, освободи мою жену", - сказал епископ. "Разве ты не получил всего, о чем просил?" "Я отпущу ее, с радостью", - сказал он. И тогда он освободил ее.

Затем он ударил по ней волшебной палочкой, и она снова превратилась в молодую женщину, прекрасней которой не было на свете. "Оглянись на землю твою, - сказал он, - и ты увидишь, что она вся возделана и заселена, как в лучшие свои времена". И он поднялся и посмотрел вперед. И когда он посмотрел, то увидел, что все земли обработаны, полны стад и жилищ.

Так заканчивается эта часть "Мабиноги".

Следующие ссылки на предыдущую историю содержатся в письме поэта Саути к Джону Рикману, эсквайру, от 6 июня 1802 года:

"Вы прочтете "Мабиногеон", о котором я должен был поговорить с вами. В последней, самой странной и похожей на арабскую историю о мыши, упоминается ученый-попрошайка, что помогает определить дату; но откуда у кимров воображение, способное породить такую сказку? Заколдованный тазик, свисающий на цепи с небес, - в самом диком духе "Арабских ночей". Я совершенно поражен тем, что подобные выдумки могут существовать на валлийском языке. Они не проливают свет на происхождение романтики, поскольку совершенно не похожи на то, что мы понимаем под этим термином, но открывают новый мир вымысла; и если датировать их язык двенадцатым или тринадцатым веком, то я не могу не думать, что мифологическая основа имеет гораздо более раннее происхождение; весьма вероятно, что она была принесена с Востока кем-то из первых поселенцев или завоевателей."

ГЛАВА XI

КИЛВИЧ И ОЛВЕН

Килидд, сын князя Келиддона, пожелал взять себе жену в помощницы, и женой его стала Голеудид, дочь князя Анлауда. И после их союза люди вознесли молитвы, чтобы у них родился наследник. И по молитвам народа у них родился сын, и нарекли ему имя Килвич.

После этого мать мальчика, Голедид, дочь князя Анлауда, заболела. Тогда она призвала к себе своего мужа и сказала ему: "От этой болезни я умру, а ты возьми себе другую жену". Жены - дар Господень, но нехорошо было бы тебе причинить вред сыну твоему. Поэтому я поручаю тебе не брать жены, пока не увидишь на моей могиле бриар с двумя цветами". И он обещал ей это. Затем она попросила его каждый год убирать ее могилу, чтобы на ней не росли сорняки. Так королева умерла. Король каждое утро посылал слугу посмотреть, не растет ли что-нибудь на могиле. И вот на исходе седьмого года они пренебрегли тем, что обещали королеве.

Однажды король отправился на охоту; и поехал он к месту погребения, чтобы посмотреть на могилу и узнать, не пора ли ему взять жену; и увидел король бриар. И, увидев его, король стал советоваться, где ему найти жену. И сказал один из его советников: "Я знаю жену, которая хорошо тебе подойдет; она жена короля Догеда". И они решили отправиться на поиски ее; и

они убили короля и увели его жену. И завоевали они земли царей. И женился он на вдове короля Догедда, сестре Испададена Пенкаура.

И однажды его мачеха сказала Килвичу: "Хорошо бы тебе иметь жену". "Я еще не в том возрасте, чтобы жениться", - ответил юноша. Тогда она сказала ему: "Я объявляю тебе, что тебе не суждено иметь жену, пока ты не получишь Олвен, дочь Испададена Пенкавра". И юноша покраснел, и любовь к деве пронеслась по всему его телу, хотя он никогда ее не видел. И спросил его отец: "Что случилось с тобой, сын мой, и что тебя тревожит?" "Моя мачеха объявила мне, что у меня никогда не будет жены, пока я не получу Олвен, дочь Испададена Пенкаура". "Это будет легко для тебя", - ответил его отец. "Артур - твой двоюродный брат. Пойди же к Артуру, остриги свои волосы и попроси у него это как благодеяние".

И юноша выехал на коне с головой, покрытой сединой, четырех зим от роду, крепкого сложения, с копытами в виде раковины, с уздечкой из золота, связанной на голове, и с седлом из дорогого золота. А в руках юноши были два копья из серебра, острые, хорошо закаленные, со стальным наконечником, длиной в три элла, с острием, способным ранить ветер и заставить течь кровь, и более быстрым, чем падение капли росы с травинки тростника, когда июньская роса самая сильная. На бедре его висел меч с золотой рукоятью, на лезвии которого красовался золоченый крест из инкрустированного золота цвета небесной молнии. Его боевой рог был из слоновой кости. Перед ним стояли две белогрудые борзые, покрытые щетиной, с рубиновыми ошейниками на шее, достигающими от плеча до уха. И та, что была с левой стороны, перебежала на правую сторону, а та, что справа, - на левую, и, как две морские ласточки, носились вокруг него. А его конь четырьмя копытами, как четыре ласточки в воздухе, подбрасывал четыре дерна вокруг его головы, то выше, то ниже. На нем была четырехугольная одежда пурпурного цвета, и в каждом углу было по золотому яблоку, и каждое из яблок было стоимостью в сто коней. И на обуви его и на стремянах его, от колена до кончика пальца ноги, было драгоценное золото стоимостью в триста коней. И травинка не гнулась под ним, так легка была поступь его коня, когда он ехал к воротам дворца Артура.

Юноша произнес: "Есть ли здесь носильщик?" "Есть; и если ты не будешь держать себя в руках, то тебя ждет небольшой прием. Я - носильщик Артура каждый первый день января". "Открой портал". "Я не открою его". "Почему?" "Нож в мясе, а напиток в роге, и в зале Артура царит веселье; и никто не может войти туда, кроме сына короля из привилегированной страны или ремесленника, приносящего свое ремесло. Но там будет угощение для собак твоих и для коня твоего, а для тебя будут сварены и поперчены коллопы, и сочное вино, и веселые песни; и еду для пятидесяти человек принесут тебе в гостевую палату, где едят чужеземцы и сыны других стран, которые не входят в пределы дворца Артура. Там тебе будет не хуже, чем при дворе Артура. Дама постелет тебе кушетку и убаюкает тебя песнями; а завтра рано утром, когда ворота будут открыты для множества людей, пришедших сюда сегодня, для тебя они будут открыты первыми, и ты сможешь сесть на то место, которое выберешь в зале Артура, от верхнего конца до нижнего". Сказал юноша: "Этого я не сделаю. Если ты откроешь ворота, все будет хорошо. Если же ты не откроешь их, я навлеку позор на твоего господина и дурную молву на тебя. И я подниму у этих самых ворот три крика, страшнее которых не было на свете". "Какой бы шум ты ни поднял, - сказал Глевлид, привратник, - против законов дворца Артура, ты не войдешь в него, пока я не пойду и не поговорю с Артуром".

Тогда Глевлид вошел в зал. И сказал ему Артур: "Есть ли у тебя новости от ворот?" "Прошла половина моей жизни, - сказал Глевлид, - и половина твоей. Я был прежде в Каэр-Се и Ассе, в

Сахе и Салахе, в Лоторе и Фоторе, был в Индии Великой и Индии Малой, был в Европе и Африке, на островах Корсики, и присутствовал при твоём завоевании Греции на Востоке. Девять верховных государей, красивых мужчин, видели мы там, но никогда я не видел человека, равного по достоинству тому, кто сейчас стоит у дверей портала". Тогда Артур сказал: "Если ты вошел сюда пешком, возвращайся бегом. Не подобает держать такого человека, как ты говоришь, на ветру и под дождем". Сказал Кей: "Клянусь рукой моего друга, если ты последуешь моему совету, то не станешь нарушать из-за него законы двора". "Не так, благословенный Кей, - сказал Артур, - для нас честь, что к нам прибегают, и чем больше мы будем любезны, тем больше будет наша известность, слава и известность".

И подошел Глевлид к воротам, и открыл ворота перед Килвичем, и хотя все разошлись по коновязям у ворот, он не сошел, но въехал на своем коне. И сказал он: "Приветствую тебя, государь, правитель этого острова, и пусть это приветствие будет не меньше, чем для самых низких, и пусть оно будет одинаково для твоих гостей, и для твоих воинов, и для твоих вождей; пусть все примут его так же полно, как и ты сам. И да будет благосклонность твоя, и слава твоя, и великолепие твое по всему острову". "Приветствую и тебя, - сказал Артур, - садись между двумя моими воинами, и пусть перед тобой выступают менестрели, и ты будешь пользоваться привилегиями короля, рожденного для трона, пока остаешься здесь. И когда я буду рассылать свои подарки гостям и чужестранцам при этом дворе, они будут в твоей руке в момент моего начала". Сказал юноша: "Я пришел сюда не для того, чтобы есть и пить; но если я получу благодеяние, которого ищу, я воздам тебе должное и возвеличу тебя; если же я не получу его, я разнесу поношение о тебе на четыре стороны света, насколько простирается твоя слава". Тогда сказал Артур: "Поскольку ты не хочешь оставаться здесь, вождь, ты получишь благодеяние, какое только назовет твой язык, насколько высохнет ветер, и увлажнит дождь, и повернется солнце, и охватит море, и расширится земля; кроме моего корабля "Прайдвен", и моей мантии, и Калиберна, моего меча, и Ронгомианта, моего копья, и Геневер, моей жены. По правде небесной, ты получишь их с радостью, называй, как хочешь". "Я хотел бы, чтобы ты благословил мои волосы", - сказал он. "Это будет тебе даровано".

И Артур взял золотой гребень и ножницы, у которых петли были серебряные, и расчесал ему волосы. И спросил его Артур, кто он такой; "ибо сердце мое согрето тобой, и я знаю, что ты родом из моей крови. Скажи же мне, кто ты". "Я скажу тебе", - ответил юноша. "Я - Килвич, сын Килидда, сына князя Келиддона, от Голедид, моей матери, дочери князя Анлауда". "Это правда, - сказал Артур, - ты мой двоюродный брат. Каких бы благ ты ни просил, ты их получишь, что бы ни назвал твой язык". "Поклянись правдой Небес и верой королевства твоего". "С радостью обещаю". "Тогда я прошу тебя, чтобы ты взял мне в жены Олвен, дочь Испадadena Пенкавра; и этого блага я также ищу у твоих воинов. Я ищу его у Кея и у Бедвира; и у Гвинна, сына Нудда, и у Гадви, сына Герайнта, и у князя Флевддура Флама, и у Ионы, короля Франции, и у Селя, сына Селги, и у Талиесина, вождя бардов, и у Герайнта, сына Эрбина, у Гаранвина, сын Кея, и Амрен, сын Бедвира, Ол, сын Олвида, Бедвин, епископ, Геневер, главная дама, и Гвенхивач, ее сестра, Морвед, дочь Уриена, и Гвенлиан Дег, величественная дева, Крейддилад, [Сноска: Крейддилад - это не кто иной, как шекспировская Корделия, отца которой, короля Лира, валлийские власти называют без разбора Ллиром или Ллуддом. Все старые хроники рассказывают о ее преданности своему престарелому родителю, но никто из них, кажется, не знал, что ей суждено оставаться с ним до самого рокового дня, в то время как Гвин ап Нудд, король фей, и Гвитириоп Грейдиол сражаются за нее каждое первое мая, и кому из них посчастливится стать победителем в это время, тот и получит ее в невесты. Дочь Ллудда, постоянная дева, и Эваэда, дочь Кинвелина, [Сноска: У валлийцев есть басня на тему получеловека, взятая для иллюстрации силы привычки. В этой аллегории Артур, как предполагается, встречается со злым существом,

которое сначала появляется в маленьком и неясном виде, но, приближаясь, увеличивается в размерах и, приняв облик получеловека, пытается вызвать короля на борьбу. Презирая свою слабость и считая, что поединок не принесет ему никакой пользы, Артур отказывается и оттягивает поединок, пока, наконец, получеловек (Habit) не становится настолько сильным, что ему требуется приложить максимум усилий, чтобы одолеть его] получеловека". Все это Килвич, сын Килидда, выклянул, чтобы получить свое благодеяние.

Тогда сказал Артур: "О вождь, я никогда не слышал ни о деве, о которой ты говоришь, ни о ее родственниках, но я с радостью пошлю гонцов на ее поиски. Дай мне время на ее поиски". И юноша сказал: "Я охотно дам мне время от этой ночи до конца года, чтобы сделать это". Тогда Артур послал гонцов во все земли своих владений искать деву, и в конце года посланцы Артура вернулись, не получив никаких знаний и сведений об Ольвен, больше, чем в первый день. Тогда сказал Килвич: "Каждый получил свое благодеяние, а мне еще не хватает своего. Я уйду и унесу с собой честь твою". Тогда сказал Кей: "Безрассудный вождь! Ты упрекаешь Артура? Иди с нами, и мы не расстанемся, пока ты не признаешься, что девы нет на свете, или пока мы не получим ее". Тогда Кей поднялся. И Артур позвал Бедвира, который никогда не уклонялся ни от одного предприятия, к которому был привязан Кей. Никто не мог сравниться с ним в быстроте на всем острове, кроме одного Артура; и хотя он был одноруким, три воина не могли пролить кровь быстрее, чем он на поле боя.

И Артур обратился к Кинделигу, проводнику: "Отправляйся в этот поход с вождем". Ибо он был таким же хорошим проводником в стране, которую никогда не видел, как и в своей собственной.

Он назвал Гурхира Гвальстатом, потому что тот знал все языки.

Он назвал Гавейна, сына Гвиара, потому что тот никогда не возвращался домой, не достигнув того приключения, ради которого отправлялся на поиски.

А Артур назвал Менеу, сына Тейргведа, чтобы, если они попадут в дикую страну, он наложил на них чары и иллюзию, чтобы никто их не видел, а они могли видеть всех.

Они путешествовали, пока не пришли на обширную открытую равнину, где увидели большой замок, который был прекраснейшим из всех замков мира. И когда они подошли к замку, то увидели огромное стадо овец. А на вершине кургана сидел пастух, державший овец. На нем был ковер из шкур, а рядом с ним - лохматый мастиф, крупнее коня девяти зим от роду.

Тогда Кей сказал: "Гурхыр Гвальстат, пойдите и поприветствуйте этого человека". "Кей, - сказал он, - я не собираюсь идти дальше, чем ты сам". "Тогда пойдем вместе", - ответил Кей. И сказал Менеу: "Не бойся идти туда, ибо я наложу на собаку заклятие, чтобы она никого не тронула". И они подошли к кургану, на котором находился пастух, и сказали ему: "Как поживаешь, пастух?" "Не менее справедливо для вас, чем для меня". "Чьи это овцы, которых ты держишь, и кому принадлежит этот замок?" "Глупые вы, верно! Не знаете, что это замок Испадadena Пенкавра. И вы тоже, кто вы такие?" "Мы - посольство от Артура, пришедшее искать Олвен, дочь Испадadena Пенкаура". "О люди! Милость Небес да будет над вами; не делайте этого ради всего мира. Никто из тех, кто когда-либо отправлялся в этот поход, не возвращался живым". И пастух поднялся. И когда он поднялся, Килвич дал ему золотое кольцо. И он пошел домой и отдал кольцо своей супруге на хранение. И она взяла кольцо, когда оно было ей дано, и сказала: "Откуда это кольцо, ведь тебе не часто выпадает удача". "О жена, того, кому принадлежало это кольцо, ты увидишь здесь сегодня вечером". "И кто же он?" - спросила женщина. "Килвич, сын Килидда, от Голедид, дочери князя Анлауда, который пришел искать Олвен в жены". И когда она услышала это, то обрадовалась, что к ней едет ее

племянник, сын ее сестры, и опечалилась, потому что никогда не знала никого из ушедших живым, кто бы отправился в такой поход.

И пошли люди вперед к воротам жилища пастуха. И когда она услышала их приближающиеся шаги, то с радостью выбежала им навстречу. И Кей выхватила из кучи чурбан. И когда она встретила их, то захотела обнять их за шею. И Кей положила полено между двумя руками и сжала его так, что оно превратилось в витую спираль. "О женщина, - сказал Кей, - если бы ты сжала меня так, никто не смог бы больше привязаться ко мне. Злая это была любовь". Они вошли в дом, им подали еду, и вскоре все они отправились развлекаться. Тогда женщина открыла каменный сундук, стоявший перед углом дымохода, и из него вышел юноша с желтыми, вьющимися волосами. Сказал Гурхыр: "Жаль прятать этого юношу. Я знаю, что не за его преступление его так наказывают". "Это лишь остаток", - сказала женщина. "Три и двадцать моих сыновей убил Испададен Пенкауур, и на этого я надеюсь не больше, чем на остальных". Тогда сказал Кей: "Пусть он придет и будет со мной, и он не будет убит, пока и я не буду убита вместе с ним". И они поели. И спросила их женщина: "С каким поручением пришли вы сюда?" "Мы пришли искать Олвен для этого юноши". Тогда женщина сказала: "Во имя Неба, поскольку никто из замка еще не видел вас, вернитесь туда, откуда пришли". "Небо нам свидетель, что мы не вернемся, пока не увидим девицу. Приходит ли она сюда когда-нибудь, чтобы ее можно было увидеть?" "Она приходит сюда каждую субботу, чтобы вымыть голову, и в сосуде, где она моется, она оставляет все свои кольца, и никогда не приходит сама и не посылает за ними гонцов". "Придет ли она сюда, если ее пошлют?" "Небо знает, что я не погублю свою душу и не предам тех, кто мне доверяет; если вы не пообещаете мне, что не причините ей вреда, я не пошлю к ней". "Обещаем", - сказали они. И вот послание отправлено, и она пришла.

Дева была одета в одеяние из шелка цвета пламени, а на шее у нее был ошейник из румяного золота, на котором были драгоценные изумруды и рубины. Ее голова была желтее, чем цветок метлы, [Сноска: Романтики с большим удовлетворением отмечают светлые волосы и нежный цвет лица своих героинь. Этот вкус сохранялся долгое время, и сделать волосы светлыми было предметом воспитания. Даже когда в моду вошли парики, все они были льняными. Таков был цвет волос галлов и их германских завоевателей. Потребовалось несколько столетий, чтобы примирить их взоры со смуглой красотой их испанских и итальянских соседей], и кожа ее была белее пены волны, а руки и пальцы - прекраснее цветов ветреницы среди брызг лугового фонтана. Глаза тренированного ястреба не были ярче ее. Грудь ее была снежнее груди белого лебедя, а щеки - краснее самых красных роз. Каждый, кто видел ее, проникался ее любовью. Везде, где она ступала, вырастали четыре белых трилистника. Поэтому ее стали звать Олвен.

Она вошла в дом и села рядом с Килвичем на самую верхнюю скамью; и как только он увидел ее, он узнал ее. И сказал ей Килвич: "Ах, дева, ты та, которую я любил; пойдем со мной, чтобы не говорили зла о тебе и обо мне. Много дней я любил тебя". "Я не могу этого сделать, ибо я поклялась моему отцу не идти без его совета, ибо его жизнь продлится только до времени моей свадьбы. Что должно быть, то должно быть. Но я дам тебе совет, если ты захочешь его принять. Иди, попроси меня у моего отца, и то, что он потребует от тебя, исполни, и ты получишь меня; если же ты откажешь ему в чем-либо, ты не получишь меня, и будет хорошо для тебя, если ты избежишь своей жизни". "Я обещаю все это, если представится случай", - сказал он.

Она вернулась в свои покои, и все они поднялись и последовали за ней в замок. И они молча зарубили девять носильщиков, что стояли у девяти ворот. И девять сторожевых псов, ни один из которых не лаял, они убили. И вошли они в зал.

"Приветствие Небес и людей да будет тебе, Испададен Пенкауэр", - сказали они. "А вы, зачем вы пришли?" "Мы пришли просить дочь твою Олвен за Килвича, сына Килидда, сына князя Келиддона". "Где мои пажи и слуги? Поднимите вилы под моими бровями, которые нависли над глазами, чтобы я мог увидеть, как выглядит мой зять". И они так и сделали. "Приходите завтра, и вы получите ответ".

Они поднялись, чтобы идти, и Испададен Пенкауэр схватил один из трех отравленных дротиков, что лежали рядом с ним, и бросил им вслед. Бедвир поймал его, метнул и сильно пронзил им колено Испададена Пенкавра. Тогда он сказал: "Воистину, проклятый незванный зять! Я вечно буду ходить хуже от его грубости и вечно буду без лекарства. Это отравленное железо причиняет мне боль, как укус мухи-журчалки. Будь проклят кузнец, который его выковал, и наковальня, на которой он был выкован! Настолько оно острое!"

В ту же ночь они поселились в доме пастуха. На следующий день, с рассветом, они оделись и отправились в замок, вошли в зал и сказали: "Испададен Пенкауэр, отдай нам дочь твою в уплату дани и девичьей платы, которые мы выплатим тебе и двум ее родственницам". Затем он сказал: "Еще живы ее четыре прабабушки и четыре прадедушки; нужно, чтобы я посоветовался с ними". "Да будет так", - ответили они, - "мы пойдем есть". Когда они поднялись, он взял второй дротик, который лежал рядом с ним, и метнул его в них. И поймал его Менеу, сын Гаведда, и метнул обратно, и ранил его в середину груди. "Проклятый зять, воистину!" - сказал он; "Это твердое железо причиняет мне боль, как укус лошадиной пиявки. Будь проклят очаг, в котором его раскалили, и кузнец, который его выковал! Настолько оно острое! Отныне, когда бы я ни поднимался в гору, мне будет не хватать дыхания и больно в груди, и я буду часто ненавидеть свою еду". И они принялись за еду.

А на третий день они вернулись во дворец. И сказал им Испададен Пенкауэр: "Не стреляйте в меня больше, если не хотите смерти. Где мои слуги? Поднимите вилы моих бровей, которые опустились на мои глазные яблоки, чтобы я мог увидеть моду моего зятя". Тогда они встали, и, когда они это делали, Испададен Пенкауэр взял третий отравленный дротик и бросил его в них. Килвич поймал его и метнул с силой, и ранил его в глазное яблоко. "Воистину, проклятый незванный зять! Пока я жив, зрение у меня будет хуже некуда. Когда я иду против ветра, у меня слезятся глаза, и, возможно, у меня будет гореть голова, и каждое новолуние у меня будет головокружение. Удар этого отравленного железа подобен укусу бешеной собаки. Да будет проклят огонь, в котором оно было выковано!" И они пошли есть.

А на следующий день они снова пришли во дворец и сказали: "Не стреляйте в нас больше, если не желаете таких ран, вреда и мучений, как сейчас, и даже больше". Килвич сказал: "Отдай мне дочь твою, а если не отдашь, то получишь из-за нее смерть". "Где тот, кто ищет мою дочь? Подойди сюда, чтобы я мог видеть тебя". И они посадили его на стул лицом к лицу с ним.

И сказал Испададен Пенкавр: "Это ты ищешь мою дочь?"

"Это я", - ответил Килвич.

"Я должен получить от тебя обещание, что ты не поступишь со мной иначе, чем по справедливости; и когда я получу то, что назову, моя дочь достанется тебе".

"Я обещаю тебе это с готовностью", - сказал Килвич; "Назови, что пожелаешь".

"Я так и сделаю", - сказал он. "Видишь ли ты вон ту красную возделанную землю?"

"Вижу".

"Когда я впервые встретил мать этой девы, на ней было посеяно девять бушелей льна, и до сих пор не возшло ни одного, ни белого, ни черного. Я хочу получить лен, чтобы посеять его в новой земле, вон там, и когда он вырастет, из него можно будет сделать белый наряд для головы моей дочери в день твоей свадьбы".

"Мне будет легко добиться этого, хотя ты, возможно, думаешь, что это будет нелегко".

"Хотя ты и получишь это, есть еще то, чего ты не получишь - арфу Тейрту, чтобы она играла нам в эту ночь. Когда человек хочет, чтобы она играла, она делает это сама; а когда он хочет, чтобы она перестала, она перестает. И этого он не даст по своей воле, и ты не сможешь его заставить".

"Мне будет легко достичь этого, хотя ты, возможно, думаешь, что это будет нелегко".

"Хотя ты и получишь это, есть еще то, чего ты не получишь.

Я прошу тебя достать для меня охотника Мабона, сына Модрона.

Его забрали у матери, когда ему было три ночи от роду, и неизвестно, где он теперь. Неизвестно, где он сейчас, жив ли он или мертв".

"Мне будет легко это сделать, хотя ты, возможно, думаешь, что это будет нелегко".

"Хотя ты и получишь это, есть еще то, чего ты не получишь - два детеныша волка Гаст-Римхи; ни один поводок в мире не удержит их, кроме поводка, сделанного из бороды разбойника Диллуса Варвака. И поводок будет бесполезен, если не вырвать его из бороды, пока он жив. Пока он жив, он не потерпит, чтобы с ним так поступили, а когда он умрет, поводок будет бесполезен, потому что он станет хрупким".

"Мне будет легко это сделать, хотя ты, возможно, думаешь, что это будет нелегко".

"Хотя ты и получишь это, есть еще то, что ты не получишь - меч великана Гвернаха; по своей воле он его не отдаст, и ты никогда не сможешь его принудить".

"Мне будет легко его достать, хотя ты, возможно, думаешь, что это будет нелегко".

"Если ты и получишь это, есть еще то, чего ты не получишь. В поисках этого ты встретишь трудности и ночи без сна, и если ты не получишь этого, то не получишь и моей дочери".

"Кони у меня будут, и рыцарство, и мой господин и родственник Артур добудет для меня все это. И я получу твою дочь, а ты потеряешь свою жизнь".

"Иди вперед. И пока ты будешь искать эти вещи, ты не будешь требовать ни еды, ни одежды для моей дочери; а когда ты постигнешь все эти чудеса, ты получишь мою дочь в жены".

ГЛАВА XII

КИЛЬВИЧ И ОЛЬВЕН (продолжение)

Весь тот день они путешествовали до вечера, а потом увидели огромный замок, который был самым большим в мире. И вот из замка вышел черный человек, больше трех человек этого мира. И они обратились к нему и сказали: "О человек, чей это замок?" "Глупы вы, поистине, о люди! Нет в мире человека, который не знал бы, что это замок Гвернаха Великана". "А как

обращаются с гостями и чужестранцами, которые заходят в этот замок?" "О вождь, да хранят тебя небеса! Ни один гость не возвращался оттуда живым, и никто не может войти туда, если не захватит с собой ремесло".

Тогда они направились к воротам. Гурхыр Гвальштат сказал: "Есть ли здесь носильщик?" "Есть; зачем ты зовешь?" "Открой ворота". "Я не открою". "Почему не откроешь?" "Нож в мясе, напиток в роге, и в зале Гвернаха Великана царит веселье; и если только не придет мастер, который принесет свое ремесло, ворота не будут открыты этой ночью". "Истинно, носильщик, - сказал тогда Кей, - ремесло свое я принес с собой". "И каково же твое ремесло?" "Я лучший в мире мастер по выжиганию мечей". "Я пойду и скажу об этом Гвернаху Великану и принесу тебе ответ".

Вошел носильщик, и Гвернах сказал ему: "Есть ли у тебя новости от ворот?" "Есть. У ворот стоят люди, которые хотят войти". "Ты спросил их, владеют ли они каким-нибудь искусством?" "Я спросил, - сказал он, - и один из них сказал мне, что он хорошо владеет искусством полировки мечей". "Тогда он нам нужен. Я уже давно ищу человека, который бы начистил мой меч, и не могу найти. Пусть войдет этот человек, раз уж он принес с собой свое ремесло".

Тогда носильщик вернулся и открыл ворота. И Кей вошел сам, и приветствовал Гвернаха Великана. И поставили для него стул напротив Гвернаха. И сказал ему Гвернах: "О человек, правду ли говорят о тебе, что ты умеешь обжигать мечи?" "Я прекрасно знаю, как это делается", - ответил Кей. Тогда ему принесли меч Гвернаха. Кей достал из-под руки голубой точильный камень и спросил, каким он должен быть: белым или голубым. "Делай с ним, как тебе кажется, или как ты хотел бы, если бы он был твоим собственным". Тогда Кей отполировал одну половину клинка и положил ему в руку. "Понравится ли тебе это?" - спросил он. "Я бы предпочел, чтобы все, что есть в моих владениях, было таким. Для меня диво, что такой человек, как ты, может быть без спутника". "О благородный господин, у меня есть спутник, хотя он и не искусен в этом искусстве". "Кто же он?" "Пусть носильщик выйдет вперед, и я скажу ему, как его узнать. Головка его копья покинет древко, напитается кровью от ветра и снова опустится на древко". Тогда ворота отворились, и Бедвир вошел. И сказал Кей: "Бедвир очень искусен, хотя и не знает этого искусства".

И было много разговоров среди тех, кто был снаружи, потому что Кей и Бедвир вошли. И юноша, который был с ними, единственный сын пастуха, тоже вошел, и он ухитрился впустить всех остальных, но они держались в тени.

Меч был отполирован, и Кей отдал его в руки великана Гвернаха, чтобы узнать, доволен ли он своей работой. И сказал великан: "Работа хороша; я доволен ею". И сказал Кей: "Это ножны твои, в которых заржавел твой меч; дай их мне, чтобы я вынул из них деревянные бока и вставил новые". И он взял у него ножны, а меч в другую руку. И подошел он к великану и встал против него, как бы вложив меч в ножны, и ударил им по голове великана, и отрубил ему голову одним ударом. Затем они опустошили замок и взяли из него все, что хотели, и драгоценности. И вернулись они ко двору Артура, неся с собой меч великана Гвернаха.

И когда они рассказали Артуру, как они проехали, Артур сказал: "Это хорошее начало". Тогда они посоветовались и сказали: "Какое из этих чудес нам лучше искать дальше?" "Лучше всего, - сказал один, - искать Мабона, сына Модрона; его не найти, пока мы не найдем Эйдозля, сына Аэра, его родственника". Тогда Артур поднялся, и с ним воины острова Британии, чтобы искать Эйдозля; и они шли, пока не пришли к замку Гливи, где был заточен Эйдозль. Гливи стоял на вершине своего замка и говорил: "Артур, чего ты требуешь от меня, раз ничего не осталось мне в этой крепости, и нет мне в ней ни радости, ни удовольствия, ни пшеницы, ни

овса? Поэтому не ищи мне зла". Сказал Артур: "Не для того, чтобы причинить тебе зло, пришел я сюда, а чтобы разыскать пленника, который с тобой". "Я отдам тебе своего пленника, хотя и не думал отдавать его никому, и в этом ты получишь мою поддержку и помощь".

Его последователи сказали Артуру: "Владыка, ступай домой, ты не можешь отправиться с твоим воинством на поиски таких мелких приключений, как эти". Тогда Артур сказал: "Хорошо было бы тебе, Гурхир Гвальстат, отправиться в этот поход, ибо ты знаешь все языки и знаком с языками птиц и зверей. И тебе, Эйдоэль, тоже следовало бы отправиться с твоими людьми на поиски твоего двоюродного брата. А что касается вас, Кей и Бедвир, то я надеюсь, что какое бы приключение вы ни искали, оно вам удастся. Добейтесь для меня этого приключения".

Они шли вперед, пока не пришли к Узель из Килгври. И Гурхир обратился к ней со словами: "Скажи мне, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, который был похищен в возрасте трех ночей между своей матерью и стеной?" И Оусел ответил: "Когда я впервые прилетел сюда, на этом месте стояла кузнечная наковальня, а я был тогда молодой птицей; с тех пор на ней не делали никакой работы, только каждый вечер клевали клювом, а теперь от нее не осталось и ореха; но за все это время я никогда не слышал о человеке, о котором ты спрашиваешь. Тем не менее я сделаю то, что подобает посольству из Артура. Есть род животных, которые были созданы до меня, и я буду вашим проводником к ним".

И они отправились туда, где находился олень Рединвр. "Олень Рединвр, вот, мы пришли к тебе, посольство от Артура, ибо мы не слышали ни об одном животном старше тебя. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, который был отнят от матери, когда ему было три ночи от роду?" Олень сказал: "Когда я впервые пришел сюда, вокруг меня была равнина без единого дерева, кроме одного дубового саженца, который вырос в дуб со ста ветвями; и этот дуб с тех пор погиб, так что теперь от него остался только засохший пень; и с того дня до сего я был здесь, но никогда не слышал о человеке, о котором ты спрашиваешь. Тем не менее, будучи посольством от Артура, я буду вашим проводником туда, где живет животное, которое появилось раньше меня, и самое древнее животное в мире, и то, которое совершило больше всего путешествий, - орел Гверн Абви."

Гурхир сказал: "Орел из Гверн-Абви, мы пришли к тебе, посольство от Артура, чтобы спросить тебя, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого забрали у матери, когда ему было три ночи?" Орел сказал: "Я живу здесь очень давно, и когда я впервые пришел сюда, здесь была скала, с вершины которой я каждый вечер клевал звезды; но она осыпалась, и теперь она не достигает и пролета в высоту. Все это время я был здесь и никогда не слышал о человеке, о котором вы спрашиваете, за исключением одного раза, когда я отправился в поисках пищи до Ллин-Ллива. И когда я пришел туда, я вонзил свои когти в лосося, думая, что он будет служить мне пищей долгое время. Но он затянул меня в воду, и мне с трудом удалось вырваться от него. После этого я заключил с ним мир. И я вытащил из его спины пятьдесят рыбьих копий и освободил его. Если он не знает ничего о том, кого вы ищете, я не могу сказать, кто может. Однако я проведу вас к тому месту, где он находится".

И они отправились туда, и Орел сказал: "Лосось из Ллин-Ллива, я пришел к тебе с посольством от Артура, чтобы спросить тебя, не знаешь ли ты чего-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого в три ночи отняли у матери". "Все, что я знаю, я расскажу тебе. С каждым приливом я иду по реке вверх, пока не приближаюсь к стенам Глостера, и там я нашел такую неправду, какой не находил нигде; и чтобы вы могли поверить в это, пусть один из вас

отправится туда на каждом из моих двух плеч". И Кей и Гурхыр Гвальштат сели на два плеча Лосося, и шли они, пока не подошли к стене тюрьмы; и услышали они из темницы великий плач и причитания. Сказал Гурхыр: "Кто это плачет в этом каменном доме?" "Увы, это Мабон, сын Модрона, который заточен здесь; и ни одно заточение не было столь тяжким, как мое". "Надеешься ли ты освободиться за золото или за серебро, или за какие-нибудь дары, или через битву и сражение?" "Сражаясь, я получу все, что смогу получить".

Тогда они отправились в путь и вернулись к Артуру, и рассказали ему, где заточен Мабон, сын Модрона. И Артур созвал воинов острова, и они отправились в путь до Глостера, туда, где был заключен Мабон. Кей и Бедвир взвалили на плечи рыбу, а воины Артура напали на замок. И Кей проломил стену в подземелье и унес пленника на своей спине, пока шел бой между воинами. И вернулся Артур домой, и Мабон с ним на свободе.

В один из дней, когда Гурхир Гвальстат шел через гору, он услышал плач и жалобный крик. И когда он услышал его, то рванулся вперед и пошел навстречу. И когда он пришел туда, то увидел, что среди дерна горит огонь, а муравейник почти окружен огнем. И выхватил он меч свой, и разрубил муравейник до основания, так что он избежал сожжения в огне. И сказали ему муравьи: "Прими от нас благословение Неба, и то, что никто не может дать, мы даем тебе". Затем они принесли девять бушелей льняного семени, которые Испадарден Пенкавр потребовал от Килвича, и принесли полную меру, без недостатка, кроме одного льняного семени, и то хромой писмир принес перед ночью.

Тогда сказал Артур: "Какое из чудес нам лучше всего искать дальше?" "Лучше всего искать двух детенышей волчицы Гаст-Римхи".

"Известно ли, - спросил Артур, - где она?" "Она в Абер-Кледдифе", - ответил один. Тогда Артур отправился в дом Трингада в Абер-Кледдифе и спросил у него, не слышал ли он о ней там. "Она часто убивала мои стада, и она там, внизу, в пещере в Абер-Кледдифе".

Тогда Артур отправился на своем корабле "Прайдвен" по морю, а остальные отправились по суше, чтобы выследить ее. И они окружили ее и двух ее детенышей, и взяли их, и унесли.

Когда Кей и Бедвир сидели на маячном каирне на вершине Плинлиммона при самом сильном ветре, который когда-либо был, они огляделись вокруг и увидели вдалеке большой дым. Тогда Кей сказал: "Клянусь моим другом, вон там - огонь разбойника". Тогда они поспешили к дыму и подошли к нему так близко, что увидели Диллуса Варвака, палящего кабана. "Вот, здесь величайший разбойник, который когда-либо бежал от Артура", - сказал Бедвир Кею. "Знаешь ли ты его?" "Я знаю его, - ответил Кей, - он Диллус Варварк, и ни один поводырь в мире не сможет удержать детенышей Гаста Райми, кроме поводыря, сделанного из бороды того, кого ты видишь вон там. Но и это будет бесполезно, если не вырвать бороду живьем, деревянными щипцами, ибо мертвая она будет хрупкой". "Что ты думаешь делать с этим?" - спросил Бедвир. "Дадим ему, - сказал Кей, - съесть столько мяса, сколько он захочет, и после этого он уснет". И в это время они занялись изготовлением деревянных щипцов. И когда Кей понял, что он спит, он сделал яму под его ногами, нанес ему сильный удар и вдавил его в яму. И там они деревянными щипцами полностью выдернули ему бороду, а потом и вовсе умертвили его. И оттуда они пошли, и взяли поводыря, сделанный из бороды Диллуса Варвака, и дали его в руку Артуру.

Так они получили все чудеса, которые Испадарден Пенкавр требовал от Килвича, и отправились в путь, и отнесли чудеса ко двору его. И сказал Килвич Испадардену Пенкавру: "Дочь твоя теперь моя?" "Она твоя", - ответил тот, - "но благодарить ты должен не меня, а Артура, который совершил это ради тебя". Тогда Гореу, сын Кустеннина, пастуха, братьев

которого убил Испадарден Пенкауэр, схватил его за волосы на голове и потащил за собой в крепость, и отрубил ему голову, и насадил ее на кол в цитадели. Затем они завладели его замком и его сокровищами. И в ту же ночь Олвен стала невестой Килвича и оставалась его женой, пока жила.

ГЛАВА XIII

ТАЛИСИН

Гвидно Гаранхир был государем Гвэллода, территории, граничащей с морем. И владел он плотиной на берегу между Диви и Аберистуитом, неподалеку от своего замка, и каждый майский вечер на этой плотине брали сто фунтов стерлингов. И был у Гвидно единственный сын по имени Эльфин, самый несчастный из юношей и самый нуждающийся. И это сильно огорчало его отца, ибо он считал, что тот родился в недобрый час. По совету своего совета отец дал ему в тот год черпать плотину, чтобы узнать, не постигнет ли его удача, и чтобы ему было с чего начать мир. И было это двадцать девятого апреля.

На следующий день, когда Эльфин пошел посмотреть, в плотине не было ничего, кроме кожаного мешка на столбе плотины. Тогда смотритель плотины сказал Эльфину: "Все твои несчастья в прошлом были ничто по сравнению с этим; теперь ты разрушил достоинства плотины, которая всегда приносила сто фунтов стерлингов в канун мая; и сегодня ночью в ней нет ничего, кроме этой кожаной кожи". "Как же так, - сказал Эльфин, - в ней может быть ценностей на сто фунтов". Что ж! Они взяли кожаный мешок, и тот, кто открыл его, увидел лоб младенца, прекрасней которого не было на свете; и он сказал: "Вот сияющий лоб?" (На валлийском языке - taliesin.) "Талиесин да будет он наречен", - сказал Эльфин. И он поднял мешок на руки, и, сетуя на свое невезение, печально посадил мальчика позади себя. И он заставил своего коня идти мягким шагом, который до этого был рысью, и нес его так мягко, словно сидел в самом легком кресле на свете. И вскоре мальчик произнес утешение и похвалу Эльфине; а утешение было таким, как вы можете видеть здесь:

"Прекрасная Эльфина, перестань сетовать!
Никогда на плотине Гвидно
Не было такой удачи, как в эту ночь.
Грусть не поможет;
Лучше уповать на Бога, чем запрещать зло;
Я слаб и мал,
На пенящемся берегу океана,
В день беды я буду
Тебе полезней, чем триста лососей".

Это была первая поэма, которую спел Талиесин, чтобы утешить Эльфина в его горе, ведь плотина была потеряна, и, что еще хуже, весь мир считал, что это произошло по его вине и несчастью. Тогда Эльфин спросил его, кто он, человек или дух. И он запел так:

"Меня сформировали как прекрасную личность;
Хоть я и мал, но одарен очень;
В темный кожаный мешок меня бросили,
И по безбрежному морю меня отправили в плавание.
С морей и с гор

Бог приносит богатство удачливому человеку".

Тогда пришел Эльфин в дом Гвидно, своего отца, и с ним Талиесин. Гвидно спросил его, хорошо ли он ловил рыбу на плотине, и он сказал ему, что добыл то, что лучше рыбы. "Что это?" - спросил Гвидно. "Бард", - ответил Эльфин. Тогда Гвидно сказал: "Увы, какую пользу он принесет тебе?" И сам Талиесин ответил и сказал: "Он принесет ему больше пользы, чем плотина когда-либо приносила тебе". Спросил Гвидно: "Умеешь ли ты говорить, а ты так мал?" И Талиесин ответил ему: "Я лучше умею говорить, чем ты спрашивать меня". "Дай мне послушать, что ты можешь сказать", - сказал Гвидно. Тогда Талиесин запел:

"Трижды я рождался, я знаю, размышляя;
Все науки мира собраны в моей груди,
Ибо знаю я, что было, и что будет впредь".

Эльфин отдал своего зайчонка жене, и она кормила его с нежностью и любовью. После этого Эльфин день ото дня все больше богател, а король все больше любил и любил его; и жил там Талиесин, пока ему не исполнилось тринадцать лет, когда Эльфин, сын Гвидно, отправился по рождественскому приглашению к своему дяде, Маэлгану Гвинедду, который в Рождество устраивал открытый суд в замке Диганви для всех своих господ обеих степеней, духовных и мирских, с огромным и многочисленным войском рыцарей и оруженосцев. И один встал и сказал: "Есть ли в целом мире король, столь великий, как Мэлган, или тот, кого Небо одарило столькими дарами, как его, - формой, и красотой, и кротостью, и силой, помимо всех душевных сил?" И вместе с этим они сказали, что Небо дало один дар, превосходящий все остальные, - это красота, и грация, и мудрость, и скромность его королевы, чьи добродетели превосходят добродетели всех дам и благородных девиц во всем королевстве. И вместе с этим они задавали друг другу вопросы: кто из мужчин храбрее? У кого более красивые или быстрые лошади или борзые? У кого есть более искусные или мудрые барды, чем Мэлган?

Когда все они закончили восхвалять короля и его дары, Эльфин сказал следующее. "По правде говоря, никто, кроме короля, не может соперничать с королем; но если бы он не был королем, я бы сказал, что моя жена так же добродетельна, как любая дама в королевстве, и что у меня есть бард, более искусный, чем все королевские барды". Через некоторое время некоторые из его товарищей рассказали королю обо всех хвастовствах Эльфина, и король приказал бросить его в крепкую тюрьму, пока он не покажет правду о добродетели своей жены и мудрости своего барда.

Когда Эльфин был посажен в башню замка, а к его ногам была привязана толстая цепь (говорят, что это была серебряная цепь, поскольку он был королевской крови), король, как гласит история, послал своего сына Руна узнать, как ведет себя жена Эльфина. А Рун был самым нелюбезным человеком на свете, и не было ни одной жены или девицы, с которой бы он не общался, но о которой бы не отзывался дурно. Когда Рун поспешно направился к жилищу Эльфина, намереваясь навлечь позор на его жену, Талиесин рассказал своей госпоже, что король посадил своего господина в темницу и что Рун спешит сюда, чтобы попытаться навлечь позор на нее. Тогда он велел своей госпоже нарядить одну из кухонных служанок в ее одежду, что благородная дама с радостью и сделала, а на руки надела лучшие кольца, которыми владели она и ее муж.

В этом обличье Талиесин велел своей госпоже усадить девицу за стол в ее комнате во время ужина; он сделал так, чтобы она казалась своей госпожой, а госпожа - служанкой. И когда они в положенное время сидели за ужином, как было сказано, Рун внезапно прибыл в

жилище Эльфина и был принят с радостью, ибо слуги знали его; и они привели его в комнату своей госпожи, в облике которой служанка встала с ужина и радостно приветствовала его. После этого она снова села ужинать, и Рун вместе с ней. Тогда Рун стал шутить со служанкой, которая все еще сохраняла облик своей госпожи. И правда, в этой истории говорится, что дева так опьянела, что заснула; а в рассказе говорится, что это был порошок, который Рун подсыпал ей в напиток, и она так крепко спала, что не почувствовала, когда он отрезал у нее на руке мизинец, на котором был перстень Эльфина, который он незадолго до этого послал своей жене в знак благодарности. И вернулся Рун к королю с этим пальцем и кольцом в доказательство того, что он отрезал его у нее на руке, не дав ей пробудиться от сна невоздержанности.

Король очень обрадовался этим известиям и послал за своими советниками, которым рассказал всю историю с самого начала. И приказал он вывести Эльфина из темницы, и укорял его за хвастовство. И сказал он так: "Эльфин, да будет тебе известно, что неразумно человеку уповать на добродетели своей жены дальше, чем он может ее видеть; и чтобы ты мог убедиться в порочности своей жены, посмотри на ее палец с твоим перстнем, который был срезан с ее руки прошлой ночью, когда она спала сном опьянения". Тогда Эльфин произнес: "С твоего позволения, могущественный король, я не могу отрицать своего перстня, ибо он известен многим; но истинно утверждаю, что палец, на котором он находится, никогда не был прикреплен к руке моей жены; ибо истинно и несомненно есть три примечательные вещи, относящиеся к нему, ни одна из которых никогда не принадлежала ни одному из пальцев моей жены. Первая из них заключается в том, что мне доподлинно известно, что это кольцо никогда бы не осталось на ее большом пальце, так как вы можете видеть, что его трудно натянуть на сустав мизинца той руки, на которой оно было срезано. Второе: с тех пор как я ее знаю, моя жена ни разу не пропускала ни одной субботы, чтобы не подстричь ногти перед сном, и вы можете убедиться, что ноготь на этом мизинце не стригся уже месяц. Третье - это то, что рука, из которой появился этот палец, месила ржаное тесто в течение трех дней до того, как палец был отрезан, и я могу заверить ваше высочество, что моя жена никогда не месила ржаное тесто с тех пор, как она стала моей женой".

Король сильно разгневался на Эльфина за то, что тот так упорно противостоял ему, говоря о доброте его жены; поэтому он приказал посадить его в темницу во второй раз, сказав, что его не выпустят оттуда, пока он не докажет истинность своего хвастовства, как в отношении мудрости своего барда, так и в отношении добродетелей своей жены.

Тем временем его жена и Талиесин остались радоваться в жилище Эльфина. И Талиесин показал своей госпоже, что Эльфин сидит в тюрьме из-за них; но он велел ей радоваться, ибо он отправится ко двору Мэлган, чтобы освободить своего господина. Так он оставил свою госпожу и пришел ко двору Маэлгана, который собирался расположиться в своем зале и пообедать в королевской чете, как это было принято в те времена у королей и принцев на каждом главном празднике. Как только Талиесин вошел в зал, он расположился в тихом уголке, неподалеку от того места, где обычно собирались барды и менестрели, чтобы исполнить свою службу и долг перед королем, как это принято на больших праздниках, когда провозглашаются щедроты. И вот, когда барды и глашатаи пришли возгласить щедрость и провозгласить власть короля и его силу, в тот момент, когда они проходили мимо угла, где он присел, Талиесин выпятил губы вслед за ними и заиграл "Blerwm, blerwm!", приложив палец к губам. Не обращая на него внимания, они шли вперед, пока не оказались перед королем, которому поклонились всем телом, как было принято, не говоря ни слова, но выпячивая губы и разевая рот на короля, играя пальцами на губах "Blerwm, blerwm!", как они видели, что

делал мальчик. От этого зрелища король удивился и решил, что они опьянели от множества напитков. Тогда он велел одному из своих господ, служивших в совете, пойти к ним и попросить их собраться с духом и подумать, в каком положении они находятся и что им подобает делать. И этот лорд сделал это с радостью. Но они не прекратили своего безрассудства еще больше, чем прежде. Тогда он послал к ним во второй раз, и в третий, требуя, чтобы они вышли из зала. В последний раз король приказал одному из своих оруженосцев нанести удар главному из них, по имени Хейнин Вардд; оруженосец взял метлу и ударил его по голове, так что тот упал на свое место. Тогда он встал, опустил на колени и попросил милости короля показать, что они виноваты не по незнанию, не по пьянству, а под влиянием какого-то духа, который был в зале. И он заговорил следующим образом: "О досточтимый король, да будет известно вашей милости, что не от силы выпитого или от чрезмерного количества спиртного мы онемели, а под влиянием духа, который сидит в углу вон там, в виде ребенка". Тогда король приказал оруженосцу привести его; и тот отправился в уголок, где сидел Талиесин, и привел его к королю, который спросил его, кто он такой и откуда пришел. И ответил он королю в стихах:

"Главный бард я в Эльфине,
И родина моя - край летних звезд;
Я был в Азии с Ноем в ковчеге,
Я видел разрушение Содома и Гоморры,
Я был в Индии, когда строился Рим,
теперь я пришел сюда, к остатку Трои".

Когда царь и его вельможи услышали эту песню, они очень удивились, ибо никогда не слышали подобного от такого юного мальчика, как он. И когда король узнал, что это бард Эльфина, он велел Хейнину, своему первому и мудрейшему барду, ответить Талиесину и помериться с ним силами. Но когда тот пришел, он не смог ничего сделать, кроме как сыграть на губах "Blerwm!"; и когда он послал за остальными из четырех и двадцати бардов, все они поступили так же, и не смогли сделать ничего другого. И спросил Мэлган мальчика Талиесина, каково его поручение, и тот ответил ему в песне:

"Эльфин, сын Гвидно,
Находится в стране Артро,
Охраняемый тринадцатью замками,
За то, что он восхваляет своего наставника.
Поэтому я, Талиесин,
Вождь бардов запада,
Освобожу Эльфина
Из золотых оков".

Затем он спел им загадку:

"Узнайте вы, что такое
Сильное создание до потопа,
Без плоти, без костей,
Без жилы, без крови,
Без головы, без ног;
Оно не будет ни старше, ни моложе
чем в начале.

Смотри, как море белеет
Когда оно приходит первым,
Когда оно приходит с юга,
Когда оно ударяется о берега.
Оно в поле, оно в лесу,
Но глаз не может его увидеть.
Одно Существо подготовило его,
Огромным взрывом,
Чтобы отомстить
На Мазлган Гвинедд".

Пока он пел свой стих, поднялся сильный ураганный ветер, так что король и все его вельможи подумали, что замок рухнет им на головы. И король велел поспешно вывести Эльфина из темницы и поставить его перед Талиесином. И говорят, что он тут же запел стих, так что цепи расстегнулись у него на ногах.

После этого Талиесин привел к ним жену Эльфина и показал, что у нее нет ни одного лишнего пальца. Так он освободил своего господина из темницы, защитил невинность его госпожи и заставил бардов замолчать, так что ни один из них не осмелился произнести ни слова. Рад был Эльфин, рад был Талиесин.

МИФЫ О ГЕРОЯХ БРИТАНСКОЙ РАСЫ

БЕОВУЛЬФ

Среди имен героев британской расы выделяется имя Беовульфа, которое особенно привлекает всех англоязычных людей, ведь он - единственный герой, в истории которого мы можем увидеть идеалы наших английских предков, прежде чем они покинули свой континентальный дом и отправились на острова Британии.

Хотя в отрочестве и юности этот герой отличился многочисленными силовыми подвигами, широкую известность он приобрел, избавив Хротгара, короля Дании, от чудовища Гренделя. Грендель был наполовину чудовищем, наполовину человеком, и обитал он в болотистой местности неподалеку от жилища Хротгара. Ночь за ночью он пробирался в большой дворец короля под названием Хеорот и убивал иногда до тридцати спящих там рыцарей.

Беовульф встал во главе отборного отряда воинов, вышел против чудовища и после страшной схватки сразил его. Следующей ночью мать Гренделя, чудовище, не менее страшное, чем ее сын, унесла одного из самых смелых пажей Хротгара. И снова Беовульф пришел на помощь датскому королю, проследил за чудовищем до ее логова на дне грязного озера посреди болота и своим добрым мечом Хрунтом и собственными мускулистыми руками свернул шею морской женщине.

Вернувшись в свою страну геатов с почестями, возложенными на него Хротгаром, Беовульф служил королю Геатландии как самый доверенный советник и защитник. Когда через много лет король пал перед врагом, геаты единодушно выбрали Беовульфа своим новым королем. Его воинская слава уберегла страну от нашествия, а государственная мудрость способствовала процветанию и счастью.

Однако на пятидесятом году правления Беовульфа на страну обрушился великий ужас в виде чудовищного огненного дракона, который ночью вылетел из своего логова в скалах, озаряя черноту своим пылающим дыханием и сжигая дома и усадьбы, людей и скот пламенем из своей пасти. Когда до Беовульфа дошла весть о том, что его народ страдает и гибнет и что ни один воин не решается рискнуть жизнью, чтобы избавить страну от этого смертельного опустошения, престарелый король взял в руки щит и меч и вышел на свой последний бой. У входа в пещеру дракона Беовульф возвысил голос и яростным криком бросил вызов грозному стражу логова. Страшно зарывчав и сложив свои светящиеся крылья, дракон бросился вперед и наполовину полетел, наполовину спрыгнул на Беовульфа. Началась страшная схватка, закончившаяся тем, что Беовульф пробил чешуйчатую броню дракона и нанес ему смертельную рану, но, увы, сам получил рану в шею от отравленных клыков своего противника, от которой и умер. Когда он лежал на земле, поддерживаемый Виглафом, почтенным воином, помогавшим ему в борьбе с драконом, Беовульф пришел в себя и, схватив Виглафа за руку, сказал:

"Теперь ты должен позаботиться о нуждах народа;
Здесь я больше не живу, ибо Судьба зовет меня!
Прикажи моим воинам после моего погребального костра
Постройте мне погребальный курган на вершине морского утеса;
Чтоб мореплаватели Курган Беовульфа
Отныне назовут его, и будут гнать далеко-далеко
Над могучим потоком свои пенистые кили.
Ты последний из всех родственников Вагмунда!
Вирд сместил всех моих сородичей, всех храбрых вождей!
Теперь я должен последовать за ними!"

Произнеся эти последние слова, король геатов, отважно искавший опасностей и неустрашимо взиравший на смерть и судьбу, упал замертво. Согласно его последним желаниям, его последователи собрали дрова и сложили их на вершине скалы. На этот погребальный костер положили тело Беовульфа и сожгли его в прах. Затем на том же утесе Хронессе был воздвигнут огромный погребальный каирн, широкий и возвышенный, который впоследствии стал называться Курганом Беовульфа.

КУХУЛЕН, ЧЕМПИОН ИРЛАНДИИ

Среди всех ранних литератур Европы есть две, находясь в совершенно противоположных уголках континента, демонстрируют наиболее поразительно схожие черты. Это греческая и ирландская, а легенда об ирландском чемпионе Кухулайне, которая хорошо иллюстрирует сходство этих литератур, имеет настолько близкое сходство с историей Ахилла, что этот герой получил титул "ирландского Ахилла". Безусловно, по безрассудной храбрости, силе внушения ужаса, чувству личной заслуги и откровенности речи ирландский герой полностью равен могучему греку.

Кухулайн был племянником короля Ольстера Конора, сыном его сестры Дехтире, и говорят, что его отцом был не смертный человек, а великий бог Луг из Длинной Руки. Воспитанием Кухулина занимался сам король Конор, и еще в детстве его слава распространилась по всей Ирландии. Его воинские подвиги были подвигами опытного воина, а не ребенка ясельного возраста, и к семнадцати годам Кухулену не было равных среди чемпионов Ольстера.

После женитьбы Кухулайна на Эмер, дочери Форгалла Хитрого, друида с огромной властью, супруги поселились в Армаге, столице Ольстера, под защитой короля Конора. Здесь жил один вождь, Брикriu из Горького Языка, который, подобно Терситу из греческих вождей, любил устраивать пакости. Вскоре он разработал планы по разжиганию розни среди героев Ольстера, лидерами которых были могучий Лаэгайр, Коналл Кирнах, двоюродный брат Кухулина, и сам Кухулин. Пригласив членов двора короля Конора на обед, Брикriu устроил состязание, кому достанется "чемпионская доля", и так преуспел в этом, что, чтобы избежать кровавой драки, три упомянутых героя решили передать свои претензии на первенство в Ирландии королю Коннаутскому Эйлилу.

Эйлилл подверг героев неожиданному испытанию. Обед им подали в отдельной комнате, в которую король послал трех волшебных зверей в облике чудовищных кошек. Увидев их, Лаэгайр и Коналл поднялись с трапезы, забрались на стропила и просидели там всю ночь. Кухулен подождал, пока одна из кошек нападет на него, а затем, выхватив меч, поразил чудовище. Оно больше не подавало признаков борьбы, а на рассвете волшебные звери исчезли.

Поскольку Лаэгайр и Коналл заявили, что это испытание было нечестным, Эйлилл отправил трех соперников к Курю из Керри, справедливому и мудрому человеку, который решил выявить с помощью чародейства и волшебства лучшего среди героев. По очереди они стояли на страже у замка Куря, где Лаэгайра и Конала одолел огромный великан, который метнул копья из могучих дубов, а затем перебросил их через стену во двор. Кухулен в одиночку выстоял против великана, после чего на него напали другие волшебные враги. Среди них был дракон, прилетевший на страшных крыльях из соседнего озера и, казалось, готовый пожрать все на своем пути. Кухулен вскочил на ноги, совершил свой чудесный прыжок, просунул руку в пасть дракона, в его горло и вырвал сердце. Когда чудовище упало замертво, он отрубил ему чешуйчатую голову.

Поскольку противники Кухулина все еще не признавали его первенства, им всем троим было велено вернуться в Армаг, чтобы дожидаться решения Куря. Случилось так, что однажды ночью в большом зале собрались все герои Ольстера, кроме Кухулайна и его двоюродного брата Конала. Когда они сидели в порядке очередности, вошел страшный незнакомец, гигантского роста, отвратительного вида, с хищными желтыми глазами. В руке он держал огромный топор с острым и блестящим острием. На вопрос короля Конора о том, что он здесь делает, незнакомец ответил:

"Вот мой топор! Тот, кто схватит его сегодня, может отрубить мне голову, если завтра я таким же образом отрублю ему голову. Если у тебя не найдется защитника, который осмелится противостоять мне, я скажу, что Ольстер потерял свою храбрость и опозорен".

Лаэгайр сразу же принял вызов. Великан положил голову на глыбу, и герой ударом ноги отсек ее от тела. Тогда великан встал, взял голову и топор, и так, без головы, вышел из зала. Но на следующую ночь, когда он вернулся, как всегда, здоровый, чтобы потребовать исполнения обещания Лаэгайра, сердце последнего не выдержало, и он не вышел вперед. Тогда незнакомец стал насмехаться над людьми Ольстера за то, что их великий чемпион не сдержал своего договора и не принял удар, который должен был получить в ответ на свой.

Мужчины Ольстера были пристыжены, но Коналл Сирнах, присутствовавший в ту ночь, заключил с незнакомцем новый договор. Он нанес удар, обезглавивший великана, но когда тот вернулся на следующий вечер целым и невредимым, чемпиона уже не было.

Теперь настала очередь Кухулина, который, как и другие, одним ударом отрубил великану голову. На следующий день члены двора Конора наблюдали за Кухуленом, чтобы узнать, что он будет делать. Они не удивились бы, если бы он потерпел поражение, как и другие, присутствовавшие здесь. Однако чемпион не проявлял никаких признаков неудачи или отступления. Он скорбно сидел на своем месте и со вздохом сказал королю Конору, пока они ждали: "Не покидайте это место, пока все не закончится. Смерть придет ко мне очень скоро, но я должен выполнить свой договор, ибо скорее умру, чем нарушу свое слово".

Ближе к концу дня в зал вошел незнакомец, ликуя.

"Где Кухулен?" - воскликнул он.

"Здесь я", - был ответ.

"Ах, бедный мальчик! Твоя речь сегодня печальна, и страх смерти лежит на тебе тяжелым грузом; но, по крайней мере, ты искупил свое слово и не подвел меня".

Юноша поднялся со своего места, подошел к нему, стоявшему с большим топором наготове, и опустился на колени, чтобы принять удар.

Герой Ольстера положил голову на колодку, но великан не успокоился. "Вытяни шею получше", - сказал он.

"Ты играешь со мной, чтобы помучить меня", - ответил Кухулен. "Убей меня поскорее, ведь я не заставил тебя ждать прошлой ночью".

Однако он вытянул шею, как было приказано, и незнакомец поднял свой топор, пока тот не загрохотал по стропилам зала, подобно треску падающих в бурю деревьев. Когда топор с ужасающим звуком обрушился вниз, все мужчины со страхом посмотрели на Кухулина. Опускающийся топор даже не задел его; он упал тупой стороной на землю, а юноша стоял на коленях и не пострадал. Улыбаясь ему и опираясь на топор, стоял не страшный и отвратительный незнакомец, а Курой из Керри, пришедший наконец вынести свое решение.

"Встань, Кухулайн, - сказал Курой. "Среди всех героев Ольстера нет никого, кто мог бы сравниться с тобой в храбрости, верности и правде. С этого дня первенство среди героев Ирландии принадлежит тебе, и на всех пирах ты получаешь порцию чемпиона; а твоей жене я отдаю первое место среди всех женщин Ольстера. Горе тому, кто осмелится оспорить это решение!" После этого Курой исчез, а воины собрались вокруг Кухулина, и все в один голос провозгласили его чемпионом героев всей Ирландии - титул, который сохранился за ним до сих пор.

Это одна из многих историй, рассказанных об ирландском чемпионе, чьи подвиги храбрости могли бы заполнить многие страницы. В конце концов, Кухулайн погиб на поле боя, после поединка, в котором он проявил всю свою обычную галантность, но в котором для его победы были использованы нечестные средства.

Для Уэльса и Англии на протяжении веков Артур был представителем "очень нежного идеального рыцаря". Аналогичным образом на острове-сестре Англии Кухулен олицетворяет самые высокие идеалы ирландских гэлов.

ПОМИНКИ ПО ЭРУАРДУ

Херевард Поминки (или "Бдительный") - один из тех героев, чья дата может быть установлена с достаточной степенью точности, но в чьей истории присутствуют мифологические элементы, которые, кажется, принадлежат всем эпохам. Фольклор примитивных рас - это великое хранилище, из которого народ может выбрать сказки и героические деяния для прославления своего национального героя, не заботясь о том, что те же самые сказки и деяния были у других народов и других героев. Так случилось, что Херевард Саксонский, герой-патриот, столь же реальный и действительный, как Нельсон или Джордж Вашингтон, чьи деяния были записаны в прозе и стихах в течение сорока лет после его смерти, даже тогда был окружен облаком романтики и тайны, которое скрывало в неясности его семью, его брак и даже его смерть.

Вкратце можно сказать, что Херевард был родом из Линкольншира и находился в расцвете сил около 1070 года. В том же году он присоединился к отряду датчан, появившихся в Англии, напал на Питерборо и разграбил тамошнее аббатство, после чего укрылся на острове Эли. Здесь его осадил Вильгельм Завоеватель, и в конце концов он был вынужден уступить норманну. Таким образом, он стал защитником побежденного саксонского рода, и его имя передается по наследству как имя любимого героя саксов. За его великолепную защиту Эли они простили его окончательную капитуляцию перед герцогом Вильгельмом; они приписали ему все добродетели, которые, как предполагалось, присущи свободнорожденным, и всю славную доблесть, которой гордились англичане; и, наконец, они окружили его смерть ореолом отчаянной борьбы и сделали его последний конфликт таким же чудесным, как у Роланда в Ронсесвальсе. Если Роланд - идеал норманнского феодального рыцарства, то Херевард - идеал англосаксонской мужественности и рыцарства.

Рассказ об одном из приключений Хереварда в юности послужит иллюстрацией к историям, повествующим о его доблести. Во время вынужденного визита в Корнуолл он узнал, что король Алеф, мелкий британский вождь, обручил свою прекрасную дочь с ужасным пиктским великаном, разорвав для этого ее союз с принцем Сигтригом Уотерфордским, сыном датского короля в Ирландии. Херевард, всегда отличавшийся рыцарским характером, поссорился с великаном и убил его в честном бою, после чего король бросил его в темницу. Однако в следующую ночь освобожденная принцесса устроила так, что галантный саксонец был освобожден и отправлен горячими ногами за своим возлюбленным, принцем Сигтригом. После многочисленных приключений Херевард добрался до принца, который поспешил вернуться в Корнуолл вместе с юным героем. Но, к несчастью обоих, по прибытии они узнали, что принцесса только что обручилась с диким корнуолльским героем Хако, и свадебный пир должен был состояться в тот же день. Сигтриг тут же отправил к королю Алефу отряд из сорока датчан, требуя исполнения верности брачного союза между ним и его дочерью и угрожая местью в случае его нарушения. На эту угрозу король ничего не ответил, и ни один датчанин не вернулся, чтобы рассказать о своем приеме.

Сигтриг хотел дождаться утра, уповая на честь короля, но Херевард переоделся в менестреля и добился допуска на пир невесты, где вскоре снискал аплодисменты своим прекрасным пением. Жених, Хако, в восторге предложил ему любое благодеяние, но он потребовал лишь кубок вина из рук невесты. Когда она поднесла ему кубок, он бросил в пустой кубок обручальное кольцо, которое она послала Сигтригу, и сказал: "Я благодарю тебя, госпожа, и хочу вознаградить тебя за твою мягкость к странствующему менестрелю; я возвращаю кубок, еще более богатый добрыми мыслями, о которых он свидетельствует". Принцесса

посмотрела на него, заглянула в кубок и увидела свое кольцо; затем, взглянув еще раз, она узнала своего избавителя и поняла, что спасение близко.

Пока люди пировали, Херевард слушал и говорил, и узнал, что сорок датчан были пленниками, которых должны были отпустить на следующий день, когда Хако будет уверен в своей невесте, но отпустили их бесполезными и жалкими, так как они дрейфовали вслепую. Хако увозил свою прекрасную невесту в свои края, и Херевард понял, что для успешного спасения необходимо попытаться сделать это в походе.

Вернувшись в Сигтриг, молодой сакс рассказал обо всем, что узнал, и датчане спланировали засаду в овраге, где Хако решил ослепить и освободить своих пленников. Все было осуществлено в точности так, как задумал Херевард. Корнуэльцы с датскими пленниками прошли первыми, не нападая; следом за ними выехал Хако, мрачный и свирепый, рядом со своей молчаливой невестой: он ликовал от успеха, она с нетерпением ждала признаков спасения. Когда они проезжали мимо, Херевард выскочил из своего укрытия с криком: "На них, датчане, и освободите своих братьев!" и сам сбил Хако с ног, отрубив ему голову. Произошла короткая схватка, но вскоре спасшиеся датчане смогли помочь своим освободителям, и все корнуэльские стражники были убиты; люди короля Алефа, никогда не проявлявшие особого рвения к делу Хако, бежали, и датчане остались хозяевами поля.

Сигтриг тем временем позаботился о безопасности принцессы, и теперь, поставив ее между собой и Херевардом, проводил на корабль, который вскоре доставил их в Уотерфорд и на счастливую свадьбу. Принц и принцесса Уотерфорда всегда признавали в Хереварде своего избавителя и лучшего друга и в знак благодарности желали, чтобы он всегда жил с ними; но бродячий и дерзкий нрав героя не позволил ему остепениться, а наоборот, побудил его к ратным подвигам в других землях, где он быстро завоевал славу, не имеющую себе равных.

РОБИН ГУД

Среди самых ранних реликвий англосаксонского языка - песни и легенды о Робин Гуде и его веселых разбойниках, которые очаровывают читателей, как молодых, так и старых, уже более шестисот лет. Эти занимательные истории восходят к тому времени, когда Чосер писал свои "Кентерберийские рассказы", когда на смену современной печатной книге пришли менестрель и писец.

Вопрос о том, был ли Робин Гуд реальным человеком, задается уже много лет, как и аналогичный вопрос о Вильгельме Телле и других людях, которых все предпочитают принимать на веру. На него нельзя ответить коротким "да" или "нет", хотя ученые люди перелопатили древние записи и написали книги на эту тему. Согласно общепринятому мнению, Робин был разбойником во времена правления Ричарда I, когда в глубине Шервудского леса он развлекал сотню рослых мужчин, все из которых были хорошими лучниками, добычей, которую он взял; при этом "он не позволял притеснять ни одну женщину, ни к кому не приставал; имущество бедняков он щадил, обильно снабжая их тем, что кражами добывал в аббатствах и домах богатых карлов". Поэтому Робин пользовался огромной популярностью у простого народа.

Эта популярность распространялась от вождя до всех членов его отряда. "Боже, храни Робин Гуда и всех его добрых йоменов" - так заканчиваются многие старинные баллады. Ловкий лучник, способный перестрелять своих товарищей, храбрый йомен, стойко переносящий удары, и человек, способный быть верным своим друзьям в горе и радости, были любимы во все времена; они были идеализированы в образах Робин Гуда и его веселых разбойников.

Одна из самых известных историй об этой колоритной фигуре ранних английских времен рассказана сэром Вальтером Скоттом в романе "Айвенго" и повествует о состязании лучников во времена правления или неправления принца Джона, когда Ричарда не было в королевстве. Робин Гуд под вымышленным именем Локсли смело заявляется на королевский турнир в Эшби в качестве претендента на приз в стрельбе из длинного лука. Из восьми или десяти лучников, принявших участие в состязании, их число в конце концов сокращается до двух: Хьюберта, лесника на службе у одного из королевских вельмож, и Локсли, или Робин Гуда. Хьюберт делает первый выстрел в финальном испытании мастерства, и его стрела попадает во внутреннее кольцо мишени, но не точно в центр.

"Ты не учел ветер, Хьюберт, - сказал Локсли, - иначе выстрел был бы лучше".

"Сказав это и не выказав ни малейшего беспокойства по поводу своей цели, Локсли подошел к назначенному месту и пустил стрелу так небрежно, словно и не смотрел на метку. Он заговорил почти в тот же миг, когда древко покинуло тетиву, но стрела угодила в мишень на два дюйма ближе к белому пятну, обозначавшему центр, чем у Хьюберта.

"Клянусь небесами! - сказал принц Джон Хьюберту, - если ты позволишь этому бестолковому плуту одолеть тебя, ты достоин виселицы!

"У Губерта была только одна речь на все случаи жизни. Если бы ваше высочество вздумало меня повесить, - сказал он, - человек мог бы только сделать все, что в его силах. Тем не менее, мой внук сделал хороший поклон...

"Проклятье твоему внуку и всему его роду!" - прервал его Джон; "Стреляй, плут, и стреляй изо всех сил, иначе тебе будет хуже!

"Напутствуемый таким образом, Хьюберт занял свое место и, не пренебрегая предостережением, полученным от своего противника, сделал необходимую поправку на легкий ветер, который только что поднялся, и выстрелил так удачно, что его стрела угодила в самый центр мишени.

"Губерт! Губерт!" - закричали жители, больше заинтересованные в знакомом человеке, чем в незнакомце. "В кулак! В кулак! Губерт навсегда!

"Ты не сможешь исправить этот выстрел, Локсли", - сказал принц с оскорбительной улыбкой.

"А вот я зарублю ему древко", - ответил Локсли.

"И, пустив стрелу с большей осторожностью, чем прежде, он попал прямо в своего соперника, который разлетелся на куски. Люди, стоявшие вокруг, были так поражены его удивительной ловкостью, что даже не могли выразить свое удивление обычным криком. "Это, должно быть, дьявол, а не человек из плоти и крови", - шептались между собой старшины; "такой стрельбы из лука не видели с тех пор, как лук впервые согнули в Британии".

"А теперь, - сказал Локсли, - я попрошу разрешения у вашей милости установить такой знак, какой используется в Северной стране, и приглашаю каждого храброго йомена, который попробует выстрелить из него, чтобы получить улыбку от милой девушки, которую он любит больше всего".

После этого Локсли устанавливает ивовый жезл длиной в шесть футов и толщиной с большой палец. Хьюберт вынужден отказаться от чести принять участие в таком испытании мастерства стрельбы из лука, но его соперник легко раскалывает палочку на расстоянии трехсот футов и уносит приз.

"Даже принц Джон, восхищенный мастерством Локсли, на мгновение утратил неприязнь к его персоне. "Эти двадцать дворян, - сказал он, - которых с помощью горна ты честно завоевал, принадлежат тебе; мы сделаем их пятьдесят, если ты примешь ливрею и будешь служить у нас в качестве старшины нашей телохранительницы и находиться рядом с нашей персоной. Ибо никогда еще столь сильная рука не сгибала лук и столь верный глаз не направлял древко". [Сноска: Айвенго, т. 1, гл. XIII].

Однако Локсли заявляет, что поступить на службу к принцу невозможно, щедро делится своим призом с достойным Юбером и вновь удаляется в свои любимые места среди света и тени доброго зеленого леса.

ГЛОССАРИЙ

Абдальрахман, основатель независимой сарацинской державы Оммиадов в Испании, завоеванной в Туре Карлом Мартелом

Аберфрау, место бракосочетания Бранвен и Матолха

Абсирт, младший брат Медеи

Абидос, город на Геллеспонте, почти напротив Сестоса

Абила, гора или Колумна, гора в Марокко, недалеко от Сеуты, сейчас называется Джебель Муса или Обезьяний холм, образует северо-западную оконечность африканского побережья напротив Гибралтара (см. Геркулесовы столпы)

Ацест, сын троянки, которую отец отправил на Сицилию, чтобы ее не сожрали чудовища, населявшие Трою.

Ацет, вакханка, захваченная Пентеем

Ахат, верный друг и спутник Энея

Ахелус, речной бог самой большой реки Греции - его Рог изобилия

Ахилл, герой "Илиады", сын Пелея и Нереиды.

Фетида, убитая Парисом

Ацис, юноша, любимый Галатеей и убитый Полифемом

Аконтий, прекрасный юноша, влюбившийся в Кидиппу, дочь знатного афинянина.

Акрисий, сын Абаса, царя Аргоса, внук Линкея, правнук Даная.

Актеон, знаменитый охотник, сын Аристея и Автонои, который, увидев купающуюся Диану, был превращен ею в оленя и убит своими же собаками.

Адмета, дочь Эврисфея, мечтает о поясе Ипполиты.

Адмет, фессалийский царь, спасенный от смерти Алкестидой.

Адонис, юноша, любимый Афродитой (Венерой) и Прозерпиной; убит ведром.

Адраст, царь Аргоса.

Эак, сын Зевса (Юпитера) и Эгины, прославившийся во всей Греции своей справедливостью и благочестием.

Эя, остров Цирцеи, который посетил Улисс.

Эет, или Ээта, сын Гелиоса (Солнца) и Персеиды, отец Медеи и Абсирта.

Эгей, царь Афин.

Эгина, скалистый остров в середине Саронического залива.

Эгида, щит или нагрудный знак Юпитера и Минервы.

Эгисф, убийца Агамемнона, убитый Орестом.

Эней, троянский герой, сын Анхиза и Афродиты (Венеры), родившийся на горе Ида, считается первым поселенцем Рима,

Энеида, поэма Вергилия, повествующая о странствиях Энея из Трои в Италию.
Трои в Италию,

Эол, сын Эллина и нимфы Орсеиды, представленный у Гомера как счастливый правитель Эоловых островов, которому Зевс дал власть над ветрами,

Эскулапий, бог врачебного искусства,

Эсон, отец Ясона, которого Медея снова сделала молодым,

Эфиопы, жители страны к югу от Египта,

Аэтра, мать Тесея от Эгея,

Аетна, вулкан на Сицилии,

Агамед, брат Трофония, выдающийся архитектор,

Агамемнон, сын Плистениса и внук Атрея, царь Микен.

Агамемнон, сын Плистены и внук Атрея, царь Микен, хотя и был главным полководцем греков, не является
герой "Илиады", а по рыцарскому духу и вовсе уступает
Ахиллесу,

Агава, дочь Кадма, жена Эхиона и мать Пентея,

Агенор, отец Европы, Кадма, Киликса и Феникса,

Аглая, одна из Граций,

Агни, индуистский бог огня,

Аграмант, царь в Африке,

Агрикан, сказочный царь Тартарии, преследовавший Анжелику и в конце концов убитый Орландо,

Агривен, один из рыцарей Артура,

Ариман, злой дух в дуальной системе Зороастра, см.
Ормузд

Аякс, сын Теламона, царя Саламины, и внук Эака, представленный в "Илиаде" как второй после Ахилла по храбрости,

Альба, река, где король Артур сражался с римлянами,

Альба-Лонга, город в Италии, основанный сыном Энея,

Альберих, гном, хранитель рейнского золотого клада нибелунгов

Альбракка, осада,

Алкестис, жена Адмета, принесла себя в жертву, чтобы пощадить мужа, но была спасена Гераклом,

Алкид (Геракл),

Алкина, чародейка,

Алкиной, феакийский царь,

Алкиппа, дочь Марса, унесенная Галирротом,

Алкмена, жена Юпитера и мать Геракла,

Алкуин, английский прелат и ученый,

Альдровандус, карлик, хранящий сокровища,

Алекто, одна из фурий,

Александр Македонский, царь Македонии, завоеватель Греции,
Египта, Персии, Вавилонии и Индии,

Альфадур, имя Одина,

Альфхейм, обитель светлых эльфов,

Алиса, мать Хуона и Жирара, сыновей герцога Севинуса,

Альфенор, сын Ниобы,

Алфей, речной бог, преследовавший Аретузу, который спасся, превратившись в фонтан,

Алфея, мать Мелеагра, которого она убила за то, что он в ссоре убил ее братьев, опозорив тем самым "дом Фестия", ее отца,

Амалтея, кормилица младенца Юпитера на Крите,

Амата, жена Латина, доведенная Алекто до безумия,

Амаури из Хотевилля, лживый рыцарь Карла Великого,
Амазонки, мифическая раса воинственных женщин,
Амброзия, небесная пища, используемая богами,
Аммон, египетский бог жизни, отождествленный римлянами с фазами
Юпитера, отца богов,

Амфиарай, великий пророк и герой в Аргосе,
Амфион, музыкант, сын Юпитера и Антиопы (см. Дирс),
Амфитрита, жена Нептуна,
Амфирсос, небольшая река в Фессалии,
Ампикс, напавший на Персея, превратился в камень, увидев голову Горгоны,
Амрита, нектар, дарующий бессмертие,
Амун, см. Аммон

Амимона, одна из пятидесяти дочерей Даная и мать от
Посейдона (Нептуна) Науплиуса, отца Паламеда,

Анаксарета, кипрская дева, которая так надменно обращалась со своим любовником
Ифисом, что тот повесился на ее двери,

Анбесса, сарацинский губернатор Испании (725 г. н. э.),

Ансей, один из аргонавтов,

Анхис, возлюбленный Афродиты (Венеры), от которой он стал отцом Энея,

Андраэмон, муж Дриопы, увидевший ее превращенной в дерево,

Андрет, трусливый рыцарь, шпионил за Тристрамом,

Андромаха, жена Гектора.

Андромеда, дочь царя Кифа, избавленная от чудовища
Персей

Аневрин, валлийский бард

Анжелика, принцесса Катая

Анемона, недолговечный цветок ветра, созданный Венерой из крови убитого Адониса

Ангербодде, великанша-пророчица, мать Фенриса, Хелы и
Мидгардского змея

Англси, северный британский остров, убежище друидов, спасавшихся от римлян

Антей, ливийский борец-великан, убитый Гераклом, который, обнаружив, что он сильнее, когда его бросили на землю, поднял его в воздух и задушил

Антея, жена ревнивого Прозта

Аntenор, потомки в Италии

Антерос, божество, мстящее за безответную любовь, брат Эроса (Купидона)

Антор, грек

Антигона, дочь Эдипа, греческий идеал сыновней и сестринской верности

Антилох, сын Нестора

Антиопа, царица амазонок. См. Дирсе

Анубис, египетский бог, проводник мертвых на суд

Апеннины

Афродита См. Венера, Диона и т. д.

Апис, египетский бог быка из Мемфиса

Аполлон, бог музыки и песни

Аполлон Бельведерский, знаменитая античная статуя в Ватикане в Риме

Яблоки Гесперид, свадебные дары Юноны, охраняемые дочерьми Атласа и Гесперис, украденные Атласом для Геракла,

Аквилло, или Борей, северный ветер,

Аквитания, древняя провинция на юго-западе Франции,

Арахна, дева, искусная в ткачестве, превращенная Минервой в паука за то, что осмелилась соревноваться с ней.

Минервой за то, что она осмелилась соперничать с ней,

Аркадия, страна в центре Пелопоннеса, окруженная со всех сторон горами,

Аркадия, звезда, Полярная звезда,

Аркас, сын Юпитера и Каллисто,

Лучник, созвездие,

Ареопаг, суд в Афинах,

Арес, называемый римлянами Марсом, греческий бог войны и один из великих олимпийских богов,

Аретуза, нимфа Дианы, превращенная в фонтан,

Аргиус, король Ирландии, отец Исуды Прекрасной,
Арго, строитель судна Ясона для аргонавтической экспедиции,
Арголис, город Немейских игр,
Аргонавты, команда Ясона, ищущая Золотое руно,
Аргос, королевство в Греции,
Аргус, стоглазый, хранитель Ио,
Ариадна, дочь царя Миноса, которая помогла Тесею убить
Минотавра,

Ариманы ЮВ Ариман.

Аримаспы, одноглазый народ Сирии,

Арион, знаменитый музыкант, которого моряки бросили в море, чтобы ограбить, но его
лирическая песня очаровала дельфинов, один из которых благополучно доставил его на
сушу,

Аристей, пчеловод, влюбленный в Эвридику,

Арморика, другое название Британии,

Арридано, волшебный пройдоха, убитый Орландо,

Артемида ЮВ Диана

Артгалло, брат Элидура, король Британии,

Артур, король в Британии около 6 века,

Арунс, этруск, убивший Камиллу,

Асгард, дом северных богов,

Аштарот, жестокий дух, призванный с помощью чар довести Ринальдо до смерти,

Аск, первый человек, созданный из ясеня,

Астольф Английский, один из рыцарей Карла Великого,

Астрей, богиня правосудия, дочь Астрей и Эос,

Астиагес, нападавший на Персея,

Астианакс, сын Гектора из Трои, основал королевство Мессина в
Италии,

Асуи, противники браминских богов,

Аталанта, прекрасная дочь царя Икарии, которую полюбил и победил в беге Гиппомен,

Ате, богиня влюбленности, озорства и вины,

Атамас, сын Эола и Энареты, царь Орхомена, в
Беотия, ЮВ Ино

Афина, богиня-покровительница Афин, то же, что Минерва,

Афины, столица Аттики, примерно в четырех милях от моря, между небольшими реками
Цефисс и Илисс,

Атор, египетское божество, прародитель Исиды и Осириса,

Афон, гористый полуостров, также называемый Акте, который выступает из Халкидики в
Македонии,

Атлант, приемный отец Рогеро, могущественный маг,

Атлантида, согласно древней традиции, большой остров к западу от Геркулесовых столбов, в
океане, напротив горы Атлас,

Атлас, титан, который нес небеса на своих плечах в наказание за противостояние богам,
один из сыновей Иапета,

Атлас, гора, общее название горной цепи в северной Африке,

Атропос, одна из судеб

Аттика, государство в Древней Греции,

Аудхумбла, корова, от которой выкормили великана Ймира. Ее молоко было морозом,
превратившимся в капли дождя,

Авгиевы конюшни, очищенные Гераклом,

Аугеас, царь Элиды,

Эпоха Августа, правление римского императора Августа Цезаря, прославившегося многими
великими авторами,

Август, первый императорский цезарь, правивший Римской империей 31
ДО Н. Э. - 14 Н. Э.,

Аулис, порт в Беотии, место встречи греческой экспедиции против
Трои,

Аврора, тождественная Эос, богине рассвета,

Аврора Бореалис, великолепное ночное сияние в северном небе, называемое северным
сиянием, вероятно, электрическое,

Осень, спутница Фиб, Солнца,

Авалон, земля блаженных, земной рай в Западном
морях, место захоронения короля Артура,

Аватар, название любого из земных воплощений Вишну, хранителя (индуистского бога).
Хранителя (индуистский бог),

Авентин, гора, один из семи холмов Рима,

Авернус, миазматическое озеро на мысе между Кумами и ПUTEОЛАМИ, заполняющее кратер потухшего вулкана, древние считали его входом в адские области,

Авиценна, знаменитый арабский врач и философ,

Айя, мать Ринальдо,

Аймон, герцог, отец Ринальдо и Брадаманте,

В

Баал, царь Тира,

Вавилонская река, пересохшая, когда Фаэтон управлял солнечной колесницей,

Вакханалии - пир в честь Вакха, который разрешалось устраивать только раз в три года, сопровождавшийся самыми бесстыдными оргиями,

Вакханалы, почитатели и праздничные танцовщицы Вакха,

Вакх (Дионис), бог вина и веселья,

Бадон, битва при Бадоне, последняя победа Артура над саксами,

Багдемагус, король, рыцарь времен Артура,

Бальдур, сын Одина, в норвежской мифологии бог солнца,

Балисардо, меч Орландо,

Бан, король Бретани, союзник Артура, отец Лаунселота,

Барды, менестрели валлийских друидов,

Василиск ЮВ Какатрис

Бауцис, жена Филемона, которую посетили Юпитер и Меркурий,

Баярд, дикий конь, покоренный Ринальдо,

Бил, бог жизни у друидов,

Бедивер, рыцарь Артура,

Бедвер, дворецкий короля Артура, назначенный правителем Нормандии,

Бедвир, рыцарский товарищ Герайнта,

Белисарда, меч Рогеро,

Беллерофон, полубог, покоритель химер,

Беллона, римская богиня войны, представляемая как сестра или жена Марса,

Бельтайн, друидический праздник огня,
Белус, сын Посейдона (Нептуна) и Ливии или Эвриномы, брат-близнец Агенора,
Бендигейд Вран, король Британии,
Беовульф, герой и король шведских геатов,
Бероз, кормилица Семелы,
Берта, мать Орландо,
Бифрост, радужный мост между землей и Асгардом
Бладуд, изобретатель, строитель города Бат,
Бламор, рыцарь Артура,
Блеоберис, рыцарь Артура,
Беотия, государство в Древней Греции, столица - Фивы,
Бохорт, король, рыцарь Артура,
Бона Деа, римское божество плодородия,
Бутес, также называемый Ареас, сын Юпитера и Калисто, перешедший в созвездие Уrsa Майор,
Борей, северный ветер, сын Эола и Авроры,
Боспор (Босфор), Коровий брод, названный в честь Ио, когда она, будучи телкой, пересекла этот пролив,
Брадаманта, сестра Ринальдо, женщина-воин,
Брадемагус, король, отец сэра Малеганса,
Браги, норвежский бог поэзии,
Брахма, Творец, главный бог индуистской религии,
Бранвен, дочь Ллира, короля Британии, жена Мафклаха,
Бресиалианд, лес, где Вивиан заманила Мерлина,
Бренгвейн, служанка Исуды Прекрасной
Бреннус, сын Молмутия, отправился в Галлию, стал королем аллоброгов.
Аллоброгов,

Бреус, Бесславный, рыцарь-каитиф,
Бриарей, сто вооруженный великан,
Брис, епископ, поддерживавший Артура, когда тот был избран королем,
Брильядоро, конь Орландо,

Брисея, плененная служанка Ахилла,

Бритто, предполагаемый предок британцев,

Брухье, султан Аравии,

Брунелло, карлик, вор и король.

Брунгильда, предводительница валькирий,

Брут, правнук Энея и основатель города Новая Троя
(Лондон), ЮВ Пандрас

Брайан, сэра, рыцарь Артура,

Будда, прозванный Просветленным, реформатор брахманизма, обожествленный учитель самоотречения, добродетели, реинкарнации, кармы (неизбежной последовательности каждого действия) и нирваны (блаженного погружения в божественное), жил около

Библос, в Египте,

Бирса, первоначальное местоположение Карфагена,

С

Какус, гигантский сын Вулкана, убитый Гераклом, у которого он украл захваченный скот,

Кадм, сын Агенора, царя Финикии, и Телефаса, брат Европы, который в поисках своей сестры, унесенной Юпитером, пережил странные приключения - посеял в земле зубы убитого им дракона, из которых выросли вооруженные люди, убивавшие друг друга, все, кроме пяти, которые помогли Кадму основать город Фивы,

Кадуцей, посох Меркурия,

Кадвалло, король Венедотии (Северный Уэльс),

Керлеон, традиционная резиденция двора Артура,

Цезарь, Юлий, римский юрист, полководец, государственный деятель и писатель, завоевал и укрепил римскую территорию, сделав возможной империю,

Кайкус, греческая река,

Кэрны, друидические хранилища,

Кале, французский город на границе с Англией,

Калхас, мудрейший прорицатель среди греков в Трое,

Калибурн, меч Артура,

Каллиопа, одна из девяти муз.

Каллисто, аркадская нимфа, мать Аркаса (SEE Bootes), измененная Юпитером на созвездие Ursa Minor,

Кальпе, гора на юге Испании, в проливе между Атлантикой и Средиземным морем.
Атлантическим океаном и Средиземным морем, ныне Гибралтарская скала,

Калидон, дом Мелеагра,

Калипсо, царица острова Огия, где потерпел крушение Улисс и пробыл семь лет,

Кэмбер, сын Брута, губернатор Западного Альбиона (Уэльс),

Камелот, легендарное место в Англии, где находился двор и дворец Артура,

Камены, пророческие нимфы, принадлежащие к религии древней
Италии,

Камилла, вольскианская дева, охотница и воительница-амазонка, любимица Дианы,

Камлан, битва, в которой Артур был смертельно ранен,

Кентербери, английский город,

Капаней, муж Эвадны, убитый Юпитером за непослушание,

Капет, Хью, король Франции (987-996 гг. н. э.),

Карадок Брифбрас, сэр, внучатый племянник короля Артура,

Карахью, король Мавритании,

Карфаген, африканский город, родина Дидо

Кассандра, дочь Приама и Гекубы и сестра-близнец Елены, пророчица, которая предсказала
приход греков, но ей не поверили,

Кассибеллаунус, британский вождь, с которым сражался, но не победил
Цезарь,

Кассиопея, мать Андромеды,

Касталия, фонтан на Парнасе, дающий вдохновение оракульной жрице по имени Пифия,

Касталийская пещера, оракул Аполлона,

Касты (Индия),

Кастор и Поллукс - Диоскуры, сыновья Юпитера и Леды.

Кастор - всадник, Поллукс - боксер (см. Близнецы),

Кавказ, гора

Кавалл, любимая собака Артура,

Кайстер, древняя река,

Себрион, возница Гектора,

Кекропс, первый афинский царь,

Небожители, боги классической мифологии,

Целей, пастух, приютивший Цереру, искавшую Прозерпину, и чей сын Триптолем в благодарность был сделан Церерой великим,

Челлини, Бенвенуто, знаменитый итальянский скульптор и мастер по работе с металлами,

Кельтские народы, древние галлы и бритты, современные бретонцы, валлийцы, ирландцы и гэльские шотландцы,

Кентавры, первоначально древняя раса, обитавшая на горе Пелион в Фессалии, в более поздних рассказах представленная как полулошади и полулюди, и, как говорят, потомство Иксиона и облака,

Цефал, муж прекрасной, но ревливой Прокриды,

Цефей, царь эфиопов, отец Андромеды,

Цефис, греческий ручей,

Цербер, трехголовый пес, охранявший вход в Аид, названный сыном Тифона и Ехидны.

ЦЕРЕС (см. Деметра)

ЦЕСТУС, пояс Венеры

ЦЕЙКС, царь Фессалии (см. Халкион)

ХАОС, изначальная Путаница, персонифицированная греками как древнейший из богов

ХАРЛЕМАГН, король франков и император римлян

КАРЛ МАРТЕЛЬ, король франков, дед Карла Великого, прозванный Мартелем (Молотом) за поражение сарацинов при Туре

КАРЛОТ, сын Карла Великого

ХАРОН, сын Эребоса, перевозил в своей лодке тени умерших через реки нижнего мира

ЧАРЫБ'ДИС, водоворот у берегов Сицилии, см. Сцилла

ХИМАЭРА, огнедышащее чудовище, передняя часть тела которого была похожа на льва, задняя - на дракона, а средняя - на козла, убитое Беллерофоном

КИТАЙ, ламы (жрецы) из

ХОС, остров в Греческом архипелаге

ХИРОН, мудрейший из всех кентавров, сын Кроноса (Сатурна) и Филыра, жил на горе Пелион, наставник греческих героев

ХРИСЕЙ, троянская дева, взятая в плен Агамемноном

ХРИСЕЙ, жрец Аполлона, отец Хрисея.

КИКОНИАНЦЫ, жители Исмаруса, которых посетил Улисс

ЦИМБРИ, древний народ Центральной Европы

Киммерия, страна тьмы

Цимон, афинский полководец

Цирцея, колдунья, сестра Ээта

Цитаэрон, гора, место вакхического поклонения

Кларимунда, жена Хуона

Клио, одна из муз

Клоридан, мавр

Клото, одна из судеб

Климена, нимфа океана

Клитемнестра, жена Агамемнона, убитая Орестом

Клития, водная нимфа, влюбленная в Аполлона

Книдос, древний город в Малой Азии, место поклонения Афродите (Венера)

Какатрис (или василиск), прозванный царем змей, якобы убивающий своим взглядом

Коцит, река Аида

Колхида, царство к востоку от Черного моря

Колофон, один из семи городов, в которых родился Гомер

Колумба, святой, ирландский христианский миссионер в друидических частях Шотландии

Конан, валлийский король

Константин, греческий император

Кордейла, дочь мифического короля Лейра

Кориней, троянский воин в Альбионе

Корнуолл, юго-западная часть Британии

Кортана, меч Ожье

Корибанты, жрецы Кибелы, или Реи, во Фригии, которые отмечали ее поклонение танцами под звуки барабана и цимбал, 143

Краб, созвездие

Журавли и их враги, пигмеи, из Ибикуса

Креон, фиванский царь

Крит, один из крупнейших островов Средиземного моря, лежащий к югу от Кикладских островов.

Креуса, дочь Приама, жена Энея

Крокал, нимфа Дианы

Кромлех, друидический алтарь

Кронос, см. Сатурн

Кротона, город в Италии

Кухулен, ирландский герой, прозванный "Гончей Ирландии".

Кулдеи, последователи святого Колумбы, кумейская сивилла, жрица Кумы, с которой советовался Эней, продавшая сивиллины Тарквину

Купидон, дитя Венеры и бог любви

Курой из Керри, мудрец

Киан, река, противостояла проходу Плутона в Аид

Кибела (Рея)

Циклопы, существа с круглыми глазами, о которых Гомер говорит как о гигантской и незаконной расе пастухов в Сицилии, пожиравших людей; они помогали Вулкану ковать молнии Зевса при Аэдне

Цимбелин, король древней Британии

Супозура (Собачий хвост), Полярная звезда, в хвосте созвездия Урса Минор

Цинтийская горная вершина, место рождения Артемиды (Дианы) и Аполлона

Кипр, остров у побережья Сирии, священный для Афродиты

Кирена, нимфа, мать Аристея

Дедал, архитектор Критского лабиринта, изобретатель паруса

Дагенет, дурак короля Артура

Далай-лама, главный понтифик Тибета

Даная, мать Персея от Юпитера

Данаиды, пятьдесят дочерей Даная, царя Аргоса, которые были обручены с пятьюдесятью сыновьями Эгипта, но отец велел им в брачную ночь зарезать каждого своего мужа.

Данаус (см. Данаиды)

Дафна, дева, которую полюбил Аполлон и превратил в лавровое дерево

Дарданеллы, древний Геллеспонт

Дарданус, родоначальник троянских царей

Дардинел, князь Зумары

Рассвет, см. Аврора

День, служитель Фиба, Солнца

Дневная звезда (Гесперус)

Смерть, см. Хела

Деифоб, сын Приама и Гекубы, храбрый брат Париса

Деянира, жена Геракла

Делос, плавучий остров, место рождения Аполлона и Дианы

Дельфы, святилище Аполлона, прославленное своими оракулами

Деметра, греческая богиня брака и плодородия, отождествленная римлянами с Церерой

Демеха, Южный Уэльс

Демодок, бард Аломуса, царь феакийцев

Девкалион, фессалийский царь, который вместе со своей женой Пиррой был единственной парой, выжившей после потопа, посланного Зевсом.

Диа, остров

Диана (Артемиды), богиня луны и погони, дочь Юпитера и Латоны

Диана с ветвями, античная скульптура в Лувре, Париж

Диана, храм

Диктис, мореплаватель

Дидье, король лангобардов

Дидо, царица Тира и Карфагена, развлекала потерпевших кораблекрушение Энея

Диомед, греческий герой во время Троянской войны

Диона, женщина-титан, мать Зевса и Афродиты (Венеры).

Дионис См. Вакх

Диоскуры, близнецы (см. Кастор и Поллукс)

Дирса, жена фиванского царя Лика, который приказал Амфиону и Зету привязать Антиопу к дикому быку, но они, узнав, что Антиопа - их мать, так поступили с самой Дирсой

Дис См. Плутон

Дискорд, яблоко раздора, см. Эрис.

Дискордия, см. Эрис.

Додона, место, где находился оракул Зевса (Юпитера).

Дорсей, собака Дианы

Дорис, жена Нерея

Зубы дракона, посеянные Кадмом

Друиды, древние кельтские жрецы

Дриады (или дриады), см. Лесные нимфы

Дриопа, превращенная в растение лотос, за то, что ощипала зачарованную лотосом форму нимфы Лотис

Дубриций, епископ Керлеона,

Дадон, рыцарь, товарищ Астольфа,

Данвалло Молмутиус, британский король и законодатель

Дуриндана, меч Орландо или Ринальдо

Карлики в "Кольце Нибелунгов" Вагнера

Е

Земля (Гея); богиня

Эбудианцы

Эхо, нимфа Дианы, отвергнутая Нарциссом и превратившаяся в голос

Экленлид

Эдды, норвежские мифологические записи,

Эдерин, сын Нудда

Эгена, нимфа фонтана

Эйстедфод, собрание валлийских бардов и менестрелей

Электра, потерянная из Плеяд, также сестра Ореста

Элевсинские мистерии, учрежденные Церерой и призванные пробудить чувства благочестия и радостную надежду на лучшую жизнь в будущем

Элевсис, греческий город

Эльгинские мраморы, греческие скульптуры из афинского Парфенона, ныне хранящиеся в Британском музее в Лондоне, помещенные туда лордом Элгином

Элиорес, чародей

Элидур, король Британии

Элида, древнегреческий город

Элли, старость; единственный успешный борец с Тором

Эльфин, сын Гвиддира

Эльфы, духовные существа, обладающие многими силами и склонностями - одни злые, другие добрые

Эльвиднир, шар Хелы

Елисейские поля, земля блаженных

Елисейская равнина, куда любимцы богов попадали без смерти

Элизиум, счастливая земля, где нет ни снега, ни холода, ни барана. Туда переходят без смерти любимые герои, такие как Менелай, и живут счастливо под властью Радаманта. У латинских поэтов Элизиум - часть нижнего мира, место обитания теней блаженных.

Эмбла, первая женщина

Энселада, великана, побежденного Юпитером

Эндимион, прекрасный юноша, возлюбленный Дианы

Энид, жена Геральта

Энна, родина Прозерпины

Енох, патриарх

Эпидавр, город в Арголиде, на берегу Саронического залива, главное место поклонения Акулапию, чей храм находился недалеко от города

Эпиметей, сын Иапета, муж Пандоры, вместе со своим братом Прометей участвовал в создании человека

Эпир, страна к западу от Фессалии, лежащая вдоль Адриатического моря

Эпопей, мореплаватель

Эрато, одна из муз

Эрбин из Корнуолла, отец Герайнта

Эребус, сын Хаоса, область тьмы, вход в Аид

Эридан, река

Эринис, одна из фурий

Эрифила, сестра Полиника, подкупленная, чтобы принять решение о войне, в которой ее муж был убит

Эрис (Дискордия), богиня раздора. На свадьбе Пелея и

Эрис, будучи незваной, бросила в собравшихся яблоко.

"Для самой красивой", на которое претендовали Гера (Юнона), Афродита (Венера) и Афина (Минерва) Парис, призванный к суду приговор, присудил его Афродите.

Эрисихтон, неверующий, наказанный голодом

Эрос См. Купидон

Эритея, остров

Эрикс, гора, место обитания Венеры

Эсеп, река в Пафлагонии

Эстрильдис, жена Локрина, вытеснившая разведенную Гвендолен

Этеокл, сын Эипа и Иокасты

Этруски, древний народ Италии,

Этцель, царь гуннов

Эвбейское море, куда Геракл сбросил Лихаса, принесшего ему отравленную рубашку Несса

Эвд, король Аквитании, союзник Карла Мартела

Эвмей, свинопас из Эиаса

Эвмениды, также называемые Эринниями, а у римлян Фуриями или Дирами, божества-мстители, см. Фурии

Эвфорб, троянец, убитый Менелаем

Евфросинья, одна из Граций.

Европа, дочь финикийского царя Агенора, от Зевса мать Миноса, Радаманта и Сарпедона.

Эвр, восточный ветер

Эвриал, доблестный троянский воин, который вместе с Нисусом вошел в греческий лагерь, и оба были убиты,

Эвридика, жена Орфея, которая, спасаясь от поклонника, была убита змеей и унесена в Тартар, где Орфей искал ее и получил разрешение вернуть ее на землю, если он не будет оглядываться на нее, следуя за ним, но он оглянулся, и она вернулась в Тени,

Эврилох, спутник Улисса,

Эвринома, женщина-титан, жена Офлона.

Эврисфей, наставник Геракла,

Эвритион, кентавр (см. Гипподамия),

Эвтерпа, муза, ведавшая музыкой,

Эвадна, жена Капанея, которая бросилась на его погребальную кучу и погибла вместе с ним.

Эвандер, аркадский вождь, подружившийся с Энеем в Италии,

Эвниссиен, ссорящийся брат Бранвена,

Экскалибар, меч короля Артура,

Ф

Фафнер, великан, превратившийся в дракона, похититель сокровищ, по Солнечной теории просто Тьма, которая крадет день,

Фалерина, чародейка,

Фасольт, великан, брат Фафнера и убитый им,

"Фасты" Овидия, мифологический поэтический календарь,

ФАТА МОРГАНА, мираж.

ФАТЕС, три, описанные как дочери Ночи - для обозначения темноты и неясности человеческой судьбы или Зевса и Фемиды, то есть "дочери справедливых небес" - Кло'то, прядущая нить жизни, Лах'есис, держащая нить и фиксирующая ее длину, и Ат'ропос, обрывающая ее

ФАУНЫ, веселые сельванские божества, изображавшиеся в человеческом облике, с маленькими рожками, заостренными ушами и иногда козьим хвостом

ФАУНУС, сын Пикуса, внук Сатурна и отец Латина, почитался как божество-покровитель земледелия и пастухов, а также как податель оракулов

ФАВОНИЙ, западный ветер

ФЕАР

ФЕНРИС, волк, сын Локи, злого принципа Скандинавии, предположительно олицетворял стихию огня, разрушительную только в цепях

ФЕНСАЛИР, дворец Фрейи, называемый Залом Моря, где собирались вместе разлученные смертью любовники, мужья и жены

ФЕРРАГУС, великан, противник Орландо

ФЕРРАУ, один из рыцарей Карла Великого

ФЕРРЕКС. брат Поррекса, двух сыновей Лейра.

огнепоклонники, древняя Персия, см. парсы ФЛОЛЛО, римский трибун в Галлии

ФЛОРА, римская богиня цветов и весны

ФЛОРДЕЛИС, прекрасная дева, возлюбленная Флорисмарты

ФЛОРИСМАРТ, сэр, храбрый рыцарь,

ФЛОСШИЛЬДА, одна из дочерей Рейны

УДАЧЛИВЫЕ ПОЛЯ

ФОРТУНАТНЫЕ ОСТРОВА (см. Елисейская равнина)

ФОРУМ, рыночная площадь и открытая площадь для общественных собраний в Риме, окруженная зданиями суда, дворцами, храмами и т. д.

ФРАНЦУЗ, сын Гистиона, внук Иафета, правнук
Ноя, легендарный предок франков, или французов

ФРЕКИ, один из двух волков Одина.

ФРЕЙ, или Фрейр, бог солнца

ФРЕЙЯ, норвежская богиня музыки, весны и цветов

ФРИККА, богиня брака

ФРИГГА, богиня, которая управляла улыбающейся природой, посылая солнечный свет, дождь и урожай

ФРОХ, один из норвежских богов

Фронти'но, конь Рогеро

ФУРИИ (Эриннии), три духа-возмездия, карающие за преступления, представлялись в виде змееволосых старух, которых звали Алект, Мегейра и Тисифона

ФУСБЕРТА, меч Ринальдо

G

ГАЕА, или Ге, называемый римлянами Tellus, олицетворение земли, описывается как первое существо, возникшее из Хаоса и породившее Урана (Небо) и Понт (Море)

ГАХАРИЕТ, рыцарь при дворе Артура

ГАХЕРИС, рыцарь

ГАЛАФРОН, король Катая, отец Анжелики

ГАЛАХАД, сэр, чистокровный рыцарь Круглого стола Артура, который благополучно взял осаду Перилуса (см.)

ГАЛАТЕЯ, nereida или морская нимфа

ГАЛАТЕЯ, статуя, вырезанная и любимая Пигмалионом.

ГАЛЕН, греческий врач и философский писатель

ГАЛЛЕГАНТ, король Маркии

ГАММЫ, национальные атлетические состязания в Греции - Олимпийские, в Олимпии, Пифийские, около Дельф, место оракула Аполлона, Истмийские, на Коринфском перешейке, Немейские, в Немее в Арголиде

ГАН, вероломный герцог Маганса

Ганелон из Майенса, один из рыцарей Карла Великого

Гангес, река в Индии

ГАНО, пэр Карла Великого

ГАНИМЕД, прекраснейший из смертных, унесенный на Олимп, чтобы наполнить чашу Зевса и жить среди бессмертных богов

ГАРЕТ, рыцарь Артура

ГАУДИССО, султан

ГАУЛ, древняя Франция

ГАУТАМА, принц, Будда

ГАВАЙН, рыцарь Артура

ГАВЛ, сын Клуда, жених Рианнон

ГЕМИНИ (см. Кастор), созвездие, созданное Юпитером из братьев-близнецов после смерти, 158

ГЕНГИС-ХАН, татарский завоеватель

ГЕНИУС, по римским представлениям, защитный дух каждого отдельного человека, см. Юнона

ГЕОФФРЕЙ МОН'МОУТСКИЙ, переводчик на латынь валлийской "Истории королей Британии" (1150)

ГЕРАИНТ, рыцарь короля Артура

ГЕРДА, жена Фрея

ГЕРИ, один из двух волков Одина

ГЕРИОН, трехтелое чудовище

ГЕСНЕС, мореплаватель, посланный за Исудэ Прекрасной

ГИАЛЛАР ГОРН, труба, в которую Хеймдаль будет дуть в судный день

ГИГАНТЫ, существа чудовищного размера и страшного вида, представленные как постоянно противостоящие богам, в "Кольце Нибелунгов" Вагнера

Род Гибихунгов, предки Альбериха

ГИБРАЛЬТАР, великая скала и город в юго-западном углу Испании (см. Геркулесовы столбы)

ГИЛЬДАС, ученый при дворе Артура

ГИРАРД, сын герцога Севина

ГЛАСТОНБЮРИ, где умер Артур

ГЛАУКУС, рыбак, любящий Сциллу

ГЛЕЙПНИР, магическая цепь на волке Фенрисе

ГЛЕВЛВАЙД, носильщик Артура

ЗОЛОТАЯ РУБАШКА, из барана, использовавшегося для побега детей Атамаса, по имени Хелле и Фриксус (см.), после принесения барана в жертву Юпитеру, руно охранялось бессонным драконом и было добыто Ясон и аргонавты (что см., также Хелле)

ГОНЕРИЛ, дочь Лейра

ГОРДИЕВ УЗЕЛ, связывавший в храме повозку Гордия; тому, кто мог его развязать, суждено было стать владыкой Азии; его разрубил Александр Македонский, 48

Гордий, соотечественник, который, прибыв во Фригию в повозке, был сделан народом царем, истолковав таким образом оракул, 48

Горгоны, три чудовищные женщины с огромными зубами, медными когтями и змеями вместо волос, вид которых превращал зрителей в камень, Медуза, самая известная, убита Персеем

Горлуа, герцог Тинтадельский

Гувернайл, оруженосец Изабеллы, королевы Лионессы, защитник ее сына Тристрама в юности и его оруженосец в рыцарском звании

Грааль, Святая, чаша, из которой пил Спаситель на Тайной Вечере, увезенная Иосифом Аримафейским в Европу и утерянная; ее возвращение стало священным поиском для рыцарей Артура

Грации, три богини, которые увеличивали удовольствие от жизни благодаря утонченности и мягкости; это Аглая (блеск), Евфросиния (радость) и Талия (цветение)

Градас'со, король Серикана

Граэи, три седовласые женщины, наблюдающие за Горгонами, с одним подвижным глазом и одним зубом на троих

Великий лама, буддийский понтифик в Тибете

Грендель, чудовище, убитое Беовульфом

Грифон (грифон), сказочное животное с телом льва, головой и крыльями орла, обитающее в Рипейских горах, между гиперборейцами и одноглазыми аримаспийцами, и охраняющее золото Севера,

Геберы, персидские огнепоклонники,
Гуэндолен, жена Локрина,
Геневера, жена короля Артура, возлюбленная Лаунселота,
Герин, владыка Вьенна, отец Оливера,
Гвидерий, сын Кимбелина,
Гилламурий, король в Ирландии,
Гимиер, обрученный с Карадоком,
Гуллинбурсти, кабан, тянувший машину Фрея,
Гуллтопп, конь Хеймделла,
Гунфасий, король Оркнейских островов,
Гантер, бургундский король, брат Кримхильд,
Гутруна, сводная сестра Хагена,
Гверн, сын Матолха и Бранвен,
Гвернах Великан,
Гвифферт Петит, союзник Герайнта,
Гвидно, Гаранхир, король Гвэлота,
Гвир, судья при дворе Артура,
Гьолл, река,

Н

Аид, первоначально бог подземного мира, позже так стали называть мрачную подземную страну мертвых,

Хазмон, сын Креона из Фив и любовник Антигоны,

город Хазмон,

Хазмус, гора, северная граница Фракии,

Хаган, главный герой "Нибелунгов", убийца
Зигфрида,

ХАЛКИОНА, дочь Энея и любимая жена Цейкса, которая, когда он утонул, прилетела к его плавающему телу, и жалостливые боги превратили их обоих в птиц (зимородков), которые гнездятся на море в течение определенной спокойной недели зимой ("халционная погода")

ГАМАДРИАДЫ, нимфы деревьев или древесные нимфы, см. нимфы

ГАРМОНИЯ, дочь Марса и Венеры, жена Кадма

ХАРУН АЛЬ-РАСХИД, халиф Аравии, современник Карла Великого

ГАРПИИ, чудовища с головой и бюстом женщины, но крыльями, ногами и хвостом птицы, захватывающие души нечестивцев или наказывающие злодеев, жадно выхватывая или оскверняя их пищу

ХАРПОКРАТЫ, египетский бог, Горус

ХЕБЕ, дочь Юноны, чашечница богов

ГЕБРУС, древнее название реки Марицка

ГЕКАТЕ, могущественное и грозное божество, которое, как полагали, посылало по ночам из нижнего мира всевозможных демонов и ужасных призраков

ГЕКТОР, сын Приама и чемпион Трои

ГЕКТОР, один из рыцарей Артура

ГЕКТОР ДЕ МАРИС, рыцарь

ГЕКУБА, жена Приама, царя Трои, которому она родила Гектора, Париса и многих других детей.

ХЕГИРА, бегство Магомета из Мекки в Медину (622 г. н. э.), эпоха, от которой магометане отсчитывают время, как мы - от рождения Христа

ХЕЙДРУН, коза, дававшая медовуху для убитых героев в Валгалле

ХЕЙМДАЛЛ, страж богов

ХЕЛЬ, нижний мир в Скандинавии, в который попадали те, кто не погиб в бою

ХЕЛА (Смерть), дочь Локи и хозяйка скандинавской Хель

ГЕЛЕН, дочь Юпитера и Леды, жена Менелая, похищенная Парисом и ставшая причиной Троянской войны

ГЕЛЕНУС, сын Приама и Гекубы, прославившийся своими пророческими способностями

ГЕЛИАДЫ, сестры Фаэтона

ГЕЛИКОН, гора в Греции, резиденция Аполлона и муз, с фонтанами поэтического вдохновения - Аганиппой и Гиппокреной

ГЕЛИОПОЛИС, город Солнца, в Египте

ГЕЛЛАС, Гиеце

ГЕЛЛА, дочь фессалийского царя Атамаса, которая, спасаясь от жестокого отца вместе со своим братом Фриksom на баране с золотым руном, упала в морской пролив, названный в ее честь (см. Золотое руно)

ХЕЛЛЕСПОНТ, узкий пролив между Европой и Малой Азией, названный в честь Хелле

ХЕНГИСТ, саксонский захватчик Британии, 449 г. н. э.

ГЕФЕСТОС, см. ВУЛКАН

ГЕРА, римляне называли ее Юноной, дочь Крона (Сатурна) и Реи, сестрой и женой Юпитера, см. ЮНОНА

ГЕРКУЛЕС, герой-атлет, сын Юпитера и Алкмены, совершил двенадцать огромных трудов и множество знаменитых деяний

ГЕРЕВАРД ВОЛШЕБНИК, герой саксов

ГЕРМЕС (Меркурий), посланник богов, божество торговли, науки, красноречия, хитрости, воровства и вообще мастерства

ГЕРМИОНА, дочь Менелая и Елены

ГЕРМОД, проворный, сын Одина

ГЕРО, жрица Венеры, возлюбленная Леандра

ГЕРОДОТ, греческий историк

Гесиод, греческий поэт

ГЕСПЕРИЯ, древнее название Италии

ГЕСПЕРИДЫ (см. Яблоки Гесперид)

ГЕСПЕРУС, вечерняя звезда (также называемая дневной звездой)

ГЕСТИЯ, прозванная римлянами Вестой, богиня домашнего очага

ГИЛЬДЕБРАНД, немецкий маг и чемпион

ТРИАДА ХИНДУ, Брахма, Вишну и Сива

ГИППОКРЕНА (см. Геликон)

ГИППОДАМИЯ, жена Пирита, на свадьбе которого кентавры предложили невесте насилие, вызвав великую битву

ГИППОГРИФ, крылатый конь с орлиной головой и когтями

ИППОЛИТА, царица амазонок

Ипполит, сын Феса

ИППОМЕН, победивший Аталанту в пешем беге, соблазнил ее золотыми яблоками, брошенными для нее

ИСТИОН, сын Иафета

ХОДУР, слепец, который, одураченный

Локи, бросил в Бальдура веточку омелы, убив его

ХОЭЛ, король Бретани

ГОМЕР, слепой поэт Греции, около 850 г. до н. э.

НАДЕЖДА (см. ПАНДОРА)

ХОРСА См. ХОРС

ХОРСА, вместе с Хенгистом, захватчик Британии

ХОРУС, египетский бог солнца

ХУДАИН, собака Тристрама

Хрингем, корабль Бальдура

ХРОТГАР, король Дании

ХУГИ, победивший Тиальфи в скачках на ногах

ХУГИН, один из двух воронов Одина

ХУНДИНГ, муж Зиглинды

ХУОН, сын герцога Севина

ГИАЦИНТ, юноша, любимый Аполлоном и случайно убитый им, после смерти превратившийся в цветок гиацинт

ГИАДЫ, нисейские нимфы, кормилицы младенца Вакха, за что были вознаграждены размещением на небе в виде звездного скопления

Гиалея, нимфа Дианы

ГИДРА, девятиголовое чудовище, убитое Гераклом

ГИГЕЯ, богиня здоровья, дочь Эскулапа.

ГИЛАС, юноша, задержанный нимфами источника, где он искал воду

ГИМЕН, бог брака, представлялся в виде прекрасного юноши и вызывался в свадебных песнях

ГИМЕТТУС, гора в Аттике, недалеко от Афин, знаменитая своим мрамором и медом

ГИПЕРБОРЕЙЦЫ, народ крайнего Севера

ГИПЕРИОН, титан, сын Урана и Ге, отец Гелиоса, Селены и Эос, крупный рогатый скот,

Гиркания, принц, обрученный с Кларимундой

Гирий, царь в Греции,

I

Иапет, титан, сын Урана и Геи, отец Атласа, Прометея, Эпиметея и Менетия,

Иасий, отец Аталанты

Ибикус, поэт, история о журавлях

Икария, остров в Эгейском море, один из Спорад.

Икарий, спартанский принц, отец Пенелопы

Икар, сын Дедала, слишком близко подлетел к солнцу на искусственных крыльях и, растопив воск, упал в море

Ицелос, слуга Морфея

Иколумкилл ЮВ Иона

Ида, гора, троянский холм

Идей, троянский глашатай

Идас, сын Афарея и Арены и брат Линкея Иду'на, жена Браги

Игерн, жена Горлуа и мать Артура от Утера.

Илиада, эпическая поэма о Троянской войне, написанная Гомером

Илиохей, сын Ниобы.

Илиум, южная часть Трои

Иллирия, адриатические страны к северу от Греции

Имогена, дочь Пандраса, жена троянца Брута

Инах, сын Океана и Тетис, отец Фороней и Ио, также первый царь Аргоса, и, как говорят, дал свое имя реке Инах.

ИНКУБ, злой дух, который, как предполагалось, вселяется в людей во сне

ИНДРА, индуистский бог неба, грома, молнии, бури и дождя

ИНО, жена Атамаса, спасаясь от которого с младенцем-сыном, бросилась в море и превратилась в Левкотею

ИО, превращенная Юпитером в телку

ИОБАТЕС, царь Ликий

Иолай, слуга Геракла

ИОЛА, сестра Дриопы

ИОНА, или Иколмкилл, небольшой северный остров близ Шотландии, где Святой Колумба основал миссионерский монастырь (563 г. н.э.)

ИОНИЯ, побережье Малой Азии

ИФИГЕНИЯ, дочь Агамемнона, принесенная в жертву, но унесенная Дианой

ИФИС, умер из-за любви к Анаксарету, 78 лет

ИПХИТАС, друг Геракла, убит им

ИРИС, богиня радуги, посланница Юноны и Зевса

ИРОНСИД, рыцарь Артура

ИСАБЕЛЛА, дочь короля Галисии

ИСИС, жена Осириса, описанная как дарительница смерти

ОСТРОВА БЛАЖЕННЫХ

ИСМАРУС, первая остановка Улисса, возвращающегося с Троянской войны

ИСМЕ'НОС, сын Ниобы, убитый Аполлоном

ИСОЛЬЕР, друг Ринальдо

ИСОУДА Прекрасная, возлюбленная Тристрама

ИСУДА БЕЛЫЕ РУКИ, замужем за Тристрамом

ИСТМИЙСКИЕ ИГРЫ, см. ИГРЫ

ИТАКА, родина Улисса и Пенелопы

ИУЛУС, сын Энея

ИВО, сарацинский король, подружившийся с Ринальдо

ИКСИОН, некогда фессалийский государь, приговоренный в Тартаре к привязыванию змеями к колесу, которое сильный ветер непрерывно гонял по кругу

Ј

ЈНИКУЛУМ, римская крепость на Яникуле, холме на другом берегу Тибра.

ЈНУС, божество, с древнейших времен высоко ценившееся римлянами, храм

ИАФЕТ (Иапет)

ИАСОН, предводитель аргонавтов, искавших золотое руно

ИОСИФ АРИМАТИЙСКИЙ, принесший в Европу Святой Грааль

ЙОТУНХЕЙМ, место обитания великанов в северной мифологии

ИОВ (Зевс), главный бог римской и греческой мифологии, см. ЮПИТЕР

ДЖОЙОУС ГАРД, резиденция сэра Лонселота Озерного

ДЖУГГЕРНАУТ, индуистское божество

ЮНОНА, особый дух-хранитель каждой женщины (см. Гений)

ЮНОНА, жена Юпитера, царица богов

ЮПИТЕР, ИОВИС ПАТЕР, ОТЕЦ ЮПИТЕРА, Юпитер и Юпитер используются как взаимозаменяемые, в Додоне, статуя олимпийца

ЮПИТЕР АММОН (см. Аммон)

ЮПИТЕР КАПИТОЛИНУС, храм, хранящий сивиллины

ЮСТИЦИЯ, см. ТЕМИС

К

КАДИРИАТ, советует королю Артуру

КАЙ, сын Кайнера

КАЛКИ, десятая аватара Вишну

КАЙ, стюард Артура и рыцарь

КЕДАЛИОН, проводник Ориона

КЕРМАН, пустынный

КИКВА, дочь Гвинна Глоя

КИЛВИЧ, сын Килидда

КИЛИДД, сын принца Уэльса Келиддона

КНЕФ, дух или дыхание

КНЯЗЬ, обучение и жизнь

КРИМХИЛЬДА, жена Зигфрида

КРИШНА, восьмая аватара Вишну, индуистское божество плодородия в природе и человечестве

КИНЕР, отец Кава

КИНОН, сын Клайдна

Л

ЛАБИРИНТ, замкнутый лабиринт проходов, где бродил Минотавр на Крите, убитый Тесеем с помощью Ариадны

ЛАХЕЗИС, одна из судеб (см.)

ЛЕДИ ИЗ ФОНТАНА, сказка, рассказанная Кайноном

ЛАЭРТЕС, отец Улисса

ЛАЭСТРИГОНИЙЦЫ, дикари, напавшие на Улисса

ЛАИУС, фиванский царь

ЛАМА, святой человек из Тибета

ЛАМПЕТИЯ, дочь Гипериона ЛАОК'ОН, жрец Нептуна в Трое, предостерегавший троянцев от деревянного коня (см.), но когда из моря вышли две змеи и задушили его и двух его сыновей, люди послушали греческого шпиона Синона и ввели рокового коня в город

ЛАОДАМИЯ, дочь Акаста и жена Протесилая

ЛАОДЕГАН, царь Кармалиды, которому помогают Артур и Мерлин

ЛОМЕДОН, царь Трои

ЛАПИТЫ, фессалоникийцы, чей царь пригласил кентавров на свадьбу своей дочери, но те напали на них за предложение насилия над невестой

ЛАРЕС, домашние божества

ЛАРКСПУР, цветок из крови Аякса

ЛАТИНУС, правитель Лациума, где Эней высадился в Италии

ЛАТМОС, гора, где Диана влюбилась в Эндимиона

ЛАТОНА, мать Аполлона

ЛАНСЕЛОТ, самый знаменитый рыцарь Круглого стола

ЛАУЗУС, сын Мезенция, убитый Энеем

ЛАВИНИЯ, дочь Латина и жена Энея

ЛАВИНИЙ, итальянский город, названный в честь Лавинии

ЗАКОН, см. ТЕМИС

ЛЕАНДЕР, юноша из Абидоса, который, переплыв Геллеспонт, чтобы увидеться с Герой, своей любовью, утонул.

Геро, свою любовь, утонул

ЛЕБАДЕЯ, место, где находился оракул Трофома

ЛЕБИНТОС, остров в Эгейском море

ЛЕДА, царица Спарты, за которой ухаживал Юпитер в образе лебедя

ЛЕЙР, мифический король Британии, оригинал шекспировского Лира

ЛЕЛАПС, собака Цефала

ЛЕМНОС, большой остров в Эгейском море, священный для Вулкана

ЛЕМУРЫ, призраки или духи мертвых

ЛЕО, римский император, греческий принц

Лете, река Аида, питье воды которой вызывало забытие

ЛЕВКАДИЯ, мыс, с которого, по преданию, Сапфо, разочаровавшись в любви, бросилась в море.

ЛЕВКОТЕЯ, морская богиня, к которой моряки обращались за защитой (см. Ино)

ЛЕВИС, сын Карла Великого

ЛИБЕР, древний бог плодородия

ЛИБЕТРА, место погребения Орфея

ЛИБИЯ, греческое название африканского континента в целом

ЛИБИЯНСКАЯ ДЕСЕРТА, в Африке

ЛИВИЙСКИЙ ОАЗИС

ЛИХАС, принесший рубашку Нессуса Гераклу

ЛИМУРС, граф

ЛИНУС, музыкальный наставник Геракла

ЛИОНЕЛЬ, рыцарь Круглого стола

ЛЛИР, король Британии

ЛОКРИН, сын Брута в Альбионе, король Центральной Англии

ЛОЭГРИЯ, королевство (Англия)

ЛОГЕСТИЛЛА, мудрая женщина, развлекавшая Рогеро и его друзей

ЛОГИ, победивший Локи в состязании по поеданию пищи

ЛОКИ, Сатана из норвежской мифологии, сын великана Фарбанти

ЛОТ, король, вождь мятежников, покоренный королем Артуром, затем верный рыцарь

ЛОТИС, нимфа, превратившаяся в растение лотос и в таком виде сорванная Дриопом

Лотосоядные, успокаивающиеся до изнеможения, спутники Улисса, высадившегося среди них, потеряли всякую память о доме, и их пришлось оттащить, прежде чем они продолжили свое путешествие

ЛЮБОВЬ (Эрос) вышла из яйца Ночи и с помощью стрел и факела произвела жизнь и радость

ЛУКАН, один из рыцарей Артура.

Луций Тиберий, римский прокуратор в Британии, требовавший дань от Артура

ЛУД, британский король, столица которого называлась Лудс-Таун (Лондон)

ЛУДГЕЙТ, городские ворота, где был похоронен Луд, 387

ЛУНЕД, дева, которая привела Овайна к Леди Фонтана.

ЛИКАХАС, буйный мореплаватель

Ликаон, сын Приама

Ликия, округ в южной части Малой Азии

Ликомод, царь долопийцев, вероломно убивший Тесея

Лик, узурпировавший власть в Фивах

Линсей, один из сыновей Эгипта.

М

МАБИНОГЕОН, множественное число от Мабиноги, сказок и романов валлийцев Уэльса

МАБОН, сын Модрона

МАХАОН, сын Эскулапа

МАДАН, сын Гвендолин

МАДОК, лесничий короля Артура

МАДОР, шотландский рыцарь

МАЭЛГАН, король, заточивший Эльфина в темницу

МАЭОНИЯ, древняя Лидия

МАГИ, персидские жрецы

МАХАДЕВА, то же, что Сива

МАХОМЕТ, великий пророк Аравии, родился в Мекке в 571 г. н. э., провозгласил поклонение Богу вместо идолов, распространял свою религию через учеников, а затем силой, пока она не стала господствовать, вместе с арабийским владычеством, над обширными областями в Азии, Африке и Испании в Европе

МАЙЯ, дочь Атласа и Плейоны, старшая и самая красивая из Плеяд

МАЛАГИГИ, чародей, один из рыцарей Карла Великого

МАЛЕАГАНС, лже-рыцарь

МАЛЬВАСИУС, король Исландии

МАМБРИНО, в шлеме-невидимке

МАНАВИД ДАН, брат лондонского короля Врана

МАНДРИКАРДО, сын Агрикана

МАНТУА, в Италии, место рождения Вергилия

МАНУ, прародитель человечества

МАРАФОН, где встретились Тесей и Пирифой

МАРК, король Корнуолла, муж Исуды Прекрасной

МАРО См. ВИРГИЛИЙ

МАРФИСА, сестра Рогеро

МАРСИЛИЙ, испанский король, вероломный враг Карла Великого

МАРСИАС, изобретатель флейты, который бросил вызов Аполлону в музыкальном состязании и, потерпев поражение, был заживо избит камнями

МАЦЬЯ, Рыба, первая аватара Вишну

МЕАНДЕР, греческая река

МЕДЕ, А, принцесса и волшебница, помогавшая Ясону

МЕДОРО, молодой мавр, завоевавший Анжелику

МЕДУЗА, одна из горгон.

МЕГЕРА, одна из фурий

МЕЛАМПУС, спартанский пес, первый смертный, наделенный пророческими способностями

МЕЛАНТУС, кормчий Вакха

МЕЛЕАГЕР, один из аргонавтов (см. Алфея)

МЕЛИАДУС, король Лионессы, близ Корнуолла

МЕЛИСЕРТЕС, младенец, сын Ино, замененный на Палаэмона (см. Ино, Лейкотей и Паласмон)

МЕЛИССА, жрица у гробницы Мерлина

МЕЛИССЕЙ, критский царь

МЕЛЬПОМЕНА, одна из Муз

МЕМНОН, прекрасный сын Тифона и Эос (Авроры), царь эфиопов, убит в Троянской войне

МЕМФИС, египетский город

МЕНЕЛАЙ, сын царя Спарты, муж Елены

МЕНЕЛЕЙ, сын Креона, добровольная жертва на войне, чтобы добиться успеха для своего отца

МЕНТОР, сын Алкима и верный друг Улисса

МЕРКУРИЙ (см. ГЕРМЕС)

МЕРЛИН, чародей

МЕРОПА, дочь хиосского царя, возлюбленная Ориона

МЕСМЕРИЗМ, уподобленный лечебному оракулу Эскулапа в Эпидавре

МЕТАБУС, отец Камиллы

МЕТАМОРФОЗЫ, поэтические легенды Овидия о мифических превращениях, большой источник наших знаний о классической мифологии

МЕТАНИРА, мать, добрая к Церере, ищущей Прозерпину

МЕТЕМПСИХОЗ, переселение душ - перерождение умирающих мужчин и женщин в облике животных или людей

МЕТИС, Благоразумие, супруга Юпитера

МЕЗЕНТИЙ, храбрый, но жестокий воин, противостоящий Энею в Италии

МИДАС

МИДГАРД, средний мир у норсменов

МИДГАРДСКИЙ СЕРПЕНТ, морское чудовище, дитя Локи

МИЛЫЙ ПУТЬ, звездный путь по небу, считавшийся дорогой к дворцу богов

МИЛО, великий атлет

МЛОН, отец Орландо

МИЛТОН, Джон, великий английский поэт, чья "История Англии" здесь в значительной степени использована

МИМЭ, один из главных карликов древнегерманской мифологии

МИНЕРВА (Афина), дочь Юпитера, покровительница здоровья, обучения и мудрости.

МИНОС, царь Крита

МИНОТАВР, чудовище, убитое Тесеем

МИСТЛЕТОЭ, роковой для Бальдура

МНЕМОСИНА, одна из муз

МОДЕСТИЯ, статуя

МОДРЕД, племянник короля Артура

МОЛИ, растение, обладающее силой против колдовства

МОМУС, божество, чьим удовольствием было горько высмеивать богов и людей

МОНАД, "единица" Пифагора

МОНСТРЫ, неестественные существа, злобно настроенные по отношению к людям

МОНТАЛЬБАН, замок Ринальдо

МОНТ, сопровождающий Солнце

ЛУНА, богиня, см. ДИАНА

МОРАУНТ, рыцарь, ирландский чемпион

МОРГАНА, чародейка, Владычица Озера в "Орландо Фуриозо", то же, что Моргана Ле Фей в сказаниях об Артуре

МОРГАНА ЛЕ ФЕЙ, королева Норвегии, сестра короля Артура, чародейка

МОРГАН ТУД, главный врач Артура

МОРФЕЙ, сын Сна и бог сновидений

МОРТЕ Д'АРТУР, роман сэра Томаса Мэллори

МУЛЬКИБЕР, латинское имя Вулкана

МУЛЛ, остров

МУНИН, один из двух воронов Одина

МУСЕЙ, священный поэт, сын Орфея

МУЗЫ, девять богинь, управляющих поэзией и т. д. - Каллиопа, эпическая поэзия, Клио, история, Эрато, любовная поэзия, Эвтерпа, лирическая поэзия; Мельпомена, трагедия, Полигимния, ораторское искусство и священная песня, Терпсихора, хоровая песня и танец, Талия, комедия и идиллии, Урания, астрономия.

Муспельхейм, огненный мир норманнов

Микен, древнегреческий город, царем которого был Агамемнон

МИРДИН (Мерлин)

МИРМИДОНЫ, отважные воины Ахилла

МИСИЯ, греческий округ на северо-западном побережье Малой Азии

МИФОЛОГИЯ, происхождение, сборник мифов, описывающих богов ранних народов

N

НАИАДЫ, водные нимфы

НАМО, герцог Баварии, один из рыцарей Карла Великого

НАННА, жена Бальдура

НАНТЕРС, британский король

Нантес, место, где находился замок Карадока

НАПЕ, собака Дианы

НАРЦИСС, умерший от неудовлетворенной любви к собственному изображению в воде

НАУСИКАА, дочь царя Алкиноса, которая подружилась с Улиссом

НАУСИТХОС, царь феакийцев

НАКСОС, остров

НЕГУС, царь Абиссинии

НЕМЕЯ, лес, опустошенный львом, убитым Гераклом

НЕМЕЙСКИЕ ИГРЫ, проводимые в честь Юпитера и Геракла

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ, убитый Гераклом

НЕМЕЗИС, богиня мести

НЕННИЙ, британский боец Цезаря

НЕОПТОЛЕМУС, сын Ахилла

НЕПЕНТЕЙ, древнее лекарство, вызывающее забытие боли или страдания

НЕФЕЛА, мать Фрикса и Хеллы

НЕФТИС, египетская богиня

НЕПТУН, идентичен Посейдону, богу моря

НЕРЕИДЫ, морские нимфы, дочери Нерея и Дорис

Нерей, морской бог

НЕССУС, кентавр, убитый Гераклом, чья ревнивая жена послала ему халат или рубашку, смоченную в крови Нессуса, которая отравила его

НЕСТОР, царь Пилоса, прославившийся своей мудростью, справедливостью и знанием войны

НИБЕЛУНГОВ ГОРДОСТЬ, сокровище, захваченное Зигфридом у нибелунгов, зарытое в Рейне Хаганом после убийства Зигфрида и потерянное, когда Хаган был убит Кримхильд; тема четырех музыкальных драм Вагнера "Кольцо нибелунгов".

НИБЕЛУНГЕН ЛЖЕЦ, германский эпос, передающий тот же миф о природе, что и норвежская "Сага о Вольсунге", касающаяся клада

КОЛЬЦО НИБЕЛУНГОВ, музыкальная драма Вагнера

НИБЕЛУНГИ, раса северных карликов

НИДХОГГЕ, змея в нижнем мире, живущая на мертвых

НИФФЛЕХЕЙМ, туманный мир норманнов, Аид для отсутствующих духов

НИЛЕ, египетская река

НИОБА, дочь Тантала, гордая царица Фив, чьи семь сыновей и семь дочерей были убиты Аполлоном и Дианой, после чего Амфион, ее муж, покончил с собой, а Ниоба плакала, пока не превратилась в камень

НИСУС, царь Мегары

НОАХ, легендарный предок французского, римского, германского и британского народов

НОМАН, имя, принятое Улиссом

НОРНЫ, три скандинавские судьбы: Урдур (прошлое), Верданди (настоящее) и Скульд (будущее)

НОТХУНГ, волшебный меч

НОТУС, юго-западный ветер

НОКС, дочь Хаоса и сестра Эребуса, олицетворение ночи

НУМА, второй царь Рима

НИМФЫ, прекрасные девы, низшие божества природы Дриады и Гамадриады, древесные нимфы, Наяды, весенние, ручьевые и речные нимфы, Нереиды, морские нимфы Ореады, горные нимфы или нимфы холмов

О

ОКЕАНУС, титан, управляющий водными стихиями

ОКИРОЙ, пророчица, дочь Хирона

ОДЕРИК

ОДИН, главный из норвежских богов

ОДЬЯР, знаменитый бискайский герой

ОДИССЕЙ См. УЛИССЕЙ

ОДИССЕЙ, поэма Гомера, повествующая о странствиях Одиссея (Улисса) после возвращения с Троянской войны

ОДИП, фиванский герой, отгадавший загадку Сфинкса (см. См.), ставший царем Фив

ЭНЕЙ, царь Калидона

ЭНОНИЯ, нимфа, на которой женился Парис в юности и которую он бросил ради Елена

ЭНОПИОН, царь Хиоса

ОЭТА, гора, место гибели Геракла

ОГИР, датчанин, один из паладинов Карла Великого

ОЛИВЕР, спутник Орlando

ОЛЬВЕН, жена Килвича

ОЛИМПИЯ, небольшая равнина в Элисе, где проводились Олимпийские игры

ОЛИМПИАДЫ, периоды между Олимпийскими играми (четыре года)

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ, см. ИГРЫ

ОЛИМП, место обитания династии богов, главой которой был Зевс.

ОМФАЛА, царица Лидии, дочь Иардана и жена Тмола

ОПФИОН, царь титанов, правивший Олимпом, пока не был свергнут богами Сатурном и Реей

ОПС См. Рея

ОРАКЛЫ, ответы богов на вопросы просителей знаний или советов на будущее, обычно в двусмысленной форме, чтобы соответствовать любому событию, а также места, где такие ответы давались, обычно жрецом или жрицей

ОРК, морское чудовище, которое Рогеро остановил, когда оно собиралось сожрать Анжелику

ОРЕАДЫ, нимфы гор и холмов

ОРЕСТЕС, сын Агамемнона и Клитемнестры, из-за своего преступления - убийства матери - преследовался фуриями, пока не был очищен Минервой

ОРИОН, юноша-великан, которого любила Диана, созвездие

ОРИТИЯ, нимфа, похищенная Бореем.

ОРЛАНДО, знаменитый рыцарь, племянник Карла Великого

ОРМУЗД (греч. Oromasdes), сын Верховного Существа, источник добра, как его брат Ахриман (Ариман) был источником зла, в персидской или зороастрийской религии

ОРФЕЙ, музыкант, сын Аполлона и Каллиопы, см. ЭВРИДИКА

ОСИРИС, самый благодетельный из египетских богов

ОССА, гора в Фессалии

Оссиан, кельтский поэт второго или третьего века

ОВИД, латинский поэт (см. Метаморфозы)

ОВАЙН, рыцарь при дворе короля Артура

ОЗАННА, рыцарь Артура

Р

ПАКТОЛУС, река, песок которой Мидас превратил в золото.

ПАЭОН, имя Аполлона и Эскулапа, богов медицины,

ПАГАНЫ, язычники

ПАЛАДИНЫ или пэры, рыцари-изверги

ПАЛЕМОН, сын Атамаса и Ино.

ПАЛАМЕДЕС, гонец, посланный вызвать Улисса на Троянскую войну

ПАЛАМЕДЕС, сарацинский принц при дворе Артура

ПАЛАТИНА, один из семи холмов Рима

ПАЛЕС, богиня, покровительствующая скоту и пастбищам

ПАЛИНУРУС, верный кормчий Эя.

ПАЛЛАДИУМ, правильно любое изображение Палласа Афина, но специально применяется к изображению в Трое, которое было украдено Улиссом и Диомедом

ПАЛЛАС, сын Эвандера

ПАЛЛАС АФЕНА (Минерва)

ПАМФА ГУС, собака Дианы

ПАН, бог природы и вселенной

Панафинеи, праздник в честь Палласа Афина (Минервы)

ПАНДЕЙСКИЕ ТРУБЫ, музыкальный инструмент из тростника, изготовленный Паном в память о Сиринкс

ПАНДОРА (все одаренные), первая женщина, осыпанная дарами от всех богов, однако ей доверили шкатулку, которую предостерегали не открывать, но, любопытствуя, она открыла ее, и оттуда вылетели все беды человечества, оставив после себя только Надежду, которая осталась

ПАНДРАС, царь в Греции, преследовавший троянских изгнанников под началом Брута, правнука Энея, пока они не сразились с ним, взяли его в плен и с дочерью Имогеной, женой Брута, эмигрировали в Альбион (позже названный Британией)

ПАНОПА, равнина

ПАНТУС, предполагаемое раннее воплощение Пифагора

ПАФЛАГНИЯ, древняя страна в Малой Азии, к югу от Черного моря

ПАФОС, дочь Пигмалиона и Галатеи (оба - см.)

ПАРКИ См. ФАТЕС

ПАРИАХ, низшая каста индусов

ПАРИС, сын Приама и Гекубы, сбежавший с Еленой (что. См.)

ПАРНАССКИЙ ЛАУРЕЛЬ, венок с Парнаса, корона, которой награждались успешные поэты

ПАРНАС, гора близ Дельф, священная для Аполлона и муз

ПАРСЕИ, персидские огнепоклонники (зороастрийцы), которых до сих пор тысячи в Персии и Индии

ПАРФЕНОН, храм Афины Парфенос ("Девы") на Афинском акрополе

ПАССЕБРЕЛЬ, конь Тристрама

ПАТРОКЛ, друг Ахилла, убитый Гектором

ПЕХЕР, король, дядя Персеваля

ПИЕРС

ПЕГ А СУС, крылатый конь, рожденный из морской пены и крови
Медузы

ПЕЛЕЙ, царь мирмидонов, отец Ахилла от Фетиды

ПЕЛИАС, узурпировавший власть дядя Ясона

ПЕЛИОН, гора

ПЕЛЛИАС, рыцарь Артура

ПЕНАТЫ, защитные домашние божества римлян

ПЕНДРАГОН, король Британии, старший брат Утера Пендрагона, который стал его
преемником

ПЕНЕЛОПА, жена Улисса, которая, двадцать лет ожидая его возвращения с Троянской
войны, отговаривала претендентов на ее руку, обещая выбрать одного из них, когда закончит
ткать, но ночью распутала то, что ткала днем

ПЕНЕЙ, бог реки, река

ПЕНТЕСИЛЕЯ, царица амазонок

ПЕНТЕЙ, фиванский царь, воспротивившись введению в своем царстве поклонения Вакху,
был сведен с ума этим богом

ПЕНУС, римская домашняя кладовая, давшая имя Пенатам

ПЕПИН, отец Карла Великого

ПЕПЛЮС, священное одеяние Минервы

ПЕРСЕВАЛЬ, великий рыцарь Артура

ПЕРДИКС, изобретатель пилы и компаса

ПЕРЬЯНДЕР, царь Коринуха, друг Ариона

ПЕРИФЕТЫ, сын Вулкана, убитый Тесеем

ПЕРСЕФОНА, богиня растительности, 8 См. Пиосерпина

ПЕРСЕЙ, сын Юпитера и Данаи, убивший Медузу Горгону, избавивший Андромеду от
морского чудовища, 116 122, 124, 202

ФЕАКИЙЦЫ, народ, развлекавший Улисса

Федра, верная и жестокая жена Тесея

ФЕТУЗА, сестра Фаэтона, 244

Фаэтон, сын Феба, который осмелился управлять солнечной колесницей своего отца.

ФАНТАЗОС, сын Сомнуса, приносящий спящим людям странные образы

ФАОН, возлюбленный Сапфо

ФЕЛОТ, рыцарь Уэльса

ФЕРЕДИН, друг Тристрама, несчастный любовник Исуды

ФИДИАС, знаменитый греческий скульптор

ФИЛЕМОН, муж Бауцис

ФИЛОКТЕТЫ, воины, которые зажгли роковой костер Геракла

ФИЛОЭ, место погребения Осириса

ФИНЕЙ, обрученный с Андромедой

ФЛЕГЕТОН, огненная река Аида

ФОКИС

ФЕБЕ, одна из сестер Фаэтона

ФЕОБУС (Аполлон), бог музыки, пророчества и стрельбы из лука, бог солнца

ФЕНИКС, вестник Ахилла, а также чудесная птица, погибающая в огне по собственной воле и восстающая живой из пепла

ФОРБАС, спутник Энея, чей облик принял Нептун, выманивая рулевого Палинуруса с его насеста

ФРИКСУС, брат Хеллы

ПИНАБЕЛЬ, рыцарь

ПИЛЛАРСЫ ГЕРКУЛЕСА, две горы - Кальпе, ныне Гибралтарская скала, юго-западный угол Испании в Европе, и Абила, расположенная напротив нее в Африке через пролив

ПИНДАР, знаменитый греческий поэт

ПИНДУС, греческая гора

ПИРЕНА, знаменитый фонтан в Коринфе

ПИРИТЕЙ, царь лапитов в Фессалии, друг Тесея, муж Гипподамии

ПЛИЗУРА, дочь Купидона и Психеи

ПЛЕЯДЫ, семь нимф Дианы, превратившихся в звезды, одна из которых была потеряна

ПЛАНТИЯ, рог

ПЛЕКСИППУС, брат Алфеи

ПЛИНИЙ, римский натуралист

ПЛУТО, то же, что и Аид, Дис и т. д. бог адских областей

ПЛУТ, бог богатства

ПО, итальянская река

ЗВЕЗДА ПОЛЕ

ПОЛИТЕС, младший сын Приама из Трои

ПОЛЛУКС, Кастор и (Диоскуры, близнецы) (см. Кастор)

ПОЛИДЕКТЕС, царь Серифа

ПОЛИДОР, убитый родственник Энея, чья кровь питала куст, который кровоточил, когда его ломали

ПОЛИХИМНИЯ, муза ораторского искусства и священной песни

ПОЛИИДУС, прорицатель

ПОЛИНИК, фиванский царь

ПОЛИФЕМУС, великан, сын Нептуна

ПОЛИКСЕНА, дочь троянского царя Приама

ПОМОНА, богиня фруктовых деревьев (см. ВЕРТУМУС)

ПОРРЕКС и ФЕР'РЕКС, сыновья Лейра, короля Британии

ПОРТУН, римское название Палаэмона

ПОСЕЙДОН (Нептун), повелитель океана

ПРЕЦИПИЙ, порог зала Геласа

ПРЕСТЕР ИОАНН, по слухам, священник или пресвитер, христианский понтифик в Верхней Азии, в которого верили, но так и не нашли

ПРИАМ, царь Трои

ПРИВЕН, щит Артура

ПРОКРИС, любимая, но ревнивая жена Цефала

ПРОКРУСТ, схвативший путешественников и связавший их на своем железном ложе, растягивая низкорослых и укорачивая высоких; таким же образом ему служил Тесей

ПРОЕТУС, ревнивый к Беллерофону

ПРОМЕТЕЙ, создатель человека, похитивший огонь с неба для использования человеком

ПРОЗЕРПИНА, то же, что и Персефона, богиня всего растущего, дочь Цереры, унесенная Плутоном

ПРОТЕСИЛАЙ, убитый троянцем Гектором, которому боги разрешили вернуться, чтобы три часа поговорить с его вдовой Лаодомией

ПРОТЕЙ, морской старик

ПРУДЕНЦИЯ (Метис), супруга Юпитера

ПРАЙДЕРИ, сын Пвила

ПСИХА, прекрасная дева, олицетворение человеческой души, которую искал Купидон (Любовь), которому она ответила, потеряла его из-за любопытства увидеть его (так как он приходил к ней только ночью), но в конце концов по его молитвам была сделана бессмертной и восстановлена для него, символ бессмертия

ПУРАНЫ, индуистские писания

ПВАЙЛЛ, принц из Дайведа

ПИГМАЛИОН, скульптор, влюбленный в сделанную им статую, оживленную Венерой, брат царицы Дидоны

ПИГМЕИ, народ карликов, воюющий с журавлями

ПИЛАДЕС, сын Страфия, друг Ореста

ПИРАМ, полюбивший соседку Этбе, и, когда их родители были против, они поговорили через щели в стене дома, договорившись встретиться в ближайшем лесу, где Пирам, найдя окровавленную пелену и решив, что Этбе убита, покончил с собой, а она, увидев его тело, покончила с собой (пересказ в пьесе Шекспира "Сон в летнюю ночь")

ПИРРА, жена Девкалиона

ПИРРХУС (Неоптолем), сын Ахилла

ПИФАГОРАС, греческий философ (540 г. до н. э.), считавший числа сущностью и принципом всех вещей и учивший переселению душ умерших в новую жизнь в виде людей или животных

ПИТИЯ, жрица Аполлона в Дельфах

ПИТИЙСКИЕ ИГРЫ

ПИТИЙСКИЙ ОРАКУЛ

ПИТОН, змея, появившаяся из трещин потопа, уничтоженная Аполлоном

Q

КВИРИН (от *quiris*, копье или копье), бог войны, по преданию Ромул, основатель Рима

R

РАБИКАН, знаменитый конь

РАГНАРОК, сумерки (или конец) богов

РАДЖПУТЫ, незначительная индуистская каста

РЕГАН, дочь Лейра

РЕГИЛЛУС, озеро в Лациуме, известное тем, что рядом с ним произошло сражение между римлянами и латинянами

РЕДЖИО, род, из которого произошел Рогеро

РЕМУС, брат Ромула, основатель Рима

РХАДАМАНТ, сын Юпитера и Европы, после его смерти один из судей нижнего мира

РХАПСОДИСТ, профессиональный чтец стихов у греков

РХЕЯ, женщина-титан, жена Сатурна (Кроноса), мать главных богов, почиталась в Греции и Риме

Рина, река

РИНСКИЕ МАЙДЕНЫ, ИЛИ ДОЧЕРИ, три водные нимфы, Флосхильда, Воглинда и Вельгунда, поставленные охранять клад Нибелунгов, похороненные в Рейне

Родос, один из семи городов, претендующих на роль родины Гомера

РОДОПА, гора во Фракии

РХОНГОМИАНТ, копье Артура

РХОЕК, юноша, возлюбленный дриады, но отмахнувшийся от пчелы, посланной ею, чтобы позвать его к себе, и она наказала его слепотой

Рианнон, жена Пвила.

РИНАЛЬДО, один из храбрейших рыцарей Карла Великого

РЕКА ОКЕАН, протекающая вокруг Земли

РОБЕРТ ДЕ БЁВЭ, нормандский поэт (1257)

РОБИН ХУД, знаменитый разбойник в английских легендах, примерно времен Ричарда Кёр де Лев

РОКИНГАМ, лес

РОДОМОНТ, король Алжира

РОГЕРО, знаменитый сарацинский рыцарь

РОЛАНД (Орландо), см. Орландо

РОМАНСЫ

РОМАНУС, легендарный правнук Ноя

РИМ

РОМУЛ, основатель Рима

РОН, копье Артура

РОНЦЕС ВАЛЛЕС, битва при

КРУГЛЫЙ СТОЛ Король Артур, учрежденный мудрецом Мерлином для Пендрагона, отца Артура, как рыцарский орден, продолженный и прославленный Артуром и его рыцарями

РУНИЧЕСКИЕ ЗНАКИ, или руны, алфавитные знаки, использовавшиеся ранними тевтонскими народами, написанные или высеченные на металле или камне

РУТУЛЬЯНЦЫ, древний народ в Италии, покоренный в ранний период римлянами

Райенс, король в Ирландии

S

САБРА, дева, в честь которой была названа река Северн, дочь Локрина и Эстрильды, брошенная женой Локрина в реку Северн, превратившаяся в речную нимфу, поэтически названную Сабриной

САКРИПАНТ, царь Черкесии

САФФИР, сэр, рыцарь Артура

САГА, норвежские сказания о героизме, сочиненные скальдами

САГРАМУР, рыцарь Артура

Гора Святого Михаила, обрывистый остроконечный скальный холм на побережье Бретани, напротив Корнуолла.

Бретани, напротив Корнуолла

САКЪЯСИНХА, Лев, эпитет, применяемый к Будде

САЛАМАНДЕР, ящероподобное животное, по легенде способное жить в огне.

САЛАМИС, греческий город

САЛМОНЕЙ, сын Эола и Энареты и брат Сизифа

САЛОМОН, король Бретани, при дворе Карла Великого

САМХИН, или "огонь мира", друидический праздник

САМСКИЙ МУДРЕЦ (Пифагор)

САМОС, остров в Эгейском море

САМОТРАКИЙСКИЕ БОГИ, группа сельскохозяйственных божеств, которым поклонялись в Самофракии

САМСОН, древнееврейский герой, которого некоторые считают первоисточником Геракла.

САН ГРЕАЛ (см. Грааль, Святой)

САПФО, греческая поэтесса, которая прыгнула в море с мыса Леукадии в знак разочарования в любви к Фаону.

САРАЦЕНЫ, последователи Магомета

САРПЕДОН, сын Юпитера и Европы, убитый Патроком

САТУРН (Кронос)

САТУРНАЛИЯ, ежегодный праздник, устраиваемый римлянами в честь Сатурна

САТУРНИЯ, древнее название Италии

САТИРЫ, мужские божества леса, наполовину люди, наполовину козлы

СКАЛИГЕР, знаменитый немецкий ученый XVI века

СКАНДИНАВИЯ, мифология, повествующая о северных богах, героях и т. д.

СКЕРИЯ, мифический остров, обиталище феакийцев

ШРИМНИР, кабан, который готовился на ночь для героев Валгаллы, становясь целым каждое утро

СКИО, один из островных городов, претендующих на роль родины Гомера

СКОПАС, фессалийский царь

СКОРПИОН, созвездие

СКИЛЛА, морская нимфа, любимая Глауком, но превращенная ревнивой Цирцеей в чудовище и, наконец, в опасную скалу на сицилийском побережье, обращенную к водовороту Харибды; многие мореплаватели потерпели крушение между ними; дочь царя Ниса из Мегары, которая любила Миноса, осаждавшего город ее отца, но ему не понравилась ее неверность и он утопил ее; также прекрасная дева Сицилии, подруга морской нимфы Галатеи

СКИРОС, где был убит Тесей

СКИФИЯ, страна, лежащая к северу от Эвксинского моря

СЕМЕЛА, дочь Кадма и, по воле Юпитера, мать Вакха

СЕМИРАМИС, вместе с Нинусом мифический основатель ассирийской империи Ниневии

СЕНАПУС, царь Абиссинии, который развлекал Астольфа

СЕРАПИС, или Гермес, египетское божество Тартара и медицины

СЕРФЫ, рабы земли

СЕРИФУС, остров в Эгейском море, один из Кикладских островов

СЕРПЕНТ (северное созвездие)

СЕСТОС, жилище Геро (см. также Леандр)

"СЕМЬ ПРОТИВ ТЕБЕСА, знаменитая греческая экспедиция

СЕВЕРНАЯ РЕКА, в Англии

СЕВИНУС, герцог Гиеннский

[ШАЛОТТ, ЛЕДИ ИЗ](#)

ШАТРИЯ, индуистская каста воинов

ШЕРАСМИН, французский кавалер

СИБИЛЬ, пророчица из Кумэ

СИХЕЙ, муж Дидоны

СЕЙГЕ ПЕРИЛОУС, кресло чистоты за Круглым столом Артура, смертельно опасное для любого, кроме того, кому было суждено выполнить задание Сангреаля (см. Галахад)

СИЕГФРИД, молодой король Нидерландов, муж Кримхильд; она похвасталась Брунгильде, что Зигфрид помог Гунтеру победить ее в атлетических состязаниях и таким образом завоевал ее в жены, и Брунгильда в гневе наняла Хагана, чтобы убить Зигфрида. Как герой вагнеровской "Валькирии", он завоевывает кольцо с сокровищами Нибелунгов, любит и бросает Брунгильду, и его убивает Хаган.

СИЕГЛИНДА, жена Хундинга, мать Зигфрида от Зигмунда

СИГМУНД, отец Зигфрида

СИГТРИГ, принц, помолвленный с дочерью короля Алефа, которому помогает Херевард

СИГУНА, жена Локи

СИЛЕНУС, сатир, школьный учитель Вакха

Силуры (Южный Уэльс)

СИЛЬВИЯ, дочь латинского пастуха

СИЛЬВИЙ, внук Энея, случайно убитый в погоне его сыном Брутом

СИМОНИДЫ, ранний поэт Греции

СИНОН, греческий шпион, уговоривший троянцев взять деревянного коня в свой город

СИРЕНЫ, морские нимфы, чье пение очаровывало мореплавателей, заставляя их прыгать в море; проплывая мимо их острова, Улисс затыкал уши своих моряков воском, а себя привязывал к мачте, чтобы слышать, но не поддаваться их музыке

СИРИУС, пес Ориона, заменен на звезду Пса

СИСИФУС, осужденный в Тартаре вечно катить вверх по склону большой камень, который, достигнув вершины, снова скатывался вниз

СИВА, Разрушитель, третье лицо индуистской триады богов

СКАЛЬДЫ, норвежские барды и поэты

СКИДБЛАДНИР, корабль Фрейра

СКИРНИР, посланник Фрея, который получил волшебный меч бога, сосватал ему в жены Герду

СКРИМИР, великан, переодетый Локи из Утгарда, который обманул Тора в атлетических подвигах

СКУЛД, Норн из будущего

СЛИП, брат-близнец Смерти

СЛЕЙПНИР, конь Одина

СОБРИНО, советник Аграманта

СОМНУС, ребенок Нокса, брат-близнец Морса, бог сна

СОФОКЛ, греческий трагический драматург

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР См. Нотус

СПАРТА, столица Лакедемона

СПИНКС, чудовище, устилавшее дорогу в Фивы и задававшее загадки всем прохожим под страхом смерти за неправильное отгадывание; в ярости покончила с собой, когда Эдип отгадал правильно

ВЕСНА

СТОУНХЕНДЖ, круг из огромных вертикальных камней, по легенде являющийся усыпальницей Пендрагона

СТРОФИЙ, отец Пилада

СТИГИЙСКОЕ ЦАРСТВО, Аид

СТИГИЙСКИЙ СОН, вырвавшийся из шкатулки красоты, посланной из Аида Венере рукой Психеи, которая с любопытством открыла шкатулку и погрузилась в бессознательное состояние

СТИКС, река, граничащая с Аидом, которую должны были пересечь все умершие

СУДРЫ, индуистская трудовая каста

СУРТУР, предводитель великанов, выступивших против богов в день их гибели (норвежская мифология)

СУРЬЯ, индуистский бог солнца, соответствующий греческому Гелиосу

СУТРИ, место рождения Орландо

СВАДИЛЬФАРИ, конь великана

СВАН, ЛЕДА И

СИБАРИС, греческий город в Южной Италии, славившийся роскошью

СИЛЬВАНУС, латинское божество, отождествляемое с Паном

СИМПЛЕГАДЫ, плавучие скалы, мимо которых проплывали аргонавты

СИРИНКС, нимфа, преследуемая Паном, но спасшаяся, превратившись в пучок тростника (см. Пандейские трубы)

Т

Тацит, римский историк

ТАЕНАРУС, греческий вход в нижние регионы

ТАГУС, река в Испании и Португалии

ТАЛИСИН, валлийский бард

ТАНАИС, древнее название реки Дон

ТАНТАЛУС, злой царь, наказанный в Аиде тем, что стоял в воде, которая отступала, когда он хотел пить, под фруктовыми деревьями, которые отступали, когда он хотел есть

ТАРХОН, этрусский вождь

ТАРЕНТУМ, итальянский город

ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА, в Риме, с которой сбрасывали осужденных преступников

ТАРКИНЫ, правящая семья в ранней римской легенде

ТАУРИС, греческий город, где находился храм Дианы (см. Ифигения)

ТАУРУС, гора

ТАРТАРУС, место заточения Титанов и т.д., первоначально черная бездна под Аидом, позднее представлялась как место, где наказывали нечестивых, а иногда название использовалось как синоним Аида

TEIRTU, арфа

ТЕЛАМОН, греческий герой и искатель приключений, отец Аякса

ТЕЛЕМАХ, сын Улисса и Пенелопы

ТЕЛЛУС, другое имя Реи

Тенедос, остров в Эгейском море

ТЕРМИНУС, римское божество, ведающее границами и рубежами

ТЕРПСИХОРЕ, муза танца

ТЕРРА, богиня земли

ТЭТИС, богиня моря

ТЕУКЕР, древний царь троянцев

ТАЛИЯ, одна из трех граций

ТАМИРИС, фракийский бард, который вызвал Муз на состязание в пении и, потерпев поражение, был ослеплен

ТАУКТ, Локи, переодетый в ведьму.

ТЕБЕС, город, основанный Кадмом и ставший столицей Беотии

ТЕМИС, женщина-титан, советник Юпитера.

ТЕОДОРА, сестра принца Льва

ТЕРОН, один из псов Дианы

ТЕРСИТЫ, драчун, убитый Ахиллом

ТЕСЦЕЛУС, враг Персея, превратившийся в камень при виде головы Горгоны

ТЕСЕУМ, афинский храм в честь Тесея

Тесей, сын Эгея и Аэтры, афинский царь, великий герой многих приключений

ТЕССАЛИ

ТЕСТИЙ, отец Алфеи

ТЕТИС, мать Ахилла

ТИАЛФИ, слуга Тора

ТИС'БЕ, вавилонская дева, возлюбленная Пирама

ТОР, громовержец, в норвежской мифологии самый популярный из богов

ТРАКЕ

ТРИНАКИЯ, остров, где пасся скот Гипериона, где высадился Улисс, но, когда его люди убили часть скота для еды, их корабль был разрушен молнией

ТРИМ, великан, похоронивший молот Тора

ТУКИДИД, греческий историк

ТИБЕР, река, протекающая через Рим

ТИБЕР, бог реки

ТИГРИС, река

ТИНТАДЕЛЬ, замок, резиденция короля Марка Корнуэльского

ТИРЕСИАС, греческий прорицатель

ТИСИФОНА, одна из фурий

ТИТАНЫ, сыновья и дочери Урана (Небо) и Геи (Земля), враги богов и побежденные ими

ТИТОНУС, троянский принц

ТИТИУС, великан в Тартаре

ТМОЛУС, бог гор

ТОРТОИС, вторая аватара Вишну

ТУРС, битва (см. Абдальрахман и Карл Мартель)

ТОКСЕЙ, брат матери Мелаугера, который отобрал у Аталанты ее охотничий трофей и был убит Мелаугером, который вручил его ей

ТРИАДА, индуизм

ТРИАДЫ, валлийские поэмы

ТРИМУРТИ, индуистская триада

ТРИПТОЛ'ЭМУС, сын Целея, который, став великим благодаря Церера, основал поклонение ей в Элевсисе

ТРИСТРАМ, один из рыцарей Артура, муж Исуды из Белой Руки, любовник Исуды Прекрасной,

ТРИТОН, бог-полубог моря, сын Посейдона (Нептуна) и Амфитриты

ТРОЕЗЕН, греческий город в Арголиде

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

ТРОЯНОВА, Новая Троя, город, основанный в Британии (см. Брут и Луд)

ТРОФОНИЙ, оракул в Беотии

ТРУБАДУРЫ, поэты и менестрели Прованса, на юге Франции

ТРУВЕРЫ, поэты и менестрели Северной Франции

ТРОЯ, город в Малой Азии, которым правил царь Приам, чей сын, Парис, украл Елену, жену грека Менелая, что привело к Троянской войне и разрушению Трои

Троя, падение

ТУРНУС, вождь рутульцев в Италии, неудачливый соперник Энея за Лавинию.
Эней за Лавинию

ТУРПИН, архиепископ Реймский

ТУРКИН, сэр, великий рыцарь, враг Артура, убитый сэром Лаунселот

ТИФОН, один из великанов, которые напали на богов, были побеждены и заключены под горой Этна

ТИР, норвежский бог битв

Тир, финикийский город, которым управляла Дидо

ТИРИЙЦЫ

Тиррей, пастух царя Турна в Италии, убийство оленя чьей дочери вызвало войну с Энеем и его спутниками

У

УБЕРТО, сын Галафрона

УЛИССЕЙ (греч. Одиссей), герой Одиссеи

УНИКОРН, сказочное животное с одним рогом

УРАНИЯ, одна из муз, дочь Зевса от Мнемосины

УРДУР, одна из Норн или судеб Скандинавии, олицетворяющая
Прошлое

УСК, британская река

УТГАРД, обитель великана Утгарда Локи

УТГАРД ЛО'КИ, король великанов (см. Скрымир)

УТЕР (Утер Пендрагон), король Британии и отец Артура,

УВАЙН, рыцарь при дворе Артура

В

ВАИССЬЯС, индуистская каста земледельцев и торговцев

ВАЛЬХАЛЛА, зал Одина, небесная резиденция убитых героев

ВАЛЬКИРИИ, вооруженные и конные воинственные девы, дочери богов (норвежцы), посланницы Одина, которые отбирают убитых героев для Вальхаллы и прислуживают им на пирах

ВЭ, брат Одина

ВЕДЫ, индуистские священные писания

ВЕНЕДОТИЯ, древнее название Северного Уэльса

ВЕНУС (Афродита), богиня красоты

ВЕНУС ДЕ МЕДИЧИ, знаменитая античная статуя в галерее Уффици,
Флоренция, Италия

ВЕРДАНДИ, Настоящая, одна из Норн

ВЕРТУМНУС, бог смены времен года, чьи разнообразные появления завоевали любовь
Помоны

ВЕСТА, дочь Кроноса и Реи, богиня домашнего огня, или очага.

ВЕСТАЛКИ, девственные жрицы в храме Весты

ВЕСУВИЙ, гора, вулкан близ Неаполя

ВИЛЛАИНЫ, крестьяне в феодальной системе

ВИГРИД, поле последней битвы с уничтожением богов и их врагов, солнца, земли и самого времени

ВИЛИ, брат Одина и Ве

ВИРГИЛИЙ, знаменитый латинский поэт (см. Энеида)

ВИРГО, созвездие Девы, олицетворяющее Астрею, богиню невинности и чистоты

ВИШНУ, Хранитель, второй из трех главных индуистских богов

ВИВИАНЕ, дама, обладающая магической силой, которая заманила мудреца Мерлина и заточила его в заколдованном лесу

ВОЛСЕНС, предводитель рутульского войска, убивший Нисуса и Эвриала

VOLSUNG, A SAGA, исландская поэма, в которой рассказываются примерно те же легенды, что и в "Нибелунгской легенде"

ВОРТИГЕРН, узурпировавший власть король Британии, побежденный Пендрагоном 390, 397

ВУЛКАН (греч. Haephestus), бог огня и обработки металлов, с кузницами при Аэтне, муж Венеры

ВЬЯ'СА, индусский мудрец

W

ВАЙН, созвездие

ВЕЛЬГУНДА, одна из дочерей Рейна

ВЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН

ВЕТРА

ЗИМА

ВОДЕН, главный бог в норвежской мифологии, англосаксонское имя Одина

ВОГЛИНДА, одна из дочерей Рейна

ЖЕНЩИНА, создание

ВОЛШЕБНАЯ ЛОШАДЬ, наполненная вооруженными людьми, но оставленная за пределами Трои в качестве притворного подношения Минерве, когда греки притворились, что уплывают, принятая троянцами (см. Синон и Лаокоон), привезенная в город и ночью очищенная от спрятавшихся греческих солдат, которые разрушили город

ВОЛШЕБНЫЕ НИМФЫ

ВОТАН, древневерхненемецкая форма имени Одина

Х

Ксантус, река в Малой Азии

У

ЯМА, индуистский бог адских областей

ГОД

ИГДРАСИЛЬ, великий ясень, который, согласно норвежской мифологии, поддерживал вселенную

ЙМИР, великан, убитый Одинем

ЙНИВЛ, граф, хозяин Герайнта, отец Энид

ЙОРК, Британия

ЙСЕРОНЕ, племянница Артура, мать Карадока

ЙСПА ДА ДЕН ПЕН'КАВР, отец Олвен

Z

ЗЕНДАВЕСТА, персидское священное писание

ЗЕФИР, бог южного ветра,

ЗЕРБИНО, рыцарь, сын шотландского короля

ЗЕТЕС, крылатый воин, спутник Тесея

ЗЕТУС, сын Юпитера и Антиопы, брат Амфиона. См. Дирс

Зевс, см. ЮПИТЕР

ЗОРОАСТЕР, основатель персидской религии, которая господствовала в Западной Азии примерно с 550 г. до н. э. по 650 г. н. э. и которой до сих пор придерживаются многие тысячи людей в Персии и в Индии